

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Agenția Proprietății Publice
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 169 din 21.12.2017

Revista este inclusă în baza științifică internațională
Index Copernicus International (Republica Polonă)

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 1/2 (325) 2019

Redactor-șef L. Arsene, dr. h. c. mult.

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); V. Bujor, doctor în drept, profesor universitar; Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecător la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscow, FR); T. Kolomoieț, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua
Index: RM 77030

© Legea și viața
Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Екатерина БЕЛА. Административная ответственность общественных объединений.....	3
Инна БОЙКО. Советская международно-правовая наука и судебная практика	7
Анна БОНДАРЧУК. Анализ современного состояния научной разработанности вопросов уголовной ответственности за угрозу или насилие в отношении журналиста	11
Андрей БОРОВИК. Коррупционные правонарушения: содержание, объекты и субъекты	16
Наталья ВАСИЛЬЧЕНКО. Эффективный зарубежный опыт медиационного разрешения споров	23
Сергей ГОЛУБИЦКИЙ. Правовое регулирование биржевой деятельности в украинских губерниях Российской империи (XIX ст.).....	28
Vladimir GORBIK. State management mechanisms of the natural and economic potential of the regions: problems of resource saving.....	32
Виктор ЕВДОКИМОВ. Нормотворческая деятельность краевого сейма в сфере регулирования правового статуса украинского языка.....	36
Людмила ЖЕРЖ. Законодательное регулирование уголовной ответственности за незаконную трансплантацию: историко-правовой анализ.....	41
Сергей ЖУКОВ. Этические стандарты профессиональной деятельности: целесообразность и границы правового регулирования	46
Svetlana KARVATSKAYA. The role of the international court of justice in interpreting international treaties: the problems and prospects of the ICJ's jurisdiction	50
Любовь КАСЬЯНЕНКО, Наталия АТАМАНЧУК. Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Украине.....	54
Elena KOZYNETS, Anzhelika TOLKACH, Iryna KOZYNETS. Innovative methods usage in the professional training of lawyers in the higher educational establishments of Ukraine.....	59
Viktoriya LISNYCHA. Public-private partnership: essence, goals, structure.....	63
Тарас ЛУЦКИЙ. Анализ составов преступлений, в которых следствием является неосторожное причинение смерти лицу, и определение в них основного и обязательного дополнительного объектов преступлений	67
Наталья МАДЗИГОН. Выполнение норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Украины.....	72

Елена МАРТОВИЦКАЯ, Александр ЮХНО. Правовой статус участника уголовного процесса, предоставляющего правовую помощь в уголовном производстве.....	76
Khvicha МЕРАШВИЛИ. Overview of the water regulatory policy in European Union	81
Roman MYGAL. Victimology: concept and its types.....	85
Юрий МИРОШНИЧЕНКО. К вопросу о корреляции понятий криминалистической тактики и технологии.....	88
Юлия ОСТАПЕНКО. Украинское хозяйственное законодательство: правила времени.....	92
Валерий ПОДОЙНИЦЫН. Административно- правовой статус субъектов стандартизации в сфере обороны	97
Светлана РАБОВСКАЯ. Особенности представительства в административном суде апелляционной инстанции	101
Ксения РАГУЛИНА. Теоретические основы определения понятия и сущности договора.....	105
Elena RACHINSKAYA. Public relations in the system of government authorities.....	110
Dmitriy TIKHONENKOV. NEP and organization of the prosecutor's office supervision over investigative agencies in Ukraine.....	115

Ольга ТОКАРЧУК. Вклад представителей эмиграции межвоенного периода в развитие украинской историко-правовой науки	118
Vitaliy TOPCHIIY. The development of the criminal and legal protection of the intellectual property rights in Ukraine.....	123
Эльбис ТУЛИНА. Правовое регулирование инвазивных чужеродных видов растений по законодательству Молдовы, Беларуси и Украины (сравнительный анализ)	126
Vladimir FEDORENKO. The peculiarities of relationship between moral and law in military activity in the context of national security of Ukraine	131
Татьяна ХРЕНОВА. Место жилищных субсидий в системе организационно-правовых форм социального обеспечения населения	135
Андрей ХРИДОЧКИН. Организационно-правовые основы публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности в Украине	139
Юрий ЦВИРКУН. Формы административного судопроизводства при рассмотрении дел по обжалованию решений, действий или бездействия коллегиальных субъектов публичной администрации	143
Антон ЧЕПАК. Особенности классификации видов использования земельных участков под водными объектами для рыбозаведения.....	150

УДК 342.922

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Екатерина БЕЛА,
аспирант

Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются такие понятия, как «ответственность», «административная ответственность», «общественные объединения». Освещаются особенности привлечения к административной ответственности общественных объединений, имеющих статус юридического лица, и тех, которые такого статуса не имеют. Особое внимание уделено санкциям норм Кодекса Украины об административных правонарушениях, которые могут применяться к юридическим лицам, а именно к общественным формированиям.

Ключевые слова: общественное объединение, административная ответственность, ответственность общественных объединений, юридическая ответственность.

ADMINISTRATIVE LIABILITY OF PUBLIC ASSOCIATIONS

Kateryna BELA,
Postgraduate Student

of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article explores such concepts as "responsibility", "administrative responsibility", "public associations". The peculiarities of attracting to administrative responsibility of public associations having the status of a legal entity and who do not have such status are highlighted. Particular attention is paid to sanctions of the norms of the Code of Ukraine on administrative offenses, which can be applied to legal entities, namely, to social formations.

Key words: public association, administrative responsibility, liability of public associations, legal liability.

Постановка проблемы. В современных условиях ключевыми целями административного права, как и любой другой отрасли права, являются надлежащие регламентация, реальное осуществление защиты прав и свобод человека и гражданина и надлежащая их защита в случае нарушений. Любой субъект административного права, в том числе общественные объединения, в своей деятельности должны руководствоваться законодательными нормами, реализовывать свои субъективные права и законные интересы только в пределах предписаний законодательных норм.

Актуальность темы исследования. Основной проблемой на сегодня является то, что законодательством Украины четко не регламентирован институт ответственности юридических лиц, к которым относятся и общественные объединения. Этот вопрос касается субъектов ответственности, порядка, оснований привлечения к такому виду ответственности, как административная, а также применение к нарушителям тех или иных санкций. Юридическая ответственность, в том числе и административ-

ная – довольно важная составляющая правового статуса как юридических, так и физических лиц.

Вопрос административной ответственности общественных институтов является одним из самых дискуссионных вопросов науки административного права, поскольку существует довольно много научных подходов, которые имеют как общие, так и отличительные черты.

Целью и задачами статьи является определение особенностей и порядка привлечения к административной ответственности общественных объединений, анализ положений нормативно-правовых актов Украины по вопросам ответственности общественных формирований.

Состояние исследования. Методологической основой этой работы выступили общенаучные и специальные методы научного познания, такие как: историко-правовой, диалектический, сравнительно-правовой, системно-структурный, метод анализа и синтеза, формально-логический, метод обобщения и прогнозирования.

В ходе исследования были использованы труды известных отече-

ственных и зарубежных исследователей, в частности: Д.М. Лукьянца, В.Б. Аверьянова, Д.М. Бахраха, Ю.П. Битяк, В.И. Курило, В.В. Рамазановой, А.Ф. Плахотного, С.В. Кивалова, С.С. Юрьева, А.А. Даркова и др.

Изложение основного материала. Такая правовая категория, как «ответственность» вызывает довольно много вопросов у ученых, и к толкованию этой категории существует множество подходов. В современной правовой науке не существует единой и правильной дефиниции юридической ответственности.

Ответственность является философско-социологическим понятием, отражает объективный, исторически конкретный характер отношений между лицами, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления представленных к ним взаимных требований [4, с. 101]. Ответственность означает осознание смысла и значения деятельности, ее последствий для общества и социального развития, поступков человека с точки зрения интересов общества или определенной группы [5, с. 324].

По мнению А.Ф. Плахотного, понятие ответственности объединяет две ее формы:

1) ответственность как реакция общества на поведение индивида (общественная ответственность);

2) ответственность как система ответов индивида, личности требованиям общества (личная ответственность) [6, с. 46].

Исходя из анализа вышеуказанных дефиниции, стоит согласиться с тем, что ответственность – это так называемый процесс осознания наступления определенных последствий за совершение или воздержание от совершения тех или иных действий.

Существует юридическая и моральная ответственность. В свою очередь юридическая ответственность включает в себя дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность.

Основным отличием административной ответственности от всех видов юридической ответственности является то, что она реализуется в административном порядке, при выполнении должностным лицом того или иного государственного органа своих полномочий исполнительно-распорядительного характера. Собственно процедура привлечения к административной ответственности осуществляется в судебном порядке путем открытия производства по делам об административных правонарушениях [14, с. 10].

Исследуя вопрос ответственности общественных объединений, стоит акцентировать внимание на сущности понятия «общественное объединение».

С.С. Юрьев понимает под объединениями граждан добровольные, негосударственные, некоммерческие организации индивидов, реализующих в соответствии с законодательством право на свободу ассоциаций [10, с. 63].

Для А.А. Даркова объединения граждан выступают важнейшей формой реализации конституционного права граждан на объединение. В его понимании объединения граждан – это негосударственные, добровольные, самодеятельные, самоуправляемые, некоммерческие формирования, создаваемые по инициативе граждан, объединившихся на основании общности интересов, и действующие для дости-

жения общих целей с помощью методов и способов, которые не противоречат закону [11, с. 47].

Закон Украины «Об общественных объединениях» предусматривает, что общественное объединение – это добровольное объединение физических лиц и/или юридических лиц частного права для осуществления и защиты прав и свобод, удовлетворения общественных интересов, в частности экономических, социальных, культурных, экологических и др. [2].

Объединения граждан могут осуществлять свою деятельность, имея при этом статус юридического лица (например, непредпринимательское общество, которое не имеет целью получение прибыли), так и не имея статус юридического лица. Основными преимуществами и отличиями объединений граждан, имеющих статус юридического лица, от тех объединений граждан, которые такого статуса не имеют, следующие:

- объединения граждан, созданные в форме непредпринимательского общества, имеют право на открытие обособленных подразделений;

- могут в случаях, предусмотренных законодательством, осуществлять предпринимательскую деятельность;

- выступают участниками гражданско-правовых отношений, участником которых могут быть юридические лица, реализуя при этом свои права и законные интересы;

- могут учреждать средства массовой информации в соответствии с законодательством Украины;

- могут участвовать в осуществлении и реализации государственной регуляторной политики путем представления рекомендаций и т.п.;

- обязаны отчитываться перед контролирующими органами и вести документацию финансовой отчетности.

Что касается юридической ответственности собственно общественных объединений, то под ней понимают форму государственного принуждения, которая выражается в их обязанности понести неблагоприятные последствия за нарушение требований, предусмотренных нормой права. Так, признанием юридической ответственности общественных объединений является охрана прав и свобод граждан, общественного порядка, конституционного

строга.

Что касается законодательного регулирования ответственности общественных объединений, то статья 31 Закона Украины «Об общественных объединениях» предусматривает, что общественные объединения несут ответственность в порядке, установленном законом [2]. Следует обратить внимание, в Кодексе Украины об административных правонарушениях нет и четкой регламентации привлечения к ответственности общественных формирований, что на сегодня является значительной проблемой.

В действующем Кодексе Украины об административных правонарушениях (раздел 2 «Административное правонарушение и административная ответственность») ст. 9 посвящена определению административного правонарушения, а по отношению к административной ответственности законодатель ограничился лишь указанием о том, что ее степени являются административным правонарушением [8].

Административная ответственность – это вид юридической ответственности, наступает на основании норм административного права, связана с государственным принуждением и назначается государственными органами [9, с. 34–44]. Эту дефиницию можно несколько расширить, обратив внимание на тот факт, что административная ответственность может наступать только за нарушение административных норм.

Ответственность объединений можно классифицировать по критерию их правового статуса, а именно организационно-правовой формы: объединений граждан, имеющих статус юридического лица, и которые такого статуса не имеют.

По мнению Аверьянова, общими субъектами административного правонарушения (проступка) является вменяемые лица, достигшие 16-ти лет. К специальным субъектам административного проступка ученый относит лиц, которые, кроме признаков общего субъекта административного правонарушения, имеют дополнительные, характерные для них черты [7, с. 452–458].

Надо отметить, что Кодексом Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) предусмотрена административная ответствен-

ность за нарушение законодательства об объединении граждан. Это положение предусмотрено в ст. 186-5 КУоАП. Указанная статья отмечает, что законом преследуется руководство объединения граждан, которое не легализовалось в установленном законом порядке, или которому отказано в легализации, или которое принудительно признано ликвидированным по решению суда, но продолжает действовать, а также участие в деятельности таких объединений.

За такое правонарушение предусмотрена административная ответственность в виде наложения штрафа от двадцати пяти до ста тридцати не облагаемых налогом минимумов доходов граждан [8].

Кроме этого, Законом Украины «Об общественных объединениях» предусмотрена административная ответственность за участие в деятельности общественного объединения, обособленного подразделения иностранной неправительственной организации, деятельность которых запрещена в судебном порядке, если законом не предусмотрен иной вид юридической ответственности [2].

Административные суды имеют право запретить общественную организацию только за нарушение статьи 4 Закона Украины «Об общественных объединениях» по представлению органа регистрации. Важно отметить, что имущество запрещенной в таком случае организации переходит в государственный бюджет Украины [2].

Так, в своем постановлении Хмельницкий окружной административный суд от 5 мая 2014 по делу № 822/1478/14 удовлетворил иск Шепетовской ОГНИ ГУ Миндоходов в Хмельницкой области к Грицевской общественной организации по охране правопорядка «Правопорядок» о прекращении юридического лица. Удовлетворяя иск, суд в своем решении отметил, что в соответствии со ст. 38 Закона о государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей основанием для принятия судебного решения о прекращении юридического лица, в частности, является непредставление в течение года органам государственной налоговой службы налоговых деклараций, документов финансовой

отчетности в соответствии с законом. С учетом этого суд пришел к выводу, что исковые требования истца являются обоснованными, соответствуют действующему законодательству и подлежат удовлетворению. В апелляционном порядке постановление суда в этом деле не оспаривалось [15].

Все же одной статьи не достаточно для того, чтобы полноценно и лаконично урегулировать вопрос привлечения к административной ответственности руководства общественных объединений. Кроме этого, исходя из содержания этой статьи, следует учитывать тот факт, что субъектом административной ответственности является руководство общественного объединения, а не собственно такое общественное объединение. Поэтому довольно спорным остается вопрос, действительно ли статья регулирует вопросы привлечения к юридической ответственности общественных формирований. Все же эта статья регламентирует порядок ответственности руководства общественных объединений за нарушение им законодательства об общественных объединениях.

Примером общей административной ответственности, которая может распространяться на объединение граждан, является ответственность за нарушение налогового законодательства. В частности, статьей 120 Налогового кодекса Украины предусмотрено, что за непредставление или несвоевременное представление налогоплательщиком или другими лицами, обязанными начислять и уплачивать налоги и сборы, налоговых деклараций (расчетов), а также другой отчетности, обязанность представления которой в контролирующие органы предусмотрена настоящим Кодексом, влечет за собой наложение штрафа в размере 170 гривен за каждое такое непредставление или несвоевременное представление [12].

Аналогичным примером общей административной ответственности является ответственность за нарушение пожарного законодательства. Таким образом, часть 2 статьи 68 Кодекса гражданской защиты Украины предусматривает, что в случае установления нарушения требований законодательства в сфере техногенной и пожарной безопасности, что создает угрозу жизни и здоровью людей, должностные лица

центрального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный надзор в сферах техногенной и пожарной безопасности, обращаются в административный суд по применению мер реагирования в виде полного или частичного приостановления работы предприятий, отдельных производств, производственных участков, агрегатов, эксплуатации зданий, сооружений, отдельных помещений, выпуска и реализации пожароопасной продукции, систем и средств противопожарной защиты в порядке, установленном законом [13].

Что касается КУоАП, то его нормы не предусматривают привлечение к общей административной ответственности общественных институтов. Субъектами административной ответственности в соответствии с нормами настоящего Кодекса могут быть только физические лица [8].

Как уже отмечалось ранее, нормы специального законодательства, которое регулирует деятельность общественных объединений, также четко не предусматривают ответственности общественных объединений. Закон Украины «Об общественных объединениях» содержит только отсылочные нормы, касающиеся ответственности. Что касается санкций, то в этом законе предусматривается только запрет деятельности общественных объединений [2]. Указанная проблема свидетельствует о несовершенстве нормативного регулирования специальной административной ответственности общественных объединений.

Выводы. Исходя из проанализированного, можно сделать вывод, что действующее законодательство четко перечисляет и разграничивает виды ответственности, однако какие именно санкции могут применяться, не всегда определяет. Это непосредственно касается и общественных объединений. Нормы, регулирующие вопросы ответственности, разбросаны по разным нормативно-правовым актам Украины. Закон Украины «Об общественных объединениях», который является специальным нормативно-правовым актом, также не предусматривает четких санкций за нарушение законодательства общественными объединениями, а содержит лишь отсылочные нормы.

Этот факт существенно снижает эффективность самого института административной ответственности общественных формирований. Было бы целесообразным внести изменения в нормы Закона Украины «Об общественных объединениях». Следует определить, что субъектом административной ответственности могут быть как юридические лица, так и общественные объединения, не имеющие статуса юридического лица.

Даже в КУоАП определена только одна общая статья, предусматривающая административную ответственность за незаконную деятельность общественных объединений, деятельность которых была запрещена по решению суда, однако продолжающих действовать, а также за участие в деятельности таких объединений, а все остальные нарушения законодательства об общественных объединениях КУоАП не определяет. Проблемой выступает тот факт, что субъектом административной ответственности является собственное руководство такого общественного объединения, а не само общественное объединение.

Поэтому следует предложить внести изменения в ст. 186-5 КУоАП, которые будут касаться следующего:

- следует предусмотреть санкции за ограничение в правах или за преследование граждан в связи с принадлежностью или непринадлежностью к политическим партиям;

- также регламентировать порядок предоставления политической партии каких-либо преимуществ или ограничений, предусмотренных законом прав, как политической партии, так и ее членам, предусмотреть размер штрафов;

- предусмотреть ответственность за образование военизированных формирований;

- отдельно урегулировать порядок привлечения к ответственности общественных формирований за непредставление или за несвоевременное представление отчета об использовании бюджетных средств, других денежных ценностей, предоставленных молодежным, детским общественным организациям и их союзам, или же за нецелевое использование таких ценностей, получение их с нарушением законодательства;

- предусмотреть санкции за нарушение законодательства об обществен-

ных союзах, которые своими действиями или бездействием препятствуют законной деятельности других общественных союзов.

Роль этих предложений по совершенствованию института привлечения к ответственности общественных объединений имеет первоочередное и решающее значение и в связи с этим требует дальнейшего изучения, что сегодня особенно значимо в условиях формирования гражданского общества в Украине.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что институт административной ответственности общественных объединений является комплексным. Его характерными чертами являются многообразие охраняемых законом прав и законных интересов.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 г. №435-IV. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15>

2. Про общественные объединения: Закон Украины от 22.03.2012 г. № 4572-VI. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4572-17>

3. Конституция Украины: Закон от 28.06.1996 г. № 254к/96-ВР VI. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>

4. Курило В.И., Рамазанова У.В. Административно-правовые основы деятельности общественных объединений в Украине: моногр. К.: БУБнП України, 2016. 222 с.

5. Украинская советская энциклопедия: в 12 т. / за ред. М.П. Бажана. К.: Главная редакция Украинской советской энциклопедии, 1974. 475 с.

6. Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность (социологический аспект). Х.: Изд-во Харьков. ун-та, 1972. 324 с.

7. Административное право Украины. Академический курс: Учебник: в 2 т. / ред. коллегия: В.Б. Аверьянов (глава) и др. К.: Юрид. мысль, 2007. Т. 1: Общая часть. 2005. 536 с.

8. Кодекс Украины об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями): Закон Украины от 07.12.1984 г. № 8073-X. Вести Верховной Рады УССР. 1984. № 51. Ст. 1122.

9. Кивалов С.В., Белая Л.Р. Административное право Украины: учебно-метод. пособие. О.: Юрид. л-ра, 2001. 304 с.

10. Юрьев С.С. Правовой статус общественных объединений. М.: Инженер, ин-кварти, 1995. 188 с.

11. Дарков А.А. Конституционно-правовой статус общественных объединений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 1999. 207 с.

12. Налоговый кодекс Украины: Закон Украины от 02.12.2010 г. № 2755-VI. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2755-17>

13. Кодекс гражданской защиты Украины: Кодекс Украины от 02.10.2012 г. № 5403-VI. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5403-17#n973>

14. Лукьянец Д.М. Развитие института административной ответственности концептуальные основы и проблемы правореализации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: спец. 12.00.07 «Административное право». Актуальные проблемы государства и права 111 право и процесс; финансовое право, информационное право; Институт государства и права им. В.М. Корещко. К., 2007. 35 с.

15. Определение Хмельницкого окружного административного суда от 05.05.2014 г. по делу №822/1478/14/Единый государственный реестр судебных решений. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/38582705>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бела Екатерина Олеговна – аспирант Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bela Kateryna Olegovna – Postgraduate Student of Kharkiv National University of Internal Affairs

Ekateryna.bella1@gmail.com

УДК 341.1

СОВЕТСКАЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ НАУКА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Инна БОЙКО,

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры морского права
Национального университета «Одесская морская академия»

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу практики членов Международного суда ООН, являвшихся гражданами Советского государства. Изучив научную и практическую деятельность юристов-международников советской школы, автор утверждает, что они были заложниками коммунистической идеологии и «направляющей» политики партийного руководства СССР, поэтому, в частности, роль Международного суда ООН и значение его решений характеризовались адекватно идеологическим установкам. Автор доказывает, что советская наука международного права признавала назначение Международного суда ООН в рассмотрении юридических споров между государствами, а «присвоение Суду иных функций ведет к подрыву его авторитета»; в своей деятельности Суд должен исходить из основных принципов международного права, при этом он не может иметь правотворческих функций, и, следовательно, не создает судебных прецедентов.

Ключевые слова: советская доктрина международного права, Международный суд ООН, советские юристы – члены МС ООН, обязательная юрисдикция МС ООН.

SOVIET INTERNATIONAL LAW SCIENCE & JUDICIAL PRACTICE

Inna BOYKO,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Maritime Law at
the National University «Odessa Maritime Academy»

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the practice of members of the International Court of Justice, who were citizens of the Soviet state. Having studied the scientific and practical activities of lawyers of the Soviet school of international law, the author claims that they were hostages of the communist ideology and the «guiding» policy of the leadership of the USSR, therefore, in particular, the role of the International Court of Justice and the significance of its decisions were characterized by ideological attitudes. The author argues that Soviet science of international law recognized the Court's role is to settle, in accordance with international law, legal disputes submitted to it by States and to give advisory opinions on legal questions referred to it by authorized United Nations organs and specialized agencies; «the assignment of other functions to the Court leads to the erosion of its authority», so it can't have lawmaking functions, and, therefore, does not create judicial precedents.

Key words: soviet doctrine of international law, the International Court of Justice, Soviet lawyers – members of the ICJ, compulsory jurisdiction of the International Court of Justice.

Постановка проблемы. Исследование проблемы юридической силы решений Международного суда ООН (далее – МС) обусловило необходимость анализа деятельности советских юристов-членов МС ООН, поскольку представители Советского государства внесли определенный вклад и в теорию, и в практику международного права и международных отношений. Как известно, до 1991 г. советская юридическая наука была на службе коммунистических лидеров СССР, что объясняет субъективизм юридической практики внутригосударственного и международного характера. Позиция СССР в отношении возможности разрешения межгосударственных споров международным судебным органом была более чем скептической. В период

после Второй мировой войны СССР особенно активно выступал против признания обязательной юрисдикции Международного суда ООН в отношении конвенций о правах человека.

Актуальность темы исследования состоит в очередном обращении к изучению опыта Советского государства, руководство которого воплощало в жизнь постулаты реакционного позитивизма, отрицая объективность естественных прав человека, активно влияло на гуманитарное право, при этом ставя под сомнение компетенцию Международного суда ООН.

Цель и задача статьи – изучить содержание научной и практической деятельности советских международников – членов Международного суда ООН, используя научные методы

познания (системный анализ, формально-догматический и герменевтический специально-правовые методы).

Изложение основного материала. Основные позиции, характеризующие советскую доктрину международного права:

– мир разделен на противоположные системы – капитализм и социализм. Одной из задач международного права является регулирование отношений между системами, т.к. они предполагают и борьбу, и сотрудничество;

– социалистическое государство – особый субъект международного права, проводящий политику, основанную на идеях интернационализма, антиколониализма, защиты мира;

– процесс формирования норм международного права имеет согласи-

тельно-волевую природу. Международные обычаи – молчаливое соглашение;

– принципы международного права имеют крайне важную роль в международном праве, им присущ нормативный, универсальный, императивный характер;

– одним из основных принципов международного права является принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем;

– отношения между государствами социалистического содружества строятся на основе принципа пролетарского интернационализма, предполагающего отсутствие противоречий, тесное сотрудничество и братскую взаимопомощь;

– среди средств разрешения международных споров главенствующее значение занимают переговоры. Судебные средства разрешения споров приемлемы только тогда, когда в состав международных судов, помимо судей из капиталистических стран, входят судьи из социалистических государств [1, с. 184–189].

Приведем список советских юристов, являвшихся членами Международного суда ООН и непосредственно участвовавших в реализации перечисленных постулатов советской доктрины международного права: Крылов Сергей Борисович (член Суда в 1946–1952 гг.), Голунский Сергей Александрович (член Суда в 1952–1953 гг.), Кожевников Федор Иванович (член Суда в 1953–1961 гг.), Корецкий Владимир Михайлович (член Суда в 1961–1970 гг.), Морозов Платон Дмитриевич (член Суда в 1970–1985 гг.), Тарасов Николай Константинович (член Суда в 1985–1994 гг.). Первые 4 советских представителя в МС ООН были учеными, преподавателями и практиками, Морозов П.Д. и Тарасов Н.К. – высококвалифицированными дипломатами и сотрудниками министерства иностранных дел СССР.

С.Б. Крылов – один из крупнейших в СССР ученых-международников, автор более 200 научных работ как по общим вопросам международного публичного и частного права, так и по проблемам создания и деятельности ООН, Международного суда ООН, международного воздушного права, территории, радиосвязи и радиовещания, экстерриториального действия советского права (автор и соавтор

нескольких учебников: «Международное частное право» (1930; 1940 гг.), «Международное право» (1946 г.), переведено на ряд иностранных языков, «Международное право» (1947 г., 1951 г.)) [См., например, 2].

Юрист-международник Ф.И. Кожевников, будучи судьей МС ООН, внес определенный вклад в урегулирование конкретных межгосударственных споров, в подготовку консультативных заключений (см. табл.), что вошло в научный труд, написанный им в соавторстве с профессором Г.М. Шармазанавили, – «Международный Суд ООН: организация, цели, практика», изданный в 1971 г. [3]

В.М. Корецкий – ученый-энциклопедист, автор трудов по всеобщей истории, международному публичному, частному и хозяйственному праву. В послевоенный период центром его научных интересов и практической деятельности стало международное публичное право. Его труды тесно связаны с наиболее актуальными и юридически сложными проблемами, прежде всего с разработкой теоретических основ международного права. Как член Международного суда ООН он участвовал в решении конкретных дел, по отдельным из которых высказывал особое мнение (см. табл.). Историко-правовые исследования и в количественном, и в качественном измерении преобладают над практической деятельностью. Статьи В.М. Корецкого о проекте вечного мира Иржи Подебрада, о проекте кодификации международного права Д. Филда, об институте международного права и роли в его создании В.П. Безобразова, об «общих принципах права» в международном праве, о проблеме основных прав и обязанностей государств в международном праве, о декларации прав и обязанностей государств написаны с использованием исторического и сравнительно-правового методов [4]. Однако влияние марксистской методологии не позволяло автору критически, с научной объективностью рассматривать труды современных ему зарубежных исследователей. В работах В.М. Корецкого отстаиваются принципы суверенного равенства государств и наций, их «подлинная» независимость в международных отношениях. При этом необходимо отметить суждения, которые требуют

пересмотра. Например, указывая на то, что «понятие «общих принципов права» впервые появилось в 1920 г. в проекте Статута Постоянной палаты международного правосудия», Корецкий В.М. считал, что именно в эти годы «реакционные круги империалистических государств не прекращали попыток добиться реставрации капиталистических порядков в Советской стране и расправиться с национально-освободительным движением в колониальных и зависимых странах. Тогда их юристы и стали выдвигать «общие принципы права», призванные <...> подчинить, пригнуть под ярмо этого «общего» Советскую страну, вторгнуться в советское право «общими принципами права» буржуазного, <...> закрепить те юридические цепи гнета, в которые «цивилизованные» колонизаторы заковывали колониальные народы» [5, с. 49–50].

В исследованиях советских авторов термин «юрисдикция Международного суда ООН» не использовался. Как правило, они применяли термин «компетенция» или «компетентность», что, полагаем, способствовало объяснению отрицания обязательной юрисдикции Международного суда ООН [См.: 2; 3; 6]. Как известно, все попытки наделить Суд подлинной обязательной юрисдикцией, предпринятые во время принятия Устава ООН и Статута Международного суда в 1945 г., потерпели неудачу, поскольку большинство государств, в том числе СССР, считали, что такой вид юрисдикции противоречит принципу суверенитета государств. В результате Статут Международного суда оставляет передачу споров в Международный суд на усмотрение сторон, а для тех государств, которые желают признать юрисдикцию Суда по всем или определенным категориям своих будущих споров, в Статут была включена «факультативная клаузула об обязательной юрисдикции». Однако история и практика Международного суда ООН знает немало примеров использования определенными государствами права отказа быть стороной спора на основании непризнания наличия юрисдикции Суда рассматривать конкретное дело [см., например, 7].

Содержание принципа «forum prorogatum», использование которого отображает сущность юрисдикции Международного суда ООН, изучали Кры-

лов С.Б. Кожевников Ф.И. [2, с. 12–41; 3, с. 58–63]. Термин «forum prorogatum» означает либо дачу согласия на расширение юрисдикции Суда по уже рассматриваемому делу, либо принятие юрисдикции Суда по конкретному делу. Приведем рассуждения С.Б. Крылова о

применении данного принципа в деле «О проливе Корфу» (предварительное возражение), ссылаясь на особое мнение, высказанное по делу, а также на книгу, посвященную деятельности Международного суда ООН: «...после возбуждения дела в Суде Великобританией путем

подачи письменного заявления Албания выдвинула возражения против действий правительства Великобритании, а также против юрисдикции Международного суда ООН» [2, с. 13–14]. Принятие Албанией юрисдикции Международного суда ООН было выражено следующими

Таблица

Ф.И.О. судьи МС ООН – представителя СССР	Названия дел, по которым высказывались мнения*	
	особое мнение	индивидуальное мнение
Крылов С.Б.	<ul style="list-style-type: none"> – дело № 1 «О проливе Корфу (предварительное возражение)» Решение от 25.03.1948 г.; Решение (рассмотрение по существу) от 09.04.1949 г.; – дело № 8 «Толкование мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией (I этап)». Консультативное заключение от 30.03.1950 г.; – дело № 10 «Международный статус Юго-Западной Африки». Консультативное заключение от 11.07.1950 г.; – дело № 8 «Толкование мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией (II этап)». Консультативное заключение от 18.07.1950 г. 	
Кожевников Ф.И.	<ul style="list-style-type: none"> – дело № 31 «Порядок голосования по вопросам, связанным с докладами и петициями, относящимися к территории Юго-Западная Африка». Консультативное заключение от 01.06.1956 г.; – дело № 34 «О компании «Интерхандель» (временные меры защиты)». Распоряжение от 24.10.1957 г.; – дело № 32 о праве прохода через территорию Индии (предварительные возражения). Решение от 26.11.1957 г.; Решение (существо дела) от 12.04.1960 г. 	
Корецкий В.М.	<ul style="list-style-type: none"> – дело № 48 «О Северном Камеруне». Решение от 02.12.1963 г.; – дело № 50 «О компании «Барселона трэксн лайт энд пауэр лимитед» (предварительные возражения)». Решение от 24.07.1964 г.; – дело № 46 «О Юго-Западной Африке (вторая фаза)». Решение от 18.07.1966 г.; – дело № 51 «О континентальном шельфе Северного моря». Решение от 20.02.1969 г. 	
Морозов П.Д.	<ul style="list-style-type: none"> – дело № 54, касающееся опротестования юрисдикции Совета ИКАО (Индия против Пакистана). Решение от 18.08.1972 г.; – дело № 62 «О континентальном шельфе Эгейского моря (меры временной защиты)». Постановление от 11.09.1976 г. Решение (юрисдикция суда) от 19.12.1978 г.; – дело № 63 «О континентальном шельфе (Тунис/Ливийская Арабская Джамахирия)». Решение (заявление Мальты о вступлении в дело) от 14.04.1981 г.; – дело № 66 «Заявление о пересмотре решения № 273 Административного Трибунала ООН». Консультативное заключение от 20.07.1982 г.; – дело № 68 «О континентальном шельфе (Ливийская Арабская Джамахирия/Мальта) (заявление с просьбой о разрешении вступить в дело)». Решение от 21.03.1984 г. 	<ul style="list-style-type: none"> – дело № 64 «О дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране». Решение от 24.05.1980 г.; – дело № 65 «Толкование соглашения между ВОЗ и Египтом от 25 марта 1951 г.» Консультативное заключение от 20.12.1980 г.; – дело № 67 «О делимитации морской границы в районе залива МЭН (образование камеры)». Решение от 20.01.1982 г.
Тарасов Н.К.	<ul style="list-style-type: none"> – дело № 86 «О проходе через Большой Бельт (Финляндия/Дания) (временные меры)». Постановление от 29.07.1991 г.; – дело № 82, касающееся Арбитражного суда от 31 июля 1989 г. (Гвинея-Бисау/Сенегал). Решение от 12.11.1991 г.; – дело № 91, касающееся применения Конвенции предупреждения преступления геноцида и наказания за него [Босния и Герцеговина /Югославия (Сербия и Черногория)] (временные меры). Постановления от 08.04.1993 г., 13.09.1993 г. 	

*В соответствии со ст. 57 Статута МС «каждый судья имеет право высказывать особое мнение, если решение в целом или частично не выражает его позицию». Согласно п. 2. ст. 74 Регламента МС, «судьи могут заявить о несогласии или предоставить отдельное мнение, высказывая несогласие с мотивами решения или с самим решением» [11; 12].

словами: «Будучи глубоко убежденным в правоте своего дела, решив не пренебрегать никакой возможностью засвидетельствовать свою преданность принципам дружеского сотрудничества народов и мирного разрешения споров между ними, албанское правительство готово, несмотря на неправильность действий британского правительства, предстать перед Судом» [8]. Суд в решении от 25 марта 1948 г. также указал, что албанское правительство добровольно приняло юрисдикцию Суда в письме от 2 июля 1947 г. [8]. При этом Албания заявляла свое решительное несогласие с порядком действий британского правительства, то есть продолжала настаивать на формальном отсутствии юрисдикции, однако буквальное толкование содержания заявления означало принятие юрисдикции Суда как *ratione personae*, так и *ratione materiae*. Поэтому после письменной стадии слушания в Суде были продолжены с учетом наличия юрисдикции Суда и по предмету спора, и по участвующим сторонам. Однако С.Б. Крылов отрицал наличие применения принципа *forum prorogatum* в деле о проливе Корфу. Его позиция, как отмечает современный московский юрист-международник Гузей Степан Викторович, основана больше на политической стороне дела, чем на юридическом содержании [9]. От себя добавим, что иной позиции не могло быть, если учесть, что сторонами по делу были Соединенное Королевство Великобритания и одно из государств «народной демократии» – Народная республика Албания.

В конце 80-х годов изменившаяся тактика партийно-государственного руководства СССР обусловила изменения в международной политике, и, в частности, судьям МС ООН – представителям советского государства было «позволено» предлагать всем государствам признать обязательную юрисдикцию МС, особенно по вопросам толкования и применения договоров по правам человека. В феврале 1989 г. СССР снял свои оговорки о непризнании обязательной юрисдикции Международного суда ООН в отношении шести международных соглашений в области прав человека: ст. IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года; ст. IX Конвенции о политических правах женщин; ст. 22 Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуа-

тацией проституции третьими лицами; ст. 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года; п. 1 ст. 29 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года; п. 1 ст. 30 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года) [10]

Анализ особых мнений, включая заявления о несогласии с мотивами решения или с самим решением, индивидуальных мнений членов МС ООН – представителей СССР, позволяет констатировать, что постулаты советской доктрины международного права советскими судьями Международного Суда ООН реализовывались на практике, в частности:

– убеждение о существовании антагонистических систем, состоящих из капиталистических и социалистических государств, обусловило особые мнения по делам №№ 1, 8, 63, 68 [13];

– постулаты о том, что «социалистическое государство – особый субъект международного права, проводящий политику, основанную на идеях интернационализма, антиколониализма, защиты мира», а также «отношения между государствами социалистического содружества строятся на основе принципа пролетарского интернационализма, предполагающего отсутствие противоречий, тесное сотрудничество и братскую взаимопомощь» стали идеологической основой особых мнений по делам №№ 10, 31, 32, 46, 48, 91 [12];

– «судебные средства разрешения споров приемлемы только тогда, когда в состав международных судов, помимо судей из капиталистических стран, входят судьи из социалистических государств» – постулат доктрины, обусловившей особые и индивидуальные мнения по делам №№ 34, 50, 51, 62, 67 [13].

Прежде чем сформулировать выводы нашего исследования, приведем цитату из выступления Председателя Международного суда ООН судьи Ши Цзююна (Shi Jiuyong) к 60-летию МС ООН, в которой обозначен вклад советских юристов-международников – членов Суда: «Крылов в соавторстве с Дурденевским создал первый учебник по международному праву в СССР. Его преемник Голунский активно участвовал

в процессе принятия решений, работая над проектом Статута Международного Суда. Из-под пера Кожевникова вышло много публикаций в сфере международно-правовой проблематики. Судья Корецкий с 1961 по 1970 заседал в Международном Суде, с 1967 занимал пост заместителя Председателя» [14, с. 4–9].

Выводы. Проанализировав научную и практическую деятельность юристов-международников советской школы, автор статьи утверждает, что они были заложниками коммунистической идеологии и «направляющей» политики партийного руководства Советского государства. Роль Международного суда ООН и значение его решений характеризовались адекватно идеологическим установкам. Советская наука международного права признавала, что основная задача Международного суда ООН как главного международного судебного органа – в рассмотрении юридических споров между государствами, а «присвоение Суду иных функций ведет к подрыву его авторитета»; в своей деятельности Суд должен исходить из основных принципов международного права, при этом он не должен иметь правотворческих функций, поэтому не создает судебных прецедентов.

Список использованной литературы:

1. Курс международного права: в 7 т. / отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. М., 1989. Т. 1. 360 с.
2. Крылов С.Б. Международный Суд ООН. Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет. 1947-1957. М.: Госюриздат, 1958. 167 с.
3. Кожевников Ф.И., Шармазанов Г.В. Международный суд ООН: организация, цели, практика. М.: Международные отношения, 1971. 160 с.
4. Корецкий В.М. Избранные труды: Книга 2; редкол.: Б.М. Бабий, В.Н. Денисов, Н.К. Михайловский, Н.Н. Ульянова, А.А. Шишко. К.: Изд-во «Наукова думка», 1989. 416 с.; Корецкий В.М. Избранные труды: Книга 3. НАН Украины. Инст-т гос-ва и права им. В.М. Корецкого; редкол.: Ю.С. Шемшученко, В.Н. Денисов, И.Б. Усенко и др.; составители: Е.В. Ролинский, К.А. Савчук, Е.И. Мельничук. К.: Изд-во «Юридична думка», 2015. 488 с.

5. Корецкий В.М. «Общие принципы права» в международном праве; отв. ред. проф. С.Б. Крылов. К.: Изд-во Академии наук УССР, 1957. 52 с.

6. Кожевников Ф.И. История и организация Международного суда ООН. Советский ежегодник международного права. 1963. М.: Наука, 1965. С. 380–397.

7. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 26 November 1984. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/70>

8. Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania). Judgment of 25 March 1948. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/1/001-19480325-JUD-01-00-EN.pdf>

9. Гузей С.В. Основные проблемы процесса в Международном Суде ООН и развитие норм международного процессуального права. Право и политика. 2006. № 6. С. 88–102.

10. Указ Президії Верховної Ради Української РСР «Про зняття зроблених раніше застережень Української РСР про невизнання обов'язкової юрисдикції Міжнародного Суду ООН щодо спорів про тлумачення і застосування ряду міжнародних договорів від 14 березня 1989 р. № 7248-XI. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/7248-11>

11. Статут Международного Суду ООН. URL: <http://www.icj-cij.org/>

12. Регламент Международного Суду ООН URL: <http://www.un.org/ru/icj/rules.shtml>

13. ICJ/Cases. URL: <https://www.icj-cij.org/en/list-of-all-cases>

14. Из выступления Председателя МС ООН судьи Ши Цзююна к 60-летию МС ООН. Московский журнал международного права. 2006. № 1 (61). С. 4–9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бойко Инна Семеновна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры морского права Национального университета «Одесская морская академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boйко Inna Semenovna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Maritime Law at the National University «Odessa Maritime Academy»

isboyko@ukr.net

УДК 343.412

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ВОПРОСОВ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГРОЗУ ИЛИ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖУРНАЛИСТА

Анна БОНДАРЧУК,

соискатель докторантуры и аспирантуры
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Проанализированы актуальные вопросы, связанные с состоянием научных исследований уголовной ответственности за угрозу или насилие в отношении журналиста. Осуществлена классификация научных достижений как отечественных, так и зарубежных ученых, посвященных вопросам исследования охраны журналистской деятельности и ее разделения на четыре блока. Описаны некоторые аспекты научных трудов, имеющих значение для изучения предмета исследования.

Ключевые слова: научные исследования, состояние, разработка, уголовная ответственность, преступление, угроза, насилие, журналист.

ANALYSIS OF MODERN CONDITION OF SCIENTIFIC DEVELOPMENT OF QUESTIONS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THREAT OR VIOLENCE AGAINST A JOURNALIST

Anna BONDARCHUK,

Degree Applicant of Post-Doctoral and
Post-Graduate Study Unit of National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The actual issues related to the state of scientific research according to the criminal responsibility for threat or violence against a journalist are analyzed. The classification of scientific achievements of domestic and foreign scholars that are devoted to the research issues of the protection of journalistic work and its regulation into four blocks was made. Some aspects of scientific works, which played an important role in studying the subject of research, are covered.

Key words: scientific research, state, development, criminal responsibility, crime, threat, violence, journalist.

Постановка проблемы. Для надлежащего исследования любого вопроса необходимо провести анализ предыдущих научных работ. Это даст возможность посмотреть на указанную проблематику сквозь спектр современных доктринальных взглядов, что позволит более основательно подойти к вынесению обоснованных предложений по совершенствованию ст. 345-1 УК Украины и будет служить платформой для дальнейших научных разработок.

Анализ последних исследований. Отдельным вопросам уголовной ответственности за нарушение свободы слова и профессиональной деятельности журналистов в Украине

в доктрине уголовного права уделялось определенное внимание в работах таких ученых, как: П.П. Андрушко, А.П. Бабник, О.М. Бандурка, Я.С. Беспалая, П.С. Берзин, В.В. Боровикова, Р.В. Вереша, С.П. Головатый, Ю.В. Городецкий, Н.А. Гуторова, А.А. Житний, И.А. Зинченко, Р.Д. Ишимова, Ю.В. Каримова, А.Н. Костенко, Е.В. Крайильникова, В.М. Кудрявцев, С.А. Куликова, Н.В. Кушакова, Г.В. Лазутина, А.Н. Литвинов, С.Я. Лихова, Н.И. Мельник, В.И. Павликовский, Ю.С. Пестерева, В.И. Тютюгин, А.Н. Храмов, П.В. Хряпинский, А.Н. Ященко.

Состояние исследования. Вопросы, которые рассматривали авторы

в этих работах, были посвящены научным позициям по исследованию признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК Украины. Что же касается нормы об ответственности за угрозу или насилие в отношении журналиста, в указанных исследованиях они раскрыты не были.

Учитывая вышеизложенное, *целью и задачей статьи* является исследование вопросов современного состояния научной разработанности уголовной ответственности за угрозу или насилие в отношении журналиста. Поскольку можно констатировать, что, несмотря на наличие значительного количества научных работ, посвященных анализу свободы слова и профессиональной деятельности журналистов, в большинстве из них приведены общие характеристики отдельных преступлений этой сферы или раскрыты вопросы квалификации отдельных видов преступлений.

Изложение основного материала.

Одним из важных аспектов для исследования уголовной ответственности за угрозу или насилие в отношении журналиста являются работы ученых, посвященные изучению научных аспектов и порядка законодательного урегулирования указанной деятельности.

Все научные достижения как отечественных, так зарубежных ученых, посвященные вопросам исследования охраны журналистской деятельности и ее регулирования, можно условно разделить на следующие блоки исследований: 1) уголовная ответственность за препятствование законной профессиональной деятельности журналистов; 2) криминологические, криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты противодействия препятствиям законной профессиональной деятельности журналистов; 3) законная профессиональная деятельность журналистов, которая исследовалась в рамках уголовно-правовых и криминологических основ угрозы убийством, уничтожением или повреждением имущества, преступлений против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина; 4) сущность и правовое регулирование журналистской деятельности в Украине и использования их в качестве средства управленческого воздействия.

Рассмотрим каждый из указанных блоков.

1. *Исследование уголовной ответственности за препятствование законной профессиональной деятельности журналистов.* К этой группе научных разработок принадлежат работы украинских ученых Я.С. Беспалой «Уголовная ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» (2011 г.); В.И. Павликовского «Уголовно-правовое обеспечение свободы слова и профессиональной деятельности журналистов» (2017 г.); К.М. Буряк «Преступления против профессиональной деятельности журналистов в Украине: уголовно-правовое и криминологическое исследование» (2018 г.); труды зарубежных ученых: Е.В. Красильникова «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности» (2007 г.); Д.Р. Гайнутдинова «Уголовная ответственность за посягательство на свободу массовой информации» (2007 г.).

Некоторые аспекты уголовной ответственности за препятствование законной профессиональной деятельности журналистов раскрыты и в других научных трудах отечественных и зарубежных ученых: П.С. Берзина, Л.Е. Василюк, Р.В. Верещи, Д.Р. Гайнутдинова, И.С. Заяц, Р.Д. Ишимовой, Ю.В. Каримовой, А.Н. Костенка, Е.В. Красильниковой, Г.Н. Красноступ, В.А. Морквина, В.А. Новикова, Е.А. Письменский, А.Ю. Погосова, П.С. Ризаненка, В.В. Шаблюсто, А.А. Шелеста. И хотя перечисленные выше работы непосредственно не касаются проблематики уголовной ответственности за угрозу или насилие в отношении журналиста, однако отдельные положения исследования и раскрытые в них аспекты имеют значение для изучаемого нами уголовно-правового запрета.

Так, особое внимание в исследовании Я.С. Беспалой было уделено вопросам состояния уголовно-правовой охраны профессиональной деятельности журналистов в Украине. А некоторые положения использовались нами для характеристики уголовно-правового запрета угрозы или насилия в отношении журналиста, при определении понятия «преступление против професси-

ональной деятельности журналистов» как междисциплинарной категории преступных деяний, посягающих на жизнь, здоровье и имущественные права журналиста, охраняемые законом об уголовной ответственности за посягательство на ценности близких родственников журналистов в связи с осуществлением ими профессиональной деятельности [1]. Упомянутая работа имела значение при исследовании отдельных вопросов квалификации преступления, предусмотренного ст. 345-1 УК Украина. Отдельные положения указанного исследования стали предметом дискуссии.

В свою очередь, при исследовании В.И. Павликовским уголовно-правового обеспечения свободы слова и профессиональной деятельности журналистов был предложен целый ряд инновационных положений и выводов, проанализировано развитие законодательства по уголовно-правовой защите свободы слова и профессиональной деятельности журналистов в Украине. Определено понятие и исследован правовой статус журналистов в национальном законодательстве и международно-правовых документах. На основе анализа практики применения норм уголовного закона в части защиты профессиональной деятельности журналистов В.И. Павликовский предлагает оптимизировать основные пути его применения и совершенствования [9].

В исследованиях К.М. Буряк были освещены категории «журналист», «профессиональная деятельность журналистов» в узком и широком смысле. Следует отметить позицию автора относительно исключения из ч. 2 ст. 163 УК Украина такого квалифицирующего признака, как совершение преступного посягательства в отношении журналиста. Потому что предметом этого преступления являются частные сведения, переданные или передаваемые гражданами по переписке или с помощью телефонных разговоров и т.д. В свою очередь, незаконное ознакомление со служебной корреспонденцией, телефонными разговорами, телеграфными и другими сообщениями журналиста и их разглашение при наличии для этого оснований должны квалифицироваться как препятствие профессиональной деятельности журналиста (ч. 1 ст. 171 УК

Украина) [2, с. 5]. Также в исследовании определен правовой статус журналиста, условия, когда он выступает в качестве потерпевшего в тех случаях, когда действия виновного должны квалифицироваться по ст. 171 УК Украина, или других составах, в которых одним из непосредственных объектов выступает законная профессиональная деятельность журналистов. То есть журналист, который заключил трудовой договор со средствами массовой информации, телерадиоорганизацией, информационным агентством и выполняет свои законные профессиональные обязанности на основании этого договора, для выполнения задач, стоящих перед соответствующим субъектом информационной деятельности, действует с целью предоставления информационных услуг [2, с. 5].

Также важным аспектом для исследования является то, что в своей работе «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности» (2007 г.) А.В. Красильникова обосновала необходимость проведения унификации, стандартизации понятий; в частности, предложено сформулировать общее понятие «препятствование». Под препятствием, по ее убеждению, следует понимать направленное на вмешательство в деятельность лица или группы лиц противоправное поведение виновного с целью заставить совершить или не допустить совершения определенных действий (бездействия) с их стороны [7]. Указанные положения нами были использованы при исследовании квалификации угрозы или насилия в отношении журналиста.

Важными аспектами, которые имели значение для предмета нашего исследования, стали авторские предложения Д.Р. Гайнутдинова, касающиеся законодательного закрепления определения понятия «журналист» в таком виде: «Журналист – лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для подготавителя публичной информации по собственной инициативе или на основании договора с подготавителем или по его поручению» [3]. А также взгляды на то, что при определении законной профес-

сиональной деятельности журналистов можно использовать критерии, выработанные практикой Европейского суда по правам человека относительно ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [3].

2. *Исследования, посвященные криминологическим, криминалистическим и уголовно-процессуальным аспектам противодействия препятствию законной профессиональной деятельности журналистов.* К этой группе научных разработок принадлежит работа украинской ученой И.С. Заяц «Предотвращение препятствия законной профессиональной деятельности журналистов в Украине» (2014 г.) и работы зарубежных ученых А.Г. Горшенкова «Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации» (1999 г.); А.Н. Тюменцева «Организационно-правовые и тактические вопросы использования средств массовой информации при расследовании и профилактике преступлений» (2000 г.); Ю.И. Гололобовой «Средства массовой информации и преступность: криминологический аспект» (2002 г.); Р.Б. Терновского «Расследование препятствование законной профессиональной деятельности журналистов» (2003 г.); А.А. Мацолы «Расследование препятствование законной профессиональной деятельности журналистов» (2015 г.).

Некоторые аспекты уголовной ответственности за препятствование законной профессиональной деятельности журналистов раскрыты и в других научных работах отечественных и зарубежных ученых: Д.А. Балобановой, А.В. Бойко, Р.Д. Гаязутдиновой, Р.Д. Ишимовой и других ученых. В указанных научных трудах рассматривались вопросы квалификации преступлений, совершаемых в отношении журналистов и связанные с их профессиональной деятельностью, способы совершения указанных преступлений, а также эти работы содержат другие важные сведения уголовного-правового характера.

И.С. Заяц, кроме криминологических аспектов, в своем диссертационном исследовании раскрыла позиции, ставшие основой для раскрытия некоторых элементов и признаков состава угрозы или насилия в отношении журналиста. В частности, это касается определения самого потерпевшего –

журналиста, понимания законной профессиональной деятельности журналистов. Средства массовой информации, по ее убеждению, являются одним из основных инструментов социального регулирования, они формулируют определенное общественное мнение, поведение известных личностей, социальных групп и, в результате, всего общества [6, с. 18–19; 2, с. 15].

В исследовании А.Г. Горшенкова, кроме исследования криминолого-виктимологических составляющих функционирования средств массовой информации, также уделила внимание понятийному аппарату уголовного права, в частности определению категории «средства массовой информации в отношении неопределенного круга лиц», включающего в себя любые средства распространения информации на индивидуализированных адресатов. Имеет место приведение в соответствие с понятием общественной опасности совершенного деяния наказуемости за его совершение путем дополнения ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни), ст. 282 УК РФ (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды) отдельными частями, которые предусматривают в качестве квалифицирующего признака «использование СМИ», как это предусмотрено ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации), ч. 2 ст. 354 УК РФ (публичные призывы к развязыванию агрессивной войны), а ст. 129 УК РФ (клевета), ст. 130 УК РФ (оскорбление) указанный признак предусматривает в качестве особого квалифицирующего признака [5].

В своей работе А.Н. Тюменцев, кроме характеристики процессуальной роли средств массовой информации в расследовании преступлений, также утверждает, что средства массовой информации – мощное средство воздействия на сознание людей; они формируют у них положительный стереотип законопослушного поведения, стремление к соблюдению норм права и уважению закона [11]. Кроме сотрудничества со средствами массовой информации в раскрытии и расследовании, ее субъекты и их деятельность требуют уголовно-правовой охраны.

Ю.И. Гололобова в своем исследовании средства массовой информации

рассматривает в широком понимании (с учетом интернет-ресурсов, которые не зарегистрированы как средства массовой информации, но распространяют массовую информацию (текстовые и аудиовизуальные произведения художественного творчества) и могут влиять на волю и сознание людей). По характеру такое воздействие делится на отрицательное (криминогенное) и положительное (профилактическое) [5]. Исследование автора в части изучения вопросов законодательства, регулирующего деятельность средств массовой информации, будет иметь значение при изучении зарубежного опыта уголовной ответственности за угрозу или насилие в отношении журналиста.

Р.Б. Терновский предоставил уголовно-правовую характеристику препятствования законной профессиональной деятельности журналистов. Имеет значение для углубленного анализа предмета нашего исследования и авторское определение понятий «журналист», «профессиональная деятельность журналиста», «средства массовой информации». Автором предлагается урегулировать деятельность средств массовой информации в сети Интернет, учитывая, что данные общественные отношения не охвачены законодательством о средствах массовой информации. С целью унификации терминологии понятийного аппарата автором предлагается внести изменения в соответствующие законы и нормативно-правовые акты. Отстаиваются позиции, в соответствии с которыми в законе должны быть четко регламентированы реквизиты и сведения, указанные в удостоверении журналиста. Обосновывается необходимость включения журналиста в перечень лиц, обладающих иммунитетом по уголовным производствам определенной категории для обеспечения неукоснительного соблюдения правил обращения с конфиденциальной информацией. Интересна авторская позиция о том, что препятствование законной профессиональной деятельности журналистов со стороны лиц, наделенных государственной властью и широкими полномочиями (например, лиц, занимающих государственные должности), имеет гораздо более высокую степень общественной опасности, чем такое же препятствование со стороны рядового гражданина [10].

Подобные позиции поддержала в своем исследовании А.А. Мацола («Расследование препятствования законной профессиональной деятельности журналистов» (2015 г.) [8]).

3. *Исследования, в которых законная профессиональная деятельность журналистов рассматривалась в рамках уголовно-правовых и криминологических основ угрозы убийством, уничтожением или повреждением имущества, угрозы или насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов, преступлений против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина.* К этой группе научных разработок принадлежат работы украинских ученых: И.В. Самощенко «Ответственность за угрозу в уголовном праве Украины (понятие, виды, спорные проблемы)» (1997 г.), С.Я. Лиховой «Преступления в сфере реализации гражданских, политических и социальных прав и свобод человека и гражданина (раздел V Особенной части УК Украины)» (2006 г.), Р.Ш. Бабанли «Угроза убийством: значение и место в системе уголовного права Украины» (2010 г.), В.В. Шаблистого «Уголовная ответственность за угрозу убийством» (2010 г.), И.Б. Газдайка-Василишин «Некорыстные преступления против собственности по уголовному праву Украины» (2011 г.), О.Л. Гуртовенко «Психическое насилие в уголовном праве Украины» (2011 г.), А.В. Бойко «Уголовная ответственность за угрозу или насилие в отношении работника правоохранительного органа» (2013 г.), А.Н. Удода «Уголовно-правовая характеристика угрозы или насилия в отношении работника правоохранительного органа (ст. 345 УК Украины)» (2013 г.), В.В. Притулы «Уголовная ответственность за угрозу или насилие в отношении государственного или общественного деятеля» (2014 г.), С.В. Владимиренко «Уголовно-правовая характеристика угрозы или насилия в отношении должностного лица или гражданина, исполняющего общественный долг» (2015 г.), Р.В. Куцого «Угроза как способ совершения преступления в уголовном праве Украины» (2015 г.), А.В. Танько «Криминологическая характеристика и предупреждение угроз или насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов»

(2015 г.), Н.В. Вербицкой «Уголовно-правовая характеристика угрозы или насилия в отношении защитника или представителя лица» (2017 г.), Т.С. Лосич «Уголовная ответственность за угрозу или насилие в отношении судьи, народного заседателя или присяжного» (2017 г.); и работы зарубежных ученых: С.Х. Мазукова «Уголовно-правовая охрана личности от угрозы убийством» (1997 г.), А.И. Костылева «Понятие и признаки угрозы» (2004 г.), И.В. Лукьяновой «Угроза как преступление по уголовному праву России» (2004 г.), Х.Х. Абсатарова «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как преступления против личности: уголовно-правовой и криминологический аспекты» (2005 г.), Е.В. Гертель «Уголовная ответственность за угрозу» (2006 г.), П.Н. Левина «Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (2006 г.), М.А. Овчинникова «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (уголовно-правовой и криминологический анализ)» (2006 г.), М.В. Хабаровой «Угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью (уголовно-правовой и криминологический анализ)» (2006 г.), Р.Д. Шарапова «Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения» (2006 г.), О.Р. Рузевича «Угроза в преступлениях против собственности: уголовно-правовое и криминологическое исследование» (2009 г.), Л.В. Данелян «Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: по материалам Тюменской области» (2011 г.), Ю.А. Жданова «Сравнительная уголовно-правовая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и покушения на убийство» (2014 г.), О.И. Ильиной «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и их предупреждение» (2016 г.).

Некоторые аспекты, в которых законная профессиональная деятельность журналистов исследовалась в рамках уголовно-правовых и криминологических основ угрозы убийством, уничтожением или повреждением имущества, угрозы или насилия в отношении сотрудников правоо-

ранительных органов, преступлений против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина, раскрыты и в других научных трудах отечественных и зарубежных ученых: С.Н. Алферова, В.И. Возный, А.Н. Джужи, А.И. Долговой, А.П. Закалюка, С.Я. Лиховой, С.В. Лосича, В.И. Осадчего, И.В. Самошенко, А.Н. Удода, В.И. Шакуна.

4. *Исследования, посвященные сущности и правовому регулированию журналистской деятельности в Украине и использованию их в качестве средства управленческого воздействия.* В этом направлении целесообразно отметить диссертационные исследования, принадлежащие таким ученым, как: О.Л. Порфимович – «Проблемы координации деятельности средств массовой информации и правоохранительных органов Украины (по материалам украинской прессы периода независимости)» (2000 г.), В.М. Владимир – «Проблема понимания информации в журналистике» (2003 г.), А.Г. Костирева – «Роль средств массовой информации в процессе демократического развития общества» (2003 г.), С.В. Криворучко – «Профессиональная этика журналиста на современном этапе развития демократии в Украине» (2003 г.), А.Ю. Хлестун – «Этика средств массовой информации в современных политических процессах» (2005 г.), И.М. Аргамонова – «Интернет-журналистика в Украине: эволюция, социо-информационный контекст, системные характеристики» (2009 г.), М.Г. Житарюк – «Украинская журналистика как социокультурная модель: генезис, доминанты в мировом информационном контексте» (2009 г.), В.В. Середюк – «Свобода массовой информации: конституционно-правовой аспект» (2010 г.), В.М. Абакумова – «Правовое регулирование противодействия информационным войнам в Украине» (2010 г.).

Среди зарубежных ученых диссертационные исследования в указанном направлении провели: Г.Н. Горшенков – «Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию: региональный аспект» (1997 г.); В.В. Боровикова – «Проблемы освещения преступности в средствах массовой информации и профилактическая деятельность органов внутренних дел» (2002 г.); В.Ю. Наумкин – «Исполь-

зование органами внутренних дел средств массовой информации в предотвращении преступлений, совершаемых на почве наркомании» (2002 г.); В.Н. Ростов – «Взаимодействие следователя и органа дознания с пресс-службой УВД и средствами массовой информации при расследовании преступлений» (2002 г.); М.Б. Чабаняц – «Криминологические аспекты влияния жестокости и насилия в средствах массовой коммуникации на агрессивное поведение несовершеннолетних» (2002 г.), А.Д. Баконин – «Процессуальная взаимодействие правоохранительных органов, суда со средствами массовой информации при расследовании и рассмотрении дел о правонарушениях» (2004 г.); Н.В. Желтова – «Правовые и организационные основы взаимодействия уголовно-исполнительной системы со средствами массовой информации» (2004 г.); Б.Н. Пантелеев – «Взаимодействие органов российской прокуратуры с общественностью и средствами массовой информации: правовые и организационные аспекты» (2004 г.).

По указанному направлению также проводили научные исследования: С.Е. Демский, И.С. Заяц, Ю.В. Нычка, Т.О. Приступенко, В.В. Ризун, Г.В. Чернявская и др. Вопросы, которые рассматривались параллельно и в научных работах, и в учебных изданиях, сводились к характеристике таких компонентов, как: историческое развитие украинской национальной журналистики, незащищенность национального информационного пространства, девальвация нравственных принципов и профессиональных стандартов журналистской деятельности, а также законодательные коллизии, пробелы и перспективы развития национальных средств массовой информации с принципами защиты прав и свобод человека и гражданина в процессе осуществления профессиональной журналистской деятельности.

Выводы. На основе анализа приведенных научных работ по исследуемой нами теме приходим к выводу, что на сегодняшний день отсутствует монографическое исследование уголовно-правовой характеристики угрозы или насилия в отношении журналиста. Изложенные обстоятельства сыграли ключевую роль при выборе предмета, объекта и цели нашего исследования.

Список использованной литературы:

1. Беспалая Я.С. Уголовная ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Харьков. нац. ун-т внутр. дел. Харьков, 2014. 211 с.

2. Буряк К.М. Преступления против профессиональной деятельности журналистов в Украине: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Университет государственной фискальной службы Украины. Днепр, 2018. 245 с.

3. Гайнутдинов Д.Г. Уголовная ответственность за посягательства на свободу массовой информации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Российская правовая академия. Москва, 2007. 166 с.

4. Гололобова Ю.И. Средства массовой информации и преступность: криминологический аспект: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Московская гос. юрид. академия. Москва, 2002. 161 с.

5. Горшенков А.Г. виктимологических аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Нижегородский юридический институт. Нижний Новгород, 1999. 185 с.

6. Заяц И.С. Препятствия профессиональной деятельности журналистов в Украине: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Нац. акад. внутр. дел. Киев, 2014. 295 с.

7. Красильникова Е.В. воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Гос. образ. учр-ние высшего профессионального образования «Ярославский гос. ун-т им. П. Демидова». Ярославль, 2007. 204 с.

8. Мацола А.А. Расследование препятствование законной профессиональной деятельности журналистов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Киев, 2015. 20 с.

9. Павликовский В.И. Уголовно-правовое обеспечение свободы слова и профессиональной деятельности журналистов: дис. ... д-ра юрид. наук:

12.00.08 / Харьков. нац. ун-т внутр. дел. Харьков, 2017. 470 с.

10. Терновский Р.Б. Расследование воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сургутский гос. ун-т. Сургут, 2003. 243 с.

11. Тюменцев А.Н. Организационно-правовые и тактические вопросы использования средств массовой информации при расследовании и профилактике преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Волгоградская академия. Волгоград, 2000. 238 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарчук Анна Сергеевна – соискатель докторантуры и аспирантуры Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarchuk Anna Sergeyevna – Degree Applicant of Post-Doctoral and Post-Graduate Study Unit of National Academy of Internal Affairs

siktoria8@gmail.com

УДК 343.93

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ

Андрей БОРОВИК,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права и правосудия

Международного экономико-гуманитарного университета имени академика Степана Демьянчука

АННОТАЦИЯ

В статье осуществлён анализ законодательных актов, относящихся к вопросам по предупреждению коррупции в Украине. Определено содержание правоотношений, возникающих в связи с совершением коррупционных деяний, а также основание для привлечения виновных лиц к различным видам юридической ответственности. Кроме того, установлены объекты коррупционной деятельности и осуществлена их классификация по различным критериям (по сфере государственной и общественной деятельности; предмету коррупции; объективной стороне и т. п.).

Такой подход дал возможность определить те направления, которые подлежат особому вниманию со стороны субъектов предупреждения коррупции, а также важные с точки зрения коррупционного риска (потенциального и реального). Более того, произведённая классификация объектов имеет и практическое значение, так как позволяет определить социально-правовые возможности субъектов предупреждения коррупции в современных условиях Украины, а также потенциал конкретно взятого субъекта в системе общесоциального, специально-криминологического и индивидуального предупреждения данного вида преступности.

Особое внимание при этом уделено тем субъектам предупредительной деятельности, которые в Украине специально образованы для борьбы с коррупцией (Национальное агентство по предупреждению коррупции; Национальное бюро по коррупции и др.).

Исходя из результатов произведённого анализа, в статье разработаны научно обоснованные предложения по решению существующих в данной сфере общественных отношений, включая организационные, финансовые, правовые и другие вопросы.

Ключевые слова: коррупция, правоотношения, объекты коррупции, предметы коррупции, субъекты коррупции, содержание правоотношений, предупреждение коррупции, юридическая ответственность, потенциальный риск коррупции, реальный риск коррупции.

CORRUPTION OFFENSES: CONTENT, OBJECTS AND SUBJECTS

Andrey BOROVIK,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Justice International University of Economics and Humanities named after Stepan Demianchuk

SUMMARY

The article represents an analysis of legislative acts relative to the problems of corruption prevention in Ukraine. The content of legal relationships arising due to the performance of acts of corruption as well as grounds of bringing guilty persons to different kinds of legal responsibility have been determined. Besides, the objects of corruption activities have been determined and their classification according to diverse criteria (such as sphere of state and public activity; item of corruption; objective element, etc.) has been performed.

Such approach has given an opportunity to define those directions, to which the special attention of the subjects of corruption prevention is to be paid and which are significant from the perspective of the corruption risk (potential and actual). Furthermore, the fulfilled classification of the objects is also of practical importance, as it allows determining socio-legal opportunities of the subjects of corruption prevention under current conditions in Ukraine and the potential of such particular subject within the system of general social, special criminological, and individual prevention of this particular kind of criminality.

The special attention herein has been drawn to those subjects of preventive activities having the special qualification obtained in Ukraine to fight against corruption (National Agency on Corruption Prevention; National Anti-Corruption Bureau; etc.).

According to the results of the performed analysis, scientifically grounded proposals on solution of the existing in this sphere social interactions, including organizational, financial, legal, and other problems have been developed in the article.

Key words: corruption, legal relationships, objects of corruption, items of corruption, subjects of corruption, contents of legal relationships, corruption prevention, legal responsibility; potential risk of corruption, actual risk of corruption.

Постановка проблемы. Обще-ственно-политическая практика деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также субъектов публичного права в Украине, которая сложилась в 1991–2017 гг., показала что одной из существенных проблем, стоящих на пути демократических преобразований, прогресса и интеграционных процессов вступления нашего государства в Европейский Союз и другие международные социально-экономические и общественные образования, есть коррупция лиц, работающих в этих органах, а также в учреждениях и предприятиях, относящихся к сфере предупреждения данного общественно опасного явления.

Цель и задача статьи. Учитывая указанные обстоятельства, очень важно установить содержание коррупционных правоотношений, а также чётко определить их объекты и субъекты. Именно это и стало определяющим условием для написания данной научной статьи и решающим при утверждении её основной задачи – на основании проведённого анализа разработать научно обоснованные мероприятия по совершенствованию правового механизма по вопросам предупреждения коррупции в Украине.

Состояние исследования. Анализ научной литературы показал, что изучением содержания коррупционных правонарушений, а также их объектов и субъектов постоянно занимаются такие учёные, как: А.М. Бандурка, Ю.В. Баулин, В.И. Борисов, В.В. Голина, Б.Н. Головкин, В.К. Гришук, Н.Н. Гурова, Л.М. Давыденко, А.М. Джужа, В.Н. Дрёмин, А.П. Закалюк, А.Н. Кальман, А.Г. Колб, И.Н. Копотун, О.М. Литвак, М.И. Мельник, А.В. Савченко, Н.И. Хавронюк, А.Н. Ярмыш и др.

Актуальность темы исследования. В то же время, учитывая незначительную практику принятого в 2014 году Закона Украины «О предупреждении коррупции», актуальность исследования этой проблематики не уменьшилась, что и стало решающим условием при выборе объекта и предмета данной научной статьи.

Изложение основного материала.

В теории права под правоотношениями понимают общественные отношения, урегулированные правом, участниками которых являются носители субъективных прав и юридических обязанностей [1, с. 231].

Исходя из этого, под коррупционными правоотношениями следует понимать общественные отношения, которые возникают в сфере предотвращения коррупции и регулируются Конституцией Украины [2], международными договорами, согласием на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины [3], Законом Украины «О предотвращении коррупции» [4] и другими законами [5], а также принятыми для их выполнения другими нормативно-правовыми актами [6], участниками которых являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей, определенных в указанных правовых источниках.

Таким образом, характерными признаками этих правоотношений являются:

1) это общественные отношения, возникающие между субъектами, на которых распространяется действие Закона Украины «О предотвращении коррупции», и специально уполномоченными субъектами в сфере противодействия коррупции. Исключительный перечень указанных субъектов установлен, соответственно, в ст. 3 и ч. 1 ст. 1 данного Закона;

2) это общественные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются на основе норм и принципов права.

В данном случае в первую очередь речь идет о нормах и принципах права, имеющих общеправовой характер (так называемые конституционные, основополагающие принципы), а также о принципах, устанавливающих юридические требования к тем или иным видам субъектов коррупционных правоотношений, на которых распространяется действие Закона Украины «О предотвращении коррупции» (к таким, в частности, можно отнести принципы, на которых основывается деятельность государственных служащих

(Закон Украины «О государственной службе»); к работникам Национальной полиции Украины (Закон Украины «О Национальной полиции» [7], органов прокуратуры [8] и др.);

3) субъекты правоотношений связаны между собой субъективными правами и юридическими обязанностями.

В данной ситуации права и обязанности этих субъектов четко определены как в Законе Украины «О предотвращении коррупции» (например, в ст. 12, в которой закреплены права Национального агентства, и в ст. 11, в которой установлены определенные обязанности для данного специально уполномоченного субъекта в сфере противодействия коррупции), так и в других законах («О государственной службе», «О службе безопасности Украины» [9];

4) коррупционные правоотношения представляют собой индивидуализированные и конкретизированные связи.

Индивидуализация в этих общественных отношениях означает, что несмотря на то, что субъекты, на которых распространяются действие Закона Украины «О предотвращении коррупции», работают или проходят службу в соответствующих органах государственной власти или местного самоуправления, а также в организациях, учреждениях и предприятиях юридических лиц публичного права, и в определенных в законе случаях представляют интересы этих органов и юридических лиц, юридическую ответственность за совершение коррупционных деяний они несут в индивидуальном порядке. Более того, даже при привлечении к ответственности юридических лиц, а также в случаях совершения преступлений или соучастия в них для виновных лиц в совершении коррупционных правонарушений и нарушений, связанных с коррупцией, для каждого соучастника наступает индивидуальная юридическая ответственность (ст. 29 УК Украины [10]). Что касается конкретизации коррупционных правоотношений, то она отображается по тем или иным их объектам (неправомерная выгода, подарок, потенциальный конфликт

интересов и т.д.) или в единичном виде, или в их совокупности, или в повторности указанных деяний (действий или бездействия), на которые посягают субъекты, в отношении которых распространяется действие Закона Украины «О предотвращении коррупции» (ст. 3).

Важным правовым моментом в законодательстве Украины в сфере предотвращения коррупции является тот факт, что коррупционные правоотношения, как, собственно, и другие правоотношения, возникающие в определенной сфере общественных отношений, имеют свой четко определенный состав, а именно: объект, субъекты, юридическое содержание (права и обязанности субъектов), юридический факт.

Исходя из содержания, выведенного в теории понятия «объект правоотношений» (материальное или нематериальное благо, ради которого субъекты вступают в правоотношения [1, с. 232], а также из содержания Закона Украины «О предотвращении коррупции», к объектам коррупционных правоотношений следует отнести следующие:

а) объекты коррупционных правонарушений;

б) объекты правонарушений, связанных с коррупцией (ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О предотвращении коррупции»).

К объектам коррупционных правонарушений относятся (критерием классификации в данном случае выступает субъективный состав этих отношений):

1. Установленный порядок выполнения функций государства или местного самоуправления (п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции»).

Указанный объект определен в:

а) Конституции Украины (раздел IV «Верховная Рада Украины» (ст. 88), раздел V «Президент Украины», раздел VI «Кабинет Министров Украины, другие органы исполнительной власти» и др.);

б) Законах Украины «О правовом статусе народного депутата» [11]; «О государственных местных администрациях» [12]; «О службе в органах местного самоуправления» [13] и др.;

в) специальных законах, определяющих правовой статус военных должностных лиц Вооруженных Сил Украины [14] и других военных фор-

мирований [15]; судей [16], органов прокуратуры [8] и других правоохранительных органов, речь о которых ведется в Законе Украины «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов» [17], а также других лиц, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции».

2. Установленный порядок выполнения должностных и служебных обязанностей субъектами, приравненными к лицам, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, речь о которых идет в п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» (аудиторы [18], нотариусы [19], частные исполнители [20] и др.).

3. Установленный порядок выполнения лицами организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей (на постоянной, временной основе или при исполнении этих обязанностей специально уполномоченными лицами) в юридических лицах частного права независимо от организационно-правовой формы (определяется в локальных нормативно-правовых актах (должностных инструкциях, положениях, приказах) (п. 3 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции»).

4. Установленный порядок выполнения обязанностей лицами, которые не являются должностными лицами и выполняют работу или предоставляют услуги в соответствии с договором, заключенным с предприятием, учреждением, организацией (права и обязанности определяются в договорах, заключаемых в соответствии с действующим законодательством Украины (трудовым, гражданским, хозяйственным и пр.) (п. 3 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции»).

5. Установленный порядок выполнения обязанностей физическими лицами, которые определены в п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» (те, что получают средства или имущество в рамках реализации помощи в сфере предотвращения коррупции; те, которые систематически, в течение года, предоставляют услуги по имплементации стандартов в сфере антикоррупционной деятельности; те, что являются руководителями общественных объединений,

осуществляющих деятельность, связанную с предотвращением коррупции и др.).

При этом, стоит отметить, что для всех указанных выше объектов коррупционных правонарушений обязательным элементом является предмет коррупционных деяний, к которому Закон Украины «О предотвращении коррупции» (ч. 1 ст. 1) относит:

а) предметы неправомерной выгоды (денежные средства или иное имущество, преимущества, льготы, услуги, нематериальные активы, любые другие выгоды нематериального или денежного характера, которые обещают, предлагают, предоставляют или получают без законных оснований);

б) подарок (денежные средства или иное имущество, преимущества, льготы, услуги, нематериальные активы, которые оказывают/получают бесплатно или по цене ниже минимальной рыночной);

в) предметы частного интереса (имущественного или неимущественного характера), предоставляемые/получаемые в связи с личными, семейными, дружескими или другими внеслужебными отношениями с физическими или юридическими лицами, в том числе те, которые возникают в связи с членством или деятельностью в общественных, политических, религиозных или иных организациях, с целью склонить это лицо к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий или связанных с ними возможностей.

В свою очередь ко второй классификационной группе относятся объекты правонарушений, связанные с коррупцией, а именно: установленные в законе требования, запреты и ограничения для лиц, уполномоченных на выполнение функций государства или местного самоуправления (п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции») за нарушение которых установлена уголовная, административная, дисциплинарная и/или гражданско-правовая ответственность.

Требования к указанным субъектам определены в разделе VI «Правила этического поведения» Закона Украины «О предотвращении коррупции» (ст. 37 «Требования к поведению лиц», ст. 38 «Соблюдение требований

закона и этических норм поведения», ст. 39 «Приоритет интересов» и др.), а также в других нормах данного Закона (ст. 45 «Представление деклараций лиц, уполномоченных на выполнение функций государства или местного самоуправления», ст. 60 «Требования к прозрачности и доступ к информации», ст. 63 «Требования к антикоррупционной программе юридического лица» и др.).

К ограничениям, устанавливаемым для вышеуказанных субъектов, речь о которых идет в п. 1 ч. 1 ст. 3 данного Закона, законодатель отнес такие, как:

а) ограничение на использование служебных полномочий или своего положения;

б) ограничение относительно получения подарков;

в) ограничения относительно совместительства и совмещения с другими видами деятельности (ст. ст. 22–27; 31 и пр. данного Закона).

К запретам в этом Законе отнесены следующие:

а) запрет на получение льгот, услуг и имущества органами государственной власти и местного самоуправления (ст. 54);

б) запрет для Председателя и членов Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции, должностных и служебных лиц его аппарата разглашать информацию с ограниченным доступом, полученную в связи с исполнением ими служебных обязанностей, кроме случаев, установленных законом (ч. 4 ст. 13);

в) запрет для лиц, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 3 данного Закона, заниматься другой оплачиваемой или предпринимательской деятельностью или входить в состав правления, других исполнительных или контролирующих органов (ч. 1 ст. 25) и другие запреты, речь о которых идет, в частности, в ст. 26 Закона.

Исходя из результатов проведенного анализа Закона Украины «О предотвращении коррупции», классификацию объектов коррупционных правонарушений и правонарушений, связанных с коррупцией, можно осуществить и по другим критериям. Так, по сфере правового регулирования эти объекты можно разделить на:

1) объекты уголовно-правовой охраны, на которые посягают так называемые коррупционные преступления,

речь о которых ведется в примечании к ст. 45 УК Украины;

2) объекты административно-правовой охраны;

3) объекты гражданско-правовой охраны;

4) объекты дисциплинарной охраны.

Кроме того, в зависимости от специфики предмета коррупции и правонарушений, связанных с ней, объекты этих правоотношений можно классифицировать на:

а) природные объекты – земля ее недра, атмосферный воздух, водные и другие природные ресурсы (они имеют естественный характер, не создаются людьми, но противоправно используются субъектами, на которых распространяется действие Закона Украины «О предотвращении коррупции», вопреки предоставленным им служебным полномочиям, с целью получения неправомерной выгоды или принятия такой выгоды, или обещания/предложения);

б) вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, иное движимое и недвижимое имущество, которые являются объектами имущественных отношений, и речь о которых идет в ст. 46 Закона Украины «О предотвращении коррупции»;

в) нематериальные блага (личные и социальные) (честь и достоинство, установленные правила поведения государственных служащих, запреты и ограничения (ст. ст. 22–27, 54 и др. Закона);

г) результаты действий, в том числе услуги и результаты работ (компетентность, эффективность (ст. 42 Закона); воздержание от выполнения незаконных решений или поручений (ст. 44) и др.);

д) объекты права интеллектуальной собственности (антикоррупционная программа (ст. 19 Закона); антикоррупционная экспертиза (ст. 55 Закона) и др.

В науке предлагаются и другие критерии классификации коррупционных правоотношений, которые, несомненно, имеют не только теоретическое, но и прикладное значение для совершенствования правового механизма по предупреждению коррупции. В частности, по субъектам посягательства эти объекты можно разделить на: 1) объекты, на которые посягают субъекты публичного права; 2) объекты, на которые посягают субъекты частного права; 3) объекты, на которые посягают физические лица.

По предмету посягательства объекты коррупции и правонарушений, связанных с ней, делятся на: а) объекты, предметом которых являются денежные средства; б) объекты, предметом которых является другое имущество; в) объекты, предметом которых есть преимущества, льготы, услуги; г) объекты, предметом которых являются нематериальные активы; д) объекты, предметом которых являются другие выгоды не материального, но и не денежного характера.

Исходя из научных теоретических положений, объекты коррупционных правоотношений можно классифицировать и по другим критериям, а именно:

а) по предметам правового регулирования: уголовно-правовые; административно-правовые; гражданско-правовые и дисциплинарные (ч. 1 ст. 65 Закона Украины «О предотвращении коррупции»);

б) по функциональному назначению: регулятивные (ограничения, установленные для субъектов коррупции и нарушений, связанных с коррупцией, правила этического поведения, финансовый контроль в отношении этих лиц и др.) и охранные (ответственность за коррупционные или связанные с коррупцией правонарушения (раздел X Закона Украины «О предотвращении коррупции»));

в) по основанию для их возникновения и реализации: материальные (возникают на основе норм материального права (уголовного, административного, гражданского) и процессуальные (уголовно-, административно-, гражданско-процессуальные);

г) по продолжительности воздействия на: постоянные (в случаях, когда субъект, на которого распространяется действие Закона Украины «О предотвращении коррупции», выполняет свои служебные полномочия на постоянной основе) и временные (указанные лица временно занимают соответствующие должности или занимаются деятельностью, имеющей признаки коррупции или правонарушения, связанного с коррупцией).

Приведенные классификации объектов, их содержание и характер противоправных посягательств на них, совершаемых субъектами, на которых распространяется действие Закона Украины «О предотвращении преступле-

ний», дают возможность, как показывает практика, определять и соответственно оценивать те юридические факты, с которыми законодатель связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений в сфере предупреждения преступлений. При этом характерными признаками этих юридических фактов является то, что они:

1. Являются жизненными обстоятельствами – действиями или бездействием субъектов коррупции или других правонарушений, связанных с коррупцией.

К таким можно отнести, например, необходимость совершения лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, неотложных действий в случае поступления предложений о неправомерной выгоде или о подарке (отказаться от предложения; идентифицировать лицо, сделавшее предложение; привлечь свидетелей и т.п. (ст. 24 Закона Украины «О предотвращении коррупции»)).

В свою очередь в ст. 40 указанного Закона установлено, что лица, указанные в п. 1 ч. 1 ст. 3 этого нормативно-правового акта, обязаны избегать демонстрации в любом виде собственных политических убеждений или взглядов, то есть бездействовать в интересах своих служебных полномочий.

Следовательно, при совершении действий (в первом случае) или бездействия (во втором), что прямо противоречит установленным в Законе Украины «О предотвращении коррупции» требованиям, запретам и ограничениям, возникает юридический факт, связанный с коррупцией;

2. Прямо или косвенно определены в нормах законодательства в сфере предотвращения коррупции.

В частности, в ст. 27 Закона Украины «О предотвращении коррупции» прямо указано, что лица, речь о которых ведется в подпунктах «а», «в» – «з» п. 1 ч. 1 ст. 3 этого Закона, не могут иметь в прямом подчинении близких им лиц или быть прямо подчиненными в связи с выполнением полномочий близким им лицам. В данной ситуации юридический факт, связанный с коррупцией, возникает с момента зачисления на работу (службу) указанных лиц письменным приказом руководителя

соответствующего учреждения, организации или предприятия. Аналогичные основания возникают и в случае назначения на должность руководителя того лица, близкие которого работают (служат) в этой организации, учреждении или предприятии.

Относительно определения в законе оснований возникновения правоотношений в сфере предотвращения коррупции, то такие, например, установлены в ст. 39 «Приоритет интересов», Закона Украины «О предотвращении коррупции», а именно: лица, указанные в п. 1 ч. 1 ст. 3 этого Закона, представляя государство или территориальную общину, действуют исключительно в их интересах. В данном случае отношения, связанные с коррупцией, возникают лишь при доказанном факте противоправной деятельности лица (действия или бездействия), противоречащей интересам государства или территориальной общины;

3. Есть основания для возникновения, изменения или прекращения правовых отношений в сфере предотвращения коррупции.

Указанные основания определены, в частности, в ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О предотвращении коррупции». К таковым отнесены следующие:

а) получение субъектом, на которого распространяется действие этого Закона, неправомерной выгоды, а именно: денежных средств или иного имущества, преимуществ, льгот, услуг, нематериальных активов, любой другой выгоды нематериального или денежного характера, которые обещают, предлагают, предоставляют или получают без законных оснований.

При этом юридический факт коррупционного правонарушения при обещании неправомерной выгоды возникает с момента сообщения этого обещания субъекту в любой форме (вербально, письменно, через посредников и т.п.). Согласно ч. 1 ст. 28 Закона Украины «О предотвращении коррупции», лица, речь о которых идет в п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 3 этого Закона, обязаны принять меры по недопущению возникновения реального, потенциального конфликта интересов, а также меры по урегулированию реального или потенциального конфликта интересов.

Аналогичные юридические основания возникают и в случае поступле-

ния к субъекту неправомерной выгоды. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 24 Закона Украины «О предотвращении коррупции» установлено, что в случае поступления лицу, уполномоченному на выполнение функций государства или местного самоуправления, предложения относительно неправомерной выгоды, последнее обязано безотлагательно отказаться от нее и принять другие меры, которые определены в законе. В случае бездействия по этому поводу со стороны субъекта, на которого распространяется действие данного Закона, возникают общественные отношения, носящие коррупционный характер. Юридическим фактом, при котором возникают правоотношения относительно неправомерной выгоды, является получение этим субъектом хотя бы части предложенной выгоды. Такие же отношения возникают и при получении неправомерной выгоды – в такой ситуации юридическое значение имеет факт получения субъектом коррупционного правонарушения хотя бы части обещанной выгоды;

б) получение лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, и приравненными к нему лицами (ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции») подарка, то есть денежных средств или иного имущества, преимуществ, льгот, услуг, нематериальных активов, которые предоставляют/получают бесплатно или по цене ниже минимальной рыночной.

Учитывая, что сегодня наше государство отказалась от контроля за ценообразованием – этот вопрос регулируется исключительно рынком и отношениями между продавцом товара (услуг и др.) и покупателем (потребителем) – минимальной рыночной ценой считается на практике та, по которой реализуют свой товар (услуги) большинство продавцов (конечно, без их сговора между собой, что является предметом расследования для Антимонопольного Комитета Украины [21]). В данном случае правоотношения в сфере предотвращения коррупции возникают с момента получения такого подарка;

в) совершение субъектом, на которого распространяется действие Закона Украины «О предотвращении коррупции», правонарушения, связанного

с коррупцией, а именно деяния, не содержащего признаков коррупции, но нарушающего установленные настоящим Законом требования, запреты и ограничения, и за которое установлена уголовная, административная, дисциплинарная и/или гражданско-правовая ответственность.

Юридическим фактом, на основании которого возникают правоотношения в сфере предотвращения коррупции, в данном случае является момент возбуждения лицом, речь о котором идет в ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции», хотя бы одного из требований, запретов и ограничений, которые определены в законе;

г) потенциальный конфликт интересов, то есть наличие у лица частного интереса в сфере, в которой она выполняет свои служебные или представительские полномочия, может повлиять на объективность или беспристрастность принятия его решений, или на совершение или не совершение действий во время выполнения указанных полномочий.

В этой ситуации основанием для ответственности за совершение правонарушений в сфере предотвращения коррупции является неприятие субъектом, на которого распространяется действие Закона Украины «О предотвращении коррупции», хотя бы одной из мер, предусмотренных в разделе V данного Закона (ст. 28–36);

д) реальный конфликт интересов, то есть противоречие между частным интересом лица и его служебными или представительскими полномочиями, что влияет на объективность или беспристрастность принятия решений, или на совершение или не совершение действий во время выполнения указанных полномочий.

В данном случае правоотношения в сфере предотвращения коррупции возникают, когда частный интерес лица привел к обратным (чем те, речь о которых идет в законе) последствиям – необъективному, пристрастному решению и т.п. или к совершению (не совершению) необъективных или предвзятых действий.

Как показывает практика, важное юридическое значение в сфере предотвращения коррупции должны иметь также юридические факты, связанные с прекращением правоотношений

в указанной сфере общественных отношений.

Как следует из содержания раздела XI Закона Украины «О предотвращении коррупции» правоотношения в сфере предотвращения коррупции прекращаются в таких случаях:

1) привлечение виновного лица к уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности (ст. 65);

2) возмещение убытков, ущерба, нанесенного государству в результате совершения коррупционного правонарушения (ст. 66);

3) отмена незаконных актов и сделок (ст. 67);

4) восстановление прав и законных интересов и возмещение убытков, ущерба, нанесенных физическим и юридическим лицам в результате совершения коррупционных правонарушений (ст. 68);

5) изъятие незаконно полученного имущества (ст. 69).

При этом следует отметить, что особенностью применения других мер реагирования на коррупционное или связанное с ним правонарушение, речь о которых идет в ст. ст. 66–69 данного Закона, является то, что они реализуются только при условии привлечения субъекта, на которого распространяется действие Закона Украины «О предотвращении коррупции», к одному из видов юридической ответственности, указанных в ст. 65 этого Закона.

Другой особенностью, в связи с этим, является то, что в таком случае правоотношения в сфере предотвращения коррупции прекращаются после выполнения виновным лицом тех обязательств, которые вытекают из требований ст. ст. 66–69 указанного Закона (возмещение убытков, восстановление прав, изъятие имущества).

Если же в отношении субъекта коррупционного или связанного с ним правонарушения указанные в ст. ст. 66–69 Закона Украины «О предотвращении коррупции» меры не применялись, правоотношения в этой сфере прекращаются с момента вступления в законную силу решения суда (в частности, следующие сроки в уголовно-процессуальном праве определены в ст. 532 УПК Украины). При этом следует иметь в виду, что во всех случаях привлечения виновного лица

к тем или иным видам юридической ответственности должны быть соблюдены определенные сроки (в Уголовном кодексе, например, – сроки давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора (ст. ст. 69, 80 соответственно)). В этом случае правовые отношения в сфере предотвращения коррупции прекращаются с момента вынесения судом решения об освобождении виновного лица от уголовной ответственности по этим основаниям (ст. ст. 285–288 УПК Украины).

Другие особенности привлечения виновных лиц к юридической ответственности за совершение коррупционных и связанных с ним преступлений установлены в ст. 65 Закона Украины «О предотвращении коррупции», а именно:

а) если к этому лицу судом не применено наказание либо не наложено взыскание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, связанной с выполнением функций государства или местного самоуправления, или такой, что приравнивается к этой деятельности, лицо подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности в установленном законом порядке (ч. 2 ст. 65 данного Закона) (в этом случае правоотношения в сфере предотвращения коррупции прекращаются с момента привлечения лица к дисциплинарной ответственности);

б) в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении, связанном с коррупцией, в связи с отсутствием события или состава административного правонарушения, правоотношения в этой сфере прекращаются с момента возмещения лицу, отстраненному от выполнения служебных обязательств, среднего заработка за время вынужденного прогула, связанного с таким отстранением (ч. 5 ст. 65 указанного Закона).

При этом следует отметить, что во всех перечисленных случаях юридическая ответственность и другие меры реагирования к виновным лицам в совершении коррупционных и связанных с ними правонарушений наступает только при наличии в их действиях (бездействии) состава правонарушения (преступления), одним из ключевых и неотъемлемых элементов

которого является объект противоправного посягательства.

Кроме этого, существенным условием для возникновения и прекращения правовых отношений в сфере предотвращения коррупции является наличие юридического факта нарушения виновным лицом путем действия или бездействия тех норм Закона Украины «О предотвращении коррупции», которые обладают признаками коррупционного или связанного с ним правонарушений (ч. 1 ст. 1).

Выводы. Итак, важность определения объективных и юридических фактов, связанных с возникновением и прекращением правоотношений в сфере предотвращения коррупции, очевидна и заключается в том, что таким образом можно создать существенные условия для привлечения виновного лица к предусмотренным в законе видам юридической ответственности, а также для применения к нему других мер правового характера.

Список использованной литературы:

1. Теория государства и права: учеб. для студ. юрид. высш. учеб. завед. О.В. Петрушин, С.П. Погребняк, В.С. Смородинский и др.; под ред. А.В. Петришина. Москва: Право, 2014. 368 с.

2. Конституция Украины: действующее законодательство по состоянию на 04 декабря 2018 г.: Официальный текст: Киев: Алерта, 2017. 80 с.

3. Конвенция о коррупции в контексте уголовного права от 27 января 1999 года, Права человека и профессиональные стандарты для юристов в документах международных организаций. М.: Сфера. 2002. С. 353–363.

4. Закон Украины «О предотвращении коррупции»: действующее законодательство с изменениями и допол. По состоянию на 18 января 2018: Офиц. Текст. Москва: Алерта. 2018. 76 с.

5. О государственной службе: Закон Украины от 10.12.2015 г. № 889-VIII. Ведомости Верховной Рады Украины. 2016. № 4. Ст. 43.

6. Об утверждении Государственной программы по реализации основ государственной антикоррупционной политики в Украине (Антикоррупционной стратегии) на 2015-2017 года: постановление Кабинета Министров

Украины от 29.04.2015 года № 265. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/265-2015-%D0%BF>

7. О Национальной полиции: Закон Украины от 2 июля 2015 г. № 580-VIII. Ведомости Верховной Рады Украины. 2015. № 40–41. Ст. 379.

8. О прокуратуре: Закон Украины от 14 октября 2014 г. № 1697-VII. Ведомости Верховной Рады Украины. 2015. № 2–3. Ст. 12.

9. О Службе безопасности Украины: Закон Украины от 18 февраля 1992 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 1992. № 27. Ст. 382.

10. Уголовный кодекс Украины: действующее законодательство с изменениями и дополн. на 5 декабря 2018: Офиц. текст. Киев, 2017. 208 с.

11. О правовом статусе народного депутата Украины: Закон Украины от 17 ноября 1992 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 1993. № 3. Ст. 17.

12. О государственных местных администрациях: Закон Украины от 9 апреля 1999 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 1999. № 20. Ст. 190.

13. О службе в органах местного самоуправления: Закон Украины от 7 июня 2001 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 2001. № 33. Ст. 175.

14. О Вооруженных Силах Украины: Закон Украины от 6 декабря 1991 г. № 1934-XII. Ведомости Верховной Рады Украины. 1992. № 9. Ст. 108.

15. О Национальной гвардии Украины: Закон Украины от 13 марта 2014 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 2014. № 17. Ст. 594.

16. О судоустройстве и статусе судей: Закон Украины от 2 июня 2016 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 2016. № 31. Ст. 545.

17. О государственной защите работников суда и правоохранительных органов: Закон Украины от 23 декабря 1993 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 1994. № 11. Ст. 50.

18. Об аудиторской деятельности: Закон Украины от 22 апреля 1993 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 1993. № 23. Ст. 243.

19. О нотариате: Закон Украины от 2 сентября 1993 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 1993. № 39. Ст. 383.

20. Об органах и лицах, осуществляющих принудительное исполнение судебных решений и решений других

органов: Закон Украины от 2 июня 2016 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 2016. № 29. Ст. 535.

21. Об антимонопольном комитете Украины: Закон Украины от 26 ноября 1993 г. Ведомости Верховной Рады Украины. 1993. № 50. Ст. 472.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боровик Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и правосудия Международного экономико-гуманитарного университета имени академика Степана Демьянчука

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borovik Andrey Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Justice International University of Economics and Humanities named after Stepan Demianchuk

aborovychok@gmail.com

УДК 342.9:347.965.42

ЭФФЕКТИВНЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МЕДИАЦИОННОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Наталья ВАСИЛЬЧЕНКО,

аспирант

Научно-исследовательского института публичного права

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные подходы ученых к трактовке понятия «медиация», обобщив которые, дается собственное определение. На наш взгляд, под медиацией следует понимать один из наиболее эффективных альтернативных методов урегулирования споров, который предполагает привлечение посредника для помощи в решении конфликтной ситуации, налаживание процесса конструктивной коммуникации, анализа причин возникновения конфликта таким образом, при котором стороны по своему усмотрению выбирают один из вариантов компромиссного решения с целью удовлетворения интересов и потребностей обеих сторон.

В контексте поиска рационального внедрения медиационного разрешения споров в отечественную правовую практику исследуются наиболее яркие примеры зарубежного опыта, где медиация является альтернативой государственному и арбитражному судопроизводству.

Ключевые слова: правовой спор, конфликт, медиация, урегулирование споров, разрешение споров, зарубежный опыт, судопроизводство, примирительная процедура.

EFFECTIVE EXTERNAL EXPERIENCE OF MEDICAL SOLUTION OF DISPUTES

Natalia VASILCHENKO,

Postgraduate Student of Research Institute of Public Law

SUMMARY

The article analyzes the main approaches of scientists to the interpretation of the concept of "mediation", summarizing which is given its own definition. In our view, mediation should be understood as one of the most effective alternative methods of dispute resolution, which involves the involvement of an intermediary to assist in the configuration of a conflict situation, the establishment of a constructive communication process, analysis of the causes of the conflict in a manner in which the parties, at their discretion, choose one of options for a compromise solution in order to meet the interests and needs of both parties. In the context of the search for a rational implementation of mediation dispute resolution in domestic legal practice, the most striking examples of foreign experience are researched, where mediation is an alternative to state and arbitration proceedings.

Key words: legal dispute, conflict, mediation, dispute resolution, dispute settlement, foreign experience, legal proceedings, conciliation procedure.

Постановка проблемы. В последнее время на территории нашего государства информация о применении медиации приобретает все большую популярность, которая имеет распространённую практику в международной среде. И хотя некоторые специалисты утверждают, что для Украины это явление не знакомо и не актуально, наблюдается все возрастающий интерес к данной теме. Учитывая это, для поиска рационального внедрения медиационного разрешения споров в отечественную правовую практику стоит исследовать наиболее яркие примеры зарубежного опыта, где медиация является альтернативой государственному и арбитражному судопроизводству.

Состояние исследования. Проанализировав научные исследования в области использования медиационного метода разрешения споров, стоит

заметить, что оно является недостаточно исследованным в ученых кругах. Можем наблюдать единичные публикации таких авторов, как Т. Худякова, И. Терещенко, А. Залар, а также ряд отдельных научных исследований, в которых косвенно освещаются отдельные аспекты этой проблемы, например, труды таких авторов, как А. Евсеев, А. Федькович.

Целью и задачей статьи является исследование эффективного зарубежного опыта медиационного разрешения споров.

В ходе исследования изучались и анализировались научные статьи, монографии и другие публикации отечественных и зарубежных ученых, некоторые нормативно-правовые акты в разрезе изучаемого явления. Используются следующие методы научного познания: анализ и обобщение данных

научной и методической литературы, сравнение, систематизация.

Изложение основного материала. Обобщение опыта работы судебной системы и органов контроля за соблюдением требований действующего законодательства, в частности по вопросам охраны труда, свидетельствуют о тенденции роста числа судебных дел и увеличения сроков их рассмотрения. Подавляющее большинство дел переходит к рассмотрению в апелляционных судах или даже в судах высших инстанций. Учитывая вышеуказанное, на сегодняшний день актуальным выглядит вопрос внедрения в практику примирительных процедур, что позволяет сэкономить время и ресурсы, уменьшить нагрузку на судебную систему вообще и, как следствие, способствовать повышению качества правосудия.

Термин «медиация» и применение подобных процедур получили распространение во второй половине XX века преимущественно в странах с англосаксонской правовой системой, таких как США, Великобритания, Австралия, с последующим распространением на другие страны. Первый опыт применения приемов медиации был получен при рассмотрении семейных или родственных дел. Впоследствии медиация получила распространение и стала эффективным инструментом в решении широкого круга вопросов и споров, начиная с семейных и заканчивая разносторонними коммерческими конфликтами.

В некоторых государствах медиация приобрела институциональный характер, стала частью процессуального законодательства. Это наиболее характерно для стран континентальной правовой системы. В других случаях медиация скорее проявляется через совокупность программ, практик, применяемых в деятельности общественных или государственных организаций и учреждений при отсутствии четкого законодательного регулирования [1]. Несмотря на это, внедрение действенных механизмов медиации может стать важным элементом судебно-правового реформирования, что позволит уменьшить финансовые затраты и минимизировать временные и человеческие ресурсы.

Однако, как отмечает Ю. Тайболина, в разных странах альтернативные способы урегулирования спора не подменяют государственного правосудия. Напротив, движущей силой развития альтернативных способов разрешения споров в США и других странах является, прежде всего, потребность в уменьшении загруженности государственных судов от растущего числа рассмотренных дел. В то же самое время многообразие процедур разрешения споров может способствовать снижению конфликтности в современном обществе [15].

Для более глубокого понимания изучаемого явления следует рассмотреть некоторые подходы к трактовке данного понятия. Так, по мнению

А. Войнаровской, под медиацией необходимо понимать гибкий процесс, проводимый конфиденциально, в котором нейтральная сторона (медиатор) помогает сторонам конфликта путем переговоров достичь согласия в решении спора [2].

По мнению английского профессора Н. Эндрюса, медиацию следует понимать как наиболее популярный способ разрешения споров в Великобритании. Он объясняет это тем, что государственное правосудие имеет ряд недостатков: является непредсказуемым и объемным, а также выступает причиной лишних затрат и продолжительного времени при разрешении споров; предоставляет лично сторонам мало возможностей для участия в разрешении спора (в отличие от их представителей) характеризуется тем, что решение по делу всегда выносится только в пользу одной стороны спора; обеспечивает гласность и открытость правосудия для всех лиц [15].

В то же время Р. Ридли-Дафф и А. Беннетт определяют медиацию как процедуру, с помощью которой беспристрастная третья сторона решает, каким образом можно разрешить конфликт. В процедуре медиации именно стороны спора, а не медиаторы, определяют условия достигнутого соглашения. Медиация касается скорее будущего поведения сторон спора, а не прошлой [20, с. 4].

Отечественная исследовательница Т. Шинкарь отмечает, что медиация является добровольным, специальным, не принудительным, гибким и, как правило, замкнутым механизмом снижения уровня неопределенности и рисков между сторонами спора и, по возможности, решения конфликта [16]. Ученый Ф. Штефек считает, что медиация является процедурой, в которой посредник, не имеющий полномочий органа судебной власти, облегчает взаимодействие между сторонами спора с целью создания для сторон условий для решения ими конфликта [21, с. 1].

Проанализировав основные подходы ученых к трактовке данного понятия, можем предложить собственное определение. Таким обра-

зом, на наш взгляд, под медиацией следует понимать один из наиболее эффективных альтернативных методов урегулирования споров, который предполагает привлечение посредника для помощи в решении конфликтной ситуации, налаживание процесса конструктивной коммуникации, анализа причин возникновения конфликта таким образом, при котором стороны по своему усмотрению выбирают один из вариантов компромиссного решения с целью удовлетворения интересов и потребностей обеих сторон.

Как отмечает М. Полищук, основным отличительным критерием различных моделей медиации является формальная связь этой процедуры с судебным процессом. Соответственно, отдельно следует рассматривать следующие три основные модели медиации [11]: 1) частная (внесудебная) медиация, которая характеризуется полной независимостью от процесса рассмотрения спора судом; 2) досудебная медиация, для которой характерна определенная координация с судебным процессом, которая в то же время отделена от суда как институции; 3) медиация в пределах судебного процесса, которой присуща локальная и персональная связь с судом и действиями, реализуемыми в рамках рассмотрения дела судом.

В мировой практике чаще всего можно встретить частную и досудебную модели медиации. Основной характерной чертой частной медиации является то, что такая процедура разрешения спора начинается по инициативе самих сторон. То есть стороны участвуют в медиации на основании заключенного между ними соглашения. Таким соглашением может быть как предостережение, являющееся частью договора, который был заключен сторонами до возникновения спора, так и специальное соглашение о медиации, которое заключается сторонами уже после возникновения спора [11].

Один из специалистов в данной области. А. Джереми, отмечает, что отличительной чертой процедуры медиации как процедуры по разрешению споров является ее цель, которая

заклучается в достижении добровольного и согласованного результата, а также отсутствие полномочий у проводящего процедуру медиации по навязыванию сторонам любого обязательного для исполнения решения спора. В идеале процедура медиации является творческим и гибким процессом, который позволяет обеспечить конфиденциальность, прямое участие сторон спора в его решении, а также контроль с их стороны, что повышает степень самостоятельности сторон [17, с. 435].

Показательно, что процедура, зародившаяся в США, в сфере семейного права, в настоящее время эта становится все более популярной среди бизнесменов. И это неудивительно: на международных конференциях, организованных Международной торговой палатой, неоднократно отмечалось, что юрист, обученный медиативным приемам, экономит до 20% расходов своей компании на судебные разбирательства [5]. Медиация пользуется большой популярностью в США. Без медиаторов в сфере экономики, политики, бизнеса в этой стране не проходит ни один серьезный переговорный процесс, а также выпускаются журналы, освещающие проблемы медиации («Ежеквартальный журнал по медиации»). В то же время в США существует Национальный институт разрешения конфликтов, который занимается разработкой новых методов медиации, а также действуют частные и государственные службы медиации [10, с. 46].

В этой стране медиация является специальным видом деятельности, который заключается, с участием третьей стороны, процесса в оптимизации поиска конфликтующими сторонами решения проблемы, которое позволило бы прекратить конфликт. Исходя из американского опыта, можно считать, что медиация или посредничество является процессом, в ходе которого участники конфликта с помощью нейтрального посредника выявляют проблемы, определяют пути их решения, анализируют варианты завершения конфликта, выбирая из них тот, который наиболее подходит и отвечает интересам обеих сторон [16].

В США нормативно-правовой основой медиации является «Единый образный Акт о медиации 2001 года» и локальные акты, примером которых могут служить «Правила посредничества, применяемые в федеральном суде западного округа штата Мичиган», который объединил 2,5 тыс. различных законов, регулирующих посредническую деятельность в различных штатах. Он регламентирует основные понятия и термины процедуры медиации [8]. Данный акт США, кроме того, еще и раскрывает ряд определенных условий, в которых конфиденциальность не может быть применена. Локальные акты штатов США могут отвечать «единообразному акту о медиации 2001» целиком, дополнять его, а могут лишь в части отражать основные аспекты федерального нормативно-правового акта. Нормативный документ «Правила посредничества, применяемые в федеральном суде Западного округа штата Мичиган» определяет процедуру дел посредничества (медиации). Суд может назначить к посредничеству любое гражданское дело или его часть, которая не затрагивает конституционных прав личности [9].

Таким образом, медиация в Соединенных Штатах Америки является добровольным процессом, в рамках которого медиатор исполняет роль примирителя конфликтующих сторон, пытается обеспечить условия для добровольного урегулирования спора. Не случайно, что в США более половины исков урегулируются в судах, а центральным элементом медиации является межличностный аспект переговоров.

Страны Европейского Союза (далее – ЕС) признали, что медиация может стать частью судебных процедур и применяться во внесудебном порядке. В 1999 году Европейский совет на заседании в Тампере призвал государства Европейского Союза к внедрению альтернативных внесудебных процедур, среди которых и медиация как один из основных методов. В 2008 году в ЕС была принята Директива 2008/52 / ЕС Европейского парламента и совета по определенным аспектам медиации

в гражданских и коммерческих делах, а также ряд рекомендаций и руководящих принципов. Сферой распространения Директивы являются международные споры, в п. 8 Преамбулы говорится: «ничто не должно мешать применять эти положения также во внутренних медиационных процессах» [6].

Кроме Директивы 2008/52/ЕС, есть ряд международно-правовых актов и актов рекомендательного характера, нормы которых целесообразно имплементировать в Закон Украины «О медиации». В частности, это Модельный закон ЮНСИТРАЛ о международной примирительной процедуре 2002 года [13], который взят за основу для национального законодательства по медиации 26-ю странами мира, и «Принципы для организаций, обеспечивающих проведение медиации» [12], которые были созданы в 2002 году мировыми лидерами в сфере медиации и показывают лучшую мировую практику в этой области (Principles for ADR Provider Organizations).

Заметим, что юристы европейских стран готовы брать на себя активную роль в решении конфликтов и активно лоббируют внесение соответствующих изменений в законодательство своих стран. Так, например, в Италии, где средний срок рассмотрения гражданского дела в суде составляет 7 лет, с сентября 2014 стало обязательным досудебное урегулирование ряда категорий споров с обязательным участием адвоката (то есть законодательно закреплена процедура «переговоров сотрудничества»). Введение обязательной процедуры медиации, что сопровождалось скандалом и огромным давлением со стороны адвокатов, теперь по определению признанным медиаторами, пока не помогло решить эту проблему [3; 4].

Во Франции адвокаты также проявляют интерес к альтернативным способам разрешения споров, не желая остаться в стороне от данного направления, который может оказаться популярным у клиентов. Кроме того, нельзя забывать и о правовой помощи для тех, кто не в состоянии ее оплатить. Как справедливо отмечается

в Белой книге Национального совета адвокатских палат Франции, посвященной правосудию XXI в., каждый новый способ дружественного урегулирования конфликтов ставит вопрос о праве на совет, содействие, защиту и помощь, которые демократическое общество обязано предоставлять наиболее нуждающимся [19]. Во Франции услуги медиации оказывают общественные организации, а медиаторы должны быть аккредитованы прокурором, после чего могут подписать контракт с Министерством юстиции Франции о предоставлении услуг медиации. Они являются бесплатными для участников процесса и оплачиваются из государственного бюджета [16]. Адвокатами был разработан ряд предложений, которые регламентировали направления расширения участия страны в урегулировании споров внесудебными методами, особое внимание уделялось медиационной методике. Кроме того, был составлен список причин, по которым одна из сторон спора может обратиться к медиатору за помощью. Среди них выделены причины эффективности, гарантированного соблюдения этических принципов, гарантий законности и сбалансирования интересов сторон.

В Германии в течение длительного времени судебная медиация использовалась в пределах пилотных проектов. Вместе с тем практика разрешения споров с помощью судебной медиации требовала наложения на судей дополнительных обязанностей, следовательно, и дополнительной нагрузки на судебные органы в целом. Поэтому представители различных государственных органов часто не одобряли идею использования судебной медиации на постоянной основе. Такую позицию они объясняли тем, что судьи должны сосредотачивать свое внимание на исследовании обстоятельств дела и разрешении спора самостоятельно, а выполнение ими функций, связанных с участием в медиации, этому не способствует. Судебную модель медиации критиковали также представители ассоциаций адвокатов, отмечая, что частная медиация не сможет развиваться, если

суды и впредь будут предлагать бесплатную медиацию [18, с. 532–533].

Медиация является чрезвычайно важным компонентом правовой системы Польши. Первая попытка введения медиации в польское законодательство была связана с принятием нового Уголовного кодекса, который вступил в силу 1 сентября 1998 года. Фактически один год был предоставлен для подготовки практиков к применению нового уголовного законодательства. Однако даже после закрепления медиации в законодательстве у практиков не было сформировано единое мнение относительно ее применения в связи с неясностью законодательных норм, в частности, относительно того, кто должен предлагать медиацию и определять сроки ее проведения. На основании этого с 1 июля 2003 года была введена в действие статья 231 Уголовно-процессуального кодекса, которая время, отведенное на медиацию, не включала в общие процессуальные сроки. Причем сейчас в законодательстве нет никаких ограничений на применение медиации, если есть целесообразность в ее проведении [7].

Наблюдая все эти тенденции в развитии процессуальных механизмов разрешения споров на основе изучения опыта «неформальной юстиции» США и применения категории договора во Франции, известный французский исследователь, профессор Норбер Рулан, как антрополог и как юрист выдвинул тезис о неспособности эволюционистской модели в силу ее некоторой ограниченности и односторонности, объясняя множественность нормативных способов в современных процедурах судебного и внесудебного производства разрешения споров [14].

В Чехии государственная организация – Служба апробации и медиации – подчинена Министерству юстиции. Эта служба имеет свою исполнительную вертикаль, благодаря чему ее услуги доступны во всех регионах страны. Медиацией могут заниматься те, кто имеют специальную подготовку в области права или социальных наук и прошли специальный тренинг [16].

В Норвегии судебные органы обязаны обеспечивать быстрое, бюджетное и эффективное решение споров между сторонами. Поэтому на каждом этапе судебного процесса судьи оценивают целесообразность участия сторон в судебной медиации. Такая оценка осуществляется с учетом позиции и пожеланий каждой из сторон, вероятности успешного исхода переговоров, баланса сил между сторонами (например, судьям не рекомендуется инициировать процедуру медиации, если только одна из сторон имеет адвоката) [18, с. 1145]. То есть метод медиации в судебной практике Норвегии действует так, как и на территории провинции Квебек, а именно: медиация не используется во избежание участия в судебных разбирательствах.

В Австрии услуги медиации оказывают департамент Министерства юстиции и Ассоциация пробации и социальной работы. Ассоциация является независимой частной организацией, которая субсидируется Министерством юстиции, имеет собственную систему управления и контроля качества предоставления услуг. В Австрии медиаторы должны иметь профессиональную квалификацию в области права, социальной работы или психологии и проходить обязательную подготовку по ведению программ медиации [16].

Как видим, международный опыт свидетельствует о том, что широкому распространению и применению медиации в Украине по разрешению споров и решению конфликтных ситуаций между сторонами препятствует следующее: отсутствие в Украине законодательной базы для регулирования правовых отношений по медиации; низкая информированность гражданского общества в вопросах применения механизмов медиации и деятельности медиаторов. На сегодняшний день в стране возникла необходимость по введению в действие, с учетом мирового опыта, механизмов медиации и восстановительного правосудия для наиболее эффективного решения конфликтных и спорных ситуаций.

Выводы. Подытоживая все вышесказанное, можем сделать вывод, что

наиболее рациональным путем внедрения медиации на практике в контексте внесудебного разрешения конфликтов является применение не только судебного, но и частного варианта данного метода. Несмотря на то, что на территории нашего государства изучаемое явление является достаточно новым, как судебный, так и частный варианты медиации имеют положительные перспективы. Разработка концепции развития и популяризации данного метода урегулирования конфликтов в Украине предполагает учет наиболее результативного опыта зарубежных стран.

Список использованной литературы:

1. Арутюнян А.А. Перспективы внедрения процедуры медиации в российский уголовный процесс. Медиация: теория, практика, перспективы развития: сб. материалов Первой всероссийской научно-практической конференции (23-24 апреля 2015 г., Москва); отв. ред. О.П. Вечерина. М.: ФГБУ «ФИМ», 2015. С. 66–76.
2. Войнаровская О. Медиация в трудовых спорах. URL: http://jurliga.ligazakon.ua/blogs_artide/338.htm
3. Гайдаенко-Шер Н.И. Италия: возвращение обязательной медиации. Третейский суд. 2014. № 5.
4. Гайдаенко-Шер Н.И. Обязательная медиация: опыт Италии. Третейский суд. 2012. № 1.
5. Гайдаенко-Шер Н.И. Заметки о роли юристов в распространении практики медиации. Сборник материалов научно-практической конференции. М.: ФИМ, 2015. 215 с.
6. Директива 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета о некоторых аспектах медиации в гражданском и коммерческом делах. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_a95
7. Землянская В. Изучение опыта Польши в сфере медиации Право Украины. К., 2004. № 3. С. 135–137.
8. Кратюк Д., Чернышов В. Сравнительно правовой анализ федеральных нормативно правовых актов США И РФ. История, философия, экономика и право: всероссийский научно-практический журнал. URL: <http://xn--h1aoo0b.xn--plai/1-2013/8.pdf>
9. Махова Л.О., Выпрыцкий А.О. История международного развития и современное состояние института

медиации на Украине. Международное право. 2018. № 5 (Ч. II). С. 241–247.

10. Носырева Е.Л. Конфиденциальность внесудебного урегулирования споров по законодательству США. Российская юстиция. 2000. № 12. 46 с.

11. Полищук М.Я. Модели медиации: сравнительно-правовой анализ опыта зарубежных стран. Судебная и следственная практика на Украине. 2016. Вип. 2. С. 52–56.

12. Принципы для организаций, которые обеспечивают проведение медиации. URL: <http://www.cpradr.org/RulesCaseServices>

13. О международной примирительной процедуре: Модельный закон ЮНСИТРАЛ. 2002. URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-conc/03-90955>

14. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов; пер. с франц.; отв. ред. В.С. Нерсисянц. М.: НОРМА, 1999.

15. Тайболина Ю.И., Сухова Н.В. Проблема выбора между судебными и несудебными процедурами при разрешении споров. Сборник материалов научно-практической конференции. М.: ФИМ, 2015. 215 с.

16. Шинкар Т.И. Зарубежный опыт правового обеспечения медиации и возможность его использования на Украине. Наше право. 2016. Т. I. № 2. 54–58 с.

17. Gerami A. Bridging the Theory-and- Practice Gap: Mediator Power in Practice. Conflict Resolution Quarterly. 2009. Vol. 26. № 4. P. 433–451.

18. Hopt K.J., Steffek F., 2013. Mediation. Principles and Regulation in Comparative Perspective. Oxford University Press, UK. 1 347 p.

19. Livre blanc. Justice du XXI siècle. Les propositions du Conseil National des Barreaux (février 2014). P. 22.

20. Ridley-Duff R.J., Bennett A. J. Mediation: developing a theoretical framework for understanding alternative dispute resolution: paper to British Academy of Management, University of Sheffield, 1416 September. 2010. 17 p.

21. Steffek F. Mediation in the European Union: An Introduction. 2012. 22 p. URL: <http://www.diames->

olavisi.net/kiosk/documentation/Steffek_Mediation_in_the_European_Union.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Васильченко Наталья Александровна – аспирант Научно-исследовательского института публичного права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Vasilchenko Natalia Aleksandrovna – Postgraduate Student of Research Institute of Public Law

natalia3082@ukr.net

УДК 347.7

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИРЖЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНСКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX СТ.)

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ,

старший преподаватель кафедры административного,
финансового и банковского права
Межрегиональной академии управления персоналом

АННОТАЦИЯ

Изучен опыт правового регулирования функционирования деятельности бирж в XIX в. в Российской империи вообще и в украинских губерниях в частности. Их деятельность регламентировалась общеимперским законодательством, предусматривающим принятие отдельных уставов для каждой биржи. Тексты уставов проходили длительную процедуру согласования и санкционировались подписью императора. Их тексты, несмотря на известную тождественность, имели определенные особенности, на что обращает внимание автор публикации.

Ключевые слова: правовое регулирование, биржа, фондовый рынок, Российская империя, акционерные товарищества.

LEGAL REGULATION OF STOCK EXCHANGE ACTIVITY IN THE UKRAINIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE (XIX CENTURY)

Sergiy GOLUBITSKIY,

Senior Lecturer of the Department
of Administrative, Financial and Banking Law
Interregional Academy of Personnel Management

SUMMARY

The experience of legal regulation of the functioning of the stock exchanges in the XIX century in the Russian Empire in general and in the Ukrainian provinces in particular was studied. Its activities were regulated by the general imperial legislation, providing for the adoption of separate charters for each stock exchange. The texts of the charters went through a lengthy approval procedure and were authorized by the emperor's signature. Its texts, despite the known identity, had certain features, which the author of the publication draws attention to.

Key words: legal regulation, stock exchange, stock market, Russian Empire, joint-stock partnerships.

Постановка проблемы. В условиях развития свободного рынка такие его составляющие, как фондовый рынок и биржевая деятельность в нынешней Украине набирают все большие обороты. Эти явления не новые в системе предпринимательской деятельности, их истоки восходят к дореформенному периоду Российской империи.

Изучение истории правового регулирования биржевой деятельности с целью использования положительного опыта является непременным условием эффективности ее функционирования в новых социально-экономических и политико-правовых условиях.

Актуальность темы обусловлена тем, что ученые обошли своим вниманием не только изучение особенностей правового регулирования деятельности украинских бирж в Российской империи, но и не прилагали усилий к определению их места в становлении фондового рынка Украины.

Состояние исследования. Изучением научной проблемы, определя-

ющей ее название, занимались такие исследователи Российской империи и Российской Федерации, как М. Боголепов, В. Зив, А. Молотников, Р. Чикулаев, Л. Шепелев и др. По понятным причинам советские ученые не проявляли особого интереса к правовому обеспечению деятельности бирж в монархической России. Из числа современных украинских ученых указанной проблемой занимаются единицы. Среди них можно назвать С. Мошенского – исследователя биржевой деятельности с точки зрения истории экономики, а не истории права. Отдельные аспекты, связанные с правовым регулированием проникновения иностранного биржевого капитала и инвестированием российской экономики, находим в работах Е. Степанченко.

Целью и задачей статьи является изучение, всесторонний анализ и выявление особенностей правового обеспечения биржевой деятельности в украинских губерниях Российской империи в XIX веке.

Изложение основного материала. 6 декабря 1836 г. Николай I утвердил Закон «Положение о компаниях на акциях» и подписал указ Сената о его опубликовании. Указ и «Положения» вошли в состав «Полного Собрания Законов Российской империи», а также включены в том X (часть I) «Свода законов» под названием «О товариществах по участкам или компаниях на акциях». Основная цель Положения 1836 г., как нам представляется, заключалась в создании необходимых правовых основ для развития акционерного предпринимательства с предоставлением правительству возможности эффективных средств воздействия на процессы его функционирования. Именно Законом от 6 декабря 1836 г. был открыт путь к созданию полноценных биржевых учреждений как на территории всей Российской империи в целом, так и в пределах украинских губерний в частности.

Текст Закона приводит нас к выводу о том, что под акционерным обществом законодатель предусматривал

«объединение лиц для совместного занятия торговой или иной деятельностью с ограниченной ответственностью, в соответствии с вкладом каждого из участников в общее дело» [1, с. 328–335.]. Как считает исследователь В. Максимов, отличительной особенностью акционерного общества было разграничение ответственности всех его членов [2, с. 20].

Положением 1836 г. определялись права и ответственность акционеров. Основное право акционеров – присутствовать на общем собрании компании и участвовать в обсуждении (право совещательного голоса), а число голосов определялось количеством акций, принадлежащих одному лицу (право решающего голоса). Предусматривались также случаи и порядок участия поверенных от акционеров в общем собрании, но этот вопрос решался индивидуально уставом каждой компании.

В соответствии с Положением от 6 декабря 1836 г., процедура создания акционерных компаний предусматривала утверждение устава, структура которого должна соответствовать общероссийским законам и установившимся правилам. В нем отображались следующие позиции:

- 1) цель создания предприятия и ожидаемая от него прибыль;
- 2) наименование, место нахождения компании;
- 3) суммарный размер капитала, количество и номинальная стоимость акций;
- 4) порядок оплаты акций;
- 5) количество акций, которые учредители оставили для себя;
- 6) порядок продажи акций и их разверстки, а также порядок хранения средств, на них поступающих;
- 7) преимущества и привилегии компании, предоставленные российским законодательством;
- 8) сроки действия преимуществ и привилегий;
- 9) время приведения предприятий в действие;
- 10) обязанности, права, ответственность акционеров компании;
- 11) порядок отчетности;
- 12) порядок распределения дивидендов;
- 13) порядок управления делами компании, компетенция правления и общего собрания акционеров;

- 14) порядок рассмотрения споров;
- 15) порядок ликвидации компании.

Уставы также регламентировали правоотношения, не урегулированные общероссийским законодательством. В частности, закреплялись правила выпуска ценных бумаг (облигаций) акционерными обществами, условия проведения реорганизации обществ и т. п. [3, с. 78].

В соответствии с Законом 1836 г. создание каждого акционерного общества обуславливалось специальным решением правительства. Ходатайство о разрешении учредить акционерную компанию направлялось в министерство или его подразделение, контролирующее сферу деятельности предприятия. К письменному ходатайству прилагался проект устава, разработанный инициатором обращения и подписанный учредителями акционерного общества.

На втором этапе проект рассматривался в министерстве, где особое внимание уделялось, прежде всего, соответствию устава общим законам и подзаконным актам. Кроме того, большое значение для соответствующей исполнительной структуры империи имел уровень учета в уставе прав и интересов будущих акционеров и третьих лиц.

Если учредителям необходимо было только получение разрешения на открытие предприятия, то после рассмотрения в министерстве проект утверждался Советом министров. В случае необходимости получения разрешения на включение его в состав действующего законодательства он представлялся для утверждения в Государственную думу. В случае принятия положительного решения упомянутыми органами государственной власти и утверждения императором, устав акционерного общества подписывался учредителями и публиковался в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», а также за счет учредителей публиковался в одной из ведущих газет страны.

На практике сложилась такая ситуация, когда уставы отдельных акционерных обществ стали играть роль специальных законов и частично заменяли пробелы или усовершенствовали общероссийское законодательство. Сопоставление положений закона и частных

уставов или, как их называли, «сепаратное законодательство» показывает целый ряд принципиальных отличий. Так, по общему закону предусматривалось установление таких правил в сфере правового регулирования деятельности акционерных обществ:

1) взносы за акции могли быть только денежными и собирались по публичной подписке, которая проводилась по всей стране в условиях риска неудачи. Имущественные взносы при этом не допускались;

2) акции могли быть только именными;

3) исключалась возможность ограничения акционера в «свободном распоряжении своими акциями»;

4) запрещалось требовать от акционера уплаты других, дополнительных платежей;

5) не допускались личные формы акционерных предприятий;

6) деятельность учредителей должна быть открытой и доступной для проверки, она была поставлена под контроль и влекла за собой круговую (солидарную) ответственность;

7) не предусматривался выпуск облигаций.

В уставах отдельных предприятий встречались особенности и отклонения от общероссийского гражданского законодательства. Практика показала, какие именно особенности имели место. Исследователи выделяют следующие:

1) при создании уставного капитала преобладали имущественные взносы, составляющие, главным образом, тот эквивалент, на который выдавались акции вновь созданной компании;

2) допускались акции на предъявителя при условии, что они не будут называться паями;

3) разрешалось ограничение прав акционера на право распоряжения собственными акциями, что было особенно важным для семейных предприятий;

4) акционера могли обязать платить дополнительные платежи;

5) разрешалось создание акционерных компаний одним учредителем;

6) фамилии основателей и их деятельность были отнесены к конфиденциальной информации;

7) частным уставом мог быть разрешен выпуск облигаций любому пред-

приятно [4, с. 66–68] (этот пункт самый важный для нашего исследования).

Вместе с увеличением численности акционерных компаний и более активным выпуском государством ценных бумаг на внутреннем рынке в первой половине XIX в. происходит становление дореволюционного фондового рынка. Этот процесс сопровождался развитием биржевых институтов: к Санкт-Петербургской и Одесской биржам в 1834 г. присоединяется Кременчугская. По мнению российского исследователя А. Молотникова, увеличение биржевой активности и отсутствие существенной поддержки государства способствовали развитию автономности бирж, которые начали, помимо прочего, торговать и ценными бумагами [5, с. 18].

Важное место в становлении фондового рынка Украины в период ее пребывания в составе Российской империи сыграла Одесская биржа, основанная в 1796 г. Доминирующими на бирже были товарные операции с зерном и с иностранной валютой [5, с. 19].

К середине XIX в. Одесская биржа превратилась в одну из крупнейших в Российской империи. Согласно своему предназначению, она проводила операции преимущественно с переводными векселями, которые использовались в зерновой торговле.

Операции с ценными бумагами на Одесской бирже регулировались «Одесскими биржевыми правилами для сделок по покупке и продаже ценных бумаг, золотой валюты, и подобных ценностей». В правилах описывались преимущественно сделки с золотом и вексельные операции, что имело наибольшее распространение на юге Российской империи.

Проводить биржевые операции без посредников – маклеров – имели право только собственники (или их представители) банковских, торговых и промышленных предприятий. Другие клиенты проводили операции с помощью биржевых маклеров [6, с. 109].

Таким образом, по объему операций с ценными бумагами, введенными в биржевые котировки, Одесская биржа не стала лидером фондового рынка в Российской империи. В экономическом балансе ее деятельности лидирующие позиции продолжала занимать продажа зерна. Котировке

ценных бумаг отводилось второстепенное место.

По глубокому убеждению российских дореволюционных и современных исследователей, рынок ценных бумаг быстрыми темпами начал развиваться только после ликвидации крепостного права 19 февраля 1861 г. За полученную свободу бывшие крепостные обязаны были в течение длительного времени выплачивать выкупные платежи, а помещики получали компенсацию выкупными свидетельствами. «Свидетельства Государственного банка на непрерывный доход по выкупу» – это пятипроцентные бумаги, за которые можно было получать денежный доход. Выкупные свидетельства размещались государством в банке на имя помещика, и на протяжении 15 лет их планировалось обменять на 5%-ые банковские билеты, предназначенные для выдачи «выкупной ссуды». Правительство взяло на себя обязательство не только регулярно выплачивать расходы по банковским билетам, но и своевременно их погашать (срок погашения составлял 49 лет) [7, с. 275–276].

Выкупная операция стала для помещиков украинских губерний достаточно важным источником накопления капиталов. Они имели возможность, с одной стороны, жить на 5% годовых от цены выкупных свидетельств или, с другой, – заложить их в банке или продать на рынке ценных бумаг. Статистика свидетельствует, что дворянство украинских губерний в основном их продавало, что резко оживило фондовый рынок. По состоянию на 1 января 1892 г. только дворяне Киевской губернии получили выкупных платежей на сумму 37 438 792,24 руб. [8, с. 137].

Приведенный нами пример свидетельствует о том, что начало обращения ценных бумаг, лежащих в основе выкупной операции в ходе освобождения частнособственнического крестьянства из крепостной зависимости, стало импульсом к формированию рынка ценных бумаг, основные центры которых сосредоточивались в старых российских товарно-фондовых биржах.

Обращение ценных бумаг росло, что побудило к созданию новых биржевых учреждений. Среди них оказалась и Киевская биржа, появление которой связано с именем профессора университета Святого Владимира М. Бунге,

впоследствии получившего должность министра финансов Российской империи. Именно он, вместе с мэром Киева И. Завадским, подготовил соответствующую записку, в которой обосновал целесообразность открытия биржи в Киеве. Одним из убедительных аргументов стала ссылка на то, что здесь можно «облегчить продажу и покупку государственных ценных бумаг» [9, с. 199].

5 ноября 1863 г. российский император Александр II «высочайше утвердил» «Устав Киевской биржи». По мнению современного исследователя В. Мошенского, в основу проекта Устава был положен идентичный документ Одесской биржи [10, с. 36–37].

Следует сказать, что по своему содержанию биржевые уставы Российской империи индустриальной эпохи не имели существенных текстовых различий. В ст. I, как и в Уставе Киевской биржи, говорилось о том, что биржа «является местом сбора для налаживания взаимоотношений и всех оборотов торговли и промышленности и для получения необходимых по ним ведомостей» [11, с. 156].

В соответствии со ст. 2 Устава отмечалось, что посещать Киевскую биржу и осуществлять в ней конкретные коммерческие дела разрешалось всем без исключения представителям различных сословий, как российским подданным, так и иностранцам. Для того чтобы попасть в помещение биржи в качестве участника операций с ценными бумагами необходимо было в биржевой комитет внести определенную денежную сумму (взнос), который использовался для ремонта здания биржи или на другие хозяйственные нужды. Размер денежного взноса не был фиксированным, а устанавливался решением самого биржевого общества.

Ст. 9 определяла количественный состав киевского биржевого общества. В Уставе указывалось, что общество формировалось из числа как местных, так и иногородних купцов первой и второй гильдий, согласных оплачивать не только указанный денежный взнос, но и сверхнормативную ежегодную плату за право постоянного посещения биржи.

Для управления делами Киевской биржи создавался специальный комитет (ст. 14). Одна из норм Устава (ст. 15)

регулировала порядок организации его работы, что предусматривало самоуправяемый характер деятельности. Биржевой комитет избирался на трехлетний срок и состоял из председателя и трех членов из среды биржевого общества. Председатель возглавлял не только сам комитет, но и возглавлял общее собрание биржевого общества.

Глава V посвящена правам и обязанностям биржевого комитета. В ст. 29 определена его обязанность «заботиться об обеспечении наибольшего удобства участникам биржевых операций». Кроме того, на комитет возлагались функции осуществления контроля за правильностью организации торговли на бирже в пределах законодательно существующих правил. Биржевое общество, со своей стороны, уполномочивалось следить за поступлениями и расходованием средств биржевым комитетом. В связи с этим в конце года комитет должен был отчитываться перед биржевым обществом об израсходованных суммах. Отчет публиковался в местных губернских ведомостях (ст. 47).

Первое собрание биржевого общества Киева и выборы биржевого комитета состоялись в феврале 1869 г. На должность председателя комитета был избран купец Николай Хряков, возглавляющий его в течение 31 года. После его смерти руководителем биржевого комитета был избран Семен Могилевцев – известный в России лесопромышленник. На должности председателя он находился до 1917 г.

Учитывая, что Киевская биржа возникла как товарно-фондовая, соглашения здесь заключались в основном товарные, связанные с оптовой торговлей сахаром. Однако постепенно набирали силу и операции с ценными бумагами. Если объемы операций в товарном отделе за 1873 г. составляли 2 400 000 руб., то в фондовом отделе – 2 100 000 руб. За год в котировках Киевской биржи на лидирующие позиции вышли ипотечные бумаги и государственные облигации внутренних займов. В исследуемый нами период облигации были важным составляющим элементом ценных бумаг с фиксированным доходом, в отличие от бумаг дивидендного характера, преимущественно акций с переменной прибылью [12, с.21].

Третьей известной биржей, начавшей свою деятельность в пореформенный период на территории украинских губерний, была Харьковская, биржевой комитет которой был сформирован в октябре 1866 г. В его состав вошли купец первой гильдии, владелец Харьковского торгового банка, основатель горных и металлургических предприятий на Луганщине и города Алчевска Алексей Алчевский и другие харьковские предприниматели [13, с. 204–205]. Устав Харьковской биржи был утвержден 4 октября 1868 г. Законодатель традиционно продекларировал, что основное предназначение биржи в г. Харькове состоит в «операциях со всех оборотов торговли и промышленности» [14, с. 306]. Несмотря на то, что Устав биржи появился в 1868 г., она начала функционировать лишь с 8 января 1876 г. Председателем биржевого комитета был избран известный нам А. Алчевский, на средства которого было построено новое помещения биржи. К тому времени биржевое общество насчитывало около 150 человек, в основном предпринимателей Харьковщины.

Несмотря на заявленную цель, к концу XIX в. активность на бирже не впечатляла, особенно после потери лидирующих позиций финансово-промышленной группы Алчевского в начале XX ст. и с открытием в 1902 г. специализированной Каменноугольной и железоторговой биржи [15].

На Харьковской бирже проводились операции с ценными бумагами, но они были не столь масштабными, как рассчитывали ее создатели. Бухгалтерские документы Харьковского биржевого комитета свидетельствуют, что в январе 1903 г. на бирже котировались акции 13-ти компаний. В результате было заключено 13 сделок с акциями и паями семи компаний (продано 887 паев общества Саблино-Знамянского сахарного завода, 304 акции харьковского общества пивоварения «Новая Бавария» и т.п.); заключен двадцать один договор по восьми видам государственных и частных ипотечных бумаг и облигаций. Больше всего сделок было с 4,5%-ми вкладными листами Харьковского земельного банка [13, с. 206].

Выводы. Становление биржевой деятельности в Российской империи

в целом и в украинских губерниях в частности, началось с большим отставанием от подобных процессов, происходивших в странах Центральной и Западной Европы. Правда, интенсификация законодательного обеспечения со стороны монархической власти смогла в определенной степени сбалансировать их. Биржи создавались как в центральных регионах Российской империи, так и в украинских губерниях, но они в большинстве своем не специализировались на продаже ценных бумаг. Прежде всего, биржи создавались с целью торговли различными товарами, а параллельно функционировали как фондовые биржи. Торговля ценными бумагами в их структуре занимала меньше места и в общем торговом балансе составляла небольшой удельный вес.

Список использованной литературы:

1. Именной Указ Правила о товариществах по участкам или компаниям на акциях от 6 декабря 1836 г. / Полн. собр. законов. Собр. 1. Отд. 2. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1837. Т. XI. 1836. № 9 763. С. 328–335.
2. Максимов В. Законы о товариществах. Акционерное общество, товарищество на паях и торговые дома, порядок их учреждения и деятельности. М.: Юрист, 1908. 300 с.
3. Черножуков М.В. Сепаратное акционерное законодательство в России в XIX – начале XX веков. С. 77–83. URL: www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West (дата обращения: 20.11.2018).
4. Квачевский А.О товариществах вообще и акционерных обществах в особенности по налогам права, русским законам и судебной практике. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1880. Ч. 1. О товариществах вообще. 185 с.
5. Молотников А. Правовое регулирование рынка ценных бумаг: учебное пособие. М.: Стартап, 2013. 552 с.
6. Мошенский С.З. Одеська товарно-фондова біржа в XIX – на початку XX ст. Вісник Житомирського державного технологічного університету. Серія: «Економіка управління та адміністрування». 2013. № 3 (66). С. 107–113.

7. Бржеский Н. Государственные долги России. Историко-статистическое исследование. СПб.: Тип. А. М. Вольфа, 1884. 348 с.

8. Криськов А.А. Землеволодіння і землекористування в губерніях Правобережної України кінця XVIII – початку XX ст.: монографія. Тернопіль: Астон, 2014. 323 с.

9. Мошенський С.З. Київська товарно-фондова біржа: операції з цінними паперами в XIX – на поч. XX ст. Вісник Житомирського державного технологічного університету. Серія: «Економіка управління та адміністрування». 2013. № 4 (66). С. 199–207.

10. Мошенський С.З. Фінансові центри України та ринок цінних паперів індустріальної епохи. London, 2014. 453 с.

11. Устав Киевской биржи от 5 ноября 1863 г. Полн. собр. законов. Собр. 2. Отд. 2. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. Т. XL. 1865. № 42 646. С. 152–156.

12. Русские биржевые ценности. 1914–1915 / под ред. М.И. Боголепова с участием В.А. Мукоссева, В.С. Зива. Пг., 1915.

13. Мошенський С.З. Харківська біржа XIX – початок XX ст. Проблеми теорії та методології бухгалтерського обліку, контролю і аналізу. 2015. Вип. 2 (32). С. 203–218.

14. Высочайше утвержденный Устав Харьковской биржи от 4 октября 1868 г. Полн. собр. законов. Собр. 2. Отд. 2. 1868: в 3-х отделениях. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. Т. XLIII. № 46 310. С. 306–311.

15. Устав Харьковской каменно-угольной и железоторговой биржи. СПб., 1902. 24 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голубицкий Сергей Германович – старший преподаватель кафедры административного, финансового и банковского права Межрегиональной академии управления персоналом

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golubitskiy Sergiy Germanovich – Senior Lecturer of the Department of Administrative, Financial and Banking Law Interregional Academy of Personnel Management

sgol@meta.ua

UDC 338.26(477): 352

STATE MANAGEMENT MECHANISMS OF THE NATURAL AND ECONOMIC POTENTIAL OF THE REGIONS: PROBLEMS OF RESOURCE SAVING

Vladimir GORBIK,

Candidate of Public Administration Sciences,
Director General of the State Enterprise
“Specialized Forestry Enterprise “Kyivoblagricolis”

SUMMARY

The article deals the processes of resource saving in the state management mechanisms in modern conditions, which makes it possible to make the process of resource saving more effective and significantly improve the natural and economic development of regions. Resource saving is considered as a progressive direction of the use of natural resource potential, which ensures the saving of natural resources as well as increases the production in the region with the same amount of raw materials, fuel, basic and auxiliary materials used. It is noted that the main feature of resource saving activities today should be an orientation on the implementation of complex of measures that are quickly implemented, covering various aspects of its activities and allow achieving the maximum saving effect. Furthermore, the objective conditions for their implementation should be provided by a specific mechanism of state management.

Key words: resource saving, state management, natural economic and natural resource potential, region, development.

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМЫ РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЯ

Владимир ГОРБИК,

кандидат наук государственного управления,
генеральный директор Государственного предприятия
«Специализированное лесохозяйственное предприятие «Киевоблагричлис»

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены процессы ресурсосбережения в механизмах государственного управления в современных условиях, позволяющие сделать процесс ресурсосбережения эффективным и значительно улучшить природно-экономическое развитие регионов. Ресурсосбережение рассматривается как прогрессивное направление использования природно-ресурсного потенциала, обеспечивающее экономию природных ресурсов и рост производства продукции в регионе при том же количестве использованного сырья, топлива, основных и вспомогательных материалов. Замечено, что главной чертой ресурсосберегающей деятельности на сегодня должна быть ориентация на проведение комплекса мероприятий, которые быстро реализуются, охватывают различные стороны деятельности и позволяют достичь максимального эффекта экономии, причем объективные условия для их осуществления должен обеспечить конкретный механизм государственного управления.

Ключевые слова: ресурсосбережение, государственное управление, естественно-экономический и природно-ресурсный потенциал, регион, развитие.

Statement of the problem. The problem of studying of the state management mechanisms of the natural and economic potential of the regions especially develops in the conditions of the formation and development of market relations for the scientific substantiation of radical eco-

economic reforms. This is primarily caused by disproportions in the natural and economic development that are sharply manifest today. The development of any region and country as a whole depends on the available economic, natural resource and labor potential that is located in one

or another region of Ukraine, that is, it depends on the existing productive forces. They are national wealth as well as they determine the prospect and possible level of its socio-economic and natural and economic development [1, p. 4]. Accelerating, rational use and continuous improvement of regional and sectorial proportions in the development of natural and economic potential are objectively caused by the need for development of the state management mechanisms. In this context, resource saving issues remain relevant since the prospect of using natural resource potential depends not only on the availability of resources, but on the effectiveness of using resource-saving technologies.

Status of research. The theoretical and metrological basis of the research are works of domestic and international scientists, that cover a wide range of issues of the effectiveness of the state management mechanisms as well as the improvement of certain resource saving mechanisms.

The analysis of recent researches and publications shows that the relevance of this problem is confirmed by M. Dolishnii, S. Dorohuntsov, M. Piskun, O. Shablii, whose significant researches allowed to make a significant contribution to finding the ways to solve the problem of the state management mechanisms of resource saving in the natural and economic potential of the regions. In particular, the issues of resource provision and resource saving were considered by M. Miller, V. Berens, Y. Akhromkin, O. Fomenko and other international authors who considered the processes of efficient use and resource saving from different points of view.

At the same time, the scientific works of A. Balashov (problems of the formation of the state management mechanisms of sustainable development of regions of Ukraine) [2], P. Fesianov (peculiarities of state regulation of the ecological safety at the regional level) [62] were the basis of the research. Special attention was paid to researches of V. Putrenko, O. Furdychko and M. Potabenko on the role of resource saving in the balanced development of the region as well as the ecological and economic value of shelterbelt forests for increasing of the resource potential of forest ecosystems [2].

Thus, it should be noted that the general tendency of the world natural and economic development of the region is to

increase the role of resource saving and its allocation into a separate system, which is the basis of the formation of competitive, efficient and economical management.

The objective and purpose of the article is to provide scientific substantiation of theoretical and methodological foundations of the state management mechanisms of resource saving as the basis for the development of the natural and economic potential of the regions as well as appropriate analysis and evaluation of the directions of improvement of the state management mechanisms of resource saving of forest management in Ukraine.

Presentation of the main material. The problem of the rational use of resources and resource saving is particularly relevant for Ukraine and needs immediate solution. This is due to the extremely high level of material and energy intensity of the domestic economy, substantial depreciation of the main production facilities and obsolete technologies, irrational use of natural resources, high degree of dependence on the import of fuel and energy resources as well as significant volumes of waste generation and harmful emissions from production [7].

One should note that further natural-economic and socio-economic development of the region, solving environmental problems are impossible without switching to a more effective model of social production and consumption as well as rationalizing the use of resources. Expansion and deepening of the resource saving process contributes to the transition of Ukraine to a balanced development model, the construction of the foundations of a post-industrial society as well as the accelerating the integration of Ukraine into a globalized world economy.

The ecological and innovative process of natural and economic development of the regions of Ukraine, aimed at achieving the normative state of the environment, provides such a principle of functioning of the national economy, region, industry, concrete production, in which all the components of raw materials and energy in the cycle "primary raw materials – production – consumption – secondary resources" are used rationally and the ecological balance is not disturbed.

This problem is thus a generalization of more private problems of the use of secondary resources, waste and rational

nature use in general. The scientific literature points out the interrelation of the problems of using secondary resources, environmental protection and the creation of low-energy technologies. The content of the concept of environmentally sustainable development in the broad sense includes the task of resource saving as well as prevention of negative impact on the natural and economic potential.

Resource saving and using of non-waste technologies is quite a new direction that encompasses various sectors of the economy and state management. This area of activity focuses on ecology (environmental protection), rational use of various resources as well as economic tasks, such as optimal harmonization of production and consumption of stocks. In this context, historical understanding of the terms in geology, mining, various industries using primary and secondary material resources, metallurgy, chemistry, ecology, economy is not always unambiguous [5, p. 505].

Principles of low- and non-waste technology can be explained on the basis of factors that express different needs. According to this, the use of low- and non-waste technologies is necessary in order to permanently reduce the consumption of the most important resources – raw materials, energy and environment.

Accordingly, it was established that resource saving involves the reuse of resources, secondary raw materials and waste. Therefore, resource saving is more profitable in an economic and environmental sense. A common problem for all subjects in the region is the almost absence of landfills for industrial waste stored at enterprises. Methods of recycling and disposal are absent or are expensive for a large part of the industrial waste. The main types of non-disposed hazardous industrial waste for a long time accumulated in the territory of enterprises. The number of this waste has long exceeded the maximum permissible. In some enterprises, the ways, places and terms of storage of hazardous waste do not meet the requirements of environmental legislation [9, p. 16].

Determining the directions of the effective resource saving for the regions of Ukraine is due to objective reasons related to solving the general problem of ensuring sustainable natural and economic development of the state. This requires the finding

of new ways of forming a national strategy of resource saving within the framework of the formation of a modern market economy. World experience shows that in this direction it is necessary first of all to develop a complex of systemic theoretical and methodological steps. The general tendency of the world and, most importantly, of European natural and economic development, is the formation of competitive, efficient and economical forms of economic activity in the framework of regional economic systems. That is, there is a tendency towards the formation of conceptual approaches to sustainable development, based on the main provisions of the European Charter for Regional Development.

Considering the problems of resource saving in Ukraine in such a plane, the regional level is associated with solving a number of issues regarding the creation of the necessary conditions for the reduction of not only indicators of material and energy intensity of production, but also increasing the efficiency of using existing regional resources, use of modern state management mechanisms of natural and economic potential as well as formation of an appropriate institutional environment. It is now clear that the transition to a qualitatively new level of the effective use of a complex regional resource is possible only with the combination of market levers with the state management mechanisms [2, p. 34].

Thus, resource saving is one of the priority directions of the development of the national economy. Current legal support of resource saving in Ukraine is regulated by the Laws of Ukraine "On Environmental Protection" and "On Standardization" as well as by a significant number of normative documents of general and general technical character. At the same time, the Unified System of Resource Saving Requirements, which has a restraining effect on the implementation of a unified technical policy in terms of impact on reducing the level of resource consumption and on the integrated solution to the problem of resource saving, is while absent.

Significant increase in the efficiency of the use of raw materials, materials and fuel and energy resources in the economy of Ukraine within these areas can be achieved only with the implementation of technical re-equipment and restructuring of basic industries. The world experience

in developing and implementing effective resource utilization programmes in its arsenal has a wide variety of mechanisms and economic methods aimed to ensure the efficiency of resource consumption in all spheres of activity. Regarding the analysis of the forestry condition within the state in the present realities, it can be noted that in the activities of enterprises of the forestry sector of Ukraine there are a number of problems that require urgent measures for the improvement and efficiency of resource use and resource saving [5, p. 426].

It is very important that the issues of resource saving and resource use are already under consideration in Ukraine. This is evidenced by the fact that the "Strategy of Reformation of Forestry in Ukraine for the period up to 2022" (hereinafter – the Strategy) was approved at the session of the Cabinet of Ministers of Ukraine on 15 November 2017. This doctrine is aimed at defining goals and tools for solving ecological, economic and social problems of forestry in Ukraine as well as creating conditions for sustainable development considering geographical and other features.

The need to prepare the Strategy is due to = understanding of the extremely important role of forests for the ecological, economic and social stability of the state; need for systematic improvement of forestry management in Ukraine to ensure long-term interests of the state on the basis of a combination of principles of state management and market mechanisms in view of the goals of decentralization of power; need for the development of public-private partnership; increase in the number of workplaces; employment of the rural population; minimizing corruption risks and committing offenses; establishment of open, transparent mechanisms for the adoption of managerial and personnel decisions as well as primary provision of domestic producers by creating a transparent timber market [4].

In the course of the research it was determined that a powerful instrument for implementing the Strategy is the Action Plan for Implementation of the Strategy, which is approved by a separate act of the Cabinet of Ministers of Ukraine and must contain detailed deadlines and a list of performers regarding all the directions and objectives specified in the relevant section of the Strategy.

This Plan is binding for all the performers mentioned therein. Implementation of the Strategy will contribute to reducing the level of corruption in the forestry sector, ensuring a clear separation of functions between the subjects of management of the industry, creation of an effective system of control over forestry management, transfer of forestry to the principles of sustainable development and effective forest management, increase of the state forest area, preserving biodiversity and non-exhaustive forest use, meeting the needs of the community in forest resources, improvement of water-regulating, soil protection, recreational and other useful properties of forests, creation of more favorable conditions for the development of entrepreneurship and new workplaces, reducing the threat of land degradation, increase in the share of forestry products in the gross domestic product, ensuring employment and social protection of forestry workers, growth of investments in the forest industry, production with value added as well as harmonization of forest management norms of Ukraine with the relevant criteria of the European Union.

Further development of the forest resource sphere should be carried out in the areas of expanded reproduction of forest resources, integrated ecologically balanced forest use as well as increasing the share of forest in national income. Institutions of forest resource sphere should be involved in more effective integrated market conditions that can adapt to globalization uncertainty, in order to provide favorable conditions for the entry of industry enterprises into market space.

Furthermore, considering the imperfection of the modern regulatory framework, it is important to provide appropriate support for important innovative ideas on forest resource issues at both the state and regional levels. This implies conducting complex researches on the formation of integral, self-sufficient, balanced organizational and management structures or other high-tech organizational formations (possibly clustered or holding type) aimed at achieving the diversification of the production of competitive forest products and the provision of social and environmental services at the intersectoral level.

Thus, the forest resource sphere in the conditions of the financial and economic crisis, as it turned out, continues to maintain a certain degree of business activity. Despite the financial difficulties,

volumes of forest management activities, including reforestation, continue to increase somewhat as well as measures for preservation and protection of forests are also carried out at the required level. However, the crisis situation in the economy has negatively affected the growth rates of the forest resource sphere. Therefore, despite the deepening of the crisis situation, Ukraine's forestry policy, as in previous years, should develop in the direction of market-oriented relations. This policy should be based on principles that have justified themselves in different economic conditions, the main of which are: inevitability of the responsibility of business entities for violation of the current legislation, prevention of occurrence of natural and man-made threats in the forest resource sphere, steady support of the relations of forest enterprises with local citizens and local population, etc. [3, p. 46].

In the process of research, it was proved that the driving forces of forest resource development should be considered the activities of management structures and industry workers, which are based on certain interests. The system of measures of strategic and tactical level should be defined in order to activate them. Such a system of measures, in turn, should be considered in the production, technological, institutional, financial, resource saving and forest reproductive plane, distinguishing them by spheres: forestry production, forest exploitation, wood processing, resource saving, forest protection, realization of forest resources and forest use. Mitigation of the negative consequences of the current crisis situation in the forest resource sphere is possible on the basis of the improvement of the organizational and economic mechanism capable for ensuring the functioning of the industry in the conditions of uncertainty.

Conclusions. During the research, it was established that the efficiency of state management of the natural and economic potential should be guided by the system of payments for nature use: payments for the right to use natural resources; payments for reproduction and protection of natural resources carried out by the state or self-supporting specialized enterprises and organizations; compensatory payments for the disposal of natural resources from the target use or deterioration of their quality caused by the activities of these

enterprises; payments for emissions (dumping, disposals) of pollutants into the natural environment; additional tax on profits of enterprises producing environmentally hazardous products and using environmentally hazardous technologies; penalties and other economic sanctions for violation of norms of rational use of natural resources; income tax benefits.

The costs for reproduction of natural resources and environmental measures are increasing every year. Currently, the sources and methods of funding these activities are not yet linked into a single system, which requires further research and finding of solution.

The analysis of the practice of applying the existing state management mechanisms of nature use points to the need for their improvement on the basis of the development of economic and organizational measures, which will allow to achieve real results in solving the problem of rational use and reproduction of various components of the mineral-raw material base of the industrial sphere of the region. The effectiveness of the mechanism of integrated use of natural resources in many industries is now decreases due to the lack of a coherent system that stimulates the increase of complexity of resource development [6, p. 18].

It should be emphasized that the specific forest management functions should be entrusted to government authorities as a separate independent specialized state structure of management of forest objects of all forms of ownership and management (ministry, committee, etc.). Such a structure will really express national interests in the sphere of development and rational use of forest resource potential.

The State Forest Resources Agency, as the only and relatively independent institution on forest and forest resources issues in the state, should, on its own behalf, initiate:

- the establishment under the Cabinet of Ministers of Ukraine a unified organizational and management structure for ensuring the elaboration of strategic directions for the development of forest resources and performing control functions on the results of the reproduction of forest resources, their protection and integrated use in forests of different forms of ownership;
- the elaboration of proposals regarding the inclusion to the highest level of organizational and managerial structures

on forest problems the professional forestry specialists for supervision and strategic control over economic activities in forests of different subordination as well as limitation of monopolistic tendencies in the sphere of provision of raw material resources of forest users of the country and international business structures;

- the development of business support mechanisms in its active social policy on granting investment loans, tax privileges or preferences for the transfer of forests to a lease or concession, subsidies for forest certification as well as organization of financial audit by accredited independent auditing firms;

- the substantiation of effective mechanisms of interaction of various sectoral structures of the forest resource sphere in the process of their economic activity with other branch structures and institutions of the neighboring countries [6, p. 29].

In this regard, it is also important to note that the forest resource institutions should be maximally adapted to the market economy system, cross-sectorial specificity of the forest sector of the economy. Such institutions should also ensure the combination of national, regional and local interests of forest users, territorial communities and be directed on realization of the principles and criteria of ecologically balanced (sustainable) development.

References:

1. Амосов О.Ю., Гавкалова Н.Л. Проблема ресурсозбереження в Україні та шляхи її вирішення. Теорія та практика державного управління. 2011. Вип. 3 (34). С. 1–5.
2. Балашов А.М. Формування механізмів державного управління сталим розвитком регіонів України: автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня д-ра наук з держ. упр.: спец. 25.00.02 «Механізми державного управління». Запоріжжя, 2010. 40 с.
3. Коваль Я.В., Антоненко І.Я. Проблеми лісу в контексті екологізації і сталого розвитку АПК. Екологічність продукції АПК: Економіка та технологія. 1999. С. 50–55.
4. Прийнята Стратегія реформування лісового господарства України до 2022 року. Думки громадських активістів та експертів. URL: <http://forpost.lviv.ua/txt/ekonomika/8242-pryiniatastrategiia>

reformuvannia-lisovoho-hospodarstva-ukrainy-do-2022-roku-dumky-hromadskykh-aktivistiv-ta-ekspertiv (дата звернення: 15.11.2018).

5. Путренко В.В. Роль ресурсозбереження в збалансованому розвитку регіону. Європейські інтеграційні процеси і транскордонне співробітництво: тези доп. IV міжнар. наук.-практ. конф. студ., аспірантів і молодих науковців, Луцьк, 17–18 трав. 2007 р. Луцьк: РВВ «Вежа» Волин. Держ. Ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. С. 504–506.

6. Фесянов П.О. Державне регулювання екологічної безпеки на рівні регіону: автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. наук з держ. упр.: спец. 25.00.02 «Механізми держ. упр.». К., 2013. 20 с.

7. Фурдичко О.І., Потабенко М.В. Еколого-економічне значення захисних лісонасаджень для підвищення ресурсного потенціалу лісових екосистем. Проблеми модернізації лісоресурсної сфери в контексті просторового розвитку: матеріали наук.-практ. конф. К.: РВПС України НАН України, 2007. С. 27–32.

8. Шаповал А.І. Методичні підходи до формування ефективної системи управління ресурсозбереженням на підприємстві. URL: <http://global-national.in.ua/archive/11-2016/99.pdf> (дата звернення: 12.11.2018).

9. Шафоростова М.М. Удосконалення державного управління поведінням з відходами на основі розвитку функцій екологічного аудита: автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. наук з держ. упр. 25.00.02 «Механізми державного управління». Донецьк, 2006. 28 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorbik Vladimir Nikolayevich – Candidate of Public Administration Sciences, Director General of the State Enterprise “Specialized Forestry Enterprise “Kyivoblagroliis”

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбик Владимир Николаевич – кандидат наук государственного управления, генеральный директор Государственного предприятия «Специализированное лесохозяйственное предприятие «Киевоблагролис»

v.m.gorbyk@gmail.com

УДК 340.11

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВОГО СЕЙМА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

Виктор ЕВДОКИМОВ,

доктор экономических наук, профессор, ректор
Житомирского государственного технологического университета

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются отдельные аспекты нормотворческой деятельности Галицкого сейма в языковой сфере. Акцентируется внимание на конституционном законодательстве империи Габсбургов, которое декларировало равенство всех языков империи, но не обеспечивало практической реализации декларируемых норм. Кроме того, языковой вопрос рассматривается как составляющая противостояния в среде украинского национального движения. Отдельно анализируются законодательные инициативы украинских послов сейма, которые отстаивали право украинцев на получение образования и осуществление самоуправления на украинском языке. Языковой вопрос рассматривается как важная составляющая национальной идеи галицких украинцев, которая в начале XX в. легла в основу государственной идеи.

Ключевые слова: Галицкий сейм, нормотворческая деятельность, украинское сеймовое представительство, конституционное законодательство, языковой вопрос, система школьного образования.

NORMOTORAL ACTIVITY OF THE REGIONAL SEEM IN THE AREA OF REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF THE UKRAINIAN LANGUAGE

Viktor EVDOKIMOV,

Doctor of Economics, Professor, Rector
of Zhytomyr State Technological University

SUMMARY

The article reveals some aspects of the rule-making activities of the Galician Sejm in the language sphere. Attention is focused on the constitutional legislation of the Habsburg Empire, which declared the equality of all the languages of the empire, but did not ensure the practical implementation of the declared norms. In addition, the language issue is considered as part of the confrontation among the Ukrainian national movement. The legislative initiatives of the Ukrainian Sejm ambassadors, who defended the right of Ukrainians to receive education and exercise self-government in the Ukrainian language, are analyzed separately. The language issue is considered as an important component of the national idea of the Galician Ukrainians, which in the early twentieth century formed the basis of the state idea.

Key words: Galician Sejm, rule-making activity, Ukrainian Sejm representation, constitutional legislation, language issue, school system.

Постановка проблемы. Правовое положение Галичины в составе Австро-Венгрии характеризовалось активными действиями трансформации правосознания и правовой культуры украинцев. Причиной этих действий были конституционные нормы, которые гарантировали формальное равенство национальных и политических прав всех народов империи.

С другой стороны, в начале 1860-х гг. галицкие украинцы одновременно с другими народами империи вошли в эпоху парламентаризма. Созданные в 1861 г. краевые сеймы превратились в очаги политической жизни каждой провинции, а в случае Галичины – стали центром национально-освободительной борьбы как украинцев, так и поляков, которые в легальной право-

вой плоскости отстаивали политические и национально-культурные права.

У краевых сеймов был ограниченный характер полномочий. В них решались, как правило, вопросы, касающиеся сферы инфраструктуры, образования, медицины, культуры. То есть вопросы повседневной жизни, которые и составили содержание внутреннего развития отдельной провинции. На самом деле эти вопросы были очень важны, поскольку обеспечивали обустройство края и разрешали эффективно управлять провинцией, не дожидаясь имперских указаний.

Актуальность исследования заключается в том, что нормотворческая деятельность сейма не стала объектом глубоких научных изысканий ни украинских, ни польских ученых. Вопросы языка и системы образования рассматривались исключительно в контексте эволюции политической и правовой мысли галицких украинцев или поляков, а также в пределах украинско-польского политического противостояния.

Состояние исследования. Несмотря на то, что проблема деятельности Галицкого краевого сейма – новая для украинской юридической науки, сеймовая проблематика интересовала отечественных историков еще с конца XIX в. Причиной этого был усиленный интерес к определению причин украинско-польской политической конфронтации в Галичине.

Именуемая теоретическую основу исследования деятельности сейма можно условно разделить на три этапа. Первый – автономический, продолжался с последнего десятилетия XIX в. до 1918 г. Известными исследователями данного периода были К. Левицкий, И. Франко, С. Днистрянский и др. Будучи непосредственными участниками описываемых событий, они давали в своих трудах ценные статистические сведения, раскрывали общественное мнение и реакцию общества на политическую жизнь. Вместе с тем эти работы не лишены субъективизма, что диктовалось политическими убеждениями авторов. Второй период – оккупационный, поскольку украинская наука развивалась или в условиях большевизма, или в условиях польских идеологических стереотипов междувоенного

периода. Однако даже в этот период благодаря работе В. Кульчицкого раскрывались отдельные вопросы правового развития Галичины, в том числе и парламентской деятельности. Третий этап непосредственно касается периода независимости и является качественной страницей украинской историко-правовой науки, когда было преодолено большинство стереотипов и штампов. Собственно, единственным нерешенным вопросом, по нашему мнению, является отсчет начала традиции украинского парламентаризма с представительных органов власти советского времени, тогда как к тому времени галицкие украинцы более 50 лет выступали активными участниками представительных органов власти.

Теоретическое основание исследования составили труды таких украинских и иностранных ученых: А. Аркушы, Н. Грыб, Я. Грицака, Л. Ильина, К. Левицкого, М. Мудрого, Р. Петрива, Б. Ступарика, И. Черновола и др.

Целью и задачей статьи является определение основных направлений нормотворческой деятельности украинского сеймового представительства второй половины XIX в., особенно в вопросе обеспечения государственного статуса украинского языка и расширения системы национального образования.

Изложение основного материала. В XIX в. Галичина, которая составляла автономную провинцию империи Габсбургов, стала основным центром польско-украинских взаимоотношений, которые в условиях правовой системы империи Габсбургов получили легальный правовой статус. Этнополитическое развитие края влияло и на политическую ситуацию, поскольку борьба за собственные национальные права доминировала на протяжении всего XIX в. По мнению украинского ученого М. Мудрого, именно правовая система Австро-Венгрии влияла на формирование выраженной региональной специфики политического развития края, основываясь на вопросах национальности, языка и образования [7, с. 465]. Для имперской политики с середины XIX в. украинско-польское противостояние стало средством к стабилизации краевой политики и сдерживания

идей федерализма. Конституционные реформы империи Габсбургов 1861 г. положили начало формированию новой модели межнациональных взаимоотношений, которые с созданием краевых сеймов получили теперь легальную политическую подоплеку.

Галицкий краевой сейм был создан 1861 г. и вызвал широкий резонанс в обществе, активизировав общественно-политическую жизнь края. Несмотря на то, что конституционное законодательство было несовершенно, украинское и польское представительство сейма не было пропорциональным национальной принадлежности населения Галиции. Поляки владели абсолютным большинством, что провоцировало украинцев к противостоянию. Только во время выборов 1861 г. украинцы смогли получить треть мест – 50, впоследствии количественный депутатов только уменьшался [3, с. 38].

Наибольшим вниманием украинских депутатов пользовались именно вопросы правового статуса языка. Равноправие языков Габсбурги провозгласили еще в 1849 г. Русский (украинский) язык вместе с польским получили статус «краевых языков» на основании принятой императорским патентом от 29 июня 1850 г. «Краевой Конституции» для Галичины [9, с. 53]. Этим документом австрийское правительство на законодательном уровне провозгласило равноправие польского и русского (украинского) народов, поэтому признавало существование украинского народа и его языка. Однако эта законодательная норма отнюдь не прекращала постоянного украинско-польского противостояния за расширение прав употребления своего языка в различных сферах общественной жизни.

Государственный закон от 5 марта 1862 г. и особенно краевой закон от 12 августа 1866 г., принятые за несколько лет до провозглашения Австрии дуалистической конституционной монархией, обязывали местные власти обеспечить такое отношение к языкам, которое исключало бы возможность обострения межнациональных противоречий [10, с. 118]. Вопрос языка и образования составляли основу так называемого «украинского вопроса», что, в свою очередь, было ключевым в процессе формирования идеи национального государства.

Система образования в Галичине второй половины XIX в. и борьба за язык обучения занимали ключевое место в работе сейма, а нормотворческая деятельность украинских послов была активной именно в этой сфере. Причиной этого стало то, что язык был фактором национальной самоидентификации для галицких украинцев. Свидетельством этого являются слова К. Левицкого, что язык для русинов (самоназвание украинцев в XIX в. – В. Евдокимов) была основой души, «потому русских в насъ сердце тай крепкая вера въ будущность нашей доли народной» [6, с. 1].

Важность языкового вопроса определялась на основании ряда нормативно-правовых актов империи Габсбургов. Так, Конституция Австро-Венгрии 1867 г. гарантировала равные права всем народам. В ст. 19 Закона об общих правах граждан от 21 декабря 1867 г. указывалось, что «равенство всех языков, на которых говорят в стране, признается государством в школах, правительствах и общественной жизни» [6, с. 3]. Однако что касается Галичины, такие широкие национальные права распространялись на поляков. Формально возникла так называемая «польская автономия Галичины». В Вене работало специальное «Министерство по делам Галичины», руководителем которого всегда был поляк [2, с. 73].

Важным аспектом преобразования Галичины в польскую автономию стало предоставление польскому языку официального статуса в администрации и судопроизводстве. Соответствующие законы были вынесены на обсуждение сейма в сентябре 1868 г. В ответ на протесты украинских депутатов польские политики отмечали, что украинский язык непригоден для администрирования из-за нехватки общих понятий и юридических терминов, а введение в систему управления единого языка станет надежным залогом единства края. 4 сентября 1868 г. польское большинство приняло законопроект, согласно которому в администрации должен был использоваться исключительно польский язык.

Такой же принцип заложен в принятый в тот же день законопроект о языке в судопроизводстве. 4 июня

1869 г. благодаря мощному политическому лобби польских политиков в Вене законы получили императорскую санкцию [5, с. 152]. Статус польского языка как «краевого» в Галичине сохранился до конца существования Австро-Венгрии. Также актуальными оставались дискуссии относительно сферы применения украинского языка. Украинцы стремились расширить этот статус и достичь языкового равноправия с поляками, которые, в свою очередь, пытались ограничить употребление украинского языка бытовым уровнем. Дискуссии возникали как из-за разночтений правительственных распоряжений, так и из-за действий местных органов власти и судов, которые, нарушая предписания, корреспондировали с украинскими сторонами на польском языке «из принципа». Эти факты украинские политики обнародовали в качестве доказательства нарушения своих национальных прав [1, с. 83].

Решения языкового вопроса на форуме краевого сейма, по нашему мнению, следует рассматривать в нескольких аспектах:

1) борьбы за равноправный статус языка в сфере администрирования и аппарата сейма;

2) обеспечения равноправия украинского и польского языков в системе образования;

3) общего развития национальной культуры, в которой язык выступал основной составляющей.

Что касается первого аспекта, то в течение первых двух каденций сейма (1861–1866 и 1867–1869 гг.) вопрос о языке получил юридическое основание. После длительных польско-украинских дискуссий, благодаря поддержке губернатора графа Г. Белькредди, 27 апреля 1866 г. была принята сеймовая резолюция, согласно которой ответы на вопросы, заданные украинским посланцами на украинском языке, должны были быть также сформулированы на украинском языке [15, с. 45]. Украинцы добились также ведения стенограмм сейма на двух языках. Однако, как отмечает исследователь украинской фракции Галицкого сейма Л. Илин, данное решение поляками практически не выполнялось [15, с. 45].

Причина такой ситуации заключалась также и в характере самого украинского движения, которое не имело четкого видения решения языкового вопроса. Особые противоречия вызывали вопросы фонетики и правописания. Так, представители москвофильского течения были сторонниками церковно-славянского правописания, а в повседневной жизни разговаривали на польском языке и ориентировались на образцы польской культуры [8, с. 68]. Зато народовцы придерживались принципов этимологического правописания М. Максимовича и фонетического правописания П. Кулиша [12, с. 207]. Именно «кулешовка» разграничивала украинский и русский языки. Такая ситуация вела к многочисленным спекуляциям и провокациям со стороны поляков, которые таким образом доказывали несостоятельность украинцев выработать собственный язык и правописание. Так, начиная еще с 50-х гг. XIX в., они под видом помощи пытались навязать галицким украинцам «латиницу», то есть украинский язык на письме отображать латинскими буквами. Это породило так называемую «азбучную войну», целью которой было продемонстрировать имеющиеся конфликтные моменты в среде украинского национально-политического движения Галичины и невозможность украинской речи быть вторым правительственным языком края.

В 1867 г. был также принят Закон о языке обучения в средних и общеобразовательных школах, который сделал польский язык обязательным во всех школах Галичины [13, с. 62]. Закон подтвердил колонизацию, которая привела к исчезновению украинского языка в школьном образовании. Так, для изучения украинского языка детьми необходимо было согласие родителей ученика. Родители закономерно выбирали польский язык, который открывал возможности для дальнейшего трудоустройства.

Такая ситуация в образовательной сфере вела к закономерному уменьшению украиноязычных школ. Согласно официальным статистическим сведениям, которые приводились Школьным комитетом сейма и касались 1874–1875 годов, в Галичине суще-

ствовало около 2500 школ, из которых украинский был языком обучения в 1949, однако из них работали только 1109. При этом около 1000 школ были начальными, в которых обучение длилось только год, другие – двухклассными. Польский язык был обязательным в 2406 школах, а фактически преподавание проводилось в 2217. Также в Галичине функционировало 104 школы с немецким языком обучения [11, с. 2].

Акцентирование внимания на проблеме школьного образования было важным, учитывая, что к полномочиям краевого сейма относились вопросы реформирования «Школьного устава», который однозначно был несовершенным. Во-первых, устав не отвечал декларируемым Конституцией принципам национального равенства украинцев и поляков. В двуязычных школах априори основным признавался польский, тогда как для обучения на украинском языке необходимо было решение большинства родителей. Польские школьники также отказывались от изучения украинского, что провоцировало злоупотребления и нарушения.

Такая ситуация, кроме политических, имела непосредственные и практические последствия. Фактический объем учебной недели польского школьника начальной школы составлял 27 часов, а средней – 28-29, тогда как украинский ученик учился 29 и 30 часов, соответственно [15, с. 47]. Очевидно, что это был непропорциональное распределение, а его основной целью была колонизация местного украинского населения.

Исходя из вышеприведенных фактов, вопрос языка и системы школьного образования стал причиной сеймовых противоречий. При этом противоречия имели ярко выраженный национальный характер.

Интересным моментом является также и тот факт, что языковой и образовательный вопросы выступали также и факторами, которые вели к налаживанию межнациональных отношений. Во всех так называемых «соглашательских компаниях», заключаемых между украинским и польским политиком, всегда упоминались права языка и образования,

и их украинцы определяли как ключевые.

Первой такой попыткой налаживания польско-украинского компромисса было предложение украинского посла Ю. Лавривського. Во время своего выступления 26 октября 1869 г. он заявил, что для украинцев является важным соблюдение равноправия украинского и польского языка в управлении и школе, даже если за польским будет официально закреплён статус краевого [14, с. 127]. Кроме того, в обмен на поддержку польских законопроектов Ю. Лавривський требовал открытия ряда украиноязычных начальных школ, а также полную украинизацию львовской Академической гимназии.

Однако уже следующая сеймовая сессия продемонстрировала невозможность длительных договоренностей между поляками и украинцами. Первые отказывались идти на уступки украинским депутатам, которые находились в абсолютном меньшинстве в сейме, а потому не могли составлять реальной конкуренции полякам. Мы не будем анализировать содержание сеймовых дебатов в течение третьей каденции, поскольку они основательно раскрыты в диссертационном исследовании Л. Илина [4].

Показательным является только то, что если большинство поляков выступали против соглашательских инициатив украинских послов, идею политического компромисса Ю. Лавривського поддержал спикер сейма, авторитетный польский политик Л. Сапега. Именно при его содействии в Академической гимназии ввели украинский как второй язык обучения, а со временем удалось и украинизировать учреждение.

Особое внимание следует обратить на подготовку ежегодных ответов на обращения к императору и государственным чиновникам, так называемые интерpellации, которые всегда писались на польском языке. Украинцы неоднократно выступали за принятие интерpellации и на украинском языке, поскольку как украинский, так и польский языки имели одинаковый правовой статус по сравнению с немецким, который была государственным.

Кроме того, в подобных обращениях украинцы часто жаловались на

повседневные бытовые проблемы, которые имели своим основанием языковой вопрос. Так, в одном из обращений указывалось, что в Горлицах и Гусятине ни почтовое отделение, ни поселковый комитет, письма, несмотря на то, что они или правительственного или личного характера, не принимали или задерживали [15, с. 48]. Также украинцы жаловались, что письма, оформленные на украинском языке, которые адресовались краевому правительству, возвращались назад с оскорбительными сообщениями в сторону украинцев. В пользу украинцев была норма §5 правительственного постановления от 5 июня 1869 г. [15, с. 48], в которой регламентировалось равноправное использование украинского языка в почтовой переписке.

Известно также о случае, когда на старосту одного из сел Бучацкого уезда был наложен штраф размером в пять злотых за то, что он установил при въезде в село таблицу с украинской надписью населенного пункта [15, с. 48]. Жандармы уничтожили украинскую надпись и вместо нее установили польскую [15, с. 49].

Выводы. Таким образом, ситуация вокруг статуса украинского языка в Галиции была достаточно сложной. Польское политическое большинство игнорировало все устремления галицких украинцев. Тотальная колонизация всех сфер общественной и культурной жизни края привела к напряженной этнополитической ситуации. Галицкий сейм стал основной ареной борьбы украинцев за свои национальные права и статус родного языка. Вопрос языка и школ в Галичине очень тесно переплетался и формировал целостную картину общественно-политической и культурной жизни галицких украинцев второй половины XIX в.

Законодательство не обеспечивало политического равноправия украинцев и поляков. Немногочисленное украинское сеймовое представительство не могло противостоять все более растущему польскому влиянию. В этой ситуации украинские депутаты основное внимание сконцентрировали на обеспечении своих конституционных прав, касающихся равноправного

статуса языка, развития национальной культуры и системы образования. В течение всего периода функционирования краевого сейма украинцы получили и некоторые привилегии в языковой и образовательной сферах:

1) добились использования украинского языка в делопроизводстве сейма (однако на практике норма о печати стенограмм на украинском языке не получила широкого распространения);

2) увеличилось количество школ с украинским языком обучения, была украинизирована Академическая гимназия во Львове;

3) открылась кафедра украинского языка во Львовском университете, имели место государственные ассигнования на развитие образовательных и культурных программ украинцев.

Список использованной литературы:

1. Гриб Н.П. Австрийська Конституція 1849 р.: особливості її прийняття, структура та основні положення. Часопис Київського університету права. 2011. Вип. 4. С. 81–86.

2. Грицак Я.Й. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX – XX ст. К.: Генеза, 2000. 360 с.

3. Ілин Л.М. Правова діяльність української фракції Галицького крайового сейму під час третьої каденції 1870–1876 рр. Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Право, 2014. Вип. 24. Т. 1. С. 37–40.

4. Ілин Л.М. Українське представництво Галицького крайового сейму в 1870–1876 рр.: дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника. Івано-Франківськ, 2009. 211 с.

5. Історія державної служби в Україні. У п'яти томах [Текст]: наукове видання. Т.1 / О.Г. Аркуша [та ін.]; відп. ред. Т.В. Мотренко; редкол.: С.В. Кульчицький (кер. авт. кол.) [та ін.]; Головне управління державної служби України, Інститут історії України Національної академії наук України. К.: Ніка-Центр, 2009. 544 с.

6. Левицький К. Про права руской мовы. Львів, 1896. 32 с.

7. Мудрий М. Національно-політичні орієнтації в українському суспільстві Галичини австрійського періоду у висвітленні сучасної історіографії. Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 37. Част. 1. Львівський національний університет імені Івана Франка. Львів, 2002. С. 465–500.

8. Мудрий М. Спроби українсько-польського порозуміння в Галичині (60–70-і роки XIX ст.). Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: Збірник наукових праць. Вип. 3-4. НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича; відп. ред. Ю.Сливка. Львів, 1997. С. 58–117.

9. Петрів Р. Австрійські, Австро-Угорські і Галицькі конституції (кінець XVIII – XIX ст.ст.). Івано-Франківськ: Місто НВ, 2005. 80 с.

10. Петрів Р. Право Австрії та Східної Галичини (70-ті роки XVIII ст. – 70-ті роки XIX ст.). Право України. 2000. № 6. С. 117–139.

11. Сеймовыи росправы... Слово. 1876. 23 марта (4 апреля). Ч. 35. С. 2.

12. Серета О. Національна свідомість і політична програма рання народівців у Східній Галичині (1861–1867). Вісник Львівського університету: Серія історична. Вип. 34. Львів, 1999. С. 199–214.

13. Ступарик Б. Шкільництво Галичини (1772–1939). Івано-Франківськ, 1994. 142 с.

14. Чорновол І. Українська фракція Галицького крайового сейму 1861–1901 рр. Львів, 2000. 270 с.

15. Пун Л.М. Aspekt prawny kwestii języka nauczania w działalności Galicyjskiego Sejmu Krajowego w latach 1870-1876 Науково-інформаційний вісник Івано-Франківського університету права імені Короля Данила Галицького: Журнал. Серія Право. Івано-Франківськ: Івано-Франківський університет права імені Короля Данила Галицького, 2016. Вип. 2(14). С. 44–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евдокимов Виктор Валерьевич – доктор экономических наук, профессор, ректор Житомирского государственного технологического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Evdokimov Viktor Valeryevich – Doctor of Economics, Professor, Rector of Zhytomyr State Technological University

Lm.ilyn@gmail.com

УДК 343.6

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ТРАНСПЛАНТАЦИЮ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Людмила ЖЕРЖ,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Национального университета государственной фискальной службы Украины

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос истории становления и развития законодательного регулирования уголовной ответственности за незаконную трансплантацию органов и тканей человека. Автор акцентирует внимание на периодизации нормативно-правовых документов в этой сфере и выделяет, в зависимости от уровня развития науки и техники, донаучный и научный периоды. На основе историко-правового анализа законодательного регулирования уголовной ответственности за незаконную трансплантацию органов и тканей человека формируются выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства Украины по этим вопросам.

Ключевые слова: законодательное регулирование, трансплантация, органы и ткани человека, донор, реципиент, другие анатомические материалы человека.

LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL TRANSPLANTATION: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Lyudmyla ZHERZH,

Postgraduate Student at the Department of Criminal Law and Criminology
of National University of State Fiscal Service of Ukraine

SUMMARY

The article examines the question of the history of the formation and development of legislative regulation of criminal liability for illegal transplantation of human organs and tissues. The author focuses on the periodization of legal documents in this area and highlights, depending on the level of development of science and technology, pre-scientific and scientific periods. Based on the historical and legal analysis of the legislative regulation of criminal liability for illegal transplantation of human organs and tissues, conclusions and suggestions are made to improve the current legislation of Ukraine on these issues.

Key words: legislative regulation, transplantation, human organs and tissues, donor, recipient, other human anatomical materials.

Постановка проблемы. Исследования уголовно-правовой характеристики и предотвращения преступлений, связанных с незаконной трансплантацией, невозможно без анализа, определения и обобщения научной эволюции норм, посвященных регулированию данных правоотношений. Во времена рождения права римские философы отмечали – *multum egerunt, qui ante nos fuerunt, sed non peregerunt* (те, кто жил до нас, много совершили, но ничего не завершили), подчеркивая тем самым, что каковы бы ни были достижения наших предков, несмотря на их значимость и величие, они все равно со временем потребуют довершения [2, с. 8]. Из данного утверждения следует, что использование исторического наследия является важным источником построения современной системы правового регулирования незаконной трансплантации.

Актуальность темы исследования. Трудности, с которыми сталки-

ваются отечественные законодатели при создании новых правовых норм, регулирующих пересадку органов или тканей, свидетельствуют о востребованности историко-правового опыта подобного регулирования. Особенно актуально исследование историко-правового опыта регулирования незаконной трансплантации сейчас, когда в Украине принят новый основополагающий закон, вступающий в законную силу с 1 января 2019 года. Впереди у наших законодателей еще много работы – для того чтобы запустить в эффективное действие этот закон, нужно принять еще много подзаконных нормативно-правовых актов. А при их создании нужно учитывать, что недостатки в регламентации трансплантологии прошлых веков должны предостерегать сегодняшних законодателей от осуществления ошибочных действий.

Анализируя эволюцию законодательного регулирования незакон-

ной трансплантации, важно обратить внимание на то, что законодательство является регулятором в развитии медицины, оно может как способствовать развитию, так и тормозить его. Общественные отношения находятся в постоянной динамике, поэтому нуждаются в реформировании старых и урегулировании новых отношений. Особенно остро стоит вопрос урегулирования правоотношений в сфере здравоохранения, ведь жизнь и здоровье являются высшей социальной ценностью [6, с. 56].

Состояние исследования. В науке не существует единого общепринятого подхода к периодизации истории становления законодательного регулирования незаконной трансплантации, что на практике вызывает вопросы как у медицинских работников, так и в законодателей. В свете данной проблемы мы решили комплексно исследовать как исторические, так

и теоретико-правовые аспекты в отечественных уголовно-правовых исследованиях, которые были изложены в диссертационных работах С.В. Гринчака, И.В. Мищук, А.В. Мусяченко, А.В. Сапронова, Г.В. Чеботаревой и трудах ученых-юристов, таких как И.И. Горелик, М.Б. Мирский, В.П. Сальников, С.Г. Стеценко, С.С. Тихонов, и на их основе составить свою периодизацию генезиса законодательного регулирования уголовной ответственности за незаконную трансплантацию.

Целью и задачей статьи является определение и анализ нормативных первоисточников, которые регулировали правоотношения незаконной трансплантации; выяснение основных причин, которые тормозили развитие государственной политики в этой сфере; представить собственную периодизацию исторического развития законодательного регулирования незаконной трансплантации органов и тканей человека и определить пути дальнейшего реформирования.

Изложение основного материала. Прежде чем приступить к рассмотрению генезиса правового регулирования незаконной трансплантации органов и тканей человека, нужно коротко раскрыть понятие «трансплантация» для того, чтобы очертить круг общественных отношений, которые требуют защиты при трансплантации.

Слово «трансплантация» происходит от латинского «transplantare» (пересаживать) и означает пересадку с последующим приживлением тканей и органов в пределах одного организма (ауто трансплантация) или от одного организма другому того же вида (гомотрансплантация), или иного вида (гетеротрансплантация), или даже в рамках различных видов (ксенотрансплантация). На данном этапе развития общества, медицины, юриспруденции и ряда других смежных областей науки такая отрасль, как трансплантация является актуальной и востребованной. Количество людей, страдающих различными заболеваниями и нуждающихся в пересадке органов (тканей), с каждым годом не уменьшается, но далеко не все пациенты получают необходимую помощь в силу целого ряда причин. Это и недостаточно высокая техническая обеспеченность современным медицинским

оборудованием в учреждениях здравоохранения, и отсутствие достаточного количества высококвалифицированных трансплантологов. Также не стоит забывать, что больные нуждаются в трансплантатах, количество которых не может удовлетворить все существующие потребности. Отсутствие четко и жестко регулируемого правового поля в этой области также не способствует решению существующих проблем [8].

Мы считаем, что историю правового регулирования незаконной трансплантации следует рассматривать с давних времен, когда в науке не существовало понятия трансплантации, медицина была еще не развита, но в законодательстве уже были статьи за причинение вреда здоровью человека. По нашему мнению, именно эти статьи, усовершенствуясь из года в год, и стали в дальнейшем правовой основой для создания правовой защиты всех участников трансплантации – донора, реципиента и медицинских работников. Мы поддерживаем позицию В.П. Сальникова и С.Г. Стеценко, которые в своем исследовании «Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования», ссылаясь на И.Ф. Крылова, отмечали, что «Устав князя Владимира Святославовича (X – XI в.) и Русская Правда (IX – XI вв.) содержали нормы о врачебной деятельности», и пришли к выводу, что этот факт можно считать началом правового обеспечения медицинской деятельности [17, с. 83–84].

На основе исследований И. Горелика, И. Крылова, В. Сальникова и С. Стеценко можно классифицировать периоды правового регулирования трансплантации органов и тканей в зависимости от уровня развития науки и техники, а именно от наглядных представлений общества о понятии «трансплантация», на донаучный и научный периоды. Донаучный период начался в III в. н. э., но правовую основу получил в IX – XI вв. Научный период трансплантации намного моложе, и его также мы можем классифицировать на периоды. Донаучный период правового регулирования трансплантации органов и тканей мы рассматривали на тех территориях, к которым принадлежала Украина, учитывая специфику соответствующих исторических периодов

развития украинского государства. Мы не будем характеризовать все правовые акты донаучного периода, так как это значительно расширит границы нашего научного исследования. Охарактеризуем ключевые особенности донаучного периода, которые стали основой для составления в следующем периоде нормативно-правовых актов о регулировании отношений незаконной трансплантации:

1) регулирование не самой трансплантации органов или тканей, а строгой ответственности врачей в случае проведения действий, повлекших увечье или смерть пациентов независимо от того, имели действия умышленный, неосторожный или невиновный характер (характерные для периода Киевской Руси и польско-литовского господства). Основные нормативно-правовые акты данного периода: «Устав князя Владимира Святославовича», «Русская Правда» и «Литовские Уставы». Представляется очевидным, что на тот исторический период причиной отсутствия норм об ответственности за незаконные действия по трансплантации органов или тканей человека является неразвитая медицина, услуги которой осуществлялись, в основном, врачами-знахарями;

2) Уставы Петра I законодательно закрепили особенности наказаний за ненадлежащее лечение. В этот период (период пребывания Украины в составе России и Польши (XVII – XVIII)) вышли первые официальные документы (Указы 1686 и 1700 гг.), касающиеся наказаний за врачебные ошибки при осуществлении пересадок органов или тканей человека. Уголовная ответственность врачей за ошибку, которая повлекла смерть человека, была вплоть до смертной казни;

3) рассмотрение аспектов трансплантации в контексте хирургических операций в целом. Контроль за надлежащей врачебной подготовкой для осуществления трансплантаций в указанный исторический период (XVII – XVIII) полагался на Медицинскую коллегию, а затем – медицинскую канцелярию. Инструкции предписывали применение суровых мер ответственности к врачам, которые не имеют права заниматься медицинской практикой. Строгий контроль надзорного органа за деятельностью врачей

был и в последующий период пребывания Украины в составе Российской империи и Австро-Венгрии (XIX в. – 1917 гг.). В этом периоде существовал Медицинский совет, который рассматривал дела о профессиональных нарушениях врачей, а также проводил обзор живых лиц в случаях привлечения к ответственности врачей за должностные преступления и врачебные ошибки, а также по поводу незаконного лечения;

4) содержание статьи 1197 врачебного Устава: «к вскрытию мертвого тела ни в коем случае нельзя приступать ранее истечения двадцати четырех часов после смерти» (исключение составляла внезапная смерть во время второй половины беременности) свидетельствует все же об отставании в развитии правовой базы трансплантологии от прогресса клинического и экспериментального аспектов трансплантации.

Перед тем, как перейти к рассмотрению научного периода, следует резюмировать главные особенности донаучного периода и отметить, что законодательство того времени с первых шагов было направлено на противодействие преступности в сфере здравоохранения. Исторически-сравнительный анализ законодательства донаучного периода показывает, что современное уголовное законодательство не столь строго контролирует деятельность врачей, как в те времена контролировала Медицинская коллегия, а затем Медицинский Совет, и вызывает появление профессиональных преступлений и факты незаконной трансплантации.

Донаучный период генезиса правового регулирования незаконной трансплантации органов и тканей человека закончился в 1917 г., когда в Украине началась революция (1917–1921). Исследуя периодизацию научного периода становления законодательного регулирования уголовной ответственности за незаконную трансплантацию, стоит заметить, что развитие трансплантологии в СССР началось в 20–30-е годы XX века, когда в клинической практике стала применяться пересадка органов и тканей.

Мы считаем, что первый этап научного периода законодательного регулирования незаконной трансплантации

органов и тканей человека охватывает 1924–1937 гг., когда вышли первые нормативно-правовые акты, которые определяли пределы уголовной ответственности врачей за незаконную трансплантацию. Первым послереволюционным нормативно-правовым документом, который регулировал вопросы трансплантации, был Декрет (Положение) «О профессиональной работе и правах медицинских работников» от 01.12.1924 г. Этот нормативно-правовой акт в течение полувека был основным юридическим документом для врачей, своеобразным уставом, который регламентировал врачебную деятельность и закрепил обязанность получать согласие пациента на проведение любой операции, в том числе и трансплантации.

В Правилах судебно-медицинского исследования трупов, утвержденных Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР 19.12.1928 г. и Народным комиссариатом юстиции РСФСР 03.01.1928 г. [11, с. 109–157], начато решение одного из важнейших вопросов в трансплантации, в частности момента, с которого возможно изъятие органов и тканей человека после его смерти. Согласно приложению к ст. 10 Правил, в научных и научно-практических целях допускается вскрытие трупов не позднее 12:00, но не ранее получаса после смерти человека в присутствии трех врачей, которые составляют протокол с указанием причин вскрытия и доказательств действительности смерти. Из этого можно сделать вывод, что изъятие органов и тканей для трансплантации возможно было тоже не раньше, чем через полчаса после смерти человека. На изъятие анатомических материалов от мертвого донора не требовалась согласие родственников умершего, но необходимо было разрешение судебно-медицинского эксперта по трупам, подлежащих экспертизе, или согласие заведующего моргом по трупам, доставленным в морг, но не подлежащим экспертизе. Тем самым правила закрепили принцип «презумпции согласия» по изъятию органов у донора-трупа [3].

Проведение 3 апреля 1933 года Ю.Ю. Вороным в г. Харькове первой в мире операции по пересадке трупной почки живому человеку дали толчок для принятия законодательных актов,

которые расширили использование трупных органов и тканей в медицинских целях и открыли второй этап научного периода истории законодательного регулирования незаконной трансплантации органов и тканей человека, который начался в 1937 году с принятием 15 сентября Постановления СНК СССР «О порядке проведения медицинских операций». В этом Постановлении Народному комиссариату здравоохранения было предоставлено «право издавать обязательные для всех учреждений, организаций и лиц распоряжения о порядке осуществления лечебных и хирургических операций по пересадке роговицы глаза от умерших, переливания крови, пересадки отдельных органов. Причем, предварительное согласие родственников умершего не было нужно» [10, с. 212]. Данное Постановление стало основой для принятия последующих нормативно-правовых актов, регулирующих различные специальные вопросы трансплантации (пересадки кожи от трупа, роговицы глаза, реберных хрящей и других тканей). Так, 1 декабря 1937 вступила в законную силу Инструкция «Об использовании глаз умерших для операций по пересадке роговицы глаза слепым» [5, с. 131].

В указанный период (1937–1967) доминировала «презумпция согласия», то есть можно сказать, что человек после смерти становился достоянием Советского Союза. Кроме того, момент, с которого можно было изымать роговицу, в этой инструкции и в предыдущих правилах судебно-медицинского исследования трупов определен неодинаково, что, наверное, затрудняло проведение такой трансплантации. Все эти нормативно-правовые акты имели значительный недостаток: в них не нашли отражение вопросы пересадки органов от трупов и пересадки органов и тканей от живых доноров.

Следующий – третий – этап научного периода истории законодательного регулирования уголовной ответственности за незаконную трансплантацию начался в 1967 году, когда вступил в законную силу Приказ № 600 от 2 августа 1966 года, и на законодательном уровне были сделаны первые шаги для урегулирования проблемы незаконной трансплантации. Приказ установил: «С 1-го января

1967 года запретить всем учреждениям здравоохранения, независимо от ведомственной подчиненности, производить пересадку органов человеку от человека, трупов или животных без специального разрешения Министерства здравоохранения СССР» [12]. Основной функцией данного нормативного акта стало создание экспертной комиссии, к которой подавались ходатайства для разрешения на проведение таких операций. Вышеуказанная комиссия должна была согласовать ходатайство с Минздравом СССР. Таким образом, устанавливался контроль за изъятием органов и тканей у людей. Именно эти нормативные документы стали тем юридическим фундаментом, согласно которому принимались дальнейшие акты. Эти приказы и правила формировали основополагающие идеи, то есть принципы правового регулирования трансплантации и до нашего времени.

Как видно из рассмотренных выше нормативно-правовых актов, законодатели никак не могли точно установить правило о том моменте, когда нужно изымать органы и ткани после смерти донора. Данный вопрос напрямую связан с констатацией биологической смерти, потому что для того, чтобы получить трансплантат, донор должен быть официально признан мертвым, и это является наиболее сложным и дискуссионным медицинским и юридическим вопросом как прошлого времени, так и настоящего. Именно из-за неопределенности этого момента и совершаются профессиональные преступления врачами, которые незаконно взимают органы и ткани для последующей продажи.

Некоторые аспекты этой проблемы рассматривались во Временной инструкции для определения биологической смерти и условий, позволяющих исключить почки для трансплантации, утвержденной приказом Минздрава СССР 23.03.1977 г. [15]. Данная временная Инструкция почти на 10 лет затормозила развитие трансплантации таких органов, как сердце, печень, поджелудочная железа, кишечник. Фактически трансплантация органов сводилась к трансплантации почек. Это было обусловлено тем, что в то время в Украине, как и во всем СССР, факт смерти не устанавливался на основе диагноза смерти мозга. Однако стоит обратить

внимание, что еще в 1966 году в Лондоне была одобрена концепция смерти головного мозга [4, с. 4]. А в 1968 г. на 22-й Всемирной медицинской ассамблее была принята Сиднейская декларация о смерти. Согласно указанной декларации человек считается умершим с момента смерти его мозга, а не с момента необратимого прекращения сердечной деятельности [7, с. 86]. Таким образом, у лица, у которого констатирована смерть головного мозга и поддерживается его сердечная деятельность, стало возможным исключение таких органов, как сердце, печень, легкие, комплекс сердце-легкие, поджелудочная железа, кишечник [18, с. 156].

Итак, в пределах выделенного нами третьего этапа существовал так называемый принцип «общего изъятия», то есть человек после смерти полностью становился собственностью государства, и решение об изъятии органов принималось в зависимости от государственных потребностей и интересов. Возникающие правоотношения регулировались подзаконными нормативными актами: приказами, инструкциями и т. п. Украинское советское законодательство отличалось определенным уровнем централизации и осуществлялось на основе общесоюзного [1, с. 35].

Четвертым этапом развития законодательного регулирования незаконной трансплантации стали первые 10 лет независимости Украины (1992–2001). До принятия Конституции Украины на законодательном уровне о трансплантации органов и тканей человека впервые говорится в Законе от 19 ноября 1992 г. «Об Основах законодательства Украины о здравоохранении», которые содержат в себе нормы, регулирующие процесс трансплантации, а также права и обязанности врачей и пациентов. Некоторые положения помещались в Законах Украины «О донорстве крови и ее компонентов» (1995 г.) и «О лекарственных средствах» (1996 г.) [1, с. 38].

Важнейшим событием четвертого этапа на пути формирования правовой базы трансплантологии является принятие Закона Украины «О трансплантации органов и других анатомических материалов человека» от 16.07.1999 г. [16], который определил правовое положение донора и реципи-

ента, основы изъятия трансплантатов у живых и мертвых доноров, особенности получения и использования некоторых видов анатомических материалов человека. Законом установлена государственная монополия на деятельность, связанную с трансплантацией, которой могут заниматься аккредитованные в установленном законодательством порядке государственные и коммунальные учреждения здравоохранения и государственные научные учреждения [3, с. 85].

Пятый этап, который продолжается и сейчас, начался с важного события – вступления в действие 1 сентября 2001 года Уголовного кодекса (далее – УК) Украины, который в отличие от предшествующих (УК УССР 1922 г, УК УССР 1927 г. и УК УССР 1960 г.) криминализировал трансплантацию (ст. 143 УК «Нарушение установленного законом порядка трансплантации органов или тканей человека»).

До вступления в силу УК 2001 года случаи преступного нарушения медицинскими работниками установленного законодательством порядка трансплантации органов или тканей человека на практике квалифицировались как «Неоказание помощи больному лицом медицинского персонала» (ст. 113 УК УССР, 1960) при условии, что такое нарушение могло повлечь тяжкие последствия для больного. Если преступным посягательством был причинен вред здоровью или смерть потерпевшего, такие действия квалифицировались как умышленное либо неосторожное причинение телесных повреждений или убийство [3, с. 86].

Знаменательным событием 2018 года стало принятие 17 мая долгожданного Закона Украины «О применении трансплантации анатомических материалов человеку», который вступит в действие 1 января 2019 года. Основными его новациями по законодательному регулированию незаконной трансплантации является внесение изменений в ст. 143 УК Украины, а именно санкции данной статьи стали более строгими с целью предотвращения нелегальной трансплантации анатомических материалов человека [13].

Координационный центр трансплантации органов, тканей и клеток Минздрава Украины, который осуществлял управленческую деятельность,

связанную с трансплантацией (согласно старому закону), заменен новым – центральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере оказания медицинской помощи с применением трансплантации и осуществления деятельности, связанной с трансплантацией. Новый закон в ст. 9 [13] наделяет этот орган широким кругом полномочий, однако пока Положение об этом органе не будет принято, неизвестно, каким субъектом будут выполняться эти функции, как он будет формироваться, кто будет в его составе, кому он будет подчиняться и т.д. [9].

Не менее важным является введение новым законом очередности получения согласия у близких родственников и членов семьи донора анатомических материалов. Под этими субъектами следует понимать мужа, жену, отца, мать, отчима, мачеху, сына, дочь, пасынка, падчерицу, родного брата, родную сестру, деда, бабуку, прадеда, прабабуку, внука, внучку, правнука, правнучку, усыновителя или усыновленного, опекуна или попечителя, лицо, находящееся под опекой или попечительством, а также лиц, которые совместно проживают, связаны общим бытом и имеют взаимные права и обязанности, в том числе лиц, которые совместно проживают, но не состоят в браке (ч. 4 ст. 1) [13]. Однако закон не дает объяснения, как надо спрашивать согласия, если присутствуют несколько субъектов из этого перечня, или если члены семьи имеют кардинально разные взгляды по изъятию анатомического материала их погибшего родственника. Кроме этого, новым законом вносятся изменения в ст. 6 Закона Украины «О погребении и похоронном деле» и определяется еще один субъект, который может давать согласие на изъятие анатомических материалов, а именно: «другое лицо, взявшее на себя обязательства похоронить умершего и имеющее соответствующее свидетельство о смерти».

Выводы. Таким образом, законодательное регулирование уголовной ответственности за незаконную трансплантацию органов и тканей человека было основано еще в Киевской Руси, но продолжает развиваться до сих пор. Нормативные акты советского периода по трансплантации стали базой для нашего украинского законодательства.

Они имели подзаконный и ведомственный характер, не учитывали чрезвычайную важность этих общественных отношений. Без внимания законодателя осталось много других вопросов в те времена, особенно защита прав и свобод живого донора. Такое положение правового регулирования имело негативное влияние на трансплантологию, затормозив ее развитие. И только в период независимости Украины формируется более совершенная нормативная база трансплантологии, основой которой стал Закон Украины «О трансплантации органов и других анатомических материалов человека». Так как закон 1999 года устарел, в 2018 г. был принят новый Закон «О применении трансплантации анатомических материалов человеку», который вскоре вступит в законную силу, хотя пока еще нет научно продуманного механизма его введения в действие и реализации на практике. Нашим заданием в ближайшие годы станет создание еще ряда подзаконных нормативно-правовых актов, которые помогут данному закону заработать в полную силу и уменьшить количество случаев незаконной трансплантации в Украине, а параллельно с этим спасти тысячи жизней наших соотечественников. В связи с этим следует говорить о дальнейшей работе по совершенствованию уголовного законодательства и смежного с ним в сфере трансплантации анатомических материалов человеку.

Список использованной литературы:

1. Брюховецька М.С. Цивільно-правове регулювання посмертного донорства в Україні: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Національна академія внутрішніх справ: Київ, 2017. 230 с.
2. Венедіктов С.В. Правове регулювання трудових відносин: вітчизняний та зарубіжний досвід: навч. посіб. К.: Алерта, 2012. 368 с.
3. Гринчак С.В. Генезис правового регулювання трансплантації органів і тканин людини. Форум права. 2014. № 2. С. 81–88. URL: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/FP_index.htm_2014_2_15.pdf

4. Ермолов А.С., Чжао А.В., Погребниченко И.В. Актуальные вопросы органного донорства. Рос. мед. журнал. 2005. № 4. С. 3–8.

5. Инструкция об использовании глаз умерших людей для операции пересадки роговицы слепым: утв. Народным Комиссариатом Здравоохранения СССР от 1 декабря 1937 г. / Сборник организационно-методических материалов по судебно-медицинской экспертизе; сост. В.П. Прозовский, Э.И. Контер. 2-е изд. Москва, 1960. С. 214, С. 131.

6. Льющенко К. Еволюція правового регулювання донорства органів та інших анатомічних матеріалів людини. Теорія і практика інтелектуальної власності. 2017. № 1. С. 56–64.

7. Мусієнко А. Трансплантація органів та тканин: проблемні аспекти правового регулювання в Україні. Прокуратура. Людина. Держава. 2004. № 5. С. 84–88.

8. Мырецкая Е.И. О некоторых проблемных вопросах трансплантологии (историко-правовой опыт). Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2015. № 1 (29). С. 293–296. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemnyh-voprosah-transplantologii-istoriko-pravovoy-opyt>

9. Новицька М. Основні зміни до законодавства України у сфері трансплантації анатомічних матеріалів людини. Підприємництво, господарство і право. 2018. № 9. С. 132–137. URL: <http://pgp-journal.kiev.ua/archive/2018/9/25.pdf>

10. О порядке проведения медицинских операций: Постановление Совнаркома СССР от 15.09.1937 г. / Сб-к организац.-методич. материалов по судеб.-мед. экспертизе; сост. В.П. Прозовский, Э.И. Контер. 2-е изд. М.: МЕДГИЗ, 1960. С. 212.

11. Правила судебно-медицинского исследования трупов: утв. Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР 19 декабря 1928 г. и Народным комиссаром юстиции РСФСР 3 января 1928 г. / Сб-к организац.-метод. материалов по судеб.-мед. экспертизе; сост. В.П. Прозовский, Э.И. Контер. 2-е изд. М.: МЕДГИЗ, 1960. С. 109–157.

12. Приказ Министерства здравоохранения СССР от 02 августа 1966 г. № 600. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6437.htm

13. Про застосування трансплантації анатомічних матеріалів людині: Закон України від 17 травня 2018 р. № 2427-VIII. Голос України. 2018. № 115. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2427-19> (дата звернення: 03.12.2018).

14. Про поховання та похоронну справу: Закон України 10 липня 2003 р. № 1102-IV. Відомості Верховної Ради України. 2004. № 7. Ст. 47.

15. Про роботу Всесоюзного центру консервування та типування органів: Наказ Міністерства охорони здоров'я СРСР № 255 від 23.03.1977 р. URL: <http://www.rusmg.ru/php/contents.php?id=4692&pr=print>

16. Про трансплантацію органів та інших анатомічних матеріалів людині: Закон України від 16 липня 1999 р. Відомості Верховної Ради України. 1999. № 41. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1007-14> (дата звернення: 03.12.2018).

17. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантація органів тканин людини: Проблеми правового регулювання (Серія: «Право і медицина»): науч. изд.; под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России; Акад. права, экон. и безопасности жизнедеятельности; Фонд «Ун-т», 2000. 140 с.

18. Шульга В. Становлення та розвиток державного регулювання трансплантації в Україні. Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. Київ, 2012. № 1. С. 153–160.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жерж Людмила Анатольевна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Национального университета государственной фискальной службы Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zherzh Liudmyla Anatolyevna – Postgraduate Student at the Department of Criminal Law and Criminology of the National University of State Fiscal Service of Ukraine

Zherzh.Liuda@gmail.com

УДК 342.98

ЭТИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ГРАНИЦЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сергей ЖУКОВ,

кандидат юридических наук, докторант
Межрегиональной Академии управления персоналом

АННОТАЦИЯ

Статья содержит анализ сущности этических норм профессиональной деятельности. Автор обосновывает целесообразность применения экзистенциального подхода к пониманию этических стандартов. Создание этических кодексов в постиндустриальном обществе выступает фактором консолидации профессиональных социальных групп. Автор доказывает, что трансформация этической нормы в правовую норму возможна при условии дополнения ее определенной санкцией. Обосновано, что процесс синтеза этических и правовых составляющих социальной нормы не может рассматриваться в рамках концепции естественного права. Это противоречило бы принципам гуманизма и правовой определенности, поскольку применение правовых санкций на основании многовекторных и многообразных моральных императивов неизбежно бы приводило к одновременному поощрению одних и наказанию других субъектов за совершение схожих деяний.

Ключевые слова: этические кодексы, социальные нормы, правовые нормы, этические нормы, управление.

ETHICAL STANDARDS OF PROFESSIONAL ACTIVITY: EXISTENCE AND BORDERS OF LEGAL REGULATION

Sergey Zhukov,

Candidate of Law, Doctoral Student
of the Interregional Academy Personnel Management

SUMMARY

The article contains an analysis of the essence of ethical standards of professional activity. The author substantiates the expediency of applying an existential approach to understanding ethical standards. The creation of ethical codes in post-industrial society is a factor in the consolidation of professional social groups. The author argues that the transformation of the ethical norm in the legal norm is possible, provided it is supplemented with a certain sanction. The article contains a description of the features of the synthesis of ethical and legal components of the social norm.

Key words: ethical codes, social norms, legal norms, ethical norms, management.

Постановка проблемы. Осуществление профессиональной деятельности во многих сферах общественной активности в определенных случаях связано с необходимостью обеспечить соответствие личностных качеств и поведения сотрудников определенным критериям. Такие критерии, условия и способы их соблюдения находят свое отражение в этических кодексах как актах особой природы, соединяющих морально-нравственные и правовые нормы. Однако правовая природа этических кодексов только начинает привлекать внимание ученых и прак-

тиков, что служит подтверждением выбранной нами темы исследования.

Состояние исследования.

Вопросы отражения этических требований общества в нормах административного права были предметом исследований таких ученых, как В.Б. Аверьянов, А.М. Бандурка, В.Ф. Бойко, А.Л. Борко, В.Д. Брынецев, И.П. Голосниченко, В.Т. Мальяренко, Л.М. Москвич, В.В. Сердюк, А.А. Селиванов и др., но вместе с тем детальный анализ сущности этических кодексов в правовом аспекте изучен еще недостаточно, что служит доказа-

тельством, подтверждающим **актуальность** и новизну данной статьи.

Целью и задачей статьи является исследование сущности этических стандартов профессиональной деятельности в аспекте их правового регулирования.

Изложение основного материала.

Как справедливо отмечает К.Б. Сафонов, жизнь социума, его устойчивое развитие связаны с множеством факторов, как зависящих от человека, так и не имеющих к нему прямого отношения. Одним из важнейших аспектов благополучия каждого из нас является этичность действий конкретного индивида. Именно поэтому на всех этапах развития человеческое общество имеет дело с уникальным набором нравственных ценностей и норм. При этом периодически происходит смена систем ценностей [1, с. 55]. Заметим, именно таким периодом смены парадигм предстает эпоха построения информационного общества, в которой определенным образом видоизменяются этические критерии, что непосредственным образом отражается на требованиях к определенным профессиям в их морально-нравственных ипостасях. С одной стороны, можно согласиться с мыслью В.Н. Назарова и Е.Д. Мелешко, что переходные периоды характеризуются ослаблением этической регуляции, отказом от традиционных понятий о чести и нравственности. В настоящий момент традиционная этика зачастую оказывается неспособна удерживать человека от безнравственных действий. Необходимо помнить, что «одним из симптомов кризиса морали в современном обществе является ослабление и снижение уровня фундаментальной этической мотивации» [2, с. 58]. Вместе с тем, безусловно, человек не может находиться в своеобразном этическом вакууме. Этика – это не просто научная дисциплина, это своеобразный предохранитель, который удерживает общество от усиления социальной напряженности и перехода от созидательного труда и развития к саморазрушению. Не вызывает сомнения тезис о том, что «мораль характеризует человека с точки зрения его способности жить в человеческом общезитии» [3, с. 20]. Именно поэтому на место утраченных традиционных нравственных ценностей должны

прийти новые. Такими ценностями становятся концепции профессиональной этики [1, с. 56]. Не вызывает споров, что правовое преломление таких концепций осуществляется в системе административного права. Однако методологические основы построения таких этических систем могут быть принципиально разными. Рассмотрим их детальнее.

Первый путь можно условно назвать психологическо-эгалитаристским. Наиболее ярко он прослеживается на уровне этических ценностей предпринимательской среды. Так, например, исследования этических установок предпринимателей показывают, что существуют три уровня этики принятия решений: эгоцентрический, характеризующийся получением личной сиюминутной выгоды за счет нарушения моральных норм; конформистский, проявляющийся в отказе от нарушения моральных норм из страха последствий, ради сохранения репутации или выгоды в будущем; нравственно-центрический, направленный на благоприятные социальные последствия и отказ от получения сиюминутной выгоды из моральных соображений. При этом разные уровни этики принятия решений определяются различными комплексами этических установок: установками высшего нравственно-центрического уровня (стремление к самоактуализации, совесть, честность, милосердие, патриотизм, ориентация на служение), конформистского и эгоцентрического уровня (стремление к материальному богатству, гедонизм, эгоцентризм, превосходство над другими). Большинство обследованных собственников бизнеса находятся на «конформистском» уровне принятия решений. В результате исследования сделан вывод, что структура этических установок собственников бизнеса может быть двух типов: сбалансированного и разбалансированного. Разбалансированный тип эгоцентрического и конформистского уровня проявляется в том, что когнитивный регулятор указывает на неэтичность стремления к материальному богатству, а поведенческий – на стремление к материальному богатству. Сбалансированный тип нравственно-центрического уровня определяется единым направлением когнитивного

и поведенческого компонентов; цель деятельности собственников бизнеса этого уровня – социально-ориентированное предпринимательство в интересах всего общества, в которой материальная составляющая не является главенствующей [4, с. 104]. Схожую, на наш взгляд, структуру понимания этических требований к профессии предлагает Р. Повалко. Его набор индикаторов «истинной профессии» включает следующие. Первый из них: «профессиональная компетентность должна соотноситься с центральными ценностями общества». Второй: «профессионалы должны быть ориентированы на служение обществу», иначе говоря, мотивации этики служения должно отдаваться предпочтение перед мотивацией к личной выгоде. Третий индикатор: «профессионалы руководствуются в своих действиях этическим кодом» (кодексом). Четвертый: «профессиональное сообщество – значимый критерий формирования профессиональной идентичности» [5, с. 50].

Как можно убедиться на основе анализа этих классификаций, критерии, по которым проводится разделение между разными типами этических установок, условно сводятся к двум основным векторам: направленности на удовлетворение своих личных материальных и прочих потребностей, а также направленности на удовлетворение потребностей социума (очевидно, что конформистский путь является промежуточным между ними). Однако, как нам представляется, критерии такого разделения базируются на давно засвидетельствовавшей свою неприменимость советской модели. Вспомним Моральный кодекс строителя коммунизма, который относил к числу высших этических ценностей преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; заботу каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищескую взаимопомощь: каждый за всех, все за одного [6]. Указанные положения блестяще подтвердили свою неприменимость в реальных условиях жизнедеятельности общества, будь то осно-

ванная на монополии государственной собственности на средства производства социалистическая модель или модель рыночной экономики. Основным недостатком психологическо-эгалитаристской модели следует признать отрицание стремления к обеспечению своей финансовой безопасности как одного из свойств зрелой личности. Если этические качества относятся для определенной профессии к числу профессионально значимых, а содержание таких качеств в идеальной модели трактуется как отказ от материальных благ в пользу духовных, то сможет ли негативно относящийся к накоплению материальных ценностей руководитель осуществлять управленческие функции в отношении подчиненных, имеющих детей, нуждающихся в оплате их обучения, престарелых родителей, нуждающихся в оплате их лечения, не говоря уже о материальных, информационных и рекреационных потребностях самих работников? Очевидно, что такое управленческое воздействие будет неэффективным (либо в силу выработки так называемой системы «двойной морали»), свойственной для социалистической модели с ее коррупционными составляющими, либо в силу перенесения работниками своей активности на сферы, в которых их товар «рабочая сила» может быть обменян на эквивалентное денежное и иное материальное вознаграждение).

Означает ли это, что направленность на социальное благо как составляющая этической модели профессионала невозможна и недостижима? Вовсе нет. Просто на смену советской однолинейности (направленность или на обогащение, или на социальное благо) приходит понимание личности как многомерной модели, во всей сложности ее разнонаправленных векторов развития и сохранения. Центральным среди этих векторов сегодня, в эпоху постмодернизма, следует признать экзистенциальные. Согласно экзистенциальному психологу и психотерапевту Р. Мэю, экзистенциализм – не просто философское направление, а скорее культурное движение, запечатлевающее глубокое эмоциональное и духовное измерение современного человека, изображающее психологическую ситуацию, в которой он находится, выражение уникальных психо-

логических трудностей, с которыми он сталкивается [7]. Как справедливо отмечает Д. Леонтьев, экзистенциальное мировоззрение дает ресурсы для того, чтобы жить максимально удовлетворительным способом. Она открывает новое измерение жизни, которое связано с развитием, с контролем над жизнью. Экзистенциальная психология – это психология взрослого, который сам за себя отвечает и находит решение проблем, в отличие от импульсивного и недальновидного ребенка, поэтому она представляет собой альтернативу широко распространенному сейчас во всем мире инфантилизму. Инфантилизм во многом поддерживается массовой культурой и приводит к тому, что огромное количество людей вообще не хочет задумываться о смысле, о перспективе, об отношениях с другими людьми. Экзистенциальная психология раскрывает альтернативу инфантилизму, в которой человек сам себе хозяин и самостоятельно решает вопросы о том, как жить, не ориентируясь на внешние источники и внутренние импульсы, но используя ресурсы своего зрелого сознания и признавая неопределенность и непредсказуемость будущего [8].

Добавим, что инфантилизм был тем качеством, которое активно формировалось в советскую эпоху, когда ответственность за удовлетворение своих базовых потребностей человек передавал государству в обмен на возможность реализовать свои политические и информационные права и свободы. Существует ли инфантилизм сегодня в развитых рыночных государствах? Безусловно, существует, огромное количество информационных влияний на человека как родителя, покупателя, избирателя. Как справедливо отмечает И.Н. Шопина, фактором, который обуславливает повышенную уязвимость членов автономизированного постиндустриального общества к внешним воздействиям, является жесткая конкуренция между их трансляторами, которая в свою очередь заставляет постоянно совершенствовать способы и методы своей деятельности. Среднестатистический член общества чувствует воздействия, направленные на изменение или поддержание определенных вариантов его поведения, по меньшей мере, от нескольких десят-

ков субъектов, к которым относятся, например, представители высших органов государства, формирование (назначение) членов которых зависит от электоральной активности граждан; международные организации, цель деятельности которых связана с развитием демократии, предупреждением нарушений прав и свобод человека и гражданина, созданием условий для мирного разрешения международных и внутренних конфликтов, обеспечением устойчивого экономического развития; представители производителей и реализаторов товаров и услуг; профессиональные группы, специфика деятельности которых предполагает наличие определенных информационных месседжей, назначением которых является формирование желательного поведения их членов, так и других участников общественных отношений и т.п. [9, с. 135]. Добавим, что это никоим образом не снимает с психологически зрелой личности ответственности за свою информационную безопасность.

Однако остается проблема, решение которой требует обратиться к сущности правопонимания. Изложенное нами выше может служить предпосылкой к определению места этических стандартов в системе социальных норм. Как мы помним, и правовые, и моральные (этические) нормы являются видами социальной нормы, и в зависимости от выбора концепции позитивного либо естественного права происходит решение вопроса о возможности их синтетического соединения. Интересным представляется взгляд К.Б. Сафонова на решение этой проблемы. Автор пишет: «Этический кодекс содержит в себе информацию о принципах и ценностях, важных лишь для представителей определенной профессии. При этом особый акцент делается на значении данных положений для выполнения профессионалом своей социальной роли. Кодекс профессиональной этики является документом, определяющим цели и задачи деятельности представителей рассматриваемой профессии, ее фундаментальные моральные ценности. Только с помощью этического кодекса общие нравственные цели становятся конкретными, а, следовательно, легко достижимыми. Не каждый человек спо-

собен осознать, что представляет собой общее благо, но он может понять то, каким образом его деятельность может способствовать моральному обновлению общества» [1, с. 55–56]. С нашей точки зрения, в этой цитате очень концентрировано слились тенденции изоляционизма (ценности, важные не для всего общества, а только для представителей определенных групп), не подкрепленного эмпирикой идеализма (легкодостижимость нравственных целей) и приоритетности формирования инфантилизма («не каждый человек способен осознать, что представляет собой общее благо»). Это в корне противоречит пониманию сущности права в концепции позитивного права, в котором, в отличие от естественного, как известно, акцент ставится на субъект права, его интересы и потребности. Это право, установленное законодателем, представляющее собой совокупность действующих правовых актов, защищающих его интересы. Такое толкование права восходит также к древнекитайской культуре, когда в царстве Чжен в VI в. до н. э. появляется формула «Путь человека близок, а путь Неба («Дао») далек и до него не доходит», которая явно указывает на необходимость отказа от метафизического понимания природы права в пользу переноса источника права в социальный мир. Именно тогда в Китае впервые была нарушена традиция «суда по совести», и в 536 г. до н. э. кодифицированы уголовные законы («Уложение о наказаниях»), отлитые в металле [10].

Безусловно, имеют определенные основания и сторонники естественного права, утверждающие, что ценность права должна быть признана гражданином сознательно и самостоятельно, а не в бессознательной пассивности, когда человек вынужден подчиниться насилию со стороны внешних сил. В естественном праве заключаются основные идеи и принципы права, которые может адекватно осознавать только личность с высоким уровнем правосознания, обладающая возможностью видеть не только недостатки действующей правовой системы, но и пути их устранения. Ведь в позитивном праве любого общества можно найти нормы, которые имеют неверные, несправедливые и унижительные основания,

проистекающие из мнимых ценностей законодателя. Это негативно сказывается на результатах правовой социализации. Тем не менее, как свидетельствует история, позитивное право может и со временем получает справедливое содержание, соответствующее универсальным духовным и моральным ценностям. Установки естественного права задают интенции профессиональному правосознанию. Законодателю они позволяют вырабатывать нормы позитивного права, которые не вызывают морально-правового отторжения у граждан. Критерии справедливости выступают здесь в качестве ценностных детерминант естественного права и позволяют придать достойный моральный облик и содержание юридическим законам, без которого они не будут позитивно восприниматься народом и не станут положительным фактором правовой социализации [11]. Однако широта вариантов правовой социализации неизбежно порождает множественность вариантов понимания этических норм. И, как результат, во-первых, это препятствует созданию единых для определенной профессии этических стандартов, а, во-вторых, порождает хаос в правоприменении именно вследствие многообразия понимания субъектами, на которых возложены функции отбора, аттестации, привлечения к дисциплинарной ответственности и т.п., того, как же должен выглядеть этот «достойный моральный облик».

Выводы. На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы. Во-первых, создание этических кодексов в постиндустриальном обществе выступает фактором консолидации социальных групп, объединенных профессиональными признаками. Во-вторых, трансформация этической нормы в правовую возможна при условии дополнения первой определенной санкцией, а также наличия субъекта, который эту санкцию может применить. В третьих, процесс синтеза этических и правовых составляющих социальной нормы не может, по нашему глубокому убеждению, рассматриваться в рамках концепции естественного права. Это противоречило бы принципам гуманизма и правовой определенности, поскольку примене-

ние правовых санкций на основании многовекторных и многообразных моральных императивов неизбежно бы приводило к одновременному поощрению одних и наказанию других субъектов за совершение схожих деяний.

Список использованной литературы:

1. Сафонов К.Б. Этические кодексы: проблемы создания и применения. Вестник пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Выпуск 1 (13). С.54–57.
2. Назаров В.Н., Мелешко Е.Д. Этическое образование в России (история и современность). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2004. 234 с.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. Москва: Гардарики, 1998. 234 с.
4. Котенко Л.М. Этические ценности российских предпринимателей в эпоху экономических и социальных реформ общества. Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. 2011. Выпуск 4. С. 103–108.
5. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок: монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. 378 с.
6. Моральный кодекс: Мёзия – Моршанск. / гл. ред. А.М. Прохоров. Москва: Советская энциклопедия, 1974. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 1969–1978. Т. 16. С. 134.
7. Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение. Москва: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 345 с.
8. Леонтьев Д. Экзистенциальная психология. URL: <https://postnauka.ru/faq/72740>
9. Шопіна І.М. Інформаційно-психологічні впливи як категорія інформаційного права: поняття, ознаки, особливості дослідження. Наука і правоохорона. 2017. № 4. С. 134–140.
10. Рахматуллин Р.Ю. Естественное и позитивное право как единство противоположностей. Молодой ученый. 2013. № 12. С. 676–678. URL: <https://moluch.ru/archive/59/8371>
11. Гуляихин В.Н. Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса. Юридические исследования. 2013. № 3. С. 221–238. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_559.html

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жуков Сергей Викторович – кандидат юридических наук, докторант Межрегиональной Академии управления персоналом

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhukov Sergey Viktorovich – Candidate of Law, Doctoral Student of the Interregional Academy Personnel Management

Uaftr@ukr.net

UDC 341.01

THE ROLE OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE IN INTERPRETING INTERNATIONAL TREATIES: THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE ICJ'S JURISDICTION

Svetlana KARVATSKAYA,
PhD in Law, Doctoral Student
at the Institute of International Relations
of Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Associate Professor at the Department of Human Right
of Yurii Fedkovych Chernivtsi National University

SUMMARY

Interpretational opportunities of ICJ in legal practice to interpret international treaties through institutional instruments and realization of interpretational principles in international law are considered in this article.

The examples of static and dynamic interpretation; different ways of translation, the application of *travaux préparatoires* are analyzed.

Key words: international treaties' interpretation, International Court of Justice, principles of international treaties interpretation.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЮРИСДИКЦИИ МС

Светлана КАРВАЦКАЯ,
кандидат юридических наук, докторант
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
доцент кафедры прав человека
Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены интерпретационные возможности Международного суда ООН в правоприменительной практике толкования международных договоров при помощи институциональных возможностей, реализации принципов толкования и международного права, приведены примеры возможностей реализации принципов статического и динамического толкования, различных способов толкования, применения *travaux préparatoires*.

Ключевые слова: толкование международных договоров, Международный Суд ООН, принципы толкования международных договоров.

Introduction. The UNO International Court of Justice is the main judicial organ of the United Nations Organization (hereinafter – UNO ICJ). Its activity is aimed at the achievement of one of the main UNO objectives – the promotion of international peace maintenance (article 1, item 1 of the UNO Charter) through the adoption of decisions and advisory conclusions [6]. In addition to resolving disputes between the states in essence the UN ICJ must ensure the fulfillment of contractual obligations by the participants of international treaties through the interpretation of con-

tractual norms, that precede their implementation, and that contributes not only to equal understanding of this or that standard, but also ensures conscientious fulfillment of the obligations, arising from it [2]. That is why, the interpretation of international treaties is an extremely important aspect of their implementation within the framework of international law, especially at regional level. In particular, article 1 of the European Convention on peaceful settlement of disputes of 1957 indicates the responsibility of the countries to transmit all the interstate disputes of legal

nature to the International Court of Justice, including disputes concerning:

- interpretation of the contract;
- any question of international law;
- the existence of a fact, which, if established, will constitute a violation.

Among a number of international court the UNO ICJ is the universal body to resolve disputes, connected with the use of treaties, and most authoritative in connection with international treaties interpretation; its decisions are legally compulsory (for the parties of the dispute), and the views of scholars of authority – specialists in international law, which often simultaneously are the judges – are a source of law. No wonder, the interpretation of international treaties became the basis for the practice of judicial precedent application by the international judicial authorities, which often advert to their previous decisions, as well as the decisions of other international bodies, when dealing with judicial cases. The growing number of states' explanation and dispute resolution requests to the courts, increasing role and activity of the courts in international law interpretation, and, at the same time, the aspiration to interpret the treaty independently (authentically) as subsequent treaties, the UNO ICJ peacemaking mission intensification in the context of political expediency in particularly complex cases on international relations disputes, are evidence of the problem of international treaties interpretation by the UNO ICJ actualization.

The purpose of the study is to determine the role and peculiarities of the UNO International Court of Justice in international treaties interpretation in order to resolve international disputes in modern conditions, which is an integral part of the question to regulate international-legal relations between the states and international organizations in support of international law and order and security through the resolution of international disputes and international treaties interpretation.

To determine the methodological basis of research, generalization of different authors' concepts, regarding the interpretation of the contract, a universal structure is used, equalling the structure of most contracts. The analysis algorithm methodologically provided for the implementation of successive comparative steps, concerning:

- 1) general provisions of interpretation;
- 2) interpretation means in prescribed order and hierarchy [8].

The overall analysis allows using the main four schools of contractual interpretation practices, having different hermeneutic aims and, accordingly, using a set of their own ways and methods of interpretation. The intent school ascertains the intentions of the parties, the textualist school establishes the ordinary meaning of the words of the treaty, the teleological approach gives effect to the object and purpose of the treaty, and the New Haven school determines and implements the genuine shared expectations of the parties [22]. Adherents of these schools are among the leading scholars of international law, at the same time, their doctrines are additional sources of international law.

An idea is spread among the scientists to single out only three approaches to the interpretation of international treaties or theories – textualism, theory of intentions and teleological approach. Analyzing the advantages and disadvantages of each of them, E. Zverev indicates simple theoretical basis and ease in textualism application, and, at the same time, excessive fixation on the standards of the written text, and the difficulty (or almost impossibility) of extratextual means of interpretation use, even if they are needed in a particular situation, what may lead to the adoption of unlawful decisions; revelation and specification of the relevant standard author's will (regarding international contracts – will of the parties, who signed the agreement) and opportunity (sometimes exaggerated) to use preliminary materials, subsequent practice of an international treaty implementation etc., when applying the theory of intentions; elucidating of the purpose with an adopted relevant standard to gain it, and within the limits of this purpose (which could also change over time) determination of a standard's content in accordance with specific time regulations and complexity and riskiness of practical implementation of this norm in the context of teleological theory. As a result, the author proposes to apply a combination of interpretation theories – textual, theory of intentions and teleological theories [1].

The problem of international treaties interpretation in scientific doctrine impresses by variability of views and comments. Problematic questions concerning ICJ activities on treaties' interpretation are investigated both in international organisations' documents [9] and numerous scientists: Y. Vlasov, K. Djefal, T. Ginsburg, I. Lukashchuk,

O. Lukashchuk, O. Merezhko, A. Talalayev, H. Lauterpacht, M. Ris, G. Fitzmaurice, L.N. Sicilianos and others.

In particular, the representatives of Russian international law school analyze the question of the necessity to give the right of access to the Court of some territories, parts of a sovereign state, as a party of the case in essence (the example of the wall on the occupied Palestinian territory) [12] and the proposition of corresponding amendments to art. 36 of the UNO ICJ Charter; proposal to include into the list of the parties in the dispute of individuals, which means the recognition of mandatory trial principle by the states (N.N. Goncharova); the question of the legitimacy to demand advisory conclusions from international non-UN-organizations with the General Assembly's consent: regional bodies, various specialized intergovernmental organizations, international non-governmental organizations, having General Consultative Status ECOSOC, with the consent of the UNO General Meeting (N.N. Chernova).

The institutional foundations of the UNO ICJ activity are determined in Article 92 of the UN Charter, which states, that the UNO General Meeting and the Security Council elect fifteen judges. Article 9 of the ICJ Statute specifies them to represent "the main forms of civilization and principal legal nature, subject to the systems".

The jurisdiction of the court includes general and adjoining powers, which outline the range of cases, considered by the court. Article 36 of the Court's Statute determines general authorities, which include resolving disputes between the states (since only they can stand the trial), subject to compulsory jurisdiction of the Court: about the interpretation of the agreement; the question of international law; about the presence of the fact; about the nature and amount of reimbursement. Article 96 of the UNO Charter contains the opportunity to provide advisory opinions on abstract questions of international law at the request of any UNO body authorized to comply with such inquiries. Adjoining powers also include: international agreements interpretation, identifying and ascertaining the gaps in existing international law. According to paragraph 1, article 36 of the UN Charter the ICJ deals with all the cases, that will be sent to it by the parties, and all the questions, specially provided for in the UN Charter or applicable treaties and conventions [6].

The case handling of the ICJ is carried out under strict compliance with *Jus standards Cogens*, which are specified in the Vienna Convention, 1969 [16] on the basis of their mechanism of their recognition and the principles of good faith and ordinary meaning of the terms. The terms are not clearly recognised and applied to the obligations *erga-omnes* to genocide prohibition [5].

The ICJ has influenced the development of such a principle as the audit of change, without which the law and justice are impossible [7] and the practices of a contextual interpretation. For example, it was applied to the cases concerning nuclear tests in 1974 g. Nuclear Test Case (Australia v. France) and Nuclear Test Case (Australia v. France) (New Zealand v. France) [17; 18] and Request for an Examination of the Situation in Accordance with Paragraph 63 of the Court's Judgment of 20 December 1974 in the Nuclear Test (New Zealand v. France) [13; 14], 2016. (Marshall Islands v. India, Marshall Islands v. United Kingdom), Marshall Islands v. Pakistan [19–21].

Underground nuclear explosions carried out by France in the future, according to New Zealand, also pollute the environment. The Court protects the fundamental rights of people not only in New Zealand but also Australia, Samoa, Solomon Islands, Marshall Islands and the Federated States of Micronesia. The rights of people in these territories "include the rights of the unborn descendants". These are rights, "which nation is obliged to protect" [7]. Changes in circumstances of life sometimes cause interpretative changes, as well as the cessation and obsolescence of international treaties, the content of terms, the validity of the contract, or its parts [7].

The considerations mentioned above indicate the evolution of the rules of interpretation of the Court and the commitment to a dynamic principle, in particular. Today, in interpreting international treaties, the ICJ adheres to both the static and the dynamic principle of interpretation, when the "facts", "treaties", "conventions", clauses to treaties are interpreted evolutionary in the light of the new circumstances of new knowledge, and not only in respect of treaties that regulate the observance of human rights. If in the 70's of the twentieth century humanity was less aware of the harmful effects of nuclear testing, then, in the 90's, after

the Chernobyl disaster, cases and advisory opinions were held with arguments at a new technological level [13]. Although in the history of the ICJ there were periods of a certain confrontation of different approaches. However, the application of the evolutionary principle still requires more argumentation, and the static principle is applied to their interpretation.

ICJ uses different ways of interpreting international treaties, often combining several of them. Thus, clarifying specific context of the above case to interpret the expression 'foundations judgments', grammatical and special legal methods were applied, observing the principle of contextual interpretation [7]. However, the Court clearly adheres to the basic rule for the interpretation of treaties in order not to receive inappropriate results or to adopt an "absurd" decision [12].

The interpretation activity of the Court enables not only to specify the fuzzy provisions of the treaties, but also to determine the content of the treaties and the possibility of their termination. An example of such a concretization is the ICJ's decision in Namibia regarding the validity of resolution 284 (1970) [11], as two permanent members of the UN Security Council abstained from voting, the ICJ decided that such actions could be considered a "for" vote, although the court was pondering whether such an interpretation was correct, since according to Art. 27 (3) of the UN Charter 3 "Decisions of the Security Council on all other matters shall be made by an affirmative vote of seven members including the concurring votes of the permanent members" [6].

An important role in the interpretative work of the Court is played by the clarification of the purpose of the contract, the normal meaning and the real and foreseeable intentions of the travaux préparations [9] especially in the historical context. In the decision on the case Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia) the Court applied the Agreement of 1990 as preparatory documents to find out the object and aim of the treaty. But cartographical materials being absent there was no official ground to interpret the Treaty [10]. The most successful was the usage of the Treaties (1858 and 1886) between Costa Rica and Nicaragua – the cases Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua) and Land Boundary in the Northern Part of Isla Portillos (Costa Rica v. Nicaragua) (2 Febru-

ary 2018), because "11 doubtful clauses" were settled there. These clauses allowed to determine "validity of the 1858 Treaty and found, in its paragraph 3 (1), that the boundary line between the two States on the Atlantic side "begins at the extremity of Punta de Castilla at the mouth of the San Juan de Nicaragua River, as they both existed on the 15th of April 1858" [15]. At the same time the Court stated "the absence of "detailed information", which had been observed in the 2015 Judgment, had left the geographical situation of the area in question somewhat unclear with regard to the configuration of the coast of Isla Portillos" (pr. 70) and sought to find out "issues of territorial sovereignty which it is expedient to examine first, because of their possible implications for the maritime delimitation in the Caribbean Sea" (pr. 59). Although this method is applied only as subsidiary because the intentions must be defined as foreseen art. 31 VCLT. The Court works not only with the treaties' text but official state letters as well [19–21], their practice [13]. This practice must refer to treaties application.

Investigating new facts caused the termination of the case concerning Sovereignty over Pedra Branca/Pulau Batu Puteh, Middle Rocks and South Ledge (Malaysia/Singapore) (Malaysia v. Singapore) 29 May 2018 [3, 4] as new documents were found out (namely internal correspondence of the Singapore colonial authorities in 1958, an incident report filed in 1958 by a British naval officer and an annotated map of naval operations from the 1960s.). The parties terminated the trial.

The court tries to consider geographical, historical, political circumstances of the cases. It is extremely important while considering political matters to eliminate any possibility to influence situation. The example of important interpretative activity of the Court can be the cases Croatia v. Serbia on the Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide [4]. The Court took into consideration political circumstances connected with Socialist Republic Yugoslavia splitting and independent Croatia creating. The Court found out those circumstances as the demonstration of genocide [4, pr. 62, 76, 102, 187].

The case mentioned above and the other cases concerning genocide acts during the conflict between Bosnia, Serbia and Montenegro in 1991–1995,

1999–2000 were sued by Croatia against the republic of Yugoslavia for Convention violation on genocide crimes prevention and punishment. Croatia aimed to prove that the events in the city Vukovar were Serbian armed forces actions in the response of its Declaration of Independence. It was political scenario of Belgrad federal government. The Court stated these facts and refused Serbian interpretation of Brioni transcript considering it to be aimed to exterminate civil population [4, pr. 503]. The Court interpreted Convention's article and the phrase "committed with the extent to exterminate" in particular [4, pr. 138]. Finally, the Court stated: "in the absence of the necessary specific intent which characterizes genocide, Croatia cannot be considered to have engaged in "conspiracy to commit genocide" or "direct and public incitement to commit genocide", or in an attempt to commit genocide, all of which presuppose the existence of such intent. It follows that the alternative submissions must be rejected" [4, pr. 517]. Political cases concerning Palestine territories and Cosovo independence were also very complicated.

At the same time the Court detailed some notions, in particular aggression and validity of weapon usage for self defence stipulated on UNO statute and common international law.

Some thoughts, declarations and comments of ICJ judges are very important for this process. The possibility to analyse the discussion of all steps of the trial in the court and interpretational activity of the court can be considered as the demonstration of law creation. This aspect of Court's activity is the most dynamic and unforeseen because treaties interpretation often belongs to Court composition and depends on its loyalty to certain interpretational school, scientific views and the development of international law in general because it can evidently influence treaties interpretation by the Court.

Conclusions. Interpretation of international treaties by the International Court of Justice is the most authoritative form of official interpretation. In interpreting contracts ICJ relied on the text of the treaty, used the object, purpose, subsequent practice and agreement of the parties, using static and more evolutionary principles of interpretation, sometimes – a custom. Preparatory materials were important as well.

Applying law-enforcement practice in the interpretation of treaties, the ICJ promotes the elimination of gaps in law, promotes the development of international law, using the rules to specific circumstances, the Court reveals, deepens and specifies their content. Moreover, ICJ according to the demands of the time answering time requests demonstrates the desire for flexible and effective reconciliation between the parties of the dispute, contributes to better of understanding and the strengthening of the world, but we need further research to increase its authority and the capacity to implement the Court's rulings.

References:

1. Зверев Є.О. Деякі питання стосовно теорій юридичного тлумачення. Наукові записки НаУКМА. Юридичні науки. 2015. Т. 168. С. 48–52.
2. Симонова Н.С. Консультативные заключения Международного Суда ООН в механизме обеспечения выполнения международных договорных обязательств. Московский журнал международного права. 2015. № 3 (99). С. 94–104.
3. Application for revision of the Judgment of 23 May 2008 in the case concerning Sovereignty over Pedra Branca/Pulau Batu Puteh, Middle Rocks and South Ledge (Malaysia/Singapore) (Malaysia v. Singapore). 2018. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/167>
4. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia), Judgment. I.C.J. Reports. 2015. P. 3. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/118/118-20150203-JUD-01-00-EN.pdf>
5. Case concerning East Timor (Portugal v. Australia) Judgment of 30 June 1995: Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/84/6951.pdf>
6. Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice. San Francisco, 1945. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf>
7. Dissenting opinion of judge Weeramantry Request for an Examination of the Situation in Accordance with Paragraph 63 of the Court's Judgment of 20 December 1974 in the Nuclear Test (New Zealand v. France) Case. International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/97/orders>

8. Djeflal Chr. Static and evolutive treaty interpretation: a functional reconstruction. Cambridge University Press, 2016. 401 p.

9. Document A/56/10: Report of the International Law Commission on the work of its fifty-third session (23 April – 1 June and 2 July – 10 August 2001). Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. 2. Part Two: Report of the Commission to the General Assembly on the work of its fifty-third session. UNITED NATIONS, New York and Geneva, 2007. P. 86–207. URL: http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v2_p2.pdf

10. Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia), Order of 27 February 1998. I.C.J. Reports. 1998. P. 6. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/98>

11. Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970). URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/53>

12. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory Order of 30 Juizuury 2004. I.C.J. Reports. 2004. P. 3. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/131/131-20040130-ORD-01-00-EN.pdf>; URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/131>

13. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Order of 1 February 1995. I.C.J. Reports. 1995. P. 3. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/95/095-19950201-ORD-01-00-EN.pdf>

14. Legality of the Use by CI State of Nuclear Weapons in Armed Conflict, Order of 20 June 1994, I.C.J. Reports. 1994. P. 109. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/93/093-19940620-ORD-01-00-EN.pdf>

15. Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua) and Land Boundary in the Northern Part of Isla Portillos (Costa Rica v. Nicaragua). International Court of Justice. General List Nos. 157 and 165, 2 February 2018. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/165/165-20180202-JUD-01-00-EN.pdf>

16. Multilateral Vienna Convention on the law of treaties (with annex). Concluded at Vienna on 23 May 1969. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201155/volume-1155-i-18232-english.pdf>

17. Nuclear Tests Case (Australia v. France): Judgment of 20 December

1974. International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/58/058-19741220-ORD-01-00-EN.pdf>

18. Nuclear Tests Case (New Zealand v. France): Judgment of 20 December 1974. International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/59/059-19741220-ORD-01-00-EN.pdf>

19. Obligations concerning Negotiations relating to Cessation of the Nuclear Arms Race and to Nuclear Disarmament (Marshall Islands v. India), Order of 19 May 2015. I.C.J. Reports. 2015. P. 569. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/158/158-20150519-ORD-01-00-EN.pdf>

20. Obligations concerning Negotiations relating to Cessation of the Nuclear Arms Race and to Nuclear Disarmament (Marshall Islands v. United Kingdom), Order of 19 June 2015. I.C.J. Reports. 2015. P. 577. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/160/160-20150619-ORD-01-00-EN.pdf>

21. Obligations concerning Negotiations relating to Cessation of the Nuclear Arms Race and to Nuclear Disarmament (Marshall Islands v. India), Order of 19 May 2015. I.C.J. Reports. 2015. P. 569. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/158/158-20150519-ORD-01-00-EN.pdf>

22. Ris M. Treaty Interpretation and ICJ Recourse to Travaux Préparatoires: Towards a Proposed Amendment of Articles 31 and 32 of the Vienna Convention on the Law of Treaties. Boston College International and Comparative Law Review. 1991. Vol. 14/1. Iss. 1. Art. 6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карвацкая Светлана Богдановна – кандидат юридических наук, докторант Института международных отношений Киевского Национального Университета имени Тараса Шевченко, доцент кафедры прав человека юридического факультета Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karvatskaya Svetlana Bogdanovna – PhD in Law, Doctoral Student at the Institute of International Relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv, Associate Professor at the Department of Human Right of Yuri Fedkovych Chernivtsi National University

svitlana.karvatska288822@gmail.com

УДК 347.73

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ В УКРАИНЕ

Любовь КАСЬЯНЕНКО,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры финансового права
Национального университета государственной
фискальной службы Украины

Наталья АТАМАНЧУК,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового права
Национального университета государственной
фискальной службы Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены и проанализированы основные теоретические подходы к налогу на добавленную стоимость. Рассмотрены понятие налога на добавленную стоимость, характерные признаки, функции и особенности механизма администрирования данного налога. Исследованы проблемы правового регулирования на современном этапе. Определены основные направления реформирования налога в условиях интеграции в Европейский Союз. Рассмотрен комплекс мероприятий, предложенных для решения проблем администрирования налога на добавленную стоимость в Украине.

Ключевые слова: налоги, косвенные налоги, администрирование, налоговая система, налог на добавленную стоимость, Налоговый кодекс Украины.

LEGAL REGULATION OF VALUE ADDED TAX IN UKRAINE

Lyubov KASYANENKO,

Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Financial Law
of National University of the State Fiscal Service of Ukraine

Natalia ATAMANCHUK,

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Financial Law
of National University of the State Fiscal Service of Ukraine

SUMMARY

The article reviews and analyzes the main theoretical approaches to the value added tax. The concept of value added tax, characteristic features, functions and features of the administration mechanism of this tax are considered. The problems of legal regulation at the present stage are researched. The main directions of tax reform in the context of integration into the European Union have been determined. The set of measures proposed to solve the problems of the administration of value added tax in Ukraine is considered.

Key words: taxes, indirect taxes, administration, tax system, value added tax, Tax Code of Ukraine.

Постановка проблемы. Налог на добавленную стоимость (далее – НДС) является бюджетообразующим и одновременно сложным и противоречивым налогом в налоговой системе. В Украине он заменил налог с оборота и налог с продаж, став в дальнейшем важным для формирования доходной части государственного бюджета и условием вступления нашей страны в Евро-

пейский Союз (далее – ЕС). Именно в контексте Соглашения об ассоциации [1] Украина ставит целью не только адаптацию отечественного законодательства о НДС с законодательством ЕС, но также заимствование и внедрение лучших элементов системы НДС с целью устранения торговых барьеров между Украиной и ЕС и совершенствования отечественных норм. Однако,

несмотря на положительный и длительный опыт функционирования НДС в европейских странах, его применение в Украине достаточно проблемно. Сейчас остаются неурегулированными вопросы, связанные с функционированием НДС, а именно с механизмом начисления и уплаты налога, возвращением излишне уплаченных сумм НДС плательщикам из бюджета и тому подобное. В современных условиях реформирования налогового законодательства, гармонизации налогообложения НДС с законодательством ЕС данный налог нуждается в дальнейшем исследовании и поиске новых путей по совершенствованию его администрирования.

Состояние исследования. Отдельные аспекты администрирования НДС имеются в трудах отечественных ученых: В. Андрущенко, Г. Бех, С. Верналия, А. Василик, Д. Гетманцева, А. Данилова, Ю. Иванова, А. Ильницкой, А. Князевой, Л. Коваленко, Н. Кучерявенко, А. Крысоватого, И. Лунина, Ю. Малашенко, А. Манькуты, Т. Михеенко, В. Парнюка, А. Скрипника, А. Соколовской, Е. Сотниченко, С. Юрия, Н. Харченко, Ю. Щербины и других.

Целью и задачей статьи является исследование понятия, признаков, функций и особенностей правового регулирования НДС в Украине, его проблемных аспектов и путей совершенствования и реформирования действующего законодательства.

Изложение основного материала. На сегодняшний день в Украине порядок исчисления и уплаты НДС регламентируется Налоговым кодексом Украины (далее – НКУ) [2]. Согласно с п. 1.178 статьи 14 НКУ «это косвенный налог, который начисляется и уплачивается в соответствии с нормами раздела V настоящего Кодекса». И хотя законодатель дает определение налога, однако такое понятие не в полной мере раскрывает всю многогранность данного платежа, его признаки, особенности и характеристику. Более того, в действующем налоговом законодательстве нет как определения косвенного налога, так и самого критерия деления налогов на прямые и косвенные.

Например, в Налоговом кодексе Грузии пунктом 3 статьи 8 определен косвенный налог как «налог (НДС,

акциз и другие), который устанавливается в виде надбавки к цене поставленных товаров или (и) предоставляемых услуг и оплачивается потребителем при приобретении товаров или (и) услуг по цене, увеличенной на сумму этого налога. Обязательства по уплате косвенного налога в бюджет возлагаются на поставщика товаров или (и) лицо, предоставляющее услуги, настоящим Кодексом именуемое налогоплательщиком» [3]. Согласно статье 159 Налогового кодекса Республики Таджикистан налог на добавленную стоимость как косвенный налог подлежит уплате на всех стадиях производства, обращения товаров, выполнения работ и оказания услуг [4]. В соответствии со статьей 58 Налогового кодекса Республики Армения налог на добавленную стоимость – это государственный налог, уплачиваемый в государственный бюджет в установленном Кодексом порядке, размере, сроках, для осуществления считающихся объектом налогообложения сделок и (или) операций, установленных статьей 60 Кодекса [5].

Считаем целесообразным внесение изменений в п. 1.178 статьи 14 НКУ, в существующее понятие НДС в налоговом законодательстве и изложение его в следующей редакции: «это общегосударственный, косвенный налог, который устанавливается в виде надбавки к цене товаров (работ, услуг) и уплачивается потребителем при приобретении товаров (работ, услуг) по цене, увеличенной на сумму этого налога, уплачиваемый в соответствии с нормами раздела V настоящего Кодекса на всех стадиях производства, обращения товаров, выполнения работ и оказания услуг».

Как отмечает Н. Кучерявенко, наиболее важными сущностными чертами НДС являются: вид общегосударственного налога; специфическая разновидность косвенного налога; участвует в формировании цены на стадии реализации, не затрагивая практически стадию производства, он является налогом на потребление; реально уплачивается потребителем, приобретает товары (работы, услуги), тогда как формально перечисляется в бюджет сумма этого налога лицом, реализует товар осуществляет работу или услугу; носит универсальный характер (оплачивается при реализации, обороте, предоставле-

нии любого товара (работы, услуги), взимается на каждом этапе внешнего или внутреннего оборота товаров (работ, услуг) [6, с. 361].

Разделяем мнение Н. Харченко относительно того, что совершенствование действующей системы НДС должно происходить с учетом действительно свойственных ему функций [7, с. 12]. Считаем, что наиболее важными функциями НДС, с помощью которых и проявляется его суть, – это фискальная и регулирующая. Благодаря фискальной функции НДС реализуется главное назначение этого налога: формирование и мобилизация финансовых ресурсов государства. Регулирующая функция НДС реализуется через систему льгот и преференций, которые может устанавливать государство с целью решения определенных задач. Примером этого является нулевая ставка налога на добавленную стоимость при экспорте товаров, работ, услуг (п. 195.1.1. Ст. 195 НКУ) [2].

Особенность НДС заключается в том, что налог уплачивается продавцом (изготовителем, поставщиком) товаров, работ, услуг с той части стоимости, которую он добавляет к стоимости своих товаров (работ, услуг) на стадии их реализации. То есть мы видим, что добавленная стоимость создается в процессе всего производства и обращения товаров, начиная со стадии их изготовления и заканчивая реализацией конечному потребителю. НДС уплачивается на каждой стадии производства и обращения, имеет широкую налоговую базу, практически охватывает все виды товаров и услуг. В то же время продавец включает налог на добавленную в стоимость товаров и оказанных услуг, но и сам он уплачивает НДС за приобретенные им в процессе производства товары (работы, услуги). Таким образом, сумма уплаченного им налога составляет разницу между суммами налога, полученными от покупателей за реализованные товары и услуги, и суммами налога, уплаченными поставщикам при приобретении тех товаров и услуг, которые необходимы в процессе производства облагаемых товаров (работ, услуг). Плательщик НДС имеет право на вычет налога, уплаченного им поставщикам, на этом, собственно, и базируется механизм действия налога

на добавленную стоимость [9, с. 114]. Иными словами, конечный потребитель, оплачивая товар, платит всю сумму НДС, которая выплачивалась продавцами в государственный бюджет в течение всей цепи продвижения товара. Следовательно, сущность НДС сводится к уплате этого налога продавцом товаров, работ, услуг по той стоимости, что добавляется к стоимости приобретенных материалов и услуг. В этом и проявляется сложный механизм начисления и уплаты НДС, проблемные аспекты его администрирования, бюджетного возмещения и даже попытки минимизации и уклонения от уплаты налогоплательщиками.

Как справедливо отмечает А. Бескровный, среди всех налогов НДС является лидером по количеству изменений, которые вносятся в законодательные акты, определяющие порядок его применения [10, с. 560]. Именно через многочисленные изменения в законодательстве и проблемные аспекты администрирования НДС много ученых и практиков пытается обосновать целесообразность отмены налога или его замены другими косвенными налогами. В частности, В. Корж считает, что следует отказаться вообще от НДС, поскольку он выступает «источником накопления коррупционных средств в условиях преимущественно торгово-перепродаваемого хозяйствования» и «дает возможность правящей элите использовать этот налог как определенный амортизатор бюджета» [11, с. 19]. Однако, по нашему мнению, для Украины это неприемлемый шаг, ведь введение и администрирование НДС является одной из обязательных предпосылок членства в ЕС, заметно влияет на страны, стремящиеся к такому членству, и способствует поддержанию этого налога в других государствах. Ученый В. Андрущенко, сравнивая качества НДС, отмечает, что на общегосударственном уровне более приемлемым является налог с розничного товарооборота, а не НДС [12, с. 167]. Замена НДС другим налогом, по мнению Е. Сотниченко, – такой шаг однозначно можно считать регрессом налоговой системы. Ведь разработка и внедрение нового налога требует времени и средств, психологически налогоплательщики негативно воспринимают любой новый налог, а

введение нового налога не устранил проблем, существующих в сфере администрирования [13, с. 57]. В контексте изложенного согласны с ученым в том, что лучше совершенствовать существующие налоги, чем вводить новые.

Нам импонирует мнение Н. Харченко относительно того, что для достижения большего экономического эффекта во взыскании НДС необходимы современные действия по исправлению выявленных недостатков в механизме начисления и взимания налога на практике. При разработке любых изменений в правилах взимания НДС следует учитывать налоговую гармонизацию, добиваться фискальной привлекательности для иностранных инвестиций. Это позволит использовать НДС в качестве действенного рычага повышения эффективности производства, чтобы в полной мере выполнять НДС свое экономическое назначение [7, с. 12].

Таковыми современными шагами реформирования и исправления выявленных недостатков в механизме начисления и взимания налога на практике могут стать следующие шаги. Так, В. Парнюк утверждает, что необходимо повышать стандартную ставку НДС, учитывая опыт промышленно развитых стран, до уровня 25% (как у Дании, Норвегии), что усилит мотивацию к экспорту и создаст дополнительные барьеры для импорта, а, следовательно, будет способствовать развитию отечественного производства [14, с. 15]. На наш взгляд, указанное предложение является достаточно дискуссионным, ведь может привести к обратному эффекту и усилению уклонения от налогообложения НДС. Более целесообразным на сегодня является необходимость изменения размеров ставок НДС в сторону уменьшения или дифференциации, а именно: необходимо использовать заниженные ставки для товаров, которые включены до минимальной потребительской корзины и товаров первой необходимости, и завышенные – для предметов роскоши. Такие изменения могут способствовать созданию условий для увеличения поступлений в бюджет, обеспечению справедливости в налогообложении, а также финансовой стабильности. Например, в Грузии установлена ставка НДС в размере 18% суммы налогообла-

гаемого оборота или импорта товара [3, ст. 169]; в Республике Армения – 20%, 16,67% и 0% [4, ст. 63]; в Белоруссии – 0%, 10%, 20%, 25% [15, ст. 102].

В соответствии с Директивой Совета ЕС 2006/112 / ЕС о совместной системе налога на добавленную стоимость [16] в настоящее время во всех странах ЕС действует общее правило по НДС, по которому стандартная ставка НДС должна составлять не менее 15%. В соответствии со ст. 98 указанной Директивы государства-члены могут применять одну или две пониженные ставки. При этом сниженные ставки применяются только к поставке товаров или услуг по категориям, определенным в Приложении III Директивы ЕС 2006/112/ЕС. Большинство государств – членов ЕС воспользовались рекомендациями настоящей Директивы по размеру и дифференциации ставок НДС. На такие же положения о взыскании НДС ориентируются и страны – кандидаты на вступление в европейское сообщество. Учитывая вышеизложенное, считаем, что наиболее приемлемый вариант трансформации системы НДС в Украине – это дифференциация его ставок с постепенным уменьшением стандартной ставки. Установление льготных ставок НДС (5–10%) необходимо осуществить на операции по поставке товаров (услуг) первой необходимости, обязательный перечень которых определен Директивой Совета ЕС 2006/112 / ЕС.

Как справедливо отмечает Н. Филиппова, кроме ставок НДС, потребуют гармонизации принципы, формы и механизмы этого налога в контексте использования НДС как финансового инструмента развития международных торговых отношений. Так, налогообложение НДС основывается на двух группах принципов: системных (эффективность, объективность, нейтральность, обоснованность, простота, гибкость) и определения юрисдикции («страна назначения» и «страна происхождения») [17, с. 6].

Сосредоточивая внимание на положительных чертах НДС, А. Бескровный выделяет следующие: НДС стимулирует экспорт, поскольку является внутренним налогом, и обороты по экспорту облагаются по нулевой ставке; обеспечивает стабильность налоговых поступлений в бюджет; достаточно

удобен в определении налоговых обязательств; стимулирует развитие производства, сдерживает инфляцию в случае применения высоких ставок [10, с. 563]. Ю. Щербина и А. Манькута к преимуществам НДС добавляют еще такие, как: отсутствие двойного налогообложения и кумулятивного эффекта; регулирует размер зарплаты и цен, дает возможность сдерживать неоправданный рост цен, равенство условий по уплате как производителям, так и продавцам; поступления средств в бюджет государства [18, с. 76].

В то же время, как отмечает А. Ильницкая, механизм администрирования НДС имеет ряд проблемных аспектов, к которым относятся: нестабильность налогового законодательства, по срокам внесения изменений, низкая эффективность методики прогнозирования поступления и возмещения налога, нарушение принципа нейтральности, негативное восприятие налога его плательщиками, сложность механизма администрирования НДС [19, с. 256]. А. Бескровный к недостаткам НДС относит также: сложный механизм начисления и уплаты (наличие временного разрыва, поскольку уплате в бюджет подлежит разница между уплатой налога в цене приобретенных материальных ресурсов и возмещением этой суммы после реализации продукции); регрессивное влияние НДС на малообеспеченные слои населения (объектом налогообложения является не доход или прибыль, а размер расходов для каждого конкретного потребителя товара, работ или услуг, поэтому этот налог в социальном смысле считается несправедливым) негативно влияет на высокоспециализированные и наукоемкие производства; существует возможность уклонения в условиях несовершенного бухгалтерского учета [10, с. 563].

По мнению Л. Коваленко и Т. Михенко, перспективным шагом в реформировании системы администрирования НДС представляется развитие электронного контроля за оборотом НДС путем привлечения максимального количества налогоплательщиков к представлению налоговой отчетности и реестров налоговых накладных. Усиление автоматизированного режима представления отчетных форм и налоговых документов позволит уменьшить

количество проверок и сокращение их сроков для добросовестных налогоплательщиков. Как отмечают ученые, эффективным также будет: проведение постоянного мониторинга расходов на администрирование НДС как на уровне предприятия, так и на уровне органов ДФС; осуществление периодической оценки влияния НДС на финансово-хозяйственную деятельность предприятия с помощью экономико-математических методов и моделей; разработка регрессионных моделей взаимосвязи составляющих механизма НДС и финансовых показателей деятельности предприятий, входящих в группы анализа ликвидности, рентабельности, оборачиваемости и структуры капитала [20, с. 300].

Все эти шаги в совокупности будут способствовать совершенствованию правового регулирования НДС, его реформированию, адаптации и гармонизации с нормами ЕС.

Выводы.

1. С экономической точки зрения НДС является достаточно сложным налогом, поскольку действующим налоговым законодательством Украины предусмотрен очень большой перечень объектов налогообложения, который охватывает широкую базу и распространяется на предметы широкого потребления. Однако, несмотря на определенную сложность в администрировании, на проблемы с возмещением, а также уклонением от его уплаты, НДС является важнейшим бюджетообразующим налогом в Украине. Именно поэтому ключевым направлением фискальной политики должно стать решение имеющихся правовых проблем в части взимания НДС.

2. Признаками НДС, которые определяют его характеристики, есть следующие: общегосударственный, обязательный, безвозмездный и безэквивалентный, косвенный налог, включаемый в цену товара; он является налогом на потребление; реально уплачивается потребителем, который приобретает товары (работы, услуги), но формально перечисляется в бюджет лицом, который реализует товар (осуществляет работу или услугу); носит универсальный характер (оплачивается при реализации, обороте, предоставлении любого товара (работы, услуги); подлежит уплате на всех стадиях про-

изводства, обращения товаров, выполнения работ и оказания услуг.

3. Функциями НДС являются: фискальная, регулирующая, которая в свою очередь включает стимулирующую и дестимулирующую подфункции, контрольная и распределительная. Среди них наиболее важными, с помощью которых и проявляется особенность НДС, являются фискальная и регулирующая функции. Благодаря фискальной функции НДС, реализуется главное назначение этого налога: формирование и мобилизация финансовых ресурсов государства. Регулирующая функция НДС заключается в воздействии на ценообразование, а также на процесс распределения доходов, накоплений и инвестиций, эффективности производства и тому подобное.

3. Считаем целесообразным внесение изменений в п. 1.178 статьи 14 НКУ в существующее понятие НДС в налоговом законодательстве и изложение его в следующей редакции: «это общегосударственный, косвенный налог, который устанавливается в виде надбавки к цене товаров (работ, услуг) и уплачивается потребителем при приобретении товаров (работ, услуг) по цене, увеличенной на сумму этого налога, уплачиваемого в соответствии с нормами раздела V настоящего Кодекса на всех стадиях производства, обращения товаров, выполнения работ и оказания услуг».

4. Проблемными аспектами администрирования НДС в Украине остаются: сложный механизм начисления и уплаты; несовершенство налогового законодательства и бухгалтерского учета; низкая эффективность методики прогнозирования поступления и возмещения налога.

5. Пути совершенствования правового регулирования НДС в Украине являются: дальнейшее совершенствование законодательства в сфере НДС и его адаптация к требованиям ЕС; отмена неэффективных льгот по НДС и постепенный переход от налоговых льгот к системе целевых бюджетных дотаций, направленных на поддержку наименее защищенных слоев населения и на развитие приоритетных отраслей экономики; снижение базовой ставки и внедрение дифференцированных ставок НДС; обеспечение своевременного возмещения НДС и создание условий для недопущения

ния новых долгов; совершенствование системы электронного администрирования НДС и процедуры останковки регистрации налоговых накладных и расчетов корректировки к ним; упрощение форм отчетности; предупреждение злоупотреблений при взимании НДС согласованными действиями уполномоченных органов исполнительной власти, на которые возложены функции администрирования НДС.

Список использованной литературы:

1. Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським Співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони від 30.11.2015 р. № 984_011. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/984_011 (дата обращения: 21.11.2018).
2. Податковий кодекс України від 2 груд. 2010 р. № 2755-VI. Відомості Верховної Ради України. 2011. № 13–14, № 15–16, № 17.
3. Налоговый кодекс Грузии от 27.03.2012 г. № 5942. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/1043717/87/ru/pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
4. Налоговый кодекс Республики Таджикистан от 17 сентября 2012 г. № 901. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=54848 (дата обращения: 10.12.2018).
5. Налоговый кодекс Республики Армения: Закон Республики Армения от 4 октября 2016 г. URL: http://www.translation-centre.am/pdf/Trans_ru/HH_Codes/Harkayin_orengir_ru.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
6. Кучерявенко М.П. Податкове право України: Академічний курс: підручник. К.: «Правова єдність», 2008. 701 с.
7. Харченко Н.В. Переваги та недоліки податку на додану вартість. Інвестиції: Практика та досвід. 2016. № 9. С. 10–12.
8. Веб-сайт Державної казначейської служби України. URL: <http://www.treasury.gov.ua/main/uk/publish/category/23596> (дата звернення: 26.11.2018).
9. Коваленко А.Г., Малащенко Ю.А., Князєва О.О. ПДВ у системі оподаткування: історичний аспект становлення та розвитку Науковій праці Кіровоградського національного технічного університету. Економічні науки. 2010. Вип. 18. Ч. II. С. 111–116.
10. Безкровний О.В. Сучасні особливості адміністрування податку на додану вартість в Україні та світі Економіка і Суспільство 2017. № 10. С. 560–564.
11. Корж В. Резюме про ПДВ, або фінансові маніпуляції на тлі політичних спекуляцій. Економічний часопис – XXI. 2006. № 11–12. С. 19–21.
12. Андрущенко В.Л. Фінансова думка Заходу в XX столітті: (Теоретична концептуалізація і наукова проблематика державних фінансів). Львів: Каменяр, 2000. 303 с.
13. Сотніченко О.А. Диференціація ставок справляння ПДВ у контексті регулювання товарообороту країни. Економічний часопис – XXI. 2013. № 7–8 (2). С. 57–60.
14. Парнюк В. Регулююча функція ПДВ. Економіка України. 2007. № 6. С. 4–16.
15. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная Часть) от 29 декабря 2009 г. № 71–3 URL: <http://www.nalog.gov.by/ru/article102/> (дата обращения: 10.12.2018).
16. Директиви Ради ЄС 2006/112/ЄС про спільну систему податку на додану вартість від 28.11.2006 р. № 994_928. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_928#o488 (дата звернення: 10.12.2018).
17. Філіппова Н.В. Гармонізація оподаткування податком на додану вартість в контексті реалізації зовнішньої фінансової науки: автореф. дис. ... канд. економ. наук: 08.00.08. Краматорськ, 2017. 20 с.
18. Щербина Ю.О., Манькута А.І. Податок на додану вартість та його роль у формуванні доходів Державного бюджету України. Електронне наукове видання з економічних наук «Modern Economics». 2017. № 1. С. 73–78.
19. Ільницька А.В. Аналіз основних змін у податковому законодавстві щодо податку на додану вартість. Молодий вчений. 2017. № 2 (42). С. 253–256.
20. Коваленко Л.О., Міхєєнко Т.В. Адміністрування ПДВ в системі фінансового менеджменту. Науковий вісник Полісся. 2016. № 4 (8). Ч. 2. С. 293–302.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Касьяненко Любовь Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Национального университета государственной фискальной службы Украины

Атаманчук Наталия Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права Национального университета государственной фискальной службы Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kasyanenko Lyubov Mikhaïlovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Financial Law of National University of the State Fiscal Service of Ukraine

Atamanchuk Natalia Ivanovna – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Financial Law of National University of the State Fiscal Service of Ukraine

noicom@ukr.net

UDC 378

INNOVATIVE METHODS USAGE IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF LAWYERS IN THE HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF UKRAINE

Elena KOZYNETS,

Candidate of Historical Science, Associate Professor,
Head of Theory and History of State and Law,
Constitutional Law Department
of Chernihiv National University of Technology

Anzhelika TOLKACH,

Senior lecturer of Theory and History of State and Law,
Constitutional Law Department
of Chernihiv National University of Technology

Iryna KOZYNETS,

Senior lecturer of civil, economic law and process Department
of Chernihiv National University of Technology

SUMMARY

The innovative methods of training lawyers in the higher educational establishments of Ukraine on the basis of the Educational and scientific Institute of law and social technologies of ChNTU have been revealed in the article. The specific peculiarities, the essence of methods of innovative training in the interactive educational environment of the higher educational establishment of Ukraine have been defined. It has been proved that the innovative methods of training lawyers directed at forming special students' skills promote applying knowledge and skills in practice.

Key words: innovation, interactive methods of teaching, role-playing, case method, cinquian, brainstorming, PRES-formula, jigsaw, legal clinic.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ УКРАИНЫ

Елена КОЗИНЕЦ,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права
Черниговского национального технологического университета

Анжелика ТОЛКАЧ,

старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права, конституционного права
Черниговского национального технологического университета

Ирина КОЗИНЕЦ,

старший преподаватель
кафедры гражданского, хозяйственного права и процесса
Черниговского национального технологического университета

АННОТАЦИЯ

В статье освещены инновационные методы подготовки юристов в вузах Украины на базе учебно-научного института права и социальных технологий ЧНТУ. Определены характерные особенности, специфика методов инновационного обучения в интерактивной образовательной среде вузов Украины. Доказано, что инновационные методы подготовки юристов, направленные на формирование у студентов специальных навыков, способствуют применению знаний и умений на практике.

Ключевые слова: инновация, интерактивные методы обучения, ролевая игра, кейс-метод, синквейн, брейнсторминг, PRES-формула, ажурная пила, юридическая клиника.

The urgency of the research. The dynamic changes related to updating the content and forms of professional training of future lawyers, searching new perspective models of their professional

training in accordance with the European requirements and professional standards are taking place in the system of higher legal science and education in Ukraine. The lecture and seminar form of education remains

the main one in the higher educational establishment, but in our opinion, it needs radical changes and improvements.

Students' training in legal higher educational institutions should be based on

a social order and maximally directed to the future professional needs of the lawyer, form a high level of professional and general culture, professional competence, which will allow maintaining high professionalism in any field of legal activity at the level of growing demands of the society, professional corporation, consumers of professional legal services.

The urgent task is to find innovative forms and methods of training lawyers: from the development and introduction of new perspective disciplines in the curricula to implementing innovative methods of teaching law sciences.

The purpose of the research is to define the concept and to emphasize the significance of innovative methods, to describe the most effective methods of lawyers training at the Educational and Scientific Institute of Law and Social Technologies of ChNTU.

In accordance with the goal we outlined the following tasks: characterize the most effective innovative methods of teaching professional and other humanitarian disciplines for lawyers; to give recommendations on the implementation of innovative methods in the preparation of lawyers.

Analysis of the recent research and publications. The problems of innovative methods in the professional training of lawyers in the higher educational institutions are studied by such scientists as N.V. Artykutsa, Yu.V. Bystrov, V.M. Vakulenko, O.M. Kotykova, V.G. Chuzhikova and others.

Presenting the main material. The Law of Ukraine "On Higher Education" foresees "ensuring the organic combination of educational, scientific and innovative activity in the educational process" among the main tasks of the higher educational establishments [1].

The innovative forms of teaching disciplines deserve special attention, primarily because they are not directed at the reproductive thinking of students, but at the development of creative activity and research initiative of future lawyers. They set the foundation for further understanding and development of legal knowledge, the successful use of the acquired knowledge in practice.

In the history of teaching legal disciplines, several dozens of teaching methods are known which arose in accordance with the needs of the society to develop jurisprudence and were determined by its

character and the level of development at one time or another.

The experience of teaching with the help of innovative methods is realized not only in the process of teaching the academic disciplines at the university, but in offering methodological advice for conducting lessons in "Jurisprudence" in comprehensive schools in Chernihiv [2].

Within the framework of this article, we will consider the most effective methods of teaching legal disciplines for lawyers from the standpoint of their novelty, efficiency, and appropriateness in the modern conditions.

Business (role-playing) game is one of the most popular kinds of work among the students, because it is built on creativity, adversity, teamwork. But the effectiveness of this method is determined by the quality of the preliminary training of the teacher and students and accordingly it requires great efforts.

The main purpose of any business game is to create a situation that is as close as possible to the real one, in which the student-lawyer must perform the necessary professional actions, correctly apply the acquired knowledge, identify the skills of working with clients, colleagues, as well as the ability to work with normative documents [3, p. 378].

The script is usually prepared by the teacher himself, but under certain conditions can be developed by a student or several students (for example, it may be a special project).

The main components of the preparation and organization of the game: the creation of a fantasy (a specific life situation or close to it); processing the plot; work with normative documents; distribution of roles; drawing up of documents, for example, a claim or other application; collection of materials of the court case; verification of the implementation of laws; the actions of the participants of the game; analysis and summarizing.

Role games allow you to recreate and simulate the professional activities of the lawyer and communicate in it, they activate and intensify educational activities and communication, strongly stimulate learning activities, allow themselves to be tested in different types of role behavior [4]. This method is appropriate to use in teaching many professional disciplines. On the basis of our institute, this method is used in teaching the Constitutional Law of Ukraine, Criminal proce-

dural law. Consequently, practice shows that the business game increases motivation of students to study, allows using the acquired professional knowledge in the performance of various roles.

The next innovative method, which we would like to draw attention to – is a method of specific situations (ISS), or a case-method.

The method of situational education arose in 1870 at Harvard Law School, thanks to Professor H.K. Langdell. Using and developing the method of Socrates, he introduced the work with the original sources of litigation, appeals and other jurisprudence documents into practice. Students were faced with problems and different options for their solution. The experience gradually found support in other law schools [5, p. 74].

In 1919, Volas Donam, a former banker, using his practical experience in the field of law and business, invited lecturers to reconsider the lecture approach to "collecting cases" and working with them. At the beginning of the twentieth century (1921) the first textbook on writing situational exercises was published. After some time, in 1925, the first collections of cases were published in the reports of Harvard University [6].

The basis of the method is the principle of precedent, or case, which exists in Anglo-Saxon law and serves as a weighty criterion for deciding in a lawsuit in the absence of various types of codes [7, p. 9].

The value of this method, introduced in the curriculum first by the Harvard Law School, and later by the Harvard School of Business, lies in its applied orientation when the student learns to make professional decisions in the university classroom.

In Ukraine, the named method began to be widely implemented during the last 10-15 years.

The essence of the case method is to familiarize with the case material; discuss the case in small groups (10–20 min.); present group case solutions; organize a group discussion on issues raised in the case and sum it up the discussion: the findings of the teacher and participants in the discussion on the main issue of the case [3, p. 369].

One of the active innovative methods is the method of "brainstorming" (brainstorm). The purpose of its conduct is to receive from the group a large number of options for solving the problem dur-

ing a limited time. “Brainstorming” can demonstrate the level of knowledge of students, because they must offer ideas that can solve the problem, create a structure for the exchange of views on their general experience and the expressed wishes.

This method was created under rather interesting circumstances. During the Second World War, there was an officer Alex Osborn that served in the British navy. He was young and afraid to die, so he gathered the crew of the ship on the deck and offered everyone to give an opinion on the ways to protect the ship from fascist torpedoes. As it appeared, there were a variety of ideas and thoughts, although some of which did not make any sense. For instance, everyone should make a line and blow in the direction of the approaching torpedo. However, this idea inspired A. Osborn on opening the supporting screw that was installed in the shipboard. This screw directed a massive water flow on the torpedo interfering with its movement and forcing it to change the direction. In 1953 the book called “Guided imagination” by A. Osborn was published. The author describes the method of “brainstorming” as the method of generating ideas based on the principle that “a problem shared is a problem halved” [3, p. 326].

In the modern teaching methods, it is understood as a method of collective searching interesting, non-standard, creative ideas. The peculiarity of this method is that it can be used in the study of students of higher educational institutions of any direction, not only legal [8, p. 374].

The essence of the process is that the group is given a topic, a question or an incomplete sentence. For a few minutes, participants express their opinions on this topic. All the opinions are fixed no matter how non-specific, meaningless or controversial it may be. At this time imagination works smoothly. There are no prohibitions and no ratings given.

It is extremely important that at the very beginning of the “brainstorm” the lead teacher explain to the group the order of their actions. It is equally important not to let the group break the order and being distracted from the given task [9, p. 110].

Before beginning the consideration of the problem it is necessary to conduct a warm-up which will help the participants to adjust to the desired communication style, type of thinking, reaction rate, etc.

To implement the “brainstorm” method the teacher organizes a group

of participants (8–10 students), invites students to choose a group’s moderator the one who will follow the rules of brainstorm, record ideas, offer his/ her own [10, p. 170].

Conditionally the “brainstorm” method can be divided into two stages.

At the first stage, participants generate their ideas and suggestions and ascertain all the possible options for the final solution of the problem. For example, a civil law seminar: What evidence can be gathered in this case? What are the consequences of a gift contract? All ideas are fixed (on the board). In the form of “brainstorming”, students can, for example, answer the question: “What could be a possible reaction of opposing sides in the case?” Or “What consequences of the agreement will the client face?”

The second stage of brainstorming is the selection of perspective suggestions, their discussion, rating, classification. It is efficient to work in small groups using discussion and its elements. The function of the teacher is to provide control, encourage students to actively participate in the ideas generating process, identify the right decisions, and highlight the prospects for further development of the expressed ideas [11, p. 181].

Research shows that collective thinking when criticism is prohibited creates 70% more valuable ideas than a simple sum of ideas received individually. In one hour, the group can put forward up to 150 new ideas. This is explained by the basic concept of the “brainstorm” method – to give new ideas a way out of the subconscious [12, p. 124].

In his study T.V. Mergel defines the advantages and disadvantages of the “brainstorming” method. Advantages of the method: providing each member of the “brainstorming” group with equal opportunities for participation in problem discussion and idea generation; the same performance at any stage of the decision-making process; the possibility of fixing and permanently recording all the suggested ideas; favorable conditions for the emergence of the “chain reaction” effect in generating ideas.

Disadvantages of the method: the possibility of domination by one or two leaders - the most active members of the group; the probability of “looping” on the same type of idea; the need for a certain level of competence and the presence of dif-

ferent specialties representatives in one group; limited time to conduct [13, p. 46].

In general, the technology of “brainstorming” provides an opportunity to activate the thinking activity of group members, creative thinking and finding new ways to solve existing problems and situations. This method stimulates the appearance of the greater interest in work and education because it brings together the team and gives the opportunity to every participant to express themselves.

In our opinion, this method deserves an honorable place in the modern method of teaching special disciplines in law schools.

The creative innovative method is cinquain – a five-line poetic form that arose in Russia at the beginning of the twentieth century under the influence of Japanese poetry. It is a fast and powerful way of analyzing, synthesizing and generalizing concepts. This method is used to develop a figurative language, unlike a long literary work, the method does not require long time; foresees realization of virtually all personal abilities: intellectual and creative ones. The procedure of creating cinquain harmoniously combines the elements of three educational systems: informational, activity and personally oriented.

The order of writing cinquain is as follows: the first line – one keyword – the theme that defines the content of the cinquain – the object or subject, which is being discussed; the second line – two adjectives that characterize this concept, give a description of its features and properties; the third line – three verbs that show the nature of the object; the fourth line is a short sentence in which the author expresses his attitude to the object; the fifth line – one word – a summary, usually a noun, through which a person expresses his feelings, associations related to this notion, its essence [14, p. 238].

An example of using cinquain on the subject “Criminal Procedure Law”:

Court →

Fair, independent →

Protects, condemns, justifies →

The court is the body that carries out justice →

Power.

This method can be used while teaching all law-oriented disciplines.

The next method, which is reasonable to use for training lawyers, is the PRES formula (from the English Position-Reason-Explanation or Example-Summary). This auxiliary teaching method is oriented on developing and consolidating skills for argumentation, justification and defending of own position in the discussion, dialogue, during business meetings.

In this formula, an algorithm for logically sequential actions is programmed: Position (thought) – justification – example – conclusion (consequence). The method forms the skills of effective professional communication, first of all, the ability to speak shortly (1-2 minutes) with 4 sentences, when the time for discussion is limited.

The typical models of statements are offered:

1. Position (what is your point of view) – I believe that ...

2. Substantiation – because ...; because of...

3. An example – for example ...

4. The consequence – that's why ... [11].

Therefore, it seems reasonable to introduce and use the PRES formula in Ukrainian universities.

An interesting and creative method of working with texts for lawyers is the method of "jigsaw". The method allows participants to work together to learn a large amount of information over a short period of time and encourages them to help each other learn by teaching.

When working on the "Jigsaw" method, participants should be prepared to work in different groups. Firstly, each participant will work in the "home" group. The task for each participant in the "homegroup" is to analyze and assimilate a certain amount of information at such a level that it is able to clearly and understandably present it to teach other participants.

Then in another group, called "expert group", the participants will act as "experts" on the issue they were working on in the "home" group, will teach others this information and answer their questions. In the "expert" group, students should also receive information from representatives of other groups. The task of the "expert" group – to exchange information.

In the last part of the lesson, participants return to their "home" group to

share the new information provided to them by members of other groups. Their task now will be to exchange information again, to generalize it and to work out joint decisions together with the members of the "home" group [14, p. 235].

Thus, with the help of the "jigsaw" method, a large amount of information can be obtained within a short period of time.

An important component of the innovation activity of the Law Faculty of Chernihiv National University is a legal clinic. Its slogan is "from theory to practice of law in the walls of the university".

Legal (law) clinic – a special institution that provides legal aid to people with low income and /or conducts research work; but, at the same time, is a form of training future lawyers for professional knowledge and skills, conducted under the guidance of a mentor-lawyer in such an institution. The legal clinic provides students with practical skills.

Thus, the legal clinic "Adiutorium" was created and successfully functioning on the basis of the law faculty of the Educational-Scientific Institute of Law and Social Technologies of the Chernihiv National Technological University [15].

Conclusions. The article analyzes the main innovative methods that can be used in the educational process at the law faculties. Summarizing the material presented, it was concluded that the introduction of innovative teaching methods is an extremely important component of teaching and methodological work of a teacher of higher educational establishment, as it helps to maintain his professionalism and pedagogical competence at the level of modern requirements.

We believe that in order to provide qualified scientific and methodological assistance to teachers who wish to introduce innovative forms and methods of work, it is advisable to create a Center for Innovative Technologies of Legal Education based on the Faculty of Law of Chernihiv National University of Technology.

References:

1. Про вищу освіту: Закон України від 1 лип. 2014 р. № 1556-VII. Офіційний вісник України. 2014. № 63. Ст. 1728.
2. Методична розробка для проведення уроку з дисципліни «Пра-

вознавство» суспільно-гуманітарного напрямку, правового профілю для учнів 10-х класів профільного рівня / розробн.: А.Г. Нітченко, О.Г. Козинець, Н.В. Марущак, С.В. Веремієнко, А.М. Толкач, О.А. Марущак. Чернігів: ЧНТУ, 2017. 23 с.

3. Чужикова В.Г. Методика викладання права: навч. посіб. К.: КНЕУ, 2009. 425 с.

4. Котикова О.М. Рольові технології у психолого-педагогічній підготовці майбутніх юристів на основі навчання через практику. URL: <http://www.nbuv.gov.ua/portal/>

5. Рыбачук-Ярова Т.В. Історія виникнення кейс-методу та його сутність. Імплементация сучасних технологій навчання у навчальний процес: матеріали Міжнародної наукової конференції, 17-18 березня 2015 р. К.: НУХТ, 2015. С. 73–78.

6. Адонина Н.П. Кейс метод. История появления и развития URL: <http://www.aspirantura-olimpiada.narod.ru/index/0-96>

7. Барнс Л.Б., Кристенсен К.Р., Хансен Э.Дж. Преподавание и метод конкретных ситуаций (конкретные ситуации и дополнительная литература): пер. с англ. А.И. Наумова. М.: Гардарики, 2000. 501 с.

8. Толкач А.М., Заяць А.Р. Методика використання «мозкового штурму» на семінарських заняттях в професійній підготовці юристів. «Інноваційний розвиток інформаційного суспільства: економіко-управлінські, правові та соціокультурні аспекти»: збірник матеріалів V Міжнародної науково-практичної інтернет-конференції студентів, аспірантів і молодих учених (м. Чернігів, 23 грудня 2016 р.). Чернігів: Черніг. нац. технол. ун-т, 2016. С. 374–377.

9. Борисенко А.В. Застосування активних методів навчання у викладанні модулю «Захворювання пародонта». *Соврем. стоматология*. 2013. № 5. С. 110–114.

10. Телемуха С.Б. Мозковий штурм як метод реалізації інтерактивного навчання. *Український науково-медичний молодіжний журнал*. 2014. № 1. С. 169–171. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Unmmj_2014_1_47

11. Артикуца Н.В. Високоєфективні методики фахової підготовки правників URL: <http://ekmair.ukma.edu.ua/bitstream/handle/>

12. Клименко О.В. Застосування методу «мозкової атаки» у медичних закладах. Інвестиції: практика та досвід. 2012. № 1. С. 123–125.

13. Мергель Т.В. Застосування інтерактивного методу «мозкового штурму» у навчальному процесі. Медична освіта. 2015. № 4. С. 44–47.

14. Методична скарбничка URL: <https://www.novadoba.org.ua/>

15. Положення про юридичну клініку «Adiutorium» Чернігівського державного технологічного університету від 17 грудня 2012 р. URL: <http://www.stu.cn.ua>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козинец Елена Гавриловна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Черниговского национального технологического университета

Толкач Анжелика Николаевна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Черниговского национального технологического университета

Козинец Ирина Гавриловна – старший преподаватель кафедры гражданского, хозяйственного права и процесса Черниговского национального технологического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kozinets Elena Gavrilovna – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Head of Theory and History of State and Law, Constitutional Law Department of Chernihiv National University of Technology

elena_8067@ukr.net

Tolkach Anzhelika Nikolayevna – Senior lecturer of Theory and History of State and Law, Constitutional Law Department of Chernihiv National University of Technology

angelam0044@gmail.com

Kozinets Irina Gavrilovna – Senior lecturer of civil, economic law and process Department of Chernihiv National University of Technology

iryna_8067@ukr.net

UDC 338.24

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: ESSENCE, GOALS, STRUCTURE

Viktoriya LISNYCHA,

Postgraduate Student at the Department of Public Administration and Management
Ukrainian State Employment Service Training Institute

SUMMARY

The article deals with the directions of cooperation focused on the implementation of public-private partnership, the definition of the concept of public-private partnership is proposed. The types, concept and essence of public-private partnership are outlined and characterized, and the interaction of public-private partnership as one of the types of strategic relations is emphasized.

Key words: public-private partnership, public administration, economic transformations.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ, СТРУКТУРА

Виктория ЛИСНЫЧА,

аспирант кафедры публичного управления и администрирования
Института подготовки кадров государственной службы занятости Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются направления сотрудничества, направленные на реализацию государственно-частного партнерства, предлагается определение концепции государственно-частного партнерства. Очерчены и охарактеризованы типы, концепция и сущность государственно-частного партнерства, подчеркнута взаимодействие этого партнерства как одного из видов стратегических отношений.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, государственное управление, экономические преобразования.

Statement of the problem. In today's conditions of reforming the economy the directions of cooperation aimed at the implementation of public-private partnership are of particular importance, which require the application of the newest methods, forms and principles of interaction between public authorities, business structures, enterprises, research institutions and the population. One of the main ways to increase the efficiency of state-owned enterprises is the development of public-partnership relations, called public-private partnership (PPP).

The relevance of the research topic. The development of industrial and social infrastructure has a significant impact on the growth of the effectiveness of the functioning of the socio-economic system as a separate territory, and the country as a whole. Socio-economic infrastructure, interconnected with the state social and economic infrastructure, requires systemic development taking into account national and regional interests [1, p. 137]. An essential condition for the effec-

tive functioning of a market economy is the constructive interaction between business and government structures. The nature of this interaction, as well as methods and specific forms may vary significantly depending on the maturity and national characteristics of market relations [2, p. 69].

Status of research. The works of Mr. T. Veblen, Mr. J. Commons, Mr. R. Coase, Mr. D. North, Mr. J. Hodgson and others are dedicated to the problems of the development of theoretical foundations of building relations between the state and the private sector. Among domestic scientists, there are Mr. Kryshtal T.M., Mr. Braylovsky I.A., Mr. Bazhenov A.V., Mr. Varnavsky V.G., Mr. Pavlyuk K.V., Mr. Bondar N.M. and others. Without a doubt, emphasizing the practical requirements for implementing investment projects under the conditions of public-private partnership, we should, in our opinion, consider the most significant theoretical aspects of the formation and development of relations between the state and business.

The Object and Purpose of the Article: to define the essence of public-private partnership, and its most characteristic features, from the point of view of economic theory in public administration.

Presentation of the main material. In recent decades, the economies of a number of developed and developing countries created a special quality of interaction between business and the state, which is commonly called partnership, and extends beyond the well-known dirigism and paternalism from the state, and the easy use by state authorities of entrepreneurship opportunities for implementation socially meaningful goals. The developing partnership, unlike traditional relations, creates its own models of financing, management relations, etc. [2, p. 69].

The public-private partnership institute has deep historical roots. For example, in the 17th century, the governors of the American states gave private persons who came from other countries, concessions to land, rivers, construction of railways. In France, in the age of Napoleon use of mineral resources, which were in private ownership, was possible only with the permission of the state [2].

Modern economic transformations are aimed at changing the proportions of the distribution of national income in favor of entrepreneurial profits, as well as the reduction of barriers to free enterprise, expansion of the space for the free movement of private capital in those areas that were previously unavailable to it. Accordingly, public-private relations based on partnership gained new development, and strategic relationships between business and government structures are becoming increasingly popular both in developed and developing countries.

The concept of "partnership" (translated from the French *partenaire*, a participant in any joint activity) is of broad significance and is used in the context of international, regional, sectoral cooperation, interaction of power, business and society.

Encyclopedic sources define the term "partnership" as concerted actions of participants in a joint case; relations, contacts of the state, public organizations, enterprises based on equal rights and mutual benefit [3]. Theoretical studies and practice of public-private partnerships are formed in the context of the main pro-

visions of the mixed economy (economy, which combines the features of market-based economic systems, where the state adjusts and compensates for the deficiencies of market mechanisms of self-regulation [4].

Various forms of partnership have been known for a long time, and they have been widely developed at the end of the last century as a result of the liberalization and globalization of the economy.

The term "public-private partnership" (synonymous with "private-public partnership", "public-private partnership", "private-public partnership", "Public-Private Partnership" - PPP) becomes known since the 90s of the XX century and relates mainly to the "British model" of public-private partnership. In 1992, the government of D. Major announced the so-called "private financial initiatives" ("PrivateFinanceInitiative" – PFI), which represented a modernized concept of management of state property. Its essence was that, in the framework of public-private partnership agreements and contracts, the functions of financing (construction, reconstruction, operation, management, etc.) of the state-owned social-cultural and industrial infrastructure should be transferred to the private sector. Such a radical change in the public administration system in Great Britain caused significant changes in the institutional environment, as well as the relationship between the state apparatus and private business [5].

The concept of public-private partnership is used by governments of many countries of the world, and there are numerous scientific researches in this sphere. That is why various approaches to the definition of PPP were formed.

In a broad sense, the term "public-private partnership" includes all forms of cooperation between the state and the private sector, which are in the field between the solution of tasks traditionally related to the competence of the state, the state itself, on the one hand, privatization – on the other [6].

In a narrower sense, public-private partnerships are considered as long-term contractual cooperation between the state and the private sector for the fulfillment of public tasks, which covers the entire life cycle of the relevant project: from planning, financing, construction or reconstruction of the objects necessary for the implementation of the project, up to

their exploitation, including maintenance, operation and processing [7].

From an economic point of view, public-private partnerships are compared with indirect privatization. It is about redistribution of powers between the state and business in strategic sectors that can not be privatized, but for those structures where the state does not have development funds (housing and communal services, social sphere, transport, improvement of human settlements, cultural heritage objects, etc.) In this case, the important conditions for the effectiveness of PPP are the degree of business involvement in the implemented project and the preservation of the state significant participation in economic activity. Otherwise, the implementation of public-private partnerships can lead to partial or complete privatization by business of objects of partnership [8].

The World Bank [9] gives the following definition: PPP is a long-term contract between a private party and a government entity, for providing a public asset or service, in which the private party bears significant risk and management responsibility, and remuneration, is linked to performance.

The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) gives the treatment of PPPs as long term agreements between the government and one or more private partners (which may be operators or sponsoring organizations) according to which a private partner provides services in such a way that the purpose of the state of providing the service related to the benefits of private partners and where the effectiveness of this linkage depends on adequate transfer of risks to private partners.

A public-private partnership is sometimes also used for a number of mechanisms of interaction between public and private organizations and contributes to the achievement of public policy goals and may include, for example:

- mechanisms for the exchange of information (such as public-private partnerships against fraud in the health-care sector of the US with the participation of federal authorities, state officials, private health insurance organizations and other medical groups);

- voluntary activities carried out by private companies for public purposes and in coordination with relevant bodies

such as healthcare, community or education projects in large foreign direct investment projects;

- private funding of public investment projects on a charitable basis, which may be associated with some private participation in the project implementation;

- State intervention to support the development of the private sector as a whole, and in particular in target sectors such as land, assets, equity or guarantees, otherwise, entirely private enterprises will not participate in the provision of public services.

The object of the PPP is property that is part of the transport, engineering and social infrastructure (or in general, it is a part of the public sector).

The subject of PPP is the relationship in the process of interaction between the public and private sectors in relation to construction (reconstruction, modernization), operation and management of infrastructure objects.

- Depending on the interpretation of the essence of the partnership, the following [10] parties to the public-private partnership include state and private business as well as society;

- the interaction of the parties is fixed on the official, legal basis;

- the interaction of the parties is of an equal nature;

- public-private partnership has a clearly expressed public and social orientation;

- in the process of interaction on the basis of public-private partnership, the resources and contributions of the parties are consolidated, merged;

- financial risks and costs, as well as achieved results are distributed between the parties in predetermined proportions.

Based on the definitions and features discussed, the basic features of public-private partnership can be distinguished:

1. Partnership partners must be represented by both the public and private sectors of the economy.

2. Interactions of the parties should be fixed in legal documents (agreements, contracts).

3. Interrelations of the parties should be partneral that have equal rights.

4. The parties of the public-private partnership should have common goals, formed on the basis of the public interest.

5. Parties should combine their resources (material, financial, labor) in order to achieve common goals.

6. Parties of public-private partnerships should share costs and risks among themselves, and jointly participate in the use of the obtained results.

The purpose of the PPP at the national level includes three interconnected elements [11]:

1. Accelerating the pace of socio-economic development due to additional investments in infrastructure objects, which are borrowed from extrabudgetary sources, as well as at the expense of improving the quality of services of the public sector.

2. Savings of budget funds in the short term due to distribution of funding for a longer period.

3. Increasing the efficiency of using budget funds by attracting the private sector.

Cooperation with the private sector, in PPP projects, can form a number of benefits for the state:

- acceleration of infrastructure creation; The PPP often allows the public sector to transfer downstream capital expenditures into the flow of current service payments. This allows projects to operate when access to social capital may be restricted (or blocked by public expenditure or annual budget cycles), thereby providing such necessary investments;

- faster realization; the division of project and construction responsibilities towards the private sector, in conjunction with payments related to the availability of the service in order to provide capital projects in shorter term of construction;

- overall reduction of project costs; PPP projects that require prompt and maintenance service. Providing services to the private sector with strong incentives to minimize costs throughout the terms of realisation of the project, which by its nature is difficult to achieve within the constraints of traditional public sector budgeting;

- a more efficient allocation of risks; One of the main principles of any PPP project is the distribution of risks, which will allow the best management of the project at a minimal cost. The goal is to optimize rather than maximize risk transfer in order to guarantee the achievement of an optimal effect;

- more effective incentives for implementation; project risk sharing should encourage a private contractor to improve

management and performance at any project. In most PPP projects, full payment to the private sector contractor will only occur if the required standards of service are met on an ongoing basis;

- improvement of quality of service; international experience suggests that the quality of service achieved in the PPP is often better than this is achieved through traditional procurement. This may reflect closer cooperation at the expense of the scale, introduction of innovations in the provision of services, or incentive measures and penalties, which are generally included in the PPP contract;

- generation of additional income; the private sector may be able to receive additional revenues from third parties, thereby reducing the cost of the public sector subvention. Additional revenue may be generated by using reserve capacities or utilizing surplus assets.

Private sector technology and innovation assist to ensure better public services through increased operational efficiency. The public sector provides incentives for the private sector to implement projects within a set time frame and within the budget.

Formation and development of public-private partnership projects in the world practice are carried out on the following principles [11]:

- priority of the interests of the state, which means that the state acts as the customer of the project and defines the basic rules of interaction with business;

- effective distribution of risks between the parties, that is, the risk should be passed on to the party that can manage it more efficiently;

- political support of the state, which means the existence of a clear state policy, which is the basis for solving all contentious issues that arise during the implementation of public-private partnership projects;

- principles of transparency, according to them the society when the actions of the partners are aimed in order to meet its needs, has access to information regarding their activities;

- partner, equal relationship between the parties.

Public-private partnership is the strategic relationship which subjects entered into for the realization of common goals, while the distribution of risks and responsibilities takes place. It involves the phased

development of relations between different economic entities. Their evolution can be defined in this way [12].

1) contacts – the most simple economic relations, which are characterized by episodicity;

2) interaction – stable economic relations, which are based on agreements concluded for a long period;

3) cooperation – close economic ties, based on common, predetermined and agreed intentions, which are enshrined in long-term agreements and contracts.

It should be emphasized that interaction within the framework of public-private partnership is possible only in case of agreement of interests. PPP is not a simple addition of resources. PPP parties have different motivations. Each of the partners has its own goals, solves its specific tasks. The public sector is interested in increasing volumes and improving the quality of services provided in the infrastructural and socially oriented sectors to the population and economic actors. The private sector seeks to steadily receive and increase profits. Moreover, strategically thinking business builds its priorities, first of all, not just for the amount of profits, but in the interests of sustainability of income from projects. In doing so, both parties should be interested in the successful implementation of projects in general [13].

In certain areas, private business operates without the participation of the state sector of the economy. The traditional areas of state responsibility include defense, social sphere, infrastructure, which by the level of profitability is not very attractive for the private sector. This suggests that public-private partnerships are effective in those areas where there is interest in private capital, but at the same time a strong state component (energy, transport, housing and communal services, telecommunications, health, education). It can be considered as an alternative to privatization of socially important, of strategic importance, objects of state ownership.

Thus, it is possible to distinguish PPP projects that are characterized by relatively low commercial and high social efficiency. There are projects that require state support, since their implementation brings significant benefits to society, but due to relatively low financial efficiency, it does not attract private stakeholders interested in their realization [14, p. 21].

Based on foreign practice, it can be said that in PPP projects, the main sources of financing are business assets, the budget system (basically the appropriate level) and lending institutions (at the expense of funds provided on a reciprocal basis, under the guarantees of the state, business). As a result of the application of these funding sources, such mechanisms of financing PPP projects are created as: credit (based on borrowing); mixed (based on attracting funds from two or more partners); hybrid (based on the interaction of the first two mechanisms while using funds from two or more partners, combined with a loan). Implementation of PPP projects is always accompanied by certain risks and benefits. At the same time, the system of cooperation between public authorities and private business is more likely to succeed and fruitful cooperation in the implementation of investment projects [1, p. 131].

Conclusions. Taking into account the results of the study of theoretical views of the essence of public-private partnership, highlighted its most characteristic features, from the standpoint of economic theory, one can propose the following definition of this concept: public-private partnership – legally formalized system of economic relations, reflecting the mutually beneficial interaction of state and private property for the purpose of its profitable use by minimizing the risks of the activity and efficient use of all available resources for satisfaction public needs, within this framework socially significant projects or measures using state property are implemented, based on the distribution of powers, risks, financial costs and responsibilities between the parties, in order to increase the effectiveness of the state's performance of its functions, which is carried out on the basis of the contract, the subject of which is the restoration of infrastructure, the construction and operation of new social objects, which object is the infrastructure. Unlike other definitions, where the focus is mainly on the form of a legal contract, the form of a means of attracting the private sector to the provision of public services, the form of the mechanism of financing and attracting new investments, etc., than the content of interaction, the idea of public-private partnership as a system of relations reflects a high-quality, stable relationship that manifests itself

every time for state-business partnerships in economic activity. At the same time, the proposed definition is only one of the attempts to approach the disclosure of the true nature of the relationships that arise between the state and business for public-private partnerships.

References:

1. Кришталь Т.М. Державно-приватне партнерство як основний механізм розвитку інфраструктури регіону. Сталій розвиток економіки. 2013. № 3. С. 137–141
2. Брайловський І.А. Потенційні вигоди державно-приватного партнерства. Водний транспорт. 2013. Вип. 2. С. 68–72.
3. Баженов А.В. Финансирование проектов ГЧП в государственных корпорациях. Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 4. С. 53–57.
4. Брайловський І.А. Мета і зміст державно-приватних партнерств. Технологічний аудит і резерви виробництва. 2014. № 1 (5). С. 52–54.
5. Брайловський І.А. Теорія сумісно-розділених відносин як методологічне підґрунтя визначення категорії та формування механізмів державно-приватного партнерства. Схід: аналітично-інформаційний фаховий наукометричний журнал. 2015. № 1 (133). С. 5–8.
6. Власов А. «Особый путь Петербурга в сфере государственно-частного партнерства». URL: <http://www.konkir.ru/article.html?id=3772>
7. Будник В.А. Узгодження інтересів учасників державно-приватного партнерства на основі концепцій вартості. Економічний часопис–XXI. 2015. № 1–2 (2). С. 47–50.
8. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство в недвижимости – что это такое? Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 4. С. 48–57.
9. Dedicated Public–Private Partnership Units: A Survey of Institutional and Governance Structures, OECD, 2010. URL: <http://www.oecdilibrary.org/content/book/9789264064843-en>
10. Павлюк К.В., Павлюк С.М. Сутність і роль державно-приватного партнерства в соціально-економічному розвитку держави. Наукові праці Кіровоградського національного технічного

університету. Економічні науки. 2010. Вип. 17. С. 10–19.

11. Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации. URL: http://pppcenter.ru/assets/files/presentations/GChP-Recommend_web.pdf

12. Бондар Н.М. Державно-приватне партнерство у розвитку інфраструктурних галузей регіонів України: ризики учасників та їх ефективний розподіл. Формування ринкової економіки: зб. наук. пр.: у 2 ч. М–во освіти і науки, молоді та спорту України, ДВНЗ «Київ. нац. екон. ун–т ім. В. Гетьмана»; Київ: КНЕУ, 2011. Спец. вип.: Регіональний розвиток України: проблеми та перспективи; відп. ред. С. Фіялка. Ч. 2. С. 188–196.

13. Инновационный тип развития экономики: учебник / под общ. ред. А.Н. Фоломьева. М.: Изд–во РАГС. 2008 425 с.

14. Сильвестров С. Партнерство государства и частного сектора. Экономика России: XXI век. 2005. № 18. С. 12–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лисныча Виктория Николаевна – аспирант кафедры публичного управления и администрирования Института подготовки кадров государственной службы занятости Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lisnycha Viktoria Nikolaevna – Postgraduate Student at the Department of Public Administration and Management of the Institute of Personnel Training of the State Employment Service of Ukraine

naykipk@ukr.net

УДК 343.6

АНАЛИЗ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, В КОТОРЫХ СЛЕДСТВИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ НЕОСТОРОЖНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ЛИЦУ, И ОПРЕДЕЛЕНИЕ В НИХ ОСНОВНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тарас ЛУЦКИЙ,

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии факультета № 1 Львовского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу статей Особенной части Уголовного кодекса Украины, в которых причинение смерти лицу по неосторожности является признаком основного состава преступления и квалифицированного состава преступления. Определен основной непосредственный объект и обязательный дополнительный объект состава преступления.

Исследован объект преступления как элемент составов преступлений, последствием которых есть неосторожное причинение смерти человеку. Рассмотрены научные подходы к определению объекта преступления, проведен анализ объектов составов преступлений, последствием которых является неосторожное причинение смерти лицу.

Ключевые слова: неосторожное причинение смерти, объект, основной непосредственный объект, обязательный дополнительный объект, последствия, признак основного состава, признак квалифицированного состава преступления.

ANALYSIS OF BODIES OF CRIMES, IN WHICH THE CONSEQUENCE IS CAUSING THE DEATH OF A PERSON BY NEGLIGENCE, AND DETERMINATION OF THEIR BASIC AND COMPULSORY ADDITIONAL OBJECTS

Taras LUTSKYI,

Adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology of Faculty No. 1 of Lviv State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article deals with the analysis of articles of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine, in which causing the death of a person by negligence is both an essential element of the crime and a qualified element of the crime; the determination of their basic direct object and compulsory additional object of the body of crime.

The object of the crime as an element of the bodies of crimes, the consequence of which is causing the death of a person by negligence, is investigated. The scientific approaches to the definition of the object of the crime are considered, the analysis of the objects of the bodies of crimes, the consequence of which is causing the death of a person by negligence, is carried out.

Key words: causing the death by negligence, object, basic direct object, compulsory additional object, consequences, essential element of the crime, qualified element of the crime.

Постановка проблемы. Проблема определения объекта преступления в уголовно-правовой науке является ключевой, поскольку любое преступление посягает на конкретный объект. Определение последнего имеет боль-

шое значение для выяснения юридической сущности, характера и степени общественной опасности посягательства, его правильной квалификации, отграничения от других преступлений и тому подобное. Особенности

и качества объекта позволяют наиболее полно раскрыть социально-правовое содержание и юридические признаки какого-либо состава преступления, следствием которого является неосторожное причинение смерти человеку.

Вопросы квалификации деяний, следствием которых является неосторожное причинение смерти другому лицу, а также размещение законодателем в разделах Особенной части Уголовного кодекса (далее – УК) Украины статей, в которых жизнь человека выступает дополнительным обязательным объектом, вызывают определенные проблемы.

Актуальность темы исследования. Поэтому научное осмысление проблем, возникающих при анализе составов преступлений, где основным непосредственным объектом или обязательным дополнительным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека, и следствием которых является неосторожное причинение смерти другому лицу, представляется актуальным и необходимым. Отнесение жизни человека в структуре определенного состава преступления не к основному, а к дополнительному объекту порождает определенные правовые последствия, а именно отнесение таких составов преступлений к различным разделам Особенной части УК Украины.

Состояние исследования. Теоретической основой написания статьи стали работы, касающиеся вопросов уголовно-правовой защиты жизни человека от преступных посягательств, в том числе А.А. Пионтковского, М.И. Коржанского, В.К. Глистина, М.И. Бажанова, В.К. Гришука, В.Я. Тация, М.И. Хавронюка, В.А. Навроцкого, П.Л. Фриса, П.С. Матышевского, А.В. Савченко и других.

Целью и задачей статьи является комплексный системный анализ норм Особенной части УК, в которых неосторожное причинение смерти другому лицу является признаком основного состава преступления и квалифицированного состава преступления, определение основного непосредственного объекта и дополнительного обязательного объекта.

Изложение основного материала. Учение об объекте преступления явля-

ется одним из важнейших вопросов доктрины уголовного права, поскольку от выяснения сущности объекта преступления и определения его понятия зависит правильное решение многих проблем уголовно-правовой охраны. Являясь элементом состава преступления, объект позволяет раскрыть социальную сущность преступления и установить его общественно опасные последствия. Кроме того, как справедливо отмечал М.И. Коржанский, объект преступления дает возможность выработать основания и критерии выбора объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты, а также общие правила построения законодательства об уголовной ответственности и квалификации преступлений [1]. В теории уголовного права закрепилось положение, что объектом преступления является то, на что посягает виновный, и чему в результате посягательства причиняется вред или создается угроза его причинения [2, с. 98].

Следует отметить, что, несмотря на то, что на разных этапах развития отечественного уголовно-правового законодательства объектом преступления традиционно признавалось то, что страдает от преступного действия или бездействия или оказывается вследствие этого в угрожающем состоянии, в настоящее время среди учёных возникают активные дискуссии по поводу объектов преступлений. Подтверждением этого является многообразие научных подходов к решению этой проблемы. И хотя наиболее распространенной остается разработанная еще в советское время теория объекта преступления как общественных отношений (А.А. Пионтковский, М.И. Коржанский, В.К. Глистин, М.И. Бажанов и др.) [3], нельзя не отметить, что одной из тенденций современной теории уголовного права является попытка исследователей отойти от понимания в качестве объекта преступления общественных отношений, поскольку такое понимание объекта преступления основано на абстрактных умозрительных идеологических постулатах, искусственно введенных в действительность [4]. Отдельную группу составляют те ученые, которые объектом преступления признают одновременно и общественные отношения, и определенные блага и интересы (П.Л. Фрис) [5].

Для анализа социальной и юридической сущности преступлений, в которых следствием является неосторожное причинение смерти лицу, степени их общественной опасности, их правильной квалификации нужно раскрыть также сущность родового объекта, под которым понимают «объект, который охватывает определенный круг тождественных или однородных по своей социально-политической и экономической сущности общественных отношений, которые должны охраняться в силу этого единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм» [6, с. 85].

Одним из наиболее важных показателей общественной опасности преступления (в том числе преступлений, следствием которых является неосторожное причинение смерти лицу), ее качественной характеристикой [7] выступает объект преступления [8]. Именно он определяет социальную и юридическую сущность преступления, его объективные и субъективные признаки, позволяет установить пределы действия криминально-правовой нормы, отделять преступные деяния от непроступных, правильно квалифицировать деяния, а также разграничивать смежные преступления [6, с. 115].

М.И. Коржанский отмечает, что согласно структуре уголовного законодательства при поиске родового объекта преступления можно пользоваться таким правилом: деяния, которые содержатся в одном разделе УК Украины, посягают на тот же родовый объект [9, с. 83]. При таких условиях в первую очередь следует определить, в каких разделах Особенной части УК Украины предусмотрены преступления, регламентирующие уголовную ответственность за неосторожное причинение смерти лицу (выражены в диспозиции статьи в виде тяжелых последствий, а также, повлекших смерть/гибель потерпевшего или гибель людей). Соответствующие посягательства в 18-ти статьях являются признаком основного состава преступления (ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 140, ст. 141, ст. 196, ст. 236, ст. 237, ст. 247, ст. 264, ст. 287, ст. 288, ст. 291, ст. 380, ч. 1 ст. 403, ч. 1 ст. 415, ст. 416, ст. 417, ч. 1 ст. 420 и ч. 1 ст. 421 УК Украины) и в 106-ти диспозициях статей УК Украины – признаком квалифицированного состава преступления (ч. 3 ст. 110;

ч. 2 ст. 114¹; ч. 2 ст. 119; ч. 3 ст. 133; ч. 2 ст. 134; ч. 3 ст. 135; ч. 3 ст. 136; ч. 2 ст. 137; ч. 2 ст. 139; ч. 2 ст. 140; ч. 3 ст. 146; ч. 2 ст. 147; ч. 3 ст. 149; ч. 2 ст. 151; ч. 4 ст. 152; ч. 3 ст. 153; ч. 2 ст. 155; ч. 2 ст. 194; ч. 3 ст. 194¹; ч. 3 ст. 204; ч. 3 ст. 206; ч. 3 ст. 206²; ч. 2 ст. 238; ч. 2 ст. 239; ч. 3 ст. 239¹; ч. 3 ст. 239²; ч. 4 ст. 240; ч. 2 ст. 241; ч. 2 ст. 242; ч. 2 ст. 245; ч. 2 ст. 252; ч. 2 ст. 253; ч. 2 ст. 258; ч. 3 ст. 258⁵; ч. 5 ст. 260; ч. 3 ст. 265; ч. 3 ст. 265¹; ч. 2 ст. 267; ч. 4 ст. 267¹; ч. 2 ст. 269; ч. 2 ст. 270; ч. 3 ст. 270¹; ч. 2 ст. 271; ч. 2 ст. 272; ч. 2 ст. 273; ч. 2 ст. 274; ч. 2 ст. 275; ч. 2 ст. 276; ч. 3 ст. 277; ч. 3 ст. 278; ч. 3 ст. 279; ч. 3 ст. 280; ч. 3 ст. 281; ч. 3 ст. 282; ч. 2 ст. 283; ч. 2 ст. 286; ч. 3 ст. 286; ч. 3 ст. 292; ч. 2 ст. 294; ч. 4 ст. 297; ч. 4 ст. 303; ч. 3 ст. 314; ч. 3 ст. 3211; ч. 3 ст. 321²; ч. 4 ст. 323; ч. 2 ст. 325; ч. 2 ст. 326; ч. 2 ст. 327; ч. 2 ст. 328; ч. 2 ст. 329; ч. 2 ст. 347; ч. 2 ст. 347¹; ч. 2 ст. 352; ч. 3 ст. 355; ч. 3 ст. 371; ч. 2 ст. 374; ч. 2 ст. 375; ч. 2 ст. 378; ч. 2 ст. 381; ч. 3 ст. 399; ч. 2 ст. 402; ч. 2 ст. 403; ч. 3 ст. 403; ч. 2 ст. 404; ч. 3 ст. 404; ч. 4 ст. 404; ч. 3 ст. 406; ч. 2 ст. 411; ч. 3 ст. 411; ч. 4 ст. 411; ч. 2 ст. 412; ч. 2 ст. 414; ч. 3 ст. 414; ч. 2 ст. 415; ч. 2 ст. 420; ч. 3 ст. 420; ч. 2 ст. 421; ч. 3 ст. 421; ч. 3 ст. 422; ч. 3 ст. 426¹; ч. 4 ст. 426¹; ч. 5 ст. 426¹; ч. 2 ст. 439; ч. 2 ст. 446; ч. 3 ст. 447). Такие составы преступлений находятся почти во всех разделах Особенной части УК Украины, кроме раздела 5 (Преступления против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина), раздела 16 (Преступления в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), автоматизированных систем и компьютерных сетей или сетей электросвязи) и раздела 17 (Преступления в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг). Название соответствующего раздела указывает на содержание родового объекта преступления, правильность определения которого имеет большое значение при решении вопросов разграничения убийства по неосторожности с другими составами преступлений, в которых следствием является неосторожное причинение смерти лицу (лицам).

Непосредственный объект преступления – «это тот конкретный интерес, те конкретные блага и интересы, которые нарушаются в результате совершения конкретного преступления. Это тот интерес, носителем которого является конкретное лицо; группа, население, общество, государство» [10, с. 137]. Не вызывает возражений тот факт, что непосредственный объект является обязательным признаком любого состава преступления, без точного установления которого существенно усложняется, даже исключается предоставление уголовно-правовой оценки содеянного. Непосредственный объект соотносится с родовым как часть и целое. При этом родовый объект положен в основу построения Особенной части УК Украины, а непосредственный – имеет значение, прежде всего, при осуществлении уголовно-правовой квалификации и проведении разграничения составов преступлений.

Преступление, кроме основного непосредственного объекта, обязательно посягает еще и на дополнительный объект. Дополнительным непосредственным объектом могут выступать общественные отношения, защищаемые только «попутно», поскольку эти отношения неизбежно ставятся в опасность причинения вреда при совершении посягательства на основной объект [11, с. 74]. Кроме того, В.Я. Тацкий считает, что дополнительный объект так же, как и основной непосредственный, имеет большое значение для определения социально-политической сущности совершенного преступления, установления тяжести наступивших последствий или последствий, которые могут наступить [6, с. 100–102]. В свою очередь дополнительный непосредственный объект может быть дополнительным обязательным (вред причиняется неизбежно) и дополнительным факультативным (существует только возможность причинения вреда). Что касается последнего, то в одних случаях ущерб такому объекту наносится, а в других – нет [12, с. 294].

П.С. Матышевский полагает, что «признаки состава конкретного преступления не могут быть факультативными, они всегда обязательны. То обстоятельство, что то или иное конкретное преступное деяние рядом с основным

или дополнительным объектом иногда посягает на другие социальные блага, не может быть основанием для признания этих благ объектом преступления, поскольку они не отражают специфику состава преступления и не влияют на его квалификацию» [13, с. 104]. Как отмечает А.В. Савченко, дополнительным обязательным объектом преступления являются общественные отношения, которым во время совершения определенного преступления всегда причиняют вред [14, с. 95].

Отметим, что в конструкциях составов преступлений, где следствием является неосторожное причинение смерти другому лицу, в случае не отнесения к основному непосредственному объекту преступления жизнь человека, всегда присутствует дополнительный обязательный объект, в качестве которого выступает жизнь человека.

Поэтому можно констатировать, что дополнительный необходимый (обязательный) объект преступления – это общественные отношения, на которые всегда посягает определенное преступление, причиняя им вред или создавая угрозу его причинения наряду с непосредственным основным объектом, и который в других случаях может быть самостоятельным основным непосредственным объектом преступления. В то же время дополнительный факультативный (необязательный) объект преступления – это общественные отношения, на которые не всегда посягает преступление, причиняя им вред или создавая угрозу его причинения, наряду с непосредственным основным объектом, и который в других случаях может быть самостоятельным основным непосредственным объектом преступления. Таким образом, возникает вопрос: какие общественные отношения выступают непосредственным объектом составов преступлений, в которых следствием является неосторожное причинение смерти другому лицу, а жизнь человека выступает дополнительным обязательным объектом? Следует выяснить наличие или отсутствие в преступлении, следствием которых является неосторожное причинение смерти лицу, основного непосредственного объекта преступления и обязательного дополнительного объекта.

Исходя из вышеуказанных статей, в ч. 3 ст. 110; ч. 2 ст. 114¹ УК Укра-

ины основным непосредственным объектом преступления являются общественные отношения по обеспечению основ национальной безопасности в сфере государственной безопасности и политической сфере, а его обязательным дополнительным объектом – здоровье и жизнь человека; в ч. 1 и ч. 2 ст. 119 УК Украины объектом являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни человека; в ч. 3 ст. 133; ч. 2 ст. 134; ч. 3 ст. 135; ч. 3 ст. 136; ч. 2 ст. 137; ч. 2 ст. 139; ч. 1 и ч. 2 ст. 140, ст. 141 УК Украины – общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья человека, а его обязательным дополнительным объектом являются здоровье и жизнь человека; общественные отношения по обеспечению охраны свободы личности, а также, как правило, ее чести и достоинства являются основным непосредственным объектом в ч. 3 ст. 146; ч. 2 ст. 147; ч. 3 ст. 149; ч. 2 ст. 151; ч. 4 ст. 152; ч. 3 ст. 153; ч. 2 ст. 155 УК Украины; отношения права собственности – в ч. 2 ст. 194; ч. 3 ст. 194¹; ст. 196 УК Украины; отношения хозяйственной деятельности – в ч. 3 ст. 204; ч. 3 ст. 206; ч. 3 ст. 206²; экологическая безопасность – в ст. 236, ст. 237, ч. 2 ст. 238; ч. 2 ст. 239; ч. 3 ст. 239¹; ч. 3 ст. 239²; ч. 4 ст. 240; ч. 2 ст. 241; ч. 2 ст. 242; ч. 2 ст. 245; ст. 247; ч. 2 ст. 252; ч. 2 ст. 253; общественная безопасность – в ч. 2 ст. 258; ч. 3 ст. 258³; ч. 5 ст. 260; ст. 264; ч. 3 ст. 265; ч. 3 ст. 265¹; ч. 2 ст. 267; ч. 4 ст. 267¹; ч. 2 ст. 269; ч. 2 ст. 270; ч. 3 ст. 270¹; безопасность производства – в ч. 2 ст. 271; ч. 2 ст. 272; ч. 2 ст. 273; ч. 2 ст. 274; ч. 2 ст. 275; безопасность движения и эксплуатации всех видов транспорта, дорожных сооружений в – ч. 2 ст. 276; ч. 3 ст. 277; ч. 3 ст. 278; ч. 3 ст. 279; ч. 3 ст. 280; ч. 3 ст. 281; ч. 3 ст. 282; ч. 2 ст. 283; ч. 2 ст. 286; ч. 3 ст. 286; ст. 287; ст. 288; ст. 291; ч. 3 ст. 292; общественный порядок и нравственность – в ч. 2 ст. 294; ч. 4 ст. 297; ч. 4 ст. 303; здоровье населения и установленный порядок, оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров – в ч. 3 ст. 314; ч. 3 ст. 321¹; ч. 3 ст. 321²; ч. 4 ст. 323; ч. 2 ст. 325; ч. 2 ст. 326; ч. 2 ст. 327; общественные отношения, обеспечивающие охрану

государственной тайны – в ч. 2 ст. 328; ч. 2 ст. 329; авторитет органов государственной власти, отношения, обеспечивающие соблюдение предписанного порядка осуществления журналистом законной профессиональной деятельности, установленный порядок исполнения гражданско-правовых обязательств – в ч. 2 ст. 347; ч. 2 ст. 347¹; ч. 2 ст. 352; ч. 3 ст. 355; установленный законом порядок осуществления правосудия и безопасность лица, взятого под защиту – в ч. 3 ст. 371; ч. 2 ст. 374; ч. 2 ст. 375; ч. 2 ст. 378; ст. 380; ч. 2 ст. 381; ч. 3 ст. 399; установленный порядок несения военной службы – в ч. 2 ст. 402; ч. 1 и ч. 2 ст. 403; ч. 3 ст. 403; ч. 2 ст. 404; ч. 3 ст. 404; ч. 4 ст. 404; ч. 3 ст. 406; ч. 2 ст. 411; ч. 3 ст. 411; ч. 4 ст. 411; ч. 2 ст. 412; ч. 2 ст. 414; ч. 3 ст. 414; ч. 1 и ч. 2 ст. 415; ст. 416; ст. 417; ч. 1 ст. 420; 2 ст. 420; ч. 3 ст. 420; ч. 1 ст. 421; ч. 2 ст. 421; ч. 3 ст. 421; ч. 3 ст. 422; ч. 3 ст. 426¹; ч. 4 ст. 426¹; ч. 5 ст. 426¹; безопасность человечества и общественные отношения в сфере обеспечения международного правопорядка – в ч. 2 ст. 439; ч. 2 ст. 446; ч. 3 ст. 447.

Таким образом, проблема объекта преступления, следствием которого является неосторожное причинение смерти лицу, действительно актуальна, а имеющийся плюрализм подходов к ее решению, безусловно, обогащает общее учение об объекте преступления.

Мы согласны с мнением ученых, которые считают, что на данном этапе развития украинского уголовного законодательства вопрос относительно понимания объекта (в преступлениях, где следствием является неосторожное причинение смерти лицу) как общественных отношений выглядит наиболее универсальным (соответствующим). Это позволяет выяснить сущность социальных ценностей, которые обеспечиваются общественными отношениями и находятся под охраной закона об уголовной ответственности, круг субъектов, которые непосредственно заинтересованы в их охране, и социальную связь между лицами, являющимися участниками таких отношений, и, таким образом, применить правильную квалификацию общественно опасных деяний и раскрыть механизм причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны.

Учитывая, что степень общественной опасности деяния всегда связана с наступлением определенных вредных последствий, в проанализированных нами статьях и частях статей следствием всегда будет неосторожное причинение смерти лицу/людям. Последствия для человека одинаковы, а санкции данных статей и объект (основной непосредственный) различаются между собой. В конструкциях составов преступлений, где следствием является неосторожное причинение смерти другому лицу, в случае отнесения к основному непосредственному объекту преступления жизнь человека, всегда присутствует непосредственный дополнительный обязательный объект, в качестве которого выступает жизнь человека, так как его отсутствие влечет за собой, соответственно, отсутствие определенного преступления.

Решающее для квалификации общественно опасных деяний как преступлений имеет непосредственный объект преступления, который является элементом юридической конструкции состава преступления, предусмотренного определенной уголовно-правовой нормой (определенной статьей УК или даже ее частью). Таким образом, именно непосредственный объект преступления образует в конечном итоге юридическую основу уголовной ответственности. Он предполагается каждой статьей (или ее частью) Особенной части УК.

В действующем УК Украины в 18-ти статьях признаком основного состава преступления и в 106-ти диспозициях статей признаком квалифицированного состава преступления является неосторожное причинение смерти другому лицу. Такие составы преступлений находятся в разных разделах Особенной части УК Украины, хотя отличаются друг от друга лишь совокупностью признаков, которые характеризуют общественно-опасное деяние (действие или бездействие) и в конечном итоге имеют одинаковый результат – неосторожное причинение смерти лицу.

Именно поэтому положения некоторых статей УК Украины в настоящее время иногда воспринимаются неоднозначно и требуют более детального изучения, конкретизации и совершенствования.

Выводы. Несмотря на то, что общественно-опасные деяния, следствием которых есть неосторожное причинение смерти лицу, находятся в разных разделах Особенной части УК Украины, большинство из них, кроме посягательства на жизнь, посягают и на другие группы общественных отношений, которые, как правило, выступают непосредственным объектом конкретного преступления. Так как жизнь человека является высшей социальной ценностью, она не может быть второстепенной (стоять после отношений права собственности, хозяйственной деятельности и др.). Учитывая единство обязательных дополнительных объектов, которые касаются жизни человека, считаем необходимым преступления, следствием которых является причинение смерти лицу (умышленно или по неосторожности), систематизировать в одном разделе Особенной части УК Украины. К сожалению, в действующем Уголовном кодексе этот момент не учтен.

Частично реализовать данное положение можно было бы путем внесения изменений в ст. 119 УК Украины, а именно дополнить нормой «неосторожное причинение смерти лицу вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей». Это дало бы возможность исключить часть из проанализированных статей (ч. 3 ст. 135, ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 139, ч. 1 та ч. 2 ст. 140, ст. 141, ч. 2 ст. 151, ст. 236, ст. 237, ч. 2 ст. 238; ч. 2 ст. 239; ч. 2 ст. 241; ч. 2 ст. 253; 264, ч. 2 ст. 267; ч. 4 ст. 267; ч. 2 ст. 270; ч. 2 ст. 271; ч. 2 ст. 272; ч. 2 ст. 273; ч. 2 ст. 274; ч. 2 ст. 275; ч. 2 ст. 276; ч. 3 ст. 281; ч. 3 ст. 282; ч. 2 ст. 286; ч. 3 ст. 286; ст. 287, ст. 288, ч. 3 ст. 321²; ч. 2 ст. 325; ч. 2 ст. 328; ч. 2 ст. 329; ч. 3 ст. 371; ч. 2 ст. 374; ч. 2 ст. 375; ст. 380; ч. 2 ст. 381), так как объективная сторона преступления полностью охватывалась бы дополненной нормой. В других случаях, где преступлением, наряду с неосторожным причинением смерти человека, причиняется вред другим общественным отношениям (собственности, окружающей среде и т.п.), при квалификации следует применять совокупность преступлений.

Вышеуказанное позволяет нам сформулировать следующие выводы: 1) непосредственным объектом составов преступлений (следствием которых является неосторожное причинение

смерти человеку), предусмотренных различными разделами Особенной части УК Украины, выступают различные общественные отношения, однако обязательным дополнительным объектом всегда выступает жизнь человека; 2) установление непосредственного объекта помогает раскрыть социально-политическую сущность охраняемых УК Украины отношений, что в свою очередь имеет значение для определения общественно опасного характера предусмотренных действий, правильного решения вопроса о квалификации преступлений, следствием которых является неосторожное причинение смерти лицу.

Список использованной литературы:

1. Энциклопедия уголовного права. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. Т. 4. Состав преступления. С. 101.
2. Кримінальне право України. Загальна частина: підруч. М.І. Бажанов, Ю.В. Баулін, В.І. Борисов та ін.; за ред. проф. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. 2-е вид., перероб. і допов. К.: Юрінком Інтер, 2005. 480 с.
3. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР: Часть общая. М., 1925; Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: учеб. пособие. Волгоград: НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1976; Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979; Бажанов, М.И. Уголовное право. Общая часть. Днепропетровск: Пороги, 1992; и др.
4. Расторопов С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива. Уголовное право. 2002. № 1. С. 40.
5. Фріс П.Л. Кримінальне право України. Загальна частин: навч. посіб. К.: Центр навч. л-ри, 2004. С. 69.
6. Тацій В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Вища школа, 1988. 198 с.
7. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 89–102; Брайнин Я.М. Основные вопросы общего учения о составе преступления. К., 1964. С. 34; Ляпунов Ю.И. Общественная опасность

деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 113.

8. Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений: учеб. пособ. Х., 1979. С. 21–22; Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. К., 2001. С. 67–68.

9. Коржанський М.Й. Кваліфікація злочинів: навч. посіб. 2-ге вид. К.: Атіка, 2002. 639 с.

10. Бантишев О.Ф., Шамара О.В. Кримінальна відповідальність за злочини проти основ національної безпеки України (проблеми кваліфікації): моногр. 3-е вид., перероб. та доп. К.: 2014. 198 с.

11. Розенберг Д.Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства). Учёные записки Харьк. юрид. инс-та, 1948. Вып. III. 176 с.

12. Кримінальне право. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. К.: Істина, 2011. 1112 с.

13. Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина. К.: АСК, 2001. 352 с.

14. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / Ю.В. Александров, В.І. Антипов, М.В. Володько та ін.; за ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. 5-те вид., переробл. та допов. Київ: Атіка, 2009. 408 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Луцкий Тарас Николаевич – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии факультета № 1 Львовского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lutsyki Taras Nikolaevich – Adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology of Faculty No. 1 of Lviv State University of Internal Affairs

taras.lu@ukr.net

УДК 341.325

ВЫПОЛНЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ УКРАИНЫ

Наталья МАДЗИГОН,
аспирант кафедры международного права
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу норм Инструкции о порядке выполнения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Украины, направленной на реализацию положений Закона Украины «Об обороне» и Военной доктрины Украины. Исследуется соотношение положений означенной Инструкции и Уголовного кодекса Украины в контексте реализации Украиной норм международного гуманитарного права, предлагаются подходы к усовершенствованию действующего уголовного законодательства Украины.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, выполнение норм международного права, имплементация, уголовное законодательство, Уголовный кодекс Украины, Вооруженные Силы Украины, Военная доктрина Украины.

FULFILLMENT OF THE NORMS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE ARMED FORCES OF UKRAINE

Natalia MADZIGON,
Postgraduate Student at Department of International Law
of Institute of International Relations
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the norms of the Instruction on the procedure for the fulfillment of the norms of international humanitarian law in the Armed Forces of Ukraine, aimed at implementing the provisions of the Law of Ukraine "On Defense" and the Military Doctrine of Ukraine. The correlation of the provisions of the designated Instruction and the Criminal Code of Ukraine in the context of Ukraine's implementation of the norms of international humanitarian law is explored, as well as the approaches to improve the existing criminal legislation of Ukraine are proposed.

Key words: International Humanitarian Law, International Law fulfillment, implementation, Criminal Law, Criminal Code of Ukraine, Armed Forces of Ukraine, Military Doctrine of Ukraine.

Постановка проблемы. Основоположным принципом международного права является принцип добросовестного исполнения международных обязательств. В Уставе ООН закреплена необходимость создания условий, при которых будет соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права. При оценке выполнения государством международных обязательств учитывается не только поведение государства на международной арене, но также положения национального законодательства и практика его применения. Это обусловлено тем, что содержание принципа имеет не только международно-правовую коннотацию, но и национальную.

Выполнение норм международного гуманитарного права является частью выполнения международных обязательств в целом, а с учетом последних

событий в стране надлежащее исполнение обязательств именно в этой сфере становится ключевым вопросом для оценки Украины с точки зрения эффективности защиты прав человека в целом. Немаловажную роль в процессе выполнения таких международных обязательств выполняют Вооруженные силы Украины. В связи с этим особый интерес представляет исследование тенденций и особенностей нормативно-правового регулирования выполнения Вооруженными Силами Украины норм международного гуманитарного права.

Актуальность темы исследования. Следует отметить, что проблема выполнения норм международного гуманитарного права Вооруженными Силами Украины является малоизученной в науке международного права. Отдельные аспекты этой проблематики нашли отражение в работах таких украинских ученых, как Р. Короткий, Е. Лукьянченко, Н. Гнатовский и др.

Однако существующие работы не дают комплексного анализа проблем, связанных с тенденциями и особенностями нормативно-правового регулирования выполнения вооруженными силами Украины норм международного гуманитарного права.

Целью и задачей статьи является выявление тенденций и особенностей нормативно-правового регулирования выполнения Вооруженными Силами Украины норм международного гуманитарного права на основе анализа Инструкции о порядке выполнения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Украины как основного документа, содержащего основные направления выполнения норм международного гуманитарного права Вооруженными Силами Украины, а также формирование научно-обоснованных рекомендаций по изменению национального законодательства Украины.

Изложение основного материала. Основополагающим документом, определяющим направления выполнения Вооруженными Силами Украины (далее – ВСУ) взятых на себя международных обязательств в сфере международного гуманитарного права, является Военная доктрина Украины [7]. Этот документ фиксирует концептуальные основы функционирования военной сферы государства, определяя принципы поведения вооруженных сил как в военное, так и в мирное время. Реализация Военной доктрины требует, прежде всего, совершенствования законодательства Украины в сфере обороны, должного регулирования деятельности в военной сфере и адаптации базовых законодательных, концептуальных и программных документов по вопросам обороны к современным реалиям (п. 47 Военной доктрины Украины) [7].

Для реализации положений Военной доктрины Украины был издан приказ Министерства обороны Украины от 23 марта 2017 № 164 «Об утверждении Инструкции о порядке выполнения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Украины» (зарегистрирован в Министерстве юстиции Украины 9 июня 2017 под № 704/30572) (далее – Инструкция) [6]. Вызывает сомнение достаточность этого документа как базового регулятора, как для надлежащего выполнения положений Военной доктрины, так и для реализации норм международного гуманитарного права ВСУ. Тем не менее, стоит отметить ряд позитивных моментов Инструкции.

Во-первых, это закрепление на законодательном уровне понятия «международное гуманитарное право». Так, согласно п. 1 раздела 1 «Основные положения международного гуманитарного права, применяемые в вооруженных конфликтах» международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов) – это система международно признанных правовых норм и принципов, применяемых в период вооруженных конфликтов, устанавливающих права и обязанности субъектов международного права относительно запрета или ограничения использования определенных средств и методов ведения вооруженной борьбы, обеспечения защиты жертв конфликта и определяющих ответственность за нарушение этих норм [6].

Во-вторых, это предложенный документом подход к определению объема обязательств международного гуманитарного права и отнесение на законодательном уровне к источникам международных обязательств в сфере международного гуманитарного права международно-правовых обычаев.

Вместе с тем существует риск, что такой подход приведет к возникновению проблемы определения объема и содержания таких обычаев, хотя это относится к общей проблеме имплементации норм международного права в национальное законодательство. Следует отметить, что на постсоветском пространстве сформировалось довольно специфическое, «механистическое» отношение к проблеме национально-правовой имплементации норм международного права, в том числе международного гуманитарного права. По мнению ряда ученых, при выполнении международно-правовых обязательств путем имплементации, национальный законодатель обращает внимание в основном на нормы международных договоров, к которым применяется общая схема: 1) решение вопроса о том, к каким международным договорам в сфере международного гуманитарного права имеет смысл присоединиться; 2) акт присоединения к соответствующей конвенции и принятия необходимого имплементационного законодательства, приведение национального законодательства (военного, уголовного и т.д.) в соответствие с конвенциями, преимущественно делается благодаря деятельности национальных комиссий по имплементации международного гуманитарного права, которые формируются под эгидой министерства юстиции или иного ведомства, ответственного за правовую политику государства; 3) последующий мониторинг выполнения договорных обязательств (очевидно, довольно формальный). В связи с этим ученые указывают на то, что остается непонятным, как в эту схему вписать обязательства государств, вытекающие из общего обычного международного права. Действительно, с ними стоит согласиться, ведь в законодательстве Украины и других постсоветских государств такой механизм отсутствует, и ситуация осложняется еще и отсутствием в Конституции Украины ответа

на вопрос об отношении национальной правовой системы к обычному международному праву. Частичный ответ, по их мнению, можно найти в статье 18 Конституции Украины, согласно которой внешнеполитическая деятельность Украины направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе общепризнанных принципов и норм международного права. Однако конституционно провозглашенное намерение основывать «внешнеполитическую деятельность» на общепризнанных принципах и нормах международного права не дает ответа на вопрос о соотношении национальной правовой системы и обычных норм международного права, хотя бы и «общепризнанных» [4, с. 13].

Нельзя не согласиться также с тем, что каким бы ни было содержание национальных конституций, государство должно выполнять международные обязательства, в том числе вытекающие из общего международного права. В отличие от охарактеризованного выше процесса присоединения к международному договору и его имплементации на национальном уровне, в случае с общим обычным международным правом тяжело, а иногда даже невозможно проследить волевое решение государства быть связанным такими нормами. Это тем более имеет значение для государств, которые ранее не были субъектами международного права, или чья международная правосубъектность была довольно условной (Украина как продолжатель Украинской ССР – члена Организации Объединенных Наций). Современная доктрина, в частности «Лондонские принципы» Ассоциации международного права, подтверждает мысль Г. Лаутерпахта, что новое государство не имеет возможности выбирать из существующих норм международного права те, которых она желает придерживаться, а которых – нет. Государство связано общепризнанными нормами международного права, даже если его согласие на них не может быть доказано в каждом конкретном случае. Достаточно, чтобы эта норма была общепризнанной, и трудно было бы

представить, что цивилизованное государство откажется от ее соблюдения [4, с. 13–14; 1, с. 56–57].

На сегодняшний день норма, закрепленная в п. 2 раздела 1 Инструкции, в полной мере отражает указанную доктрину и необходимость исполнения международных обязательств, независимо от формы их закрепления: «Объем обязательств стороны международного вооруженного конфликта (войны) определяется как нормами обычного права, так и договорными нормами международного гуманитарного права <...>, ратифицированными каждой стороной». Тем не менее, на практике эта норма носит преимущественно декларативный характер, что подтверждается положениями национального уголовного законодательства. Так, уголовным законодательством Украины предусмотрена ответственность физических лиц за те нарушения законов и обычаев войны, предусмотренных международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины. Исключением является статья 438 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины), предусматривающая наказание за нарушения законов и обычаев войны, запрещенных международным правом в целом, а также за «другие нарушения законов и обычаев войны, которые предусмотрены международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлена Верховной Радой Украины». Таким образом, диспозиция статьи прописана таким образом, что на практике работают только положения, касающиеся международных договоров.

Вместе с тем вызывают сомнения положения Инструкции по действию во времени норм международного гуманитарного права. Согласно п. 2 этого же раздела Инструкции, ее нормы вступают в силу с началом вооруженного конфликта или операции по поддержанию мира и безопасности [6]. Применение норм международного гуманитарного права во время международных вооруженных конфликтов прекращается с общим окончанием военных действий, а на оккупированной территории – с окончанием оккупации, за исключением применения в отношении лиц, чье освобождение, репатриация или обустройство будут осуществлены после этих сроков [6].

Но, например, в соответствии со ст. 77 Протокола I Стороны, находящиеся в конфликте, принимают все возможные меры для того, чтобы дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях, и, в частности, стороны воздерживаются от их вербовки в свои вооруженные силы; при вербовке из числа лиц, достигших пятнадцатилетнего возраста, но которым еще не исполнилось восемнадцати лет, Стороны, находящиеся в конфликте, стремятся отдавать предпочтение лицам старшего возраста [2]. Аналогичное положение закреплено и в ст. 4 Протокола II [3]. При этом действие этих положений не ограничено во времени.

В-третьих, во многих случаях только эта Инструкция дает определение ряду категорий международного гуманитарного права, используемых в законодательстве Украины, в частности, в Уголовном кодексе Украины, в том числе необходимых для правильной квалификации противоправных деяний. Инструкция дает толкование таким понятиям, как «вероломство», «военные объекты», «депортация или насильственное перемещение населения», «духовный персонал», «жертвы вооруженных конфликтов», «необороняемая местность», «комбатанты», «некомбатанты», «немеждународный (внутренний) вооруженный конфликт (вооруженный конфликт немеждународного характера)», «переговорщики», «партизаны», «уважение и защита», «репрессалии», «гражданское лицо», «гражданское население» и другие.

В-четвертых, актуальным является закрепление в разделе 4 Инструкции особенностей применения норм международного гуманитарного права в немеждународных (внутренних) вооруженных конфликтах (вооруженных конфликтах немеждународного характера) и норм права по правам человека, применяемых в ситуациях нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таких как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия. Актуальность их законодательного закрепления согласуется с общемировой тенденцией распространять нормы международного гуманитарного права на все типы вооруженных конфликтов.

Вместе с тем многие положения этой Инструкции не согласуются с действующим законодательством или не имеют законодательных механизмов их реализации. Больше всего вопросов, с нашей точки зрения, вызывает раздел 8 Инструкции, содержащий предписания об ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права. Так, согласно п. 4 раздела 8 «Ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права» к уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие серьезные нарушения норм международного гуманитарного права [6]. Инструкция выделяет серьезные нарушения, направленные против людей; серьезные нарушения, направленные против имущества; серьезные нарушения, совершенные путем вероломного использования международно-признанных опознавательных эмблем (знаков) и сигналов.

Согласно п. 5 к серьезным нарушениям норм международного гуманитарного права, направленных против людей, относятся: умышленное убийство, пытки и жестокое обращение; умышленное причинение тяжких страданий или серьезного увечья или нанесение вреда здоровью человека; нападение на лиц, находящихся под защитой международного гуманитарного права; совершение нападения неизбирательного характера, когда известно, что это станет причиной человеческих потерь среди гражданского населения и нанесет ущерб гражданским объектам; нападение на опасные установки и сооружения, если известно, что это повлечет чрезмерные потери среди гражданского населения или значительные убытки гражданским объектам; нападение на необороняемую местность и демилитаризованную зону; неправомерное нападение на культурные ценности, которые четко распознаются; проведение на людях медицинских, биологических или научных экспериментов; бесчеловечное обращение, сопровождающееся унижением человеческого достоинства, в том числе применение практики апартеида, геноцида и других действий, основанных на расовой дискриминации; взятие заложников; осуществление актов террора; незаконное лишение свободы (арест), приказ не оставлять никого

в живых; депортация или незаконное перемещение населения оккупированной территории (как в пределах этой территории, так и вне ее); перемещение государством-оккупантом части собственного гражданского населения на оккупированную территорию; лишение права на беспристрастное и надлежащее судопроизводство; неоправданная задержка репатриации военнопленных или гражданских лиц; принуждение к службе в вооруженных силах противника; ограничение доступа населения к пище, воде и т.д. [6].

Согласно п. 6 указанного раздела, как серьезные нарушения, направленные против имущества, квалифицируются неоправданные военной необходимостью следующие действия: крупномасштабное разрушение имущества; присвоение имущества в крупных размерах; уничтожение или разграбление собственности противника; отдача на разграбление населенного пункта или местности; захват судов, предназначенных для берегового рыболовства или потребностей местного мореплавания, госпитальных судов и судов, осуществляющих научные и религиозные функции [6].

Пунктом 7 указанного выше раздела как серьезное нарушение рассматривается вероломное использование опознавательных эмблем (знаков, сигналов), которыми обозначаются лица и объекты, пользующиеся защитой международного гуманитарного права [6].

Однако положения Инструкции в части, предусматривающей привлечение к уголовной ответственности, следует рассматривать исключительно во взаимодействии с положениями УК Украины. Это обусловлено тем, что согласно ст. 3 Общей части УК Украины преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом [5]. При этом в УК Украины только одна статья предусматривает ответственность за все указанные действия, но они будут квалифицироваться не как серьезные нарушения норм международного гуманитарного права в значении Инструкции, а как нарушение законов и обычаев войны (ст. 438 УК Украины).

Раздел 8 Инструкции содержит также другие существенные несогласованности с УК Украины. Так, согласно

п. 2 военнотружачие и работники ВСУ за нарушение норм международного гуманитарного права могут быть привлечены как к дисциплинарной, так и к уголовной ответственности. Ответственность военнотружачих (граждан) Украины за преступления, связанные с нарушением норм международного гуманитарного права, как указывает Инструкция, предусмотрена в разделе XIX УК Украины «Преступления против установленного порядка несения военной службы (военные преступления)». При этом п. 4 квалифицирует серьезные нарушения норм международного гуманитарного права как военные преступления [6]. Это свидетельствует о внутренней несогласованности самой Инструкции.

Во-первых, отнесение серьезных нарушений международного гуманитарного права в понимании Инструкции к военным преступлениям невозможно, ведь решать этот вопрос, по нашему мнению, имеет исключительно такой нормативный акт, как закон, имеющий высшую юридическую силу по сравнению с Инструкцией. Во-вторых, если проанализировать перечень составов преступлений, которые УК Украины относит к военным преступлениям, то среди них мы не найдем такого состава, который бы позволил квалифицировать противоправные действия как «нарушение норм международного гуманитарного права».

Зато такая квалификация содержится в той же статье 438 раздела XX «Преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка» УК Украины, однако такие противоправные действия по ее предписаниям должны квалифицироваться как нарушение законов и обычаев войны. Кроме того, это положение может быть истолковано как освобождение от ответственности за их совершение других лиц, которые не являются специальными субъектами в соответствии с предписаниями уголовного законодательства. Согласно ст. 401 УК Украины по соответствующим статьям раздела XIX УК Украины «Преступления против установленного порядка несения военной службы (военные преступления)» ответственность несут военнотружачие: ВСУ, Службы безопасности Украины, Государственной пограничной службы Украины, Нац-

ональной гвардии Украины и других военных формирований, образованных в соответствии с законами Украины, Государственной специальной службы транспорта, Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины, а также другие лица, определенные законом [5].

Выводы. Приведенные нами несогласованности положений норм УК Украины и Инструкции свидетельствуют не столько о несовершенстве последней как акта, целью которого было определить порядок использования предписаний международного гуманитарного права в военной сфере, сколько указывают на необходимость внесения изменений непосредственно в сам УК Украины. В частности, речь идет об использовании подхода Инструкции к классификации деяний с учетом объекта посягательства. Это, с нашей точки зрения, позволит решить проблему конкуренции уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность по статьям разделов XIX «Преступления против установленного порядка несения военной службы (военные преступления)» и XX «Преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка» УК Украины.

Внесение соответствующих изменений в УК Украины будет иметь положительный правоприменительный эффект, поскольку существенно облегчит квалификацию противоправных действий. Кроме того, это будет способствовать выполнению Украиной взятых на себя обязательств по соблюдению норм международного гуманитарного права.

Список использованной литературы:

1. Lauterpacht H. International Law: Collected Papers / Ed. by E. Lauterpacht. The General Works. Cambridge University Press, 1978. Vol. 1568 p.
2. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/470>
3. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection

of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II), 8 June 1977. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/475?OpenDocument>

4. Звичасві норми міжнародного гуманітарного права / передм. Т.Р. Короткий, Є.В. Лук'яченко; вступ. стаття М.М. Гнатовський. Одеса: Фенікс, 2017. 40 с.

5. Кримінальний кодекс України: закон України від 5 квітня 2001 року № 2341-ІІКК. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>

6. Про затвердження Інструкції про порядок виконання норм міжнародного гуманітарного права у Збройних Силах України: наказ Міністерства оборони України від 23 березня 2017 року № 164, зареєстрований у Міністерстві юстиції України 9 червня 2017 року № 704/30572. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0704-17>

7. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 вересня 2015 року «Про нову редакцію Военної доктрини України: указ Президента України від 24 вересня 2015 року № 555/2015. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/555/2015>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мадзигон Наталия Викторовна – аспирант кафедры международного права Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Madzigon Natalia Viktorovna – Postgraduate Student at Department of International Law of Institute of International Relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv

natalia.madzigon@gmail.com

УДК 343.122 (477)

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩЕГО ПРАВОВУЮ ПОМОЩЬ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Елена МАРТОВИЦКАЯ,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного процесса и организации досудебного следствия
Харьковского национального университета внутренних дел

Александр ЮХНО,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного
процесса и организации досудебного расследования
Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование законодательных, научных и прикладных положений по вопросам правового регулирования статуса участника уголовного процесса, который предоставляет правовую помощь в ходе уголовного производства. При этом проанализированы различные научные точки зрения по исследованным вопросам и материалы правоприменительной практики, в отношении которых изложены научные позиции авторов. По результатам научного изучения выявлены некоторые пробелы и проблемные вопросы в действующем национальном уголовном процессуальном законодательстве. Внесены конкретные предложения по усовершенствованию отдельных положений уголовного процессуального кодекса Украины и правоприменительной практики по исследованным вопросам.

Ключевые слова: досудебное расследование, уголовный процесс, правовая помощь, адвокат, защитник, участники производства, статус, положение, закон, процессуальные правоотношения, международные акты, защита, субъекты, функция, научная позиция.

LEGAL STATUS OF THE CRIMINAL PROCESS PARTICIPANT, PROVIDING LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Elena MARTOVITSKAYA,

PhD in Law, Assistant Professor at the Department of the
Criminal Procedure and Pre-trial Investigation Organization
of Kharkiv National University of Internal Affairs

Aleksandr UKHNO,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department at the
Criminal Procedure and Pre-trial Investigation Organization
of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article deals with a theoretical research of legislative, scientific and applied provisions on the issues of status legal regulation of a participant in criminal proceedings, who provides legal assistance during criminal proceedings. At the same time, various scientific beliefs concerning studied issues and the materials of law enforcement practice are analyzed. According to the results of the scientific study, some gaps and problematic aspects in the current National Criminal Procedure Code are identified. Specific proposals to improve certain provisions of the Criminal Procedure Code of Ukraine and law enforcement practice on the studied issues have been made.

Key words: pre-trial investigation, criminal procedure, legal assistance, lawyer, defense attorney, participants in the proceedings, status, position, law, procedural legal relationship, international acts, protection, criminal defendants, function, scientific position.

Постановка проблемы. Состояние защиты прав, свобод и законных интересов личности в любом государстве является одной из составляющих ее правильной политики. В Конституции Украины задекларирована обязанность государства обеспечивать правовую защиту своих граждан, и этот постулат выведен первейшей обязанностью из всех закрепленных в ней. Длительное время недостатки в обеспечении защиты прав своих граждан были предметом острой критики со стороны международной общественности в целях недопущения в дальнейшем репрессивности в деятельности следственных органов и судов. Подписав ряд основополагающих договоров с международными институтами, Украина взяла на себя обязанность по совершенствованию данного правового направления, и, как следствие, успешно реализует их в законодательной и правоприменительной деятельности. В то же время, даже после принятия действующего Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) Украины с его новеллами в 2012 году и внесением после этого более 570 изменений, поправок и дополнений к нему, все же существуют проблемные вопросы, которые не позволяют в полном объеме обеспечивать защиту прав всех участников уголовного производства и в целом уголовного процесса. Вышеуказанное говорит о необходимости дальнейших исследований и усовершенствования уголовного процессуального законодательства Украины.

Актуальность темы исследования. Существующая система защиты лиц, которые попали в сферу уголовных процессуальных отношений, является на сегодняшний день еще несовершенной, несмотря на принятые новеллы в УПК Украины 2012 года. В действующем УПК Украины расширены некоторые права участников уголовного процесса по защите их прав, свобод и законных интересов, однако еще не в достаточном объеме, что вызывает нарекания от участников уголовного производства и тех лиц, которые при этом осуществляют их защиту как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости исследования этого направления уголовного процесса Украины.

Состояние исследования. К затронутым в статье вопросам ученые обращались еще во время действия УПК Украины 1960 года, однако в связи с принятием УПК Украины 2012 года и его новелл исследователи этого направления продолжали свои изыскания. Эти вопросы отражены в работах: С.Е. Абламского, А.М. Бандурки, Ю.В. Баулина, В.П. Божьева, В.И. Борисова, Т.В. Варфоломеевой, Б.Л. Ващук, В.И. Галагана, И.М. Гальперина, Л.В. Головки, В.И. Гончаренко, Ю.М. Грошевого, Н.И. Гошовского, Е.В. Диденко, М.В. Духовского, В.В. Ерохина, Я.П. Зейкана, Д.Ю. Кавуна, О.А. Калганова, О.В. Каплиной, Г.К. Кожевникова, А.Ф. Кони, В.В. Лысенко, Л.Д. Кокорева, Н.И. Клименко, О.П. Кучинской, А.А. Кочуры, В.Г. Лукашевича, Е.Д. Лукьянчикова, В.Т. Маляренко, А.В. Мельниченко, М.М. Михеенко, Т.В. Омельченко, В.Т. Нора, Н.А. Погорецкого, Т.И. Присяжнюк, В.М. Савицкого, Н.В. Сенаторова, М.С. Строговича, В.М. Тертишника, Л.Д. Удаловой, И.Я. Фойницкого, Т.Г. Фоминой, П.В. Цимбала, В.П. Шибки, О.Г. Шило, Н.Е. Шумило, А.А. Юхно, Ю.П. Яновича и др. После 2012 года на уровне кандидатской диссертации эти вопросы исследовались С.Е. Абламским «Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном производстве» (2014 г.), Кавуном Д.Ю. «Уголовно-процессуальный механизм обеспечения прав потерпевшего (физического лица) при досудебном расследовании» (2016 г.), Мельниченко А.В. «Обеспечение прав личности на досудебном расследовании» (2018 г.), на уровне монографии эти вопросы изучались Ерохиным В.В. (2018 г.), а также фрагментарно другими учеными. В то же время за период действия нынешнего УПК Украины в него, по состоянию на конец 2018 года, было внесено более 570 изменений, дополнений и поправок, которые еще не нашли своего отражения в научных работах этой тематики, и, как следствие, требуют отдельного исследования.

Цели и задачи статьи. Необходимость дальнейшего исследования правового статуса участников уголовного процесса, которые предоставляют правовую помощь в уголовном производстве, вызвано несовершенством, а в отдельных случаях, и не синхронизацией между собой по этим вопросам действующего уголовного процессуального законодательства Украины

и отдельных законов, а также практикой его применения. В целях наработки предложений и рекомендаций по внесению соответствующих дополнений и изменений в действующий УПК Украины перед авторами этой статьи и поставлена такая задача.

Изложение основного материала. В научной литературе учеными неоднократно отмечалось и отмечается, что уголовное судопроизводство является сложной и многосторонней деятельностью многих органов и лиц, круг которых определен законом. Каждый из участников выполняет различные уголовные процессуальные функции, в связи с чем они наделены законом разными по характеру и объему правами, а также разными обязанностями. Однако общим для каждого участника уголовного производства является то, что все они, тем или иным образом, принимают участие в уголовном производстве, вступают между собой в уголовные процессуальные правоотношения в соответствии с действующим УПК Украины. Одним из таких участников уголовного производства являются именно лица, которые предоставляют правовую помощь. Так, Основные принципы, касающиеся роли юристов в уголовном процессе, принятые Конгрессом ООН 27 августа и 7 сентября 1990 года, предусматривают, что каждый человек имеет право обратиться к любому юристу за правовой помощью по защите, а также отстаиванию своих прав на всех стадиях уголовного судопроизводства [1]. Кроме того, Международный пакт «О гражданских и политических правах» в статье 14 провозглашает право каждого человека в случае его обвинения в совершении противоправного действия защищать себя лично или использовать правовую помощь защитника [2]. Дополнительно, в Международном пакте «О гражданских и политических правах» указано, что каждый обвиняемый в совершении уголовного правонарушения имеет как минимум такие права, в частности, защищать себя лично или непосредственно через юридическую помощь защитника, выбранного по своему усмотрению. Как отметил Ю.П. Янович, защитник-юрист – это активный участник уголовного процесса, на которого возложена функция защиты, и в силу этого он обязан использовать все указанные в законе

средства и способы с целью выяснения обстоятельств, которые оправдывают подзащитного или смягчают его ответственность [3]. В уголовном процессуальной литературе есть точки зрения, согласно которым участниками защиты являются такие субъекты уголовной процессуальной деятельности, которые благодаря своему правовому положению способствуют реализации задач уголовного производства, осуществляют функцию защиты. На основании этого Ю.М. Грошевой предлагает выделять субъектов прямой и косвенной функциональной защиты [4]. По его мнению, к прямой функциональной защите следует отнести: 1) субъектов непосредственной защиты (обвиняемый); 2) субъектов опосредованной защиты (защитник, законный представитель). В свою очередь к субъектам косвенной функциональной защиты ученый относит: а) субъектов государственно-властной защиты (органы и должностные лица, которые ведут процесс); б) субъектов общественной защиты; в) субъектов имущественной защиты (гражданский ответчик и представитель). В свою очередь М.Я. Никоненко отмечает, что будет ошибкой считать то, что защиту обвиняемого осуществляет только адвокат. По мнению автора, «все органы, от которых в той или иной степени зависит судьба обвиняемого (орган досудебного следствия, прокурор и суд), должны не только выполнять своё непосредственное дело, но и обеспечивать реальное осуществление обвиняемым своих прав и законных интересов». По нашему мнению, касательно участников государственно-властной защиты, к которым ученые относят органы, которые ведут процесс, то их никак нельзя относить ни к прямой, ни к косвенной функциональной защите. Прежде всего, это независимые участники, которые призваны обеспечить быстрое, полное и непредвзятое расследование уголовного производства и судебное разбирательство. Именно по этой причине и нет оснований признавать их такими, которые призваны осуществлять защиту. Следует акцентировать внимание на том, что согласно ст. 20 действующего УПК Украины подозреваемый, обвиняемый имеет право пользоваться правовой помощью защитника. В УПК закреплен раздел III «Сторона защиты». В частности, в ст. 45 УПК закреплено, что защит-

ником в уголовном производстве является именно адвокат, осуществляющий защиту подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, а также лицо, в отношении которого предполагается применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера, или решался вопрос об их применении.

В отличие от предыдущего УПК Украины 1960 года (ст. 44), в действующем УПК исключено понятие «другие специалисты в области права». Несмотря на существующую дискуссию, следует признать данное изменение положительным, учитывая то, что до сих пор не было четкого разъяснения, кто такие специалисты в области права, какими документами должна подтверждаться их квалификация, и чем необходимо руководствоваться следователю. Кроме того, положительным результатом введения этой нормы является и возможность граждан получить действительно квалифицированную помощь от адвокатов, которые надлежащим образом получили свидетельство на право занятия адвокатской деятельностью, то есть подтвердили наличие у них практического опыта применения законодательства и наличия определенного уровня знаний.

В то же время в ч. 2 ст. 45 УПК Украины указано, что защитником не может быть адвокат, который не внесен в Единый реестр адвокатов и адвокатских объединений или исключен из него. По состоянию на сегодняшний день этот реестр существует на сайте Высшей квалификационной комиссии адвокатуры (ВККА). Но возникает вопрос, каким образом адвокат должен будет доказать следователю, прокурору, следственному судье, судье факт наличия его данных в Едином реестре адвокатов и адвокатских объединений. В соответствии со ст. 50 УПК Украины полномочия защитника для участия в уголовном производстве подтверждаются: во-первых, свидетельством о праве на занятие адвокатской деятельностью в Украине, во-вторых, ордером установленного образца, поручением центра по предоставлению бесплатной правовой помощи или договором с подозреваемым, обвиняемым или другим лицом в интересах подозреваемого, обвиняемого. Установление каких-либо дополнительных требова-

ний или условий для подтверждения полномочий защитника или для его привлечения к участию в уголовном производстве не допускается. Безусловно, положительным изменением является беспрепятственный доступ адвоката к своему подзащитному. Так, согласно ч. 5 ст. 46 УПК Украины, защитник имеет право присутствовать во время допроса и иных процессуальных действий, которые проводятся с участием подозреваемого, обвиняемого, до первого допроса подозреваемого иметь с ним конфиденциальное свидание без разрешения следователя, прокурора, суда, а после первого допроса – свидания без ограничения количества и продолжительности.

Также среди нововведений следует отметить, что в соответствии со ст. 51 УПК Украины договор с защитником для защиты интересов подозреваемого, обвиняемого имеет право заключить как он лично, так и другие лица в его интересах с последующим согласием подозреваемого, обвиняемого. В соответствии со ст. 47 УПК Украины защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, подсудимым или осужденным, их законными представителями, а также другими лицами по просьбе или с согласия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, однако в положениях ч. 3 ст. 46 УПК Украины законодатель четко ограничивает количество защитников обвиняемого максимум до пяти. На практике встречаются нередкие случаи, когда право на выбор защитника в уголовном производстве ограничивается, поскольку уполномоченные лица не допускают к защите юристов, которые не имеют определенных документов для предоставления такой помощи, тем самым нарушают право лица на свободный выбор защитника. Несмотря на то, что Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) подтвердил право «специалиста в области права», который не имеет адвокатского свидетельства, все же выступать защитником в уголовном процессе, то действующим УПК Украины это не закреплено. Например, 24 ноября 2011 года (до принятия действующего УПК Украины), Европейский суд по правам человека обнародовал решение по делу «Загородный против Украины», которым установлено, что недопуск в уголовном

процессе в качестве защитника подсудимого «специалиста в области права», не имеющего адвокатского свидетельства, является нарушением права на справедливый суд, предусмотренного п.п. 1 и 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом Суд отметил, что такая ситуация несовместима с принципом правовой определенности, которая, в свою очередь, является составной принципа верховенства прав. В то же время этот принцип данной Европейской институции не может быть реализованным, поскольку УПК Украины принят после вынесения данного акта, и по нему осуществлена соответствующая положительная экспертиза Венецианской комиссии.

На практику применения положений КПК Украины 1960 года Верховный Суд Украины отреагировал в своем Постановлении от 7 июля 1995 года № 10 «О применении законодательства, обеспечивающего обвиняемому, подозреваемому, подсудимому право на защиту», в котором разъяснил, что полномочия защитника могут быть подтверждены: для адвокатов, которые занимаются адвокатской деятельностью индивидуально или в объединениях – соответствующим свидетельством, а также ордером на наличие согласия или согласия на участие в деле близких родственников, опекунов, попечителей; заявлением подсудимого на осуществление этими лицами его защиты, а также поручительством и соответствующими документами, которые являются основанием для участия их в деле. Поскольку законом не ограничено количество защитников по приглашению обвиняемого, подозреваемого, подсудимого, его родственников, законных представителей или других лиц, для участия в деле могут быть допущены несколько защитников. Исходя из конституционного положения о свободе каждого в выборе защитника своих прав, последний мог быть приглашен подозреваемым, обвиняемым и подсудимым, так же, как и его законными представителями, родственниками или иными лицами по поручению или по просьбе подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 47 КПК). Однако после этого Постановления ПВСУ и принятия в 2012 году действующего УПК Украины, Верховным судом Украины не обобщалась судеб-

ная практика по поднятым вопросам, хотя такая необходимость стоит на повестке дня. Подозреваемый и обвиняемый могут в любой момент производства по делу отказаться от защитника. Такой отказ должен быть только добровольным (ч. 1 ст. 46 УПК). Вместе с тем, предоставляя возможность подозреваемому и обвиняемому отказаться от участия защитника, ст. 52 УПК устанавливает ряд случаев, когда отказ этих лиц от защитника не может быть принят, а именно: 1) в отношении лиц, которые подозреваются или обвиняются в совершении уголовного преступления в возрасте до 18 лет – с момента установления факта несовершеннолетия или возникновения каких-либо сомнений в том, что лицо является совершеннолетним; 2) применительно к лицам, в отношении которых предполагается применение принудительных мер воспитательного характера – с момента установления факта несовершеннолетия или возникновения каких-либо сомнений в том, что лицо является совершеннолетним; 3) в отношении лиц, которые в силу психических или физических недостатков (немые, глухие, слепые и т.п.) не способны в полной мере реализовать свои права – с момента установления этих недостатков; 4) в отношении лиц, которые не владеют языком, на котором ведется уголовное производство – с момента установления этого факта; 5) применительно к лицам, в отношении которых предполагается применение принудительных мер медицинского характера или решается вопрос об их применении – с момента установления факта наличия у лица психического заболевания или других сведений, которые вызывают сомнение в его вменяемости; 6) по реабилитации умершего – с момента возникновения права на реабилитацию умершего. При этом в обязанность следователя, прокурора при наличии указанных обстоятельств вменено обязательное назначение адвоката, независимо от волеизъявления подозреваемого или обвиняемого. В свою очередь, как отметила Т.В. Варфоломеева, на стадии досудебного расследования квалифицированной помощи защитника требует и свидетель. Обычно свидетель допрашивается следователем один на один. И только при одновременном

допросе двух и больше ранее допрошенных лиц (прежде в Украине это именовалось очной ставкой) гласность допроса расширяется. Некоторые следователи допрашивают свидетелей в присутствии оперативных сотрудников, других следователей, что вряд ли целесообразно и создает препятствия в работе. Иногда присутствующие прерывают допрос с целью донести какую-либо информацию в пользу обвинения. Во время допросов свидетелей без посторонних лиц известны случаи психологического воздействия, резкий тон, спешка и др. В присутствии адвоката следователь, прокурор вряд ли будут такое допускать [5].

Поддерживая эту научную позицию в дискуссии, Т.М. Пацалова связывает такие обстоятельства с тем, что в суде нередко возможно услышать от свидетелей мотивы изменения ими показаний: следователь сам написал часть показаний, пользуясь материалами дела; свидетель подписал протокол, не читая его из-за невозможности разобрать почерк следователя; свидетель сам подписал протокол допроса, не вникая в суть написанного, доверяя следователю и др. Впервые появившись в уголовном процессе, свидетель возможно еще не до конца понимает значение своих показаний и поэтому может подписать все, что угодно. Такой свидетель не знает, что его показания оцениваются как наиболее правдивые, близкие к моменту совершения преступления, а потому достоверные [6]. По мнению Т.М. Пацаловой, необходимость участия адвоката во время допроса свидетеля обусловлена не только усилением уголовной ответственности, но и тем, что есть много других ситуаций, когда помощь защитника свидетелю просто необходима. Прежде всего, это связано с тем, что на сегодняшний день (не по вине следователя, прокурора) сложилась негативная практика допроса в качестве свидетеля будущих подозреваемых и обвиняемых, поскольку на первоначальном этапе, без получения доказательств в полном объеме и предъявления подозрения, допрашивать такое лицо в качестве подозреваемого не позволено. Поэтому на практике подозреваемый (обвиняемый) сначала неоднократно допрашивается в качестве свидетеля, а когда собраны все доказательства, и все необходимые данные от него получены, тогда его

допрашивают как подозреваемого. Как свидетель, гражданин обязан под страхом уголовной ответственности рассказать всю известную информацию. Затем допрашиваемый имеет право давать показания как подозреваемый [7].

В свою очередь, поддерживая дискуссию в этом направлении, А.М. Чабаненко отметил, что помощь адвоката нужна и свидетелю, который был обвиняемым или подозреваемым, и дело в отношении которого прекращено, и обвиняемому по другому делу, но выступающему свидетелем в случае разъединения дел.

При допросе несовершеннолетнего свидетеля в возрасте до 14 лет, а по усмотрению следователя и от 14 до 16 лет, должен принимать участие педагог [8]. В связи с наличием указанной проблемы М.И. Пешковский указывает, что роль адвоката во время допроса не должна сводиться только к его присутствию, поскольку такой адвокат должен быть незаинтересованным лицом в исходе дела, независимым, поэтому ему нужно позволить задавать вопросы, но с разрешения следователя. Конечно, адвокат свидетеля вправе обжаловать неправомерные действия прокурору [9]. В свою очередь М.М. Смирнов считает, что участие адвоката на досудебном следствии должно повысить уровень надежности в нахождении материальной истины относительно конкретного уголовного дела [10].

Выводы. Из анализа положений УПК Украины относительно обеспечения защиты прав участников уголовного производства усматривается, что действительно защитник является его самостоятельным участником. Однако следует поддержать Т.В. Варфоломееву в том, что его самостоятельность имеет свои границы или пределы, которые вытекают из специфики его процессуальных отношений с подзащитным. В своей деятельности позиция защитника не всегда зависит от требований и желаний последнего, он не всегда должен разделять ту позицию, которую занимает подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, оправданный. Он свободен в выборе средств защиты [8, с. 65]. Главное, чтобы эти средства были законными и вполне соответствовали характеру той функции, которую защитник должен выполнять. Поэтому, осуществляя защиту, он должен руко-

водствоваться законом, исходя из четко установленных обстоятельств, и защищать только законные интересы подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, оправданного, удовлетворять только те их требования, которые не противоречат закону. Участие защитника в уголовном производстве является важной гарантией прав и законных интересов лиц, которых он уполномочен защищать и которым предоставляет юридическую помощь, а также является необходимым условием реализации конституционного принципа состязательности сторон и верховенства права.

Новеллы действующего УПК Украины ослабили напряженность в дискуссии по вопросу, кто же должен обеспечивать правовую помощь в уголовном процессе, и законодательно закрепили положение, что ее предоставляет именно защитник, он же адвокат. Представителем в уголовном производстве также закреплен защитник-адвокат, каждый по отдельному значению из них имеет различный правовой статус, что приводит к терминологической двусмысленности толкования этих понятий. Мы считаем, что необходимо внести дополнения в УПК Украины и закрепить, что защитник и адвокат являются самостоятельными участниками уголовного процесса с самостоятельными задачами, функциями и полномочиями, которые вытекают из их процессуального статуса. Защитник самостоятельно формирует позицию по реализации и обеспечению правовой помощи в уголовном производстве, избирает средства, формы и методы ее реализации, отстаивает права, свободы и законные личные интересы участника (клиента) уголовного производства. Указанная самостоятельность имеет относительный характер, так как закон запрещает защитнику и представителю пользоваться процессуальными правами, реализация которых осуществляется непосредственно лицом, которое он защищает или представляет (ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 58 УПК Украины). В УПК Украины законодателем в понятие «привлечение защитника» включено два противоположных по содержанию и существу понятия, которые определяют обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого на защиту защитником-адвокатом и в свою очередь процессуальные

обязанности следователя, прокурора, следственного судьи или суда по этим вопросам. В ч. 2 ст. 53 УПК Украины законодатель использует понятия «приглашение защитника», случаи и порядок которого не регламентированы вообще. В связи с указанным нами предлагается внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 48 УПК Украины относительно введения понятия «приглашение защитника», которое должно осуществляться подозреваемым, обвиняемым, их законными представителями, а также другими лицами по приглашению или просьбе либо по согласию подозреваемого, обвиняемого для участия в уголовном производстве, а в ч. 2 ст. 48 УПК Украины необходимо ввести понятие «привлечение защитника», поскольку при этом следователь, прокурор выносят постановление, а следственный судья и суд выносят определение. Нами предлагается также законодательно закрепить в УПК Украины положение о том, что количество защитников-адвокатов в судебном заседании не должно быть ограничено до пяти. Вместе с тем поднятые в статье вопросы подлежат дополнительному изучению или научному исследованию.

Список использованной литературы:

1. Основні принципи, що стосуються ролі юристів: Прийняті восьмим Конгресом ООН з попередження злочинності і поведженням з правопорушниками, Гавана, 27 серпня – 7 вересня 1990 р. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1313&more=1&c=1&tb=1&pb>
2. Міжнародний пакт про громадянські та політичні права от 16.12.1966 року. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_043
3. Янович Ю.П. Уголовный процесс Украины. Х.: Университет внутренних дел, 1997. 252 с.
4. Кримінальний процес України / за ред. Ю.М. Грошевого, В.М. Хотенця. Х.: Право, 2000. 496 с.
5. Варфоломеева Т.В. Суб'єкти надання правової допомоги. К.: Ін Юре. 2005. 320 с.
6. Пацалова Т.М. Повноваження слідчого при забезпеченні безпеки потерпілих та свідків у кримінальному судочинстві. Підприємництво, господарство і право. 2006. № 7. С. 64–70.

7. Пацалова Т.М. Проблеми забезпечення безпеки потерпілих та свідків у кримінальному судочинстві. Підприємництво, господарство і право. 2006. № 9. С. 73–79.

8. Чебаненко А.М. Правова допомога і правові послуги – «дві великі різниці». К.: Ін Юре, 2005. 320 с.

9. Пешковський М.І. Особливості доказування у кримінальних справах, пов'язаних з наданням міжнародної правової допомоги: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К. 2003. 21 с.

10. Смирнов М.М. Поняття і сучасний стан інституту взаємної правової допомоги в кримінальних справах. Право України. 2003. № 10. 213 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мартовицкая Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и организации досудебного следствия Харьковского национального университета внутренних дел

Юхно Александр Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и организации досудебного расследования Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Martovitskaya Elena Vasilyevna – PhD in Law, Assistant Professor at the Department of the Criminal Procedure and Pre-trial Investigation Organization of Kharkiv National University of Internal Affairs

martovickaya.elena@gmail.com

Ukhno Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Head at the Department of the Criminal Procedure and Pre-trial Investigation Organization of Kharkiv National University of Internal Affairs

u-kafedra@ukr.net

UDC 351:62

OVERVIEW OF THE WATER REGULATORY POLICY IN EUROPEAN UNION

Khvicha Meparishvili,

Postgraduate Student

of Legislation Institute of The Verkhovna Rada of Ukraine

SUMMARY

The article analyzes the current EU regulatory policy on water management, which is based on the provisions of the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (Water Convention), the Water Framework Directive (WFD, 2000/60/EC) and its daughter directives: Groundwater (GWD, 2006/118/EC) and Environmental Quality Standards Directives (EQSD, 2008/105/EC), Flood Directives (FD, 2007/60/EC), and other directives related to legislation, designed to protect the waters from pollution and impairing its correct, what is included in the EU regulatory framework.

Key words: EU Regulatory Policy, Water Management, EU Water Legislation Regulatory Policy, Public Administration.

ОБЗОР ВОДНОЙ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Хвича МЕПАРИШВИЛИ,

аспирант

Института законодательства Верховной Рады Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована современная регуляторная политика ЕС по управлению водными ресурсами, которая основывается на положениях Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Водная конвенция), Водной рамочной директивы (WFD, 2000/60/EC) и ее дочерних директивах: Директивы о подземных водах (GWD, 2006/118/EC) и Директивы о стандартах качества окружающей среды (EQSD, 2008/105/EC), Директивы о наводнениях (FD, 2007/60/EC), а также других директивах, связанных с законодательством, предназначенным для защиты вод от загрязнения и ухудшения, что включено в регуляторную базу ЕС.

Ключевые слова: регуляторная политика ЕС, управление водными ресурсами, регуляторная политика водного законодательства ЕС, публичное управление.

Problem setting. The EU policy on the control of objects requires the implementation of legislation to coordinate strategic management objectives. Thus, the verification of EU water legislation is a comprehensive assessment of the policy that determines the suitability of the existing regulatory framework for the policy sector in relation to the objectives set under the Directives on the improvement of the regulatory environment. The aim is to assess the EU's effectiveness, coherence, relevance and benefit of EU water legislation, thus contributing to better and more intelligent legislation, increasing the response to current and future challenges, and implementation.

The state of the study. Among the sources of information in selected areas of research used normative documents of the EU [1-5].

Purpose of the article. There is an analysis of the EU's current water regulatory policy, based on the provisions of the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (Water Convention), the Water Framework Directive (WFD, 2000/60/EC) and its subsidiary directives: the Groundwater (GWD, 2006/118/EC) and the Environmental Quality Standards Directive (EQSD, 2008/105/EC), the Floods Directive (FD, 2007/60/EC), as well as other legislative directives, intended to protect water against pollution and deterioration, which is included to the EU regulatory framework.

Article main body. The regulatory policy of the European Union is carried out by a legal system that is at the edge of the national law of the EU Member

States and international law. This system consists of so-called acts of primary, secondary and tertiary law.

The acts of primary law include all the founding treaties of the European Union. By their legal nature, acts of primary law are international treaties. The norms of acts of primary law have a higher legal force in relation to all other norms of the European Union, contained in acts of secondary law.

Acts of secondary law include acts issued by the institutes of the Union, as well as all other acts adopted on the basis of founding treaties. A secondary act may be adopted if there are powers for its adoption and budgetary discipline is observed. Secondary acts are mandatory and optional. Legally binding acts include: regulations, directives and decisions adopted on the basis of primary law, as well as non-legislative acts adopted in accordance with the powers provided for in the legislative act. To legally non-mandatory include recommendations, opinions and other non-mandatory acts.

As regards the acts of tertiary law, they can not be precisely defined as a source of European law. So international treaties between EU countries that facilitated the functioning of the EU, over time, have been gradually replaced by secondary law.

Today, EU water policy is based on the provisions of the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (Water Convention), which was adopted in Helsinki in 1992 and came into force in 1996. Almost all countries sharing transboundary waters in the region of the United Nations Economic Commission for Europe (UNECE) are Parties to the Convention [1].

The Water Convention strengthens cross-border water cooperation and provides for environmentally sound regulation and protection of transboundary surface and groundwater. The Convention promotes the integrated management of water resources, in particular the basin approach. The implementation of the Convention contributes to the achievement of the Millennium Development Goals and other international agreements between it on the water, environment and sustainable development.

The Water Convention requires Parties to prevent, control and reduce transboundary impact, the use of transbound-

ary waters in a reasonable and equitable manner and to ensure their sustainable management. Parties bordering the same transboundary waters should cooperate through concluding specific agreements and establishing joint bodies. As a framework agreement, the Convention does not replace bilateral and multilateral agreements for specific basins or aquifers. Instead, it promotes their creation and implementation, as well as further development. In 2003, amendments were made to the Convention on Transboundary Water, which allows the accession of non-UNECE countries. The amendment came into force on February 6, 2013, transforming it, after transboundary waters, into a legal framework for cross-border water cooperation around the world.

The main body responsible for implementing the Convention is the Meeting of the Parties, which takes all decisions to implement the Convention. This body is responsible for defining and reviewing the Parties' policies and approaches to transboundary water use. The meeting also exchanges information on the experience gained during the conclusion and implementation of bilateral and multilateral agreements on transboundary waters and takes the decisions necessary to achieve the objectives of the Convention. The Parties meet every three years to develop their program of work for the next three years or for a longer term. The Meeting of the Parties also decides on the organizational structure and role of the bodies it creates for the implementation of its program of work.

The secondary legislation of the EU regulatory policy on water management is legally binding:

– The Water Framework Directive (WFD, 2000/60 / EC) and its subsidiary directives:

a) Groundwater Directive (GWD, 2006/118 / EC) and

b) Directive on Environmental Quality Standards (EQSD, 2008/105 / EC);

– Flood Directive (FD, 2007/60 / EC).

Let's examine in more detail the main provisions of the Water Framework Directive (WFD, 2000/60 / EC), which was finally adopted on October 23, 2000 as «Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council of 23 October 2000 establishing a framework for

Community action in the field of water policy», abbreviated as the Water Framework Directive (WFD), is abbreviated to the WFD.

The main objectives of the Water Framework Directive (Article 1 [2]) are to establish a framework for the protection of inland surface waters, transitional waters, coastal waters and groundwater, in particular:

a) prevents further deterioration and protects and enhances the status of aquatic ecosystems and, with regard to their water needs, terrestrial ecosystems and wetlands directly depending on the aquatic ecosystems;

b) promotes sustainable water use based on a long-term protection of available water resources;

c) aims at enhanced protection and improvement of the aquatic environment, inter alia, through specific measures for the progressive reduction of discharges, emissions and losses of priority substances and the cessation or phasing-out of discharges, emissions and losses of the priority hazardous substances;

d) ensures the progressive reduction of pollution of groundwater and prevents its further pollution, and

e) contributes to mitigating the effects of floods and droughts and thereby contributes to:

– the provision of the sufficient supply of good quality surface water and groundwater as needed for sustainable, balanced and equitable water use,

– a significant reduction in pollution of groundwater,

– the protection of territorial and marine waters, and

– achieving the objectives of relevant international agreements, including those which aim to prevent and eliminate pollution of the marine environment, by Community action under Article 16 (3) to cease or phase out discharges, emissions and losses of priority hazardous substances, with the ultimate aim of achieving concentrations in the marine environment near background values for naturally occurring substances and close to zero for man-made synthetic substances. [2].

The Water Framework Directive also provides for the coordination of administrative measures within river basin districts [2]:

1. Member States shall identify the individual river basins lying within

their national territory and, for the purposes of this Directive, shall assign them to individual river basin districts. Small river basins may be combined with larger river basins or joined with neighbouring small basins to form individual river basin districts where appropriate. Where groundwaters do not fully follow a particular river basin, they shall be identified and assigned to the nearest or most appropriate river basin district. Coastal waters shall be identified and assigned to the nearest or most appropriate river basin district or districts.

2. Member States shall ensure the appropriate administrative arrangements, including the identification of the appropriate competent authority, for the application of the rules of this Directive within each river basin district lying within their territory.

3. Member States shall ensure that a river basin covering the territory of more than one Member State is assigned to an international river basin district. At the request of the Member States involved, the Commission shall act to facilitate the assigning to such international river basin districts.

Each Member State shall ensure the appropriate administrative arrangements, including the identification of the appropriate competent authority, for the application of the rules of this Directive within the portion of any international river basin district lying within its territory.

4. Member States shall ensure that the requirements of this Directive for the achievement of the environmental objectives established under Article 4, and in particular all programmes of measures are coordinated for the whole of the river basin district. For international river basin districts the Member States concerned shall together ensure this coordination and may, for this purpose, use existing structures stemming from international agreements. At the request of the Member States involved, the Commission shall act to facilitate the establishment of the programmes of measures.

5. Where a river basin district extends beyond the territory of the Community, the Member State or Member States concerned shall endeavour to establish appropriate coordination with the relevant non-Member States, with the aim of achieving the objectives of this Direc-

tive throughout the river basin district. Member States shall ensure the application of the rules of this Directive within their territory.

6. Member States may identify an existing national or international body as competent authority for the purposes of this Directive.

7. Member States shall identify the competent authority by the date mentioned in Article 24.

8. Member States shall provide the Commission with a list of their competent authorities and of the competent authorities of all the international bodies in which they participate at the latest six months after the date mentioned in Article 24. For each competent authority the information set out in Annex I shall be provided.

9. Member States shall inform the Commission of any changes to the information provided according to paragraph 8 within three months of the change coming into effect.

Also, the Water Framework Directive provides for environmental objectives in the implementation the measures programs specified in the plans for management of the river basin; the river basin area characteristics, review the human activities impact on the environment and economic analysis of water use; Creating a Register of Protected Areas; water markings used for abstraction of drinking water; monitoring the status of surface waters, groundwater and protected areas; accounting for the restoration of water supply costs. Combined approach for point and diffuse influences is a control tool that takes into account, where necessary, the best environmental practices outlined in:

– Council Directive 96/61/EC of 24 September 1996 concerning integrated pollution prevention and control,

– Council Directive 91/271/EEC of 21 May 1991 concerning urban waste-water treatment,

– Council Directive 91/676/EEC of 12 December 1991 concerning the protection of waters against pollution caused by nitrates from agricultural sources,

– the Directives adopted pursuant to Article 16 of Directive WFD.

The following shall be repealed with effect from seven years after the date of entry into force of The Water Framework Directive:

– Directive 75/440/EEC of 16 June 1975 concerning the quality required of surface water intended for the abstraction of drinking water in the Member States,

– Council Decision 77/795/EEC of 12 December 1977 establishing a common procedure for the exchange of information on the quality of surface freshwater in the Community,

– Council Directive 79/869/EEC of 9 October 1979 concerning the methods of measurement and frequencies of sampling and analysis of surface water intended for the abstraction of drinking waters in the Member States.

The following shall be repealed with effect from 13 years after the date of entry into force of Water Framework Directive:

– Council Directive 78/659/EEC of 18 July 1978 on the quality of freshwaters needing protection or improvement in order to support fish life,

– Council Directive 79/923/EEC of 30 October 1979 on the quality required of shellfish waters,

– Council Directive 80/68/EEC of 17 December 1979 on the protection of groundwater against pollution caused by certain dangerous substances,

– Directive 76/464/EEC, with the exception of Article 6, which shall be repealed with effect from the entry into force of Water Framework Directive.

The Groundwater Directive (GWD, 2006/118/EC) [3] defines a regime that establishes groundwater quality standards and introduces measures to prevent or limit the flow of pollutants into groundwater. The Directive establishes qualitative criteria that take into account local characteristics and allow further improvements based on monitoring data and new scientific knowledge. Also, the directive is a proportionate and scientifically substantiated response to the requirements of the Water Framework Directive (WFD), as it concerns assessments of the groundwater chemical status, and the determination and abolition of significant and sustained trends in the growth of concentrations of pollutants. Member States should establish standards at the most appropriate level and take into account local or regional conditions.

The Groundwater Directive complements the Water Framework Directive (WFD), in particular the requirements of [3]:

- standards of groundwater quality;
- studying the pollution trends to be carried out using existing data and data that are mandatory for the WFD;
- pollution of the environment, using the measures outlined in the WFD;
- measures aimed at preventing or limiting the flow of pollutants into groundwater;
- reviews of the technical provisions of the Directives adopted in 2013 and every six years thereafter;
- compliance with chemical status criteria (based on EU standards for nitrates and pesticides and thresholds set by Member States).

Annexes I and II of the Groundwater Directive 2006/118/EC were revised in 2013 and reflected in Commission Directive 2014/80/EC of 20 June 2014. The process of consideration included the call for evidence (for information, research and scientific reports among others) and the process of public consultation. In addition, a background document was prepared for the preparation of the review.

As regards Directive 2005/105/EC of the European Parliament and of the Council on ambient water quality standards in the field of water policy, and subsequently repealing Council Directives 82/176/EEC, 83/513/EEC, 84/156/EEC, 84/491/EEC, 86/280/EEC and amending Directive 2000/60/EC was published in the Official Journal dated December 24, 2008, the EQSD has established [5]:

- in Annex I, limitation of concentrations of priority substances in surface waters: 33 priority substances and 8 other pollutants;
- a list of 33 priority substances in Annex II, as in Annex X of the Water Framework Directive (WFD);
- the possibility of applying environmental quality standards for siege and biota, not for water;
- the ability to define the mixing zone adjacent to the discharge points when the concentration of substances in Annex I may exceed their environmental quality standards;
- requirement for Member States to establish a list of exits and losses of substances included in Annex I.

By replacing the five old directives, the EQSD has promoted the initiative of the Commission for Better Regulation.

Conclusions. Thus, the European Union's water management policy is based on the provisions of the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (Water Convention), which was adopted in Helsinki in 1992 and came into force in 1996. The secondary legal acts of the EU water regulatory policy that are legally binding for implementation are: The Water Framework Directive (WFD, 2000/60/EC, the main objective of which is the protection of inland surface waters, transitional waters, coastal waters and grants Water, and its subsidiary directives: Groundwater Directive (GWD, 2006/118/EC) and the Environmental Quality Standards Directive (EQSD, 2008/105/EC).

References:

1. Convention on the protection and use of transboundary watercourses and international lakes done at Helsinki, on 17 March 1992. URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf>
2. Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council of 23 October 2000 establishing a framework for Community action in the field of water policy. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32000L0060>
3. Directive 2006/118/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on the protection of groundwater against pollution and deterioration. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:372:0019:0031:EN:PDF>
4. Directive 2007/60/EC of the European Parliament and of the Council of 23 October 2007 on the assessment and management of flood risks. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32007L0060>
5. Directive 2008/105/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2008 on environmental quality standards in the field of water policy, amending and subsequently repealing Council Directives 82/176/EEC, 83/513/EEC, 84/156/EEC, 84/491/EEC, 86/280/EEC and amending Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32008L0105>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мепаришвили Хвича Нодарович – аспирант Института законодательства Верховной Рады Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Meparishvili Khvicha Nodarovich – Postgraduate Student of Legislation Institute of The Verkhovna Rada of Ukraine

UDC 343.9.01

VICTIMOLOGY: CONCEPT AND ITS TYPES

Roman MYGAL,

Postgraduate Student of the Faculty of Law
of Lviv University of Business and Law

SUMMARY

This article examines the historical development of the concept of victimology. Victimology is a part of legal science and is considered in the criminological aspect, in criminal law, as well as in general theory.

Key words: victimology, criminal and criminological victimology.

ВИКТИМОЛОГИЯ: ПОНЯТИЕ И ЕЕ ВИДЫ

Роман МИГАЛЬ,

аспирант юридического факультета
Львовского университета бизнеса и права

В данной статье исследуется историческое развитие понятия виктимологии. Виктимология – это часть юридической науки, и рассматривается она в криминологическом аспекте, в уголовном праве, а также в общей теории.

Ключевые слова: виктимология, уголовная и криминологическая виктимология.

The purpose of the article. To explore the concept of victimology and its species.

Presenting main material. In recent years, in the criminological literature, the problem of studying the behavior of victims in committing specific crimes is more acute. This is due to a number of circumstances, and, first of all, putting forward in the hierarchy of the objectives of law enforcement activities the protection of the individual, his life, health and liberties. This is conditioned by the fact that the reason for a criminal offense and a condition facilitating his commission may sometimes be the behavior of the victim who, through his careless, and sometimes provocative illegal actions, can create a criminal situation and thus facilitate the onset of a criminal act. Therefore, when studying the mechanism of criminal behavior, along with the personality of the offender, a comprehensive and objective assessment of the victim, as one of the most important structural elements of the situation, is required. This approach allows us to develop the most effective measures to prevent crime and to more objectively determine the appropriate measures of influence.

Victimology examines the victim in terms of its moral and psychological and social characteristics that affect its vulnerability, and the situations that precede the crime, as well as the situation of the direct commission of the crime. This allows to get answers to the question: how in these situations, in the inter-

action with the behavior of the offender criminogenically-provoking, the behavior of the victim is revealed [1, p. 91].

Starting from the middle of the eighteenth century criminology studies the criminal behavior of people, and since the end of XIX century – problems of a criminal person. The victim of crime has become the object of criminological research only since the Second World War. And in the classics of law of the XVIII century. (for example, Cesare Becary, who understood the criminal act as a violation of the moral order, as well as law and order, and this violation was based, in his opinion, on his own will of the offender), and positivists of the law of the XIX century. (for example, Cesare Lombroso, Sigmund Freud) who focused on analyzing the identity of the offender. For them, the crime was a symptom of a violation of the structure of the person of the offender, which was, according to biocriminologists, imitation or quality, the theory of psychoanalysis, the result of the child's unsuccessful socialization. On the foreground there were the problems of "social protection" from criminals, their danger, as well as the issue of investigating the person of criminals, communicating with them, their rehabilitation, deterrence (intimidation), or securing public safety. The victim of the crime of classics and positivists was seen as a mechanical, static concept [2, p. 125].

Scientists-criminologists have been deeply approached to the development

of problems of victimology in the late 60's of the XX century.

Systemic research on the problem of the victim of crime was committed in 1948 by the German scientist G. Goetheg. He wrote the book "The Offender and his Victim", where he drew attention to the victim as a factor in the crime [1, p. 91–92].

Following Gentig in Bucharest in 1947, Benjamin Mendelsohn made a very impressive report ("New biopsychosocial horizons of victimology"), which drew the attention of the scientific community to the science of crime victims. But even more developed the victimology of the same Hans von Gentig, who published his book "The Offender and his Victim" in 1948. Investigation of the relationship between the perpetrator and his victim was provided in 1954 by Henry Ellenberg. «Man – he wrote – consistently becomes a criminal or a victim... If you analyze the lives of hardcore criminals, then it turns out that they were very often subjected to bullying, extortion, exploitation and were given to themselves by the childhood». In 1956, Hans Schultz introduced the notion of crime on the basis of personal relationships between the perpetrator and his victim.

In New Zealand, in 1963, the world's first law on reparation for victims of crime was adopted. After England came some US states the provinces of Canada, Australia and New Zealand.

In Austria, in 1972, a federal law on assistance to victims of crime was

adopted. In many countries, in particular in Germany, there has been an association in support of victims of crime ("White Ring").

In 1982, the United States issued a federal law on criminal-law protection of victims and witnesses of the crime. Under this law, the victim, acting as a witness in a criminal proceeding, is provided with judicial protection. Compensation for material damage by a criminal becomes an independent form of criminal sanctions. The person serving is not entitled to benefit from their crimes through the publication of information about it, as this would damage inflicted over the interests of the victim.

In 1983, the Council of Ministers of the European Council in Strasbourg adopted the European Convention on the Compensation of Victims of Violent Crimes. In this concept, the principles of compensation for damage to victims of crime by the state and international cooperation in this area in the EU member states were defined. [2, p. 126].

Victimology emerged and evolved as a trend in criminology studying the victim of a crime. However, over time, the view on it has changed, different positions have been put forward regarding the subject of victimology and its scientific status. D.V. Rovman defined them as follows: 1) victimology is a branch of criminology, or a private criminological theory, and accordingly develops within its limits; 2) victimology – it is a subsidiary to the criminal law, criminal procedure law, criminology, interdisciplinary science of the crime victim. It exists and functions in parallel with criminology; 3) victimology is the general theory, the doctrine of the victim, the subject of the study of a victim of any origin, both criminal and non-criminal. Victimology, therefore, is an independent science, whose membership to a legal one can be recognized only partially. Rather, it is a science about the safety of human life [3, p. 8].

Accumulated knowledge about the victim of crime is quite diverse. The victim (victim) of the crime is studying all the sciences of the criminal-legal cycle, and each of them does so on the basis of the substantive interests of the relevant field of knowledge.

Thus, *criminal law* examines the victim as a sign of the crime characterizing the object of criminal law, takes into

account the state and behavior of the victim in qualifying a crime, punishment of the offender, exemption from criminal liability.

The *criminal-process science* addresses the problem of the victim as a part of criminal proceedings, in connection with which he formulates the legal concept of the victim, substantiates the content of his legal status, develops a procedure for the protection of his rights and legitimate interests in the pre-trial investigation and during the trial.

In *criminalistics*, the victim's (victim) person is studied in two directions: 1) for the construction and use of forensic characteristics of various categories (types) of crimes; 2) for the development and implementation of tactics for conducting separate investigative and judicial actions [4].

Criminal enforcement law is working on improving the legislation on the protection of victims' interests during the execution of criminal penalties, in particular, establishing the obligation of the offender to reimburse the damage caused by the crime, the normative fixing of the victim's participation in the execution of punishment, the provision of personal security to those convicted in places of deprivation of liberty from the threat of encroachment on their rights from other convicts [5].

An important task of criminal victimology is education (legal education) of citizens. Studies show that many victims have a low level of legal knowledge. Most of them do not know the legal rules that protect their lives, health, property, and some who "heard something" do not know how and when to apply them in practice. In turn, one can not but note the relatively high level of legal knowledge of criminals. In this regard, legal education, legal propaganda of knowledge about how not to become a victim of a crime is necessary, especially in those conditions, when the state is not able to provide all citizens from criminal encroachments.

Criminological victimology not only really exists, but also actively develops in the system of science of criminal law. Victimological information about the determination manifestations of the victim, the conditions of his personality formation, appraisal settings, peculiarities of the psychological state is

used by the criminal process, criminalistics, operative-search activity, criminal law. Conversely, victimology is enriched with information about the victim from the criminal process, forensic science, criminal law, etc.

Among the sciences of the criminal-law cycle investigating the victim of crime, criminology occupies a central place, since victimology was initially formed in an independent scientific and applied direction precisely within the criminological theory. Criminology develops a general doctrine of the victim of a crime, forms its categorical-conceptual apparatus, recognizes the nature of group (mass) and individual victimism, investigates the process of victimization and factors affecting it, defines the role of victim behavior in the genesis of the criminal encroachment and the mechanism of committing the crime. The victimological characteristic of victims from various types of crimes, the typology of victims, scientific support of state policy in the field of protection of victims of crime, strategic directions and measures of victimological prevention, search of ways and methods of rehabilitation of victims of crimes and protection of victims from repeated damage are also within the sphere of criminological interests [6].

Consequently, criminological victimology is a system of knowledge about victims of crime, their behavior, factors influencing them, typical situations that lead to criminal encroachments, as well as measures of victimological prevention.

Currently, the concept of victimology is considered from three positions: 1) as a branch of criminology; 2) as an auxiliary for a criminal law, criminal procedure, criminology, an interdisciplinary science about a victim of a crime; 3) as a teaching on the victim, the subject of the study is the victim of the crime.

K.V. Vyshnevetsky defines victimology as a science that studies the identity of the victim of crime, the nature and content of her behavior, the moral and psychological face of the victim, the role of the victim in the mechanism of criminal behavior, and criminal victimology as a science that explores in the complex the personality and behavior of victims of criminal encroachments; their role in the crime gang; criminologically significant relationships and connections

between the victim and the offender; ways and means of reimbursement or smoothing of harm caused to a victim as a result of a criminal encroachment [7].

In turn, R. Gaphelganiyev defines criminal victimology as a complex, interdisciplinary legal branch of science that examines the problem of crime victims from the standpoint of criminal law, criminal process and criminology. In addition, the victim of a crime is a person who has actually suffered physical, moral or material damage from the illegal actions of another person. The actions of the offender are often determined not only by his aggressive motives and anti-social setting, but also by the life situation in which he acts, the personal qualities and behavior of his victim [8].

To date, in our opinion, victimology has become an independent, important applied science. D.V. Rivman does not even attribute it to jurisprudence, but recognizes the science of the safety of human life [9], since the doctrine of the victim of crime – victimology (viktima – the victim, logos – the study) – is part of a broader doctrine of victims of not only crimes, but also the consequences of accidents, natural and man-made disasters, epidemics, wars and other armed conflicts, political confrontations [10, p. 197].

In our opinion, victimology is a separate science that studies the personality in various spheres of social relations. It interacts with different branches of law. In our case, we can say that victimology studies the personality of the person who became the victim.

From the above, it follows that the subject of victimology is the person who caused the crime of physical, moral or material harm, including criminals; their behavior, which was in one way or another connected with the committed crime (including behavior after its commission); relations that linked the offender and the victim to the time of the crime; situations in which the damage occurred.

According to D.V. Rivman, victimology studies:

- Moral-psychological and social characteristics of victims of crimes (victims of crimes) to answer the question why, because of some emotional, volitional, moral qualities, socially determined orientation, the person was victim;

- Relations that connect the offender and the victim (the victim) to answer

the question to what extent these relationships are significant for creating the pre-conditions of the crime, how they affect the connection of the crime, the motives of the offender;

- Situations preceding the crime, as well as the situation of a direct crime, to answer the question, in these situations, in the interaction with the behavior of the offender criminologically significantly significant behavior (action or inactivity) of the victim (victim);

- Post-criminal behavior of the victim (victim) to answer the question of what he is doing to restore his right;

- The preventive measures system, which takes into account and uses the protective capabilities of both potential victims and actual victims.;

- Ways, opportunities, ways of compensation for damage caused by a crime, first of all, physical rehabilitation of the victim (victim) [11].

AL Sitkovsky highlights the task of victimology, the main of which is the study of the personality and behavior of the victim, the study of victimization, victimization and vitamin-related factors, which allows a new look at crime, its causes, crime prevention. As a result, there is an opportunity to better and more effectively disclose and investigate crimes, as well as to establish their complete picture, objectively assess the perpetrator's guilt based on the role of the individual and the behavior of the victim of the crime [11].

Victimology examines the role of the victim in the emergence of a criminal situation and develops the so-called victimological aspect of crime prevention, the main task of which is to minimize the criminogenic situations that are created directly by the victim. The essence of the victimological aspect of crime prevention is that it is necessary to carry out preventive work not only among potential offenders, but also among potential victims – people whose behavior, way of life, relationships, marital status and activity creates an increased risk of them being in the role of victim of a criminal offense.

As rightly observes the famous Russian scientist professor A.I. Dolgova, for a long time, law enforcement agencies were oriented unilaterally to work on crime and offender without due attention to the victim of a crime. As a result, there is still no full record of the victims, which means that their personal charac-

teristics are not being studied; victimological prevention measures are taken from case to case; in general, the victim's figure is often considered not more than the source of information about the crime and the offender, as a party (party) of the criminal procedural relationships [12, p. 374]. We fully agree with this statement because no statistics show us the number of victims of a crime.

Conclusions. From a large array of scientific developments one can derive a number of conceptual provisions of victimology:

- the central category of victimology is the "victim of crime", each crime has its own victim;

- the probability of becoming a victim of a crime depends on a special phenomenon - victimism, which is individual and group (mass);

- the value of victim may vary. The process of its increase is called victimization, reduction - de-victimization;

- the growth of the level of victimization is influenced by victimogenic factors (determinants);

- victimization is associated with latent crime;

- there is a conditional connection between the perpetrator and the victim, during the criminal interaction they can change roles;

- an important role in the mechanism of criminal behavior is played by the victim's behavior in a particular life situation;

- the victim's behavior of the victim in different ways affects the motivation and decision to commit a crime against a particular person;

- victim behavior in the mechanism of criminal behavior serves as a condition that facilitates the commission of a crime;

- reducing the risk of becoming a victim of a crime is achieved by measures of victimological prevention;

- the damage caused to the victims of the crime must be compensated, and the violated rights restored.

References:

1. Кримінологія: підручник / За заг. ред. Л.С. Сміяна, Ю.В. Нікітіна. К.: Національна академія управління, 2010. 496 с.

2. Курило В.І., Михайлов О.С., Яра О.С. Кримінологія: Загальна частина. Курс лекцій: навчальний посібник. К.: Кондор, 2006. 192 с.

3. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

4. Криміналістика / За ред. В.Ю. Шепітька. 2-ге вид., переробл. і допов. К.: Концерн «Видавничий Дім «Ін Юре», 2004. 728 с.

5. Кримінально-виконавче право: підручник / В.В. Голіна, А.Х. Степанюк, О.В. Лисосед та ін.; за ред. В.В. Голіни і А.Х. Степанюка. Х.: Право, 2011. 328 с.

6. Кримінологія: Загальна та Особлива частини: підручник / І.М. Данишин, В.В. Голіна, М.Ю. Валуйська та ін.; за заг. ред. В.В. Голіни. 2-ге вид. перероб. і доп. Х.: Право, 2009. 288 с.

7. Вишневецький К.В. Місце виктимологічної теорії в кримінології. Суспільство і право. 2010. № 1. С. 208–212.

8. Гаптелганієв Р. Кримінальна виктимология: поняття, види і ступінь віктимності. Світовий суддя. 2009. № 7.

9. Ривман Д.В. Криминальная виктимология: підручник для вузів. СПб., 2002. С. 93.

10. Кримінологія: підручник/под ред. В.Н. Кудрявцева і В.Є. Емінова. 3-є вид. перероб. і доп. М.: Юрист, 2007. 734 с.

11. Кримінологія: підручник для вузів / під ред. В.Д. Малкова.

12. Криминалогия: учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: НОРМА ИНФРА-М, 1999. С. 374.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mygal Roman Vasylevich – Post-graduate Student of the Faculty of Law of Lviv University of Business and Law

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мигаль Роман Васильевич – аспирант юридического факультета Львовского университета бизнеса и права

kovalmr@ukr.net

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ ПОНЯТИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

Юрий МИРОШНИЧЕНКО,

кандидат юридических наук, председатель
Ильичевского районного суда города Мариуполя Донецкой области

АННОТАЦИЯ

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что термин «технология» должен использоваться в криминалистическом обороте в его узкотехническом смысле. Распространение понятия «технология» на весь предмет криминалистики или расширение его до уровня частной криминалистической теории является неоправданным. При решении вопроса о соотношении понятий «тактика» и «технология» следует исходить из понимания того, что технологичность – одно из множества свойств теории и практики криминалистической тактики, как и в целом науки криминалистики и криминалистической деятельности, различные направления которой могут быть более или менее технологичны.

Ключевые слова: криминалистика, тактика, технология.

TO THE QUESTION ON CORRELATION OF CONCEPTS OF CRIMINALISTIC TACTICS AND TECHNOLOGY

Yuriy MIROSHNICHENKO,

PhD in Law, Chairman
of the Illichivsk District Court Mariupol, Donetsk region

SUMMARY

As a result of the study, the author comes to the conclusion that the term “technology” should be used in criminalistic science in its narrow technical sense. The author considers the spread of the concept of “technology” throughout the subject of criminalistics or its expansion to the level of a private criminalistic theory unnecessarily. When deciding on the relationship between the concepts of “tactics” and “technology”, the author believes that one should proceed from the understanding that manufacturability is one of the many properties of the theory and practice of criminalistic tactics, as well as in the whole of the of criminalistic science and criminalistic activities, as may be more or less technological.

Key words: criminalistics, tactics, technology.

Постановка проблемы. Теория оказывается необходимой там и тогда, где и когда возникают научные проблемы, способные стимулировать познавательную деятельность [1]. Начиная изложение результатов исследования по заявленной теме словами профессора А.А. Эксархопуло, формулируем несколько, навязанных цитируемой работой известного криминалиста установочных вопросов, которые позволят получить общее представление о сущности проблемы, вынесенной в заголовок статьи, а также очертить круг исследовательских задач, определяемых необходимостью поиска ответа на поставленные вопросы. Среди них следующие: появление каких эмпирических или научных фактов вызвало

к жизни идею криминалистической технологии; что концептуально нового она привносит в теорию криминалистики; неужели накопленных криминалистической наукой знаний недостаточно для объяснения диалектических закономерностей поступательного движения процесса познания в теории и практике криминалистической деятельности; может быть, теория криминалистической технологии по-новому объясняет уже известные факты и закономерности криминальной и криминалистической деятельности, опровергая прежние представления о них?

Состояние исследования. Признанным «локомотивом» популяризации технологических начал криминалистики является В.А. Образцов,

который, по словам Р.С. Белкина, вернул в язык криминалистики термин «технология» [2, с. 84]. Отдельные аспекты криминалистических технологий освещаются в работах А.А. Барцицкой, В.Я. Колдина, В.Д. Кормы, А.М. Моисеева, О.В. Пчелиной, Е.Р. Росинской, С.А. Сулеймановой, А.В. Шмонина, А.И. Шведа, В.А. Юматова и других ученых. Однако довольно часто приходится соглашаться со справедливым замечанием профессора В.В. Тищенко по поводу того, что, предлагая к использованию термин «технология следственного действия», авторы не указывают его точный смысл, а о его соотношении с термином «тактика» можно сделать лишь опосредствованный вывод. В связи с этим возникает вопрос о сущности и целесообразности применения данного понятия, а также о причинах его появления в криминалистической тактике [3].

Целью и задачей статьи является исследование термина «технология» в криминалистическом обороте, а также решение вопроса о соотношении понятий «тактика» и «технология» в криминалистике.

Изложение основного материала. С точки зрения общей теории систем любое сознательное действие преследует определенную цель. Во всяком действии достаточно просто увидеть его составные части, более мелкие действия. При этом легко убедиться, что эти составные части должны выполняться не в произвольном порядке, а в определенной последовательности [4, с. 8]. То же самое можно сказать о теории и практике криминалистической тактики. Процесс познания происходит по определенным правилам, совокупность которых в науке принято называть методологией. Тактико-криминалистическая деятельность также предполагает некоторую последовательность операций: получение информации, оценка ситуации, принятие решения, организация, подготовка и непосредственное проведение процессуального действия с использованием избранных тактических приемов.

С учетом этого криминалистическая тактика действительно может быть сравнима с технологическими системами. Как и технология, тактика предусматривает рациональную последовательность операций по достижению

поставленных целей при оптимальных затратах времени, сил и средств, и в этом смысле она технологична. Однако не стоит ни смешивать и отождествлять, ни разрывать и противопоставлять криминалистическую тактику и технологию. Технологические процессы по сути своей стандартизованы и достаточно жестко регламентированы, тогда как криминалистические рекомендации в силу неисчерпаемого разнообразия судебно-следственных ситуаций носят общий характер, что делает невозможным полную алгоритмизацию криминалистической деятельности. Даже методики расследования отдельных видов преступлений, технологический подход к формированию которых «... заключается, прежде всего, в построении типовых программ расследования и их реализации» [5, с. 159], не могут рассматриваться как «технологические карты» в собственном смысле этого понятия. Каждый раз они требуют творческого применения, «так как невозможно «без остатка» типизировать все возможные версии и ситуации расследования и предложить формальные средства их проверки и решения» [6]. Эти недостатки криминалистических методик должны в каждом конкретном случае компенсироваться использованием тактических приемов и методов.

В криминалистической литературе предпринята попытка разграничения тактики и технологии по признаку противодействия и разделения по этому критерию следственных действий на конфликтные, требующие применения тактических средств, и бесконфликтные, предполагающие достаточную алгоритмизацию их проведения. К этому, очевидно, склоняются профессор Р.С. Белкин и авторский коллектив изданного под его редакцией учебника криминалистики [7]. В его разделах, именуемых «криминалистическая техника и технология», «криминалистическая тактика и технология», без каких-либо объяснений относительно разграничения соответствующих понятий рассматривается технология получения образцов для сравнительного исследования, технология прослушивания и записи телефонных переговоров, но тактика и технология обыска и выемки, следственного осмотра и освидетельствования и, наконец,

собственно тактика – тактика допроса, проверки и уточнения показаний на месте, следственного эксперимента, предъявления для опознания, задержания и ареста. При этом, к сожалению, не дается определение термина «технология», что ставит под сомнение целесообразность его применения в том или ином случае.

Как отмечает в связи с этим А.С. Князьков, на практике следователь нередко имеет дело с проявлением противодействия при проведении осмотра места происшествия, примером которого может быть инсценировка иной объективной стороны деяния, нежели фактическая. Противодействие может иметь место и в случае, когда правонарушитель, оказавшись в числе понятых, стремится уничтожить следы своего пребывания на месте преступления. Вполне вероятно противодействие следователю лицом, у которого отбираются образцы для сравнительного исследования. С другой стороны, специальной оговорки требуют ситуации допроса потерпевшего и свидетеля, в которых нет противодействия, но есть неполнота изложения, вызванная забыванием обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [8]. В таких случаях необходимы специальные тактические приемы, направленные на актуализацию забытого. Поэтому из всех соображений Р.С. Белкина по этому вопросу безоговорочной поддержки, пожалуй, заслуживает утверждение о том, что параллели между технологией и тактикой заканчиваются сходством цели – достижение эффективного результата [9, с. 84–85].

Если технология в криминалистике понимается как «... неразрывно связанный комплекс последовательных процедур, выполняемых *нормативно* зафиксированными способами действий с целью достижения запланированной эффективности деятельности по выявлению и расследованию преступлений (курсив наш – Ю.М.)» [10, с. 7], то чем она отличается от криминалистической тактики как планомерной деятельности по сбору и исследованию доказательств? Чем технологическая программа отличается от плана расследования, который в криминалистике рассматривается как комплекс информационных и тактических, организационных и процессуальных решений,

итог (внешнее выражение) процесса планирования, предусматривающий оптимальный порядок, сроки, способы, средства и конкретные исполнителей следственных, оперативно-розыскных, иных действий и тактических приемов [11, с. 237]. Ответ очевиден – тактическая деятельность, в отличие от технологического процесса, не имеет *нормативного* закрепления, иначе тактические рекомендации превратились бы в предписания процессуального закона, который, кстати говоря, рассматриваемый в качестве набора общеобязательных, формально определенных правил уголовного производства, несомненно, более «технологичен», чем совокупность криминалистических рекомендаций, всегда учитывающих эвристическую составляющую процесса раскрытия и расследования преступлений. По этой причине «технологичность» познавательной-поисковой деятельности достаточно условна. И именно поэтому вряд ли имеют перспективы идеи преобразования тактических рекомендаций в предписания, обязательность использования которых «в следственной деятельности признается и подкрепляется соответствующими служебными распоряжениями, приказами, указаниями, инструкциями, ведомственными и межведомственными соглашениями» [12].

Творчество является неотъемлемым атрибутом криминалистической деятельности, поскольку следственные ситуации постоянно, ежедневно ставят перед следователем серию задач, каждая из которых требует своего решения относительно возникшей следственной ситуации, индивидуальных особенностей ее участников [13, с. 48]. «Парадигмальные трансформации», ставящие следователя в жесткие рамки технологических регламентов, убивают саму суть расследования как разновидности «творческой деятельности, предполагающей выход за пределы заранее установленного масштаба. Следователь только тогда может достичь целей предварительного следствия, когда, действуя в соответствии с требованиями закона, будет творчески решать возникающие в процессе следствия вопросы» [14, с. 47]. Расследование – итог его размышлений, жизненного и профессионального опыта, интуиции и таланта. Профессиональ-

ная надежность следователя в первую очередь обеспечивается его творческим потенциалом, нестандартностью принимаемых решений, оригинальностью подходов к решению профессиональных задач. В то же время склонность к применению готовых схем, клише в ряде случаев не позволяет следователю преодолеть сложную ситуацию и раскрыть загадочное преступление [15, с. 155].

Присутствие технологической составляющей в криминалистической тактике всегда была заметной. Но если в криминалистической тактике технология, прежде всего и в основном, сводится к обеспечению последовательного выполнения организационных и планировочных действий по подготовке упорядоченного проведения следственных действий [16, с. 15], то их наиболее целесообразное взаимное расположение с самого начала становления криминалистической тактики рассматривалось в качестве одного из элементов предмета данного раздела криминалистической науки [17, с. 7]. И если «познание в рамках теоретических и прикладных вопросов о криминалистической технологии предусматривает разработку и реализацию наиболее эффективных, научно обоснованных, практических рекомендаций по совершенствованию организации деятельности в сфере уголовного судопроизводства» [18], то что нового это вносит в устоявшиеся представления о задачах криминалистики в целом и криминалистической тактики в частности?

Новизну следует искать не в новых формулировках старых мыслей, а в новых значениях, которые могут быть предоставлены даже старой формулировкой [19]. Попытки сформировать «учение о криминалистической технологии», представить его в качестве «нового научного направления» или даже «новой криминалистической парадигмы» [18] напоминает попытку подать давно известные теоретические положения в модной упаковке, «новизна» которой вполне укладывается в сложившиеся научные представления и в большей степени определяется риторическими усилиями разработчиков данной тематики. Криминалисты давно осознали, что для повышения эффективности выпол-

нения служебных обязанностей специалистов разных профессий необходимо разрабатывать рекомендации, в частности, по алгоритмизации служебной деятельности, в том числе по расследованию преступлений [20, с. 43–44], однако это не повод для вытеснения технологией проверенного временем понятия тактики. Поэтому следует согласиться с В.В. Тищенко и А.А. Барцицкой [21], поддерживающих мнение Д.В. Зотова, о нецелесообразности подмены уже существующих в науке категорий метода, методика, приема, способа термином «технология», произвольное применение которого не имеет под собой содержательной основы, а также не учитывает исторической наследственности этого понятия [22, с. 85].

Конечно, игнорировать тенденции нарастания процесса технологизации криминалистической деятельности, как и всего общественного бытия, бессмысленно, это явление объективное, очевидное и бесспорное. Подтверждение тому – внедрение в практику раскрытия и расследования преступлений информационных технологий, средств автоматизации, электронно-оптической, телевизионной и вычислительной техники, обеспечивающей более эффективное использование информации в решении задач уголовного судопроизводства. Поэтому не может быть никаких возражений против употребления термина «технология» в его, так сказать, узкотехническом смысле в связи с процессом создания и использования программных средств, применяемых для информационного обеспечения уголовного производства, разработки и применения наукоемких методик экспертного исследования и т. п. Относительно же распространения соответствующего понятия на весь предмет криминалистики и определения через него криминалистики как науки о технологиях (технико-криминалистических, организационно-тактических и методико-криминалистических) выявления, раскрытия, пресечения, предотвращения преступлений [23] имеются некоторые замечания.

Действительно, общеизвестным является тот факт, что термин «технология» давно вышел за рамки произ-

водственных процессов и в настоящее время понимается не только как совокупность правил, приемов, методов промышленной обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов, но и в целом как система действий, характерных для той или иной сферы деятельности (в том числе социальной, политической, научной и др.). Поэтому в самом общем плане технология, очевидно, может рассматриваться как система принципов, методов, приемов, правил и средств по достижению определенных целей в соответствующей области человеческой деятельности. Однако, по справедливому выводу Ю.Л. Дябловой, в криминалистике использование термина «технология» должно иметь под собой рациональную научную основу, а не быть направленным на простую замену уже имеющихся и устоявшихся терминов и категорий, поэтому должен применяться в сформулированном автором и поддерживаемом нами узком смысле этого понятия для обозначения системы научных положений и основанных на них рекомендаций по практическому использованию технических средств в процессе целенаправленной деятельности для повышения ее эффективности [24].

Следовательно, технология как целостная система упорядоченных действий является понятием, которое, прежде всего, находит свое выражение в практической плоскости их последовательной реализации, что не исключает вместе с тем некоторой теоретизации научного знания [5, с. 153]. В контексте последнего речь может идти о технологичности как свойстве криминалистики, которое отражает объективно обусловленную стадийность, подчиненной определенным закономерностям, рационально организованной доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве, а также как поступательном движении познания этих закономерностей наукой криминалистики. Технологичность присуща как процессу выявления, исследования, оценки и использования доказательств, так и процессу научной разработки приемов и методов работы с ними. Криминалистика в силу своей системной сущности, безусловно, может изучаться с позиций основанного на общих для любого рода деятельности закономерно-

стях технологического подхода, путем построения соответствующей модели изучаемого объекта с пониманием, однако, того, что технологичность – лишь одна из многих граней сложной по своему характеру и внутреннему содержанию системы под названием «криминалистика», что предполагает возможность создания большого количества абстрактных моделей этого явления в зависимости от точки зрения автора и цели исследования.

Выводы. Таким образом, попытки придать понятию «технология» значение новой криминалистической парадигмы или, по крайней мере, расширить его до уровня отдельной криминалистической теории представляются неоправданными как необусловленные наличием того круга проблем, внешним выражением которых «оказываются какие-то трудности или невозможность объяснить вновь обнаруженные факты объективной действительности с позиций накопленных знаний или уже существующих теорий, либо когда эти факты входят в противоречие с имеющимися представлениями о них в науке...» [1]. При решении вопроса о корреляции понятий «тактика» и «технология» следует исходить из понимания того, что технологичность – одно из множества свойств теории и практики криминалистической тактики, как и в целом науки криминалистики и криминалистической деятельности, различные направления которой могут быть более или менее технологичны. Технологический же подход – не что иное, как частный случай подхода системного, с позиции которого рассматриваются как системы-предметы, так и системы-явления, системы-процессы. Технологический подход, таким образом, – это системный подход к изучению, пониманию и конструированию (моделированию) процессов.

Список использованной литературы:

1. Эксархопуло А.А. Постановка научной проблемы как начало формирования криминалистической теории. Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2014. Вып. 2. С. 104–113.

2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. Москва, 2001. 240 с.

3. Тищенко В.В. Криміналістичні технології в теорії і практиці розслідування. Актуальні проблеми держави і права. Одеса, 2008. Вип. 44. С. 18–24.

4. Антонов А.В. Системный анализ: учебник для вузов. Москва, 2004. 454 с.

5. Тищенко В.В., Барцицька А.А. Теоретичні засади формування технологічного підходу в криміналістиці: монографія. Одеса, 2012. 198 с.

6. Журавель В.А. Направления модернизации криминалистических методик. Криміналістика XXI століття: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 25–26 листоп. 2010 р). Харків, 2010. С. 292–297.

7. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Р.Е. Российская; под ред. Р.С. Белкина. Москва, 2006. 992 с.

8. Князьков А.С. Криминалистическая технология и криминалистическая тактика: проблемы соотношения понятий. Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 123–127.

9. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. Москва, 2001. 240 с.

10. Юматов В.А. Технологические и организационные аспекты оптимизации деятельности специалистов и экспертов в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2006. 21 с.

11. Криминалистика: учебник для вузов / И.Ф. Герасимов, Я.Л. Драпкин, Е.П. Ищенко и др.; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. Москва, 2000. 672 с.

12. Центров Е.Е. Парадигма криминалистической тактики и ее основные понятия. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Т. 2. № 3. С. 137–144.

13. Зорин Г.А. Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты: учебное пособие. Гродно, 2003. 109 с.

14. Головин М.В. Проблемы целеопределения в расследовании: монография / под ред. В.Д. Зеленского. Краснодар, 2004. 128 с.

15. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. СПб, 2009. 608 с.

16. Барцицька А.А. Криміналістичні технології: сутність та місце в системі криміналістичної науки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Одеса, 2011. 19 с.

17. Криминалистика: учебник для слушателей правовых вузов. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений / под ред. А.Я. Вышинского. Москва, 1935. 248 с.

18. Комісарчук Р.В. Мета та завдання вчення про криміналістичну технологію. Юридичний науковий електронний журнал. 2017. № 5. С. 172–175. URL: http://lsej.org.ua/5_2017/46.pdf

19. Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. Новизна в философских исследованиях. Вестник Башкирского университета. 2014. № 4. С. 1489–1494.

20. Колесниченко А.Н., Матусовский Г.А. Вопросы программирования деятельности следователя. Криминалистика и судебная экспертиза. 1980. Вып. 21. С. 43–47.

21. Тіщенко В.В., Барцицька А.А. Криміналістичні технології: поняття та напрями використання. Криминалистика и судебная экспертиза. 2014. Вып. 59. С. 27–34.

22. Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы: монография. Воронеж, 2005. 200 с.

23. Корма В.Д., Образцов В.А. Парадигма криминалистики: от Ганса Гросса до наших дней. Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 октября 2014 г.). Москва, 2014. С. 53–56.

24. Дяблова Ю.Л. К вопросу о понятии технологии в криминалистике. Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2009. № 2–2. С. 295–301.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирошниченко Юрий Михайлович – кандидат юридических наук, председатель Ильичевского районного суда города Мариуполя Донецкой области

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Miroshnichenko Yuriy Mikhailovich – PhD in Law, Chairman of the Illichivsk District Court Mariupol, Donetsk region

zaruba264@gmail.com

УДК 346.13.(094)

УКРАИНСКОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПРАВИЛА ВРЕМЕНИ

Юлия ОСТАПЕНКО,

кандидат юридических наук, ассистент кафедры хозяйственного права Национального юридического университета Украины имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен современный период развития украинского хозяйственного законодательства. Обоснована целесообразность выделения трех основных этапов: I – 1991–1993 гг., II – 1993–1998 гг., III – с 1998 г. и по сей день. Приведены примеры нормативно-правовых актов, которые принимались в тот или иной период.

Ключевые слова: история хозяйственного права Украины, исторические этапы реформирования хозяйственного права Украины, гармонизация хозяйственного законодательства.

UKRAINIAN ECONOMIC LEGISLATION: RULES OF TIME

Yuliya OSTAPENKO,

Candidate of Law Sciences, Assistant Lecturer at the Department of Economic Law of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article describes the current period of development of Ukrainian economic legislation. The expediency of distinguishing three main stages is substantiated: I – 1991–1993, II – 1993–1998, III – 1998 to this day. Examples of regulatory legal acts that were adopted in a given period are given.

Key words: history of economic law of Ukraine, historical stages of reforming of economic law of Ukraine, harmonization of economic legislation.

Постановка проблемы. История любой страны – это путь становления и развития, изменений и преобразований. Ученые (в основном историки), как правило, выделяют определенные периоды, отталкиваясь от каких-то знаковых событий. Украина, вернее ее история, не является исключением. Заметим, что в рамках этой статьи мы не будем рассматривать весь исторический путь нашего государства, а возьмем только конец XX – начало XXI в. Последние 25 лет, то есть с момента обретения независимости, можно считать новым этапом летописания нашего государства. За этот период многое изменилось. Вместо плановой экономики, которая долгое время была доминирующей, развивалась по своим законам, в Украине именно с 90-х гг. XX в. начали зарождаться рыночные отношения, появились новые формы собственности, в том числе частная. Вполне понятно, что в таких условиях

одним из основных средств правового обеспечения трансформационных процессов в Украине, в том числе и в сфере регулирования экономических отношений, должно было стать законодательство. Период 1990–2016 гг. можно разделить на несколько этапов. Как уже отмечалось, это обусловлено внутренними и внешними факторами, среди которых наиболее влиятельными являются интеграционные и глобализационные процессы.

Актуальность темы исследования. Исходя из сказанного, добавим, что существует необходимость в детальном изучении и анализе данных этапов и определении роли кодификационного процесса в истории хозяйственного права Украины для определения дальнейших основных задач модернизации отечественной экономики, установления предмета современного хозяйственного права и перспективных направлений разви-

тия последнего, что и является целью данной публикации.

Состояние исследования. Научный анализ проблем периодизации реформирования хозяйственного права в Украине остался вне рамок научных исследований. Отдельными тематическими вопросами занимались правоведа-хозяйственники. Среди них следует назвать Д.В. Задыхайло, В.К. Мамутова, О.П. Подцерковного, Л.Г. Знаменского и других, чьи труды стали фундаментальной базой для дальнейшего исследования рассматриваемого вопроса.

Целью и задачей статьи является детальное изучение и анализ данных этапов, определение роли кодификационного процесса в истории хозяйственного права Украины для определения дальнейших основных законодательных задач относительно модернизации отечественной экономики. Новизна работы заключается в том, что в данной статье сделана попытка определить временные рамки этапов реформирования отечественного хозяйственного законодательства, и проведен анализ перспектив его дальнейшего развития.

Изложение основного материала. В начале 90-х гг., как уже отмечалось, произошел переход к рыночной экономике. Это требовало пересмотра экономической политики, изменения ее инструмента – законодательства, поскольку основной массив нормативных актов, регулирующих хозяйственные отношения, перестал отвечать реалиям, особенно с появлением института частной собственности.

Первым шагом на пути к модернизации советской экономики было принятие Декларации о государственном суверенитете Украины 16.07.1990 г., а практическая реализация основных намерений (планов, стратегий) стала возможной с принятием 24.08.1991 г. Акта провозглашения независимости Украины. Итак, началом периодизации современного (*нового*) этапа развития Украины в целом и хозяйственного права в частности является последняя дата. Условно назовем *первый* период *переходным*. Одним из главных заданий *переходного периода* (который, к слову, мы будем датировать 1991–1993 гг.) становится разработка научно обоснованной социально-экономической политики, то есть программы

стратегических и тактических действий, поскольку развитие экономики любой страны без этого невозможно.

Ранее отмечалось, что расширился, точнее, дополнился новой формой институт собственности, вполне понятно, что его надо было модернизировать первым. Начало этому процессу было положено Законом Украинской ССР «О собственности» от 07.02.1991 г. № 697-ХП [1]. В Законе, в частности, раскрыто понятие «собственность» (п. 1 ст. 2), установлены такие организационно-экономические формы, как частная, коллективная, государственная, и закреплено положение о том, что все формы собственности равноправны (п. 4). Впоследствии принимаются Закон Украины «Об обращении имущества Компартии Украины и КПСС в государственную собственность» от 20.12.1991 г. № 2004 ХП [2], Закон Украины «О внесении изменений и дополнений в Закон Украинской ССР «О предпринимательстве» от 15.10.1992 г. № 2697-ХП.

Именно в это время начинается массовая приватизация. Для регламентации этого процесса принимается ряд нормативно-правовых актов: Закон Украины «О приватизации государственного имущества» от 04.03.1992 г. № 2163-ХП, Закон Украины «О приватизационных бумагах» от 06.03.1992 г. № 2173-ХП, «О приватизации небольших государственных предприятий (малой приватизации)» от 03.12.1990 г. № 507-ХП. Кроме вышеуказанных, следует отдельно остановиться на Законе Украины «Об ограничении монополизма и недопущении недобросовестной конкуренции в предпринимательской деятельности» от 18.02.1992 г. № 2132-ХП [3]. Некоторые его положения получили развитие в Законе Украины «Об Антимонопольном комитете Украины» от 26.11.1993 г. № 3659-ХП [4].

Новацией переходного периода стал институт инвестиционной деятельности. Правовой основой данного института в начале 90-х годов выступили такие законы, как: «О защите иностранных инвестиций в Украине» от 10.09.1991 г. № 1540а-ХП, «Об инвестиционной деятельности» от 18.09.1991 г. № 1560-ХП, «Об иностранных инвестициях» от 13.03.1992 г. № 2198-ХП, «Об общих принципах создания и функционирования специаль-

ных (свободных) экономических зон» от 13.10.1992 г. № 2673-ХП, «О Государственной программе поощрения иностранных инвестиций в Украине» от 17.12.1993 г. № 3744-ХП.

Правовой основой института правового обеспечения внешнеэкономической деятельности (создание которого подтверждало ликвидацию государственной монополии на внешнеэкономическую торговлю) стали такие законодательные акты, как законы Украины: «О внешнеэкономической деятельности» от 16.04.1991 г. № 959-ХП [5]; «О международных договорах Украины» от 22.12.1993 г. № 3767-ХП [6]. Кроме того, в некоторых неспециализированных законодательных актах содержатся нормы, регламентирующие отдельные вопросы данного института. Речь идет о законах Украины «О хозяйственных обществах» от 19.09.1991 г. № 1576-ХП, «О залоге» от 02.10.1992 г. № 2654-ХП и других.

С точки зрения развития важным историческим событием можно назвать то, что в конце 1993 г. Украина начала процесс вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО), который завершился 05.02.2008 г. В Женеве, как мы помним, Президент Украины Виктор Ющенко и Генеральный директор ВТО Паскаль Лами подписали Протокол о вступлении Украины в ВТО. Интеграция в эту экономическую структуру позволила внедрить инновационную модель, провести реформы, а также подписать важные международные соглашения и принять международные нормативы и единые стандарты.

В этот период развиваются: товарная биржа (в частности, в Законе Украины «О товарной бирже» от 10.12.1991 г. № 1956 ХП дано определение данного субъекта, определены его права и обязанности, порядок создания и регистрации и т.п.); рынок ценных бумаг (деятельность которого регулируют Закон УССР «О ценных бумагах и фондовой бирже» от 18.06.1991 г. № 1201-ХП, Директива 93/6/ЕЭС Совета Европейского Сообщества «Об адекватности капитала инвестиционных фирм и кредитных учреждений», Договор о создании Международной Финансовой Корпорации и Закон Украины «О залоге» от 02.10.1992 г. № 2654-ХП); институт банковского права (основными регламентирующими актами

стали: а) Закон Украинской ССР «О банках и банковской деятельности» 20.03.1991 г. № 872-ХІІ, в котором закреплялась классическая двухуровневая банковская система, состоящая из Национального банка Украины и коммерческих банков, общие принципы организации и деятельности банков, совокупность норм, регулирующих порядок предоставления финансовых и связанных с ними услуг; б) постановление Правления Национального банка от 26.06.1992 г., где был утвержден Порядок предоставления лицензий Национального банка Украины на право осуществления операций с валютными ценностями; в) Декрет Кабинета Министров Украины «О системе валютного регулирования и валютного контроля», который заложил основы формирования и функционирования валютного рынка Украины). Кроме того, в сентябре 1993 г. Украина стала второй после России страной СНГ, которая присоединилась к международной электронной системе банковских платежей СВИФТ.

Таким образом, переориентация на внешние рынки, начало процедуры интеграции Украины в мировое сообщество, а именно в ВТО в 1993 г., позволяет говорить о том, что основной особенностью этого периода стало расширение действия норм законодательства на базе динамичной и последовательной товаризации экономических отношений. Происходит также совершенствование национального законодательства, гармонизация украинской нормативной базы с правовыми предписаниями других стран, в том числе и унификация подходов к регулированию хозяйственных отношений. «Переходный период» закончился в 1993 г., однако новации (образование новых институтов, начатые процессы и преобразования в них) не принесли ожидаемых результатов, их деятельность в большинстве случаев оставалась вне закона. В связи с этим перед законодателем стояло задание должным образом определить и нормировать достаточно сложную систему хозяйственных отношений, чтобы утвердить в экономической системе Украины хозяйственный порядок и обеспечить реализацию интересов, исходя из потребностей как непосредственных участников хозяйственных отношений, так и публичных.

Итак, для того, чтобы в Украине экономика стала продуктивной, к тому же с разной формой собственности, были необходимы более современные рыночные правовые средства, прогрессивные методы и способы регулирования, реализации и реформирования хозяйственных процессов. С этой целью законодатель в течение второго периода (1993–1998) обязан был систематизировать и реформировать хозяйственное законодательство, а также начать, в конце концов, процесс интеграции в мировой рынок торговли [6, с. 102]. Давая общую характеристику правового регулирования экономических отношений в независимой Украине на втором этапе их реформирования, нужно помнить о значительном влиянии феномена государственной экономической политики. Процесс совершенствования законодательства, а также проведение реформ в течение 1993–1994 гг. проходили сложно, так как системное правовое обеспечение хозяйственной деятельности должно было осуществляться на основе гармонизации и согласования хозяйственно-производственного и организационно-хозяйственного компонентов регулирования, поскольку это является одним из неотъемлемых условий эффективного функционирования национальной экономики, коммерческого и некоммерческого хозяйственного оборота. В контексте интеграции Украины в мировое сообщество, а именно в ВТО, важным становится решение вопроса унификации подходов к регулированию именно хозяйственных отношений.

Именно в течение второго периода (1993–1998) законодатель начал работу по систематизации и дальнейшему реформированию нормативно-правовой базы, а также процесс интеграции в мировой рынок торговли, что в свою очередь позволило запустить механизм рыночного функционирования экономических отношений. Примером этого можно назвать такие законы, как: «О ратификации Соглашения о создании межгосударственного Евразийского объединения угля и металла» от 24.11.1995 г. № 462/95-ВР; «О ратификации Соглашения между Правительством Украины и Правительством Канады о торговых и коммерческих отношениях» от 20.06.1995 г.

№ 232/95-ВР; «О ратификации Соглашения между Украиной и Швейцарской Конфедерацией о торговом и экономическом сотрудничестве» от 01.11.1996 г. № 465/96-ВР; «О государственном регулировании импорта сельскохозяйственной продукции» от 17.07.1997 г. № 468/97-ВР и др.

Кроме того, произошла «продлонгация» соглашений по созданию единого экономического пространства большинством постсоветских стран, были подписаны такие законы, как: «О ратификации Соглашения между Правительством Украины и Правительством Туркменистана о свободной торговле» от 04.11.1995 г. № 426/95-ВР; «О ратификации Соглашения об общих условиях и механизме поддержки развития производственной кооперации предприятий и отраслей государств – участников Содружества Независимых Государств» от 14.03.1995 г. № 100/95-ВР; «О ратификации Соглашения между Правительством Украины и Правительством Киргизской Республики о свободной торговле» от 09.12.1997 г. № 705/97-ВР, «О ратификации Соглашения между Правительством Украины и Правительством Российской Федерации о научно-техническом сотрудничестве» от 16.01.1998 г. № 41/98-ВР и т. д. То есть первым шагом на пути к модернизации хозяйственного законодательного обеспечения Украины второй волны (то есть реформирования существующего правового хозяйственного порядка в направлении дальнейшего совершенствования рыночных принципов хозяйствования) было принятие Кабинетом Министров Украины еще в 1992 г. «Основ национальной экономической политики Украины» [7]. Однако на фоне повышения уровня законодательного обеспечения рыночных отношений усиливаются процессы лоббирования интересов различных отраслевых монополистов или частных влиятельных групп с помощью их собственного представительства в высших органах государственной власти [8].

Заметим, что, пытаясь предотвратить полное разрушение экономической системы, украинские законодатели расширяют надзорный аппарат, то есть происходит формирование системы государственного регулирования и создание контролирующих органов за хозяйственной деятельностью. Напри-

мер, Закон Украины «О государственной службе» от 16.12.1993 г. № 3723-ХІІ [4] заложил основу и определил статус органов государственного регулирования. Отметим, что этими и другими законодательными актами, с одной стороны, была сформирована публичная власть, которая должна регулировать систему экономических отношений на основе обеспечения надзора за ней, а с другой – ее субъекты начали выполнять функции административно-надзорной полиции. К сожалению, орган, стимулирующий и помогающий предприятиям, которые вошли в неизвестное ранее мировое рыночное пространство, обеспечивающий экспорт продукции и защиту интересов национальных хозяйствующих субъектов на мировом рынке, не создан и по сей день [8].

Однако в течение 1993–1998 гг. центральное место в реформационных «пакетах» заняли акты, направленные на создание и обеспечение функционирования как отраслевых комплексов (энергетического, металлургического, медийного, здравоохранения и т. д.), так и функциональных (инвестиционный, банковское дело, страхование и т. п.) на рыночных принципах [7]. Примером могут служить: Закон Украины «Об энергосбережении» от 01.07.1994 г. № 74/94-ВР, Закон Украины «Об электроэнергетике» от 16.10.1997 г. № 575/97-ВР (законодательно обеспечившие энергетическую отрасль), Закон Украины «О транспорте» от 10.11.1994 г. № 232/94-ВР; Закон Украины «О телевидении и радиовещании» от 21.12.1993 г. № 3759-ХІІ и т. д. По поводу функциональных комплексов добавим, что существенные изменения в этот период произошли в хозяйственно-правовом институте инвестирования, что подтверждается принятием таких законов, как: «О внесении изменений в Декрет Кабинета Министров Украины «О режиме иностранного инвестирования»» от 02.02.1994 г. № 3915-ХІІ [9]; «О режиме иностранного инвестирования» от 19.03.1996 г. № 93/96-ВР [10]; «О страховании» от 07.03.1996 г. № 85/96-ВР [11].

Итак, в период реформ второй волны хозяйственное законодательство составляла система норм, регулирующих три сектора экономики: государ-

ственный, коллективный и частный. Однако в данный период не произошло экономического роста или технического прогресса, а под давлением внешних партнеров и советников был проложен курс на «углубление и ускорение» радикально-либеральных реформ [8]. Хотя новейшие «пакеты» законодательных актов разрабатывались с целью обеспечения свободного функционирования как на микроуровне, так и на макроуровне, однако центральное место среди них заняли лоббистские акты, которые способствовали проведению кампании приватизации государственной собственности олигархическими группировками и реализации идей об уменьшении роли государства в управлении экономикой, сведению этой роли преимущественно к взысканию налогов. При этом финансовое законодательство, а точнее налоговое, носило фискальный характер, не выполняя главной функции – экономического регулятора, становилось причиной очередного разбалансирования или «поборов». Все это открыло путь к анархии и дезорганизации хозяйства и привело в 1998 г. к катастрофическому падению экономики в целом и такому явлению, как дефолт.

Конечно всех этих проблем можно было избежать путем систематизации основ законодательства. При этом выходной Закон должен был стать не только правовой базой развития всех институтов законодательства, но и заложить фундамент нормативного обеспечения функционирования экономики рыночного типа. Логично предположить, что с этого следовало начать третий этап. Понимая такую необходимость, законодатель приступил к работе над единым кодифицированным актом – Хозяйственным кодексом Украины, который вступил в силу 01.01.2004 г.

Третий период кардинального реформирования законодательства, который будем датировать так: с 1998 г. и до сегодняшнего дня. Именно в это время происходит системная кодификация, так сказать, правовое обеспечение хозяйственной деятельности. Как видно из сказанного, на данном этапе нужно было прежде всего усовершенствовать отраслевое законодательство. Как пишет В.К. Мамутов: «В современных условиях развития хозяйственных отношений целесообразно гово-

рить о разработке и принятии системы кодифицированных актов в этой сфере. Исходя из многообразия хозяйственных отношений, кодификация должна быть специальной» [8].

Тем не менее, третий период нельзя назвать просто периодом «процесса систематизации», поскольку необходимость создания новой законодательной системы правового регулирования экономических отношений в 1998 г. была обусловлена экономическим кризисом 1998 г., который начался с Юго-Восточной Азии и распространился по всему миру, следствием чего стал структурный дисбаланс рынков большей части национальных экономик. Он коснулся также и Украины [7]. Прежде всего, необходимо было применить структурный подход к сверхбольшому количеству нормативно-правовых актов, регулирующих хозяйственную деятельность.

После вступления в силу новых Гражданского и Хозяйственного кодексов Украины было принято более десяти законов, которые предусматривали право хозяйственного ведения и/или оперативного управления как составляющую правового режима имущества юридических лиц и физических лиц-предпринимателей. Среди них: Закон Украины «О государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и их обременений» от 01.07.2004 г. № 1952-IV; Закон Украины «О защите конституционных прав граждан на землю» от 20.01.2005 г. № 2375-IV; Закон Украины «О холдинговых компаниях в Украине» от 15.03.2006 г. № 3528-IV; Закон Украины «Об управлении объектами государственной собственности» от 21.09.2006 г. № 185-V; Закон Украины «О внесении изменений в Хозяйственный кодекс Украины относительно порядка отчуждения государственного имущества» от 09.01.2007 г. № 549-V; Закон Украины «Об акционерных обществах» от 17.09.2008 г. № 514-VI и т. д.

Вместе с тем в условиях базовой кодификации возникли некоторые вопросы, касающиеся возможности обеспечения (урегулирования) всех рынков и всех видов деятельности, глубины и детализации регулирования, то есть речь идет о концепции организационно-хозяйственного законодательства.

В последнее время изменилась также и законодательная политика в отношении банковской деятельности. Практически принят Кодекс Украины «О банкротстве». Именно в этот период были заложены современные основы рынка ценных бумаг. Речь идет о следующих законах: «Об ипотечных облигациях» от 22.12.2005 г. № 3273-IV; «О ценных бумагах и фондовом рынке» от 23.02.2006 г. № 3480-IV. Что касается института страхования, то после кодификационных процессов законодателем были приняты некоторые нормативные акты, в частности, Закон Украины «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев наземных транспортных средств» от 01.07.2004 г. № 1961-IV; а также были внесены изменения в Закон Украины «О страховании» от 07.03.1996 г. № 85/96-ВР и Закон Украины «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании» от 09.07.2003 г. № 1058-IV. Проведение инновационной деятельности регламентировалось следующими нормативными актами: Законом Украины «О научных парках» от 25.06.2009 г. № 1563-VI; Законом Украины «Об инновационной деятельности» от 04.07.2002 г. № 40-IV; Законом Украины «О государственном регулировании деятельности в сфере трансфера технологий» от 14.09.2006 г. № 143-V. В энергетическом секторе после 1 января 2004 г. были приняты такие нормативные акты, как: Закон Украины «О функционировании топливно-энергетического комплекса в особый период» от 02.11.2006 г. № 307-V; Закон Украины «Об основах функционирования рынка электрической энергии Украины» от 24.10.2013 г. № 663-VII.

Выводы. Благодаря детальному изучению ситуации в Украине нами выделены следующие периоды:

I – переходный период (который мы датировем 1991–1993 гг.). В это время происходит переориентация на внешние рынки, начинается процедура интеграции Украины в мировое сообщество, а именно во Всемирную торговую организацию в 1993 г. Изложенное позволяет говорить о том, что основной особенностью этого периода стало расширение действия норм законодательства на базе динамичной и последовательной товаризации экономических отношений, происходит также совершенствование национального законодательства, гармонизация украинской

нормативной базы с правовыми предписаниями других стран, в том числе и унификация подходов к регулированию хозяйственных отношений. Это сказывается как на содержании отношений хозяйствования, так и на социально-экономических отношениях в целом, на их нормативном регулировании. Разумеется, все перечисленное влияло на состояние и сущность законодательства;

II период – 1993–1998 гг. История развития хозяйственного права показывает, что выбранная хозяйственно-правовая концепция была правильной, а ее ценность заключается именно в том, что она совмещала два необходимых для обеспечения успешного, стабильного и сбалансированного экономического развития общества начала – частную инициативу и государственное централизованное регулирование, что, как подтверждается опытом многих развитых стран, является условием социальной стабильности и позволяет комплексно изучать и регулировать эти две, безусловно, нетождественные составляющие единого экономического и правового механизма.

Начиная с *III периода* (с 1998 г. и по сей день) хозяйственное законодательство получает четко установленные «правила игры». В данных условиях и возникла необходимость принятия Хозяйственного кодекса Украины и пакета законов, которые регулируют экономические процессы функционирования рыночной экономики в комплексе, потому что ни коммерческие, ни торговые кодексы, ни гражданско-правовая концепция не могут поодиночке это обеспечить.

Список использованной литературы:

1. О собственности: Закон Украинской ССР от 07.02.1991 г. № 697-XII. Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1991. № 20. Ст. 249.
2. Об обращении имущества Компартии Украины и КПСС в государственную собственность: Закон Украины от 20.12.1991 г. № 2004 XII. Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1991.
3. Об ограничении монополизма и недопущении недобросовестной конкуренции в предпринимательской деятельности: Закон Украины от 18.02.1992 г. № 2132-XII. Ведомости

Верховной Рады Украины. 1992. № 21. Ст. 296.

4. Об Антимонопольном комитете Украины: Закон Украины от 26.11.1993 г. № 3659-XII. Ведомости Верховной Рады Украины. 1993. № 50. Ст. 472.

5. О внешнеэкономической деятельности: Закон Украины от 16.04.1991 г. № 959-XII. Ведомости Верховной Рады Украины. 1991. № 29. Ст. 377.

6. О международных договорах Украины: Закон Украины. Ведомости Верховной Рады Украины.

7. Знаменский Г.Л. Новое хозяйственное право. Избранные труды: сб. науч. трудов. Киев: Юринком Интер, 2012. 488 с. С. 104. С. 275.

8. Экономическая история: Лекции / Н.А. Тимченко, О.А. Пучко, Л.М. Рудометкин, А.А. Маслов. Москва: Финансы, 2000. 268 с.

9. Хозяйственное право: учебник / В.К. Мамутов, Г.Л. Знаменский, К.С. Хахулин и др.; под ред. В.К. Мамутова. Киев: Юринком Интер, 2002. 912 с.

10. О внесении изменений в Декрет Кабинета Министров Украины «О режиме иностранного инвестирования»: Закон Украины от 02.02.1994 г. № 3915-XII.

11. О режиме иностранного инвестирования: Закон Украины от 19.03.1996 г. № 93/96-ВР.

12. О страховании: Закон Украины от 07.03.1996 г. № 85/96-ВР.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Остапенко Юлия Игоревна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры хозяйственного права Национального юридического университета Украины имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ostapenko Yuliya Igorevna – Candidate of Law Sciences, Assistant Lecturer at the Department of Economic Law of Yaroslav Mudryi National Law University

julost@rambler.ru

УДК 342.951.006.03 (477)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ СТАНДАРТИЗАЦИИ В СФЕРЕ ОБОРОНЫ

Валерий ПОДОЙНИЦЫН,
старший научный сотрудник, соискатель
Государственного научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование сущности такой специфической категории административного права, как «административно-правовой статус субъектов стандартизации в сфере обороны». Изучаются взгляды ученых-административистов на эту категорию. На основании проведенного анализа открытых источников выделяются его основные структурные элементы: субъект, статус, административно-правовой статус, где общеизвестной разновидностью правового статуса является административно-правовой статус, который дает возможность определить роль и место субъекта в государственно-управленческих и других общественных отношениях, которые регулируются нормами административного права государства. На основе нормативно-правовых актов Украины определяется административно-правовой статус всех субъектов стандартизации в сфере обороны.

Ключевые слова: субъект, правовой статус, административно-правовой статус, стандартизация в сфере обороны, субъект стандартизации в сфере обороны.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE SUBJECTS OF STANDARDIZATION IN THE SPHERE OF DEFENSE

Valeriy PODOYNITSYN,
Senior Researcher, Applicant
of the State Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

SUMMARY

The article conducts a theoretical study of the essence of such a specific category of administrative law, as “the administrative and legal status of the subjects of standardization in the field of defense”. The views of administrative scientists on this category are being studied. Based on the analysis of open sources its main structural elements are distinguished: the subject, status, administrative and legal status, where the well-known type of legal status is administrative and legal status, which makes it possible to determine the role and place of the subject in government and other public relations, which are governed by the rules of administrative law of the state. On the basis of the regulatory legal acts of Ukraine the administrative and legal status of all standardization entities in the field of defense is determined.

Key words: subject, legal status, administrative and legal status, standardization in the field of defense, subject of standardization in the field of defense.

Постановка проблемы. Стандартизация, в частности стандартизация в сфере обороны, охватывает чрезвычайно широкую сферу общественной деятельности, включая научные, технические, хозяйственные, юридические и военно-технические аспекты. Как утверждает Ю.В. Венгер: «По своей природе стандартизация является средством прямого административного воздействия на субъектов хозяйственной деятельности, создаёт зависимость последних от государственных органов, осуществляющих контроль за качеством продукции, товаров, услуг. Главной задачей является установление положений для всеобщего и многократного применения с целью защиты жизни, здоровья и имущества чело-

века, охраны окружающей среды, безопасности и обороны государства» [1].

Актуальность темы исследования подтверждается в содержании правовой конструкции «административно-правовой статус субъектов стандартизации в сфере обороны», мы должны выяснить значение его составляющих.

Состояние исследования. Научный анализ проблем в определении административно-правового статуса всех субъектов стандартизации в сфере обороны осуществляется многими отечественными учёными. Среди них следует назвать С.С. Алексева, В.М. Бевзенко, Ю.П. Битяк, В.Ю. Волкова, В.М. Гаращука, И.П. Голосниченка, Н.М. Травника, Д.И. Иосифо-

вича, Г.А. Калюжного, Л.В. Коваля, Т.А. Коломоец, В.К. Колпакова, А.Т. Комзюка, Т.Н. Кравцову, О.В. Кузьменко, И.А. Лысенко, Д.М. Лукьянца, С.М. Орехова, А.И. Остапенко, К.Б. Починок, А.П. Рябченко, Д.В. Смерницького и многих других.

Целью и задачей статьи является исследование элементов статуса субъектов административно-правового механизма стандартизации в сфере обороны на основе объективного анализа.

Изложение основного материала. В большом толковом словаре современного украинского языка под редакцией В.Т. Бусел слово «статус» имеет следующее определение: статус – правовое положение граждан, государственных и общественных органов, междуна-

родных организаций и т.д. [2]. В социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г.В. Осипова слово «статус» квалифицируется как: статус с лат. (status – состояние, положение) – абстрактный многозначный термин, в общем смысле обозначает совокупность стабильных значений параметров объекта или субъекта [3]. То есть в общем смысле понятие «статус» можно определить, как положение или ранг в любой системе, а также совокупность прав, обязанностей лица или организации.

Для правового обоснования взаимодействия субъектов общественных отношений мы исследуем понятие правовой статус. Интересное определение понятию «правовой статус» наводят авторы учебника «Теория государства и права. Академический курс» А.В. Зайчук и Н.М. Онищенко. Они отметили природу, структуру и содержание правового статуса как ключевого понятия юридической науки, которые всегда были предметом изучения как учёными, так и практиками. В юридической литературе существует несколько подходов к определению содержания категории «правовой статус» и его структуры. Некоторые учёные самостоятельными элементами правового статуса лица называют гражданство, общую правоспособность, гарантии, законные интересы и юридическую ответственность. Другие наоборот, некоторые из упомянутых выше элементов характеризует или как предпосылку (гражданство, правоспособность), или как второстепенные элементы статуса (юридическая ответственность, законные интересы), или как выходящие за пределы правового статуса (гарантии) [4]. В научных изданиях по юриспруденции распространено неоднозначное мнение к подходам по определению содержания понятия «правовой статус» и его структуры, природы и сущности. Мы считаем, это вызывает необходимость анализа таких позиций учёных, предметом исследования которых на категориальном и структурном уровне был правовой статус.

А.В. Малько и Н.И. Матузов применяют следующий подход к элементам структуры правового статуса и включают только правосубъектность субъекта общественных отношений,

принципы конституционно-правового статуса, права и свободы субъекта и гарантии их реализации, обязанности и гарантии их выполнения, правоотношения общего типа [5]. А.В. Панчишин, исследуя приведённую правовую категорию, отметил: можно определить правовой статус как многоаспектную, комплексную, универсальную категорию, имеющую чёткую стабильную структуру, устанавливающую характер и принципы взаимодействия субъектов общественных отношений между собой, а также путём определения прав, обязанностей и гарантий их реализации, определяет субъекта в системе правоотношений [6]. Итак, учитывая приведённые выше теоретические положения, должны констатировать, что определение «правовой статус» – это комплексная правовая категория, с помощью которой определяется правовое положение и законные интересы субъекта в обществе и государстве. Общеизвестной разновидностью правового статуса является административно-правовой статус, который даёт возможность определить роль и место субъекта в государственно-управленческих и других общественных отношениях, которые регулируются нормами административного права. Для изучения понятия «административно-правовой статус» сначала необходимо рассмотреть его составляющую «административно-правовой». Эту часть указанного понятия мы рассмотрим как производную от понятия «административное право».

По утверждению коллектива авторов учебного пособия «Административное право. Общая часть»: административное право представляет собой одну из фундаментальных отраслей права и профилирующих юридических дисциплин, которая изучает общественные отношения в сфере государственного управления и осуществляет функции регулирования этих отношений. То есть это отрасль правовой системы Украины, которая призвана регулировать особую группу общественных отношений, главная особенность которых заключается в том, что они возникают, изменяются и прекращаются в сфере государственного управления [7]. Украинский учёный З.Р. Кисиль высказывает вполне похожую мысль: административное

право – это отрасль права, нормы которой регулируют общественные отношения управленческого характера, возникающие в связи с организацией и непосредственным осуществлением исполнительной и распорядительной деятельности органов исполнительной власти государства, а также в связи с осуществлением другими государственными органами внутри-организационной управленческой деятельности [8].

Профессор С.В. Петков в своей научной публикации «Предмет административного права – константа в процессе трансформации общественно-политических отношений» приводит следующее определение: административное право – система правовых норм, которая обеспечивают деятельность органов публичной власти. Административное право является составляющей публичного права. В свою очередь публичное право вместе с частным правом является составляющей общественного (гражданского, общественного) права. «Администрация (от лат. administration, administratio – управление) – институты, осуществляющие административные функции управления в различных сферах общественной жизни». Исходя из этого следует определить, что «административное право – это управленческое право, которое отличается от других отраслей права спецификой предмета, метода регулирования и структурными особенностями (системой размещения нормативного материала)» [9].

Рассматривая административно-правовой статус в контексте административного права, должны согласиться с выводом А.А. Рёрихт, что административно-правовой статус – это комплекс прав и обязанностей, закреплённых нормами административного права, а также гарантии прав и обязанностей [10].

Исследовав труды учёных-администраторов можно констатировать, что понятие «административно-правовой статус» представляет собой комплекс определённых субъективных прав и обязанностей, которые закреплены за соответствующим субъектом нормами административного права, признаком которого является приобретение лицом административно-правового статуса, а также наличие у него конкретных

субъективных прав и обязанностей в отношении административных правоотношений. Постепенно проводя исследования определения «административно-правовой статус субъекта стандартизации в сфере обороны», мы не можем оставить без внимания такой значительный термин, как «субъект». В классическом академическом смысле термин «субъект» имеет достаточно много определений, касающихся всех форм общественных отношений.

Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой представляет следующее определение: «В грамматической традиции термин «субъект» был использован для обозначения члена предложения, соответствующего предмету мысли (суждения). В ряде языков, например, славянских, этот термин был заменён калькой («подлежащее» – рус. язык: подлежащее), что позволило избежать терминологического смешения логических и грамматических категорий. В западноевропейской синтаксической терминологии был сохранен термин логики (ср. англ. Subject, франц. Sujet, исп. Sujeto, итал. soggetto)» [11].

Термин «субъект» получил достаточно широкое применение в правовом обращении, но используется не самостоятельно, а в виде юридической конструкции, например, «субъект права», «субъект правоотношений» и др. Учёные-правоведы под субъектом права понимают участников правоотношений, которые имеют субъективные права и юридические обязанности [12].

Можно отметить, что «субъект» – это лицо, группа лиц, организация, учреждение, которые являются носителями определённых прав и обязанностей и которым предстоит активная роль в определённом процессе, акте. В науке административного права административно-правовой статус субъекта определяется по-разному.

Как отмечает А.Н. Музычук, сегодня трудно найти хотя бы одну научную работу по правовой (юридической) тематике, которая была реализована в форме диссертации, монографии, научно-практического или учебного пособия, и в которой бы категория правового статуса не использовалась. Например, в учебниках по административному праву одновременно используются такие термины, как

«правовой статус», «правовое положение» или «административно-правовой статус» [13].

Поскольку тема нашей статьи непосредственно касается стандартизации в области обороны страны, мы должны привести также определение Б.В. Хуторного, который, выясняя вопрос об административно-правовом статусе субъектов, обеспечивающих обороноспособность государства, выразил следующую мысль: «Административно-правовой статус субъектов, обеспечивающих обороноспособность государства, является сложной правовой конструкцией, включающей в себя: цель, задачи, функции, компетенцию, организационный блок элементов, ответственность, которые в своей совокупности и определяют его» [14].

Исследуя такую специфическую категорию, как административно-правовой статус субъектов контроля за деятельностью разведывательных органов Украины, В. А. Черныш привёл следующее определение: «По нашему мнению, административно-правовой статус субъектов контроля представляет собой нормативно закреплённые права и обязанности, полномочия и компетенцию соответствующих государственных и общественных органов и организаций в той или иной социально-экономической или политической сфере деятельности государственных органов, в нашем случае это касается сферы государственного и общественного контроля за деятельностью разведывательных органов Украины» [15].

Теперь мы можем предложить дефиницию административно-правового статуса субъекта. Учитывая наличие различных утверждений в научной среде по данному вопросу, по нашему мнению, административно-правовой статус субъекта – это сложная правовая конструкция, которая представляет собой совокупность закреплённых нормами административного права в соответствующих нормативно-правовых актах прав и обязанностей субъектов административного права.

Пролонгируя наше исследование, необходимо рассмотреть понятие «Административно-правовой статус и классификацию субъектов стандартизации в сфере обороны» в комплексе.

В статье 8 Закона Украины «О стандартизации» приведён перечень субъектов стандартизации:

1) центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий формирование государственной политики в сфере стандартизации;

2) центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере стандартизации;

3) национальный орган стандартизации;

4) технические комитеты по стандартизации;

5) предприятия, учреждения и организации, осуществляющие стандартизацию [16].

Теперь следует перейти к раскрытию административно-правового статуса всех субъектов стандартизации в соответствии с перечнем субъектов стандартизации, указанных выше.

1) Центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий формирование государственной политики в сфере стандартизации;

2) Центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере стандартизации.

По позициям перечня 1) и 2) указанные центральные органы исполнительной власти, которые согласно тексту Закона «О стандартизации» должны выполнять различные задачи в соответствии со своими полномочиями. Фактически обе эти функции в соответствии с «Положением о Министерстве экономического развития и торговли Украины», утверждённым постановлением Кабинета Министров Украины от 20 августа 2014 № 459 [17], возложены только на Министерство экономического развития и торговли Украины. То есть, имея такой административно-правовой статус, Министерство экономического развития и торговли Украины является монопольным регулятором как в формировании государственной политики, так и её реализации в сфере «гражданской» национальной стандартизации и национальной стандартизации в сфере обороны страны. Такое положение вещей, на наш взгляд, является пережитком Советского Союза, который существовал в рамках жёсткой централизации, и сегодня не соответствует современной политике стан-

дартизации в сфере обороны стран Европы и НАТО, к которым стремится присоединиться Украина.

3) административно-правовой статус Национального органа стандартизации (далее – НОС) также определяется Законом Украины «О стандартизации». В нем указано: Функции национального органа стандартизации выполняет государственное предприятие, которое не подлежит приватизации, образованное центральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере стандартизации. Кроме этого, статус НОС также уточнен Распоряжением Кабинета Министров Украины от 26 ноября 2014 № 1163-р, в котором приведено следующее: «...определить, что государственное предприятие «Украинский научно-исследовательский и учебный центр проблем стандартизации, сертификации и качества» выполняет функции Национального органа стандартизации» [17]. То есть НОС находится в прямом подчинении Минэкономразвития Украины, что является неприемлемым, учитывая европейскую модель построения системы стандартизации. Хотим отметить, что, по нашему мнению, стандартизация в сфере обороны в силу своего специфического применения несколько отличается от гражданской стандартизации и требует создания в стране отдельного Национального органа стандартизации в сфере обороны по образцам стран Запада. Но вернёмся к перечню субъектов стандартизации.

4) технические комитеты стандартизации (далее – ТК). Административно-правовой статус ТК определен в статье 15 Закона Украины «О стандартизации» следующим образом: ТК является формой сотрудничества заинтересованных юридических и физических лиц с целью организации и выполнения работ по международной, региональной, национальной стандартизации в определенных сферах деятельности и по закреплённым объектам стандартизации [16]. Основным нормативным документом, регламентирующим деятельность ТК, является национальный стандарт ДСТУ 1.14: 2015 «Национальная стандартизация. Процедуры создания, деятельности и прекращения деятельности технических комитетов стандартизации» [18].

5) предприятия, учреждения и организации, осуществляющие стандартизацию (далее – организации). Административно-правовой статус этих субъектов стандартизации установлен Законом Украины «О стандартизации» и в нем сказано: «Предприятия, учреждения и организации имеют право в соответствующих сферах деятельности и с учётом своих хозяйственных и профессиональных потребностей организовывать и выполнять работы по стандартизации...» [16].

Отметим, что перечень административно-правовых статусов организаций субъектов стандартизации, выполняющих работы по военной стандартизации, которая, в свою очередь, является частью стандартизации в сфере обороны, но сугубо ведомственной, определяется в соответствии с «Положением о стандартизации в Министерстве обороны Украины и Вооружённых силах Украины» [19].

Выводы. Исходя из изложенного, должны отметить, что административно-правовой статус субъектов стандартизации в сфере обороны – это комплекс прав и обязанностей субъектов стандартизации в сфере обороны, которые определяются на нормативно-правовом уровне с целью создания условий для выполнения указанными субъектами функций и задач по стандартизации в сфере обороны государства, а также их юридическая ответственность, связанная с указанным комплексом.

Список использованной литературы:

1. Венгер Ю.В. Місце стандартизації в адміністративно-правовому регулюванні господарської діяльності в Україні. Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Юриспруденція. 2014. Вип. 10-1(1). С. 96–99.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / ред. В.Т. Бусел. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.
3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. Г.В. Осипова. М.: Издательская группа ИНФРАЧМ–НОРМА, 1998. 488 с.
4. Зайчук О. В., Оніщенко Н. М. Теорія держави і права. Академічний

курс: підручник. Київ Юрінком Інтер, 2006.

5. Малько А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько, Н.И. Матузов. Москва: Юристъ, 1996. С. 397.

6. Поняття, ознаки та структура категорії «правовий статус». Часопис Київського університету права. 2010. № 2. С. 95–98.

7. Алфёров С.М., Ващенко С.В., Долгополова М.М., Купін А.П. Адміністративне право. Загальна частина. Навч. посіб. К.: Центр учбової літератури, 2011. 216 с.

8. Кісіль З.Р., Кісіль Р.В. Адміністративне право: навч. посіб. 3-ге вид. К. Алерга; ЦУЛ, 2011. 696 с.

9. Петков С.В. Предмет адміністративного права – константа в процесі трансформації суспільно-політичних відносин. Публічне право. 2016. № 1. С. 35–42. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/pp_2016_1_6

10. Рёрихт А.А. Теоретические основы медицинского права: проблемы формирования и развития: монография. Москва: НИЯУ «МИФИ», 2011. 214 с.

11. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682.

12. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 115–116.

13. Музичук О.М. Уточнення сутності категорії «правовий статус» суб'єкта адміністративно-правових відносин та його елементного складу. Форум права. 2008. № 1. С. 316–321.

14. Хуторний Б.В. Адміністративно-правовий статус суб'єктів, що забезпечують обороноздатність держави. Правничий вісник Університету «КРОК». 2011. Вип. 9. С. 97–103. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pvuk_2011_9_15

15. Черниш В.О. Адміністративно-правовий статус суб'єктів контролю за діяльністю розвідувальних органів України. Науковий вісник Академії муніципального управління. Серія: Право. 2015. Вип. 2. С. 226–233. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nvamu_pr_2015_2_36

16. Про стандартизацію: Закон України від 5 червня 2014 року. Відомості Верховної Ради України. 2014. № 31. Ст. 1058.

17. Про визначення державного підприємства, яке виконує функції національного органу стандартизації. Розпорядження Кабінету Міністрів України від 26 листопада 2014 р. № 1163-р. від 12.12.2014. Офіційний вісник України. 2014 р., № 97, стор. 160, стаття 2815, код акта 74948/2014.

18. ДСТУ 1.14:2015. Національна стандартизація. Процедури створення, діяльності та припинення діяльності технічних комітетів стандартизації.

19. «Положення про стандартизацію у Міністерстві оборони України та Збройних силах України»: Наказ МО України від 02.12.2016 № 655. URL: http://www.mil.gov.ua/content/other/mou_655_0212.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подойницын Валерий Михайлович – старший научный сотрудник, соискатель Государственного научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podoynitsyn Valeriy Mikhailovich – Senior Researcher, Applicant of the State Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

podoynitsyn@ukr.net

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Светлана РАБОВСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры нотариального и исполнительного процесса и адвокатуры
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются новеллы Кодекса административного судопроизводства Украины, касающиеся представительства лиц в судебном процессе.

С 15.12.2017 г. вступил в силу Кодекс административного судопроизводства Украины в редакции Закона Украины «О внесении изменений в Хозяйственный процессуальный кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, Кодекс административного судопроизводства Украины и другие законодательные акты» № 2147-VIII от 03.10.2017 г.

В новом процессуальном кодексе реализована политика государства по установлению монополии адвокатуры на представительство интересов в судах. Однако не исключительно.

Целью данной статьи является анализ самопредставительства в административном процессе и выявление определённой проблематики при практической реализации нововведений.

Так, например, КАС Украины допускает самопредставительство юридического лица через членов исполнительного органа, благодаря чему даёт возможность юридическим лицам манипулировать такой возможностью в обход монополии адвокатуры.

Поскольку действующие нововведения основаны в Украине впервые, то учёные и судьи только начинают работу над анализом проблем в этой сфере. Однако в свете принципа доступа к правосудию данная тема является крайне актуальной и требует скорейшего решения.

Ключевые слова: адвокат, представительство, самопредставительство, ассессор, юридическая помощь.

FEATURES OF REPRESENTATION IN THE ADMINISTRATIVE COURT OF APPEAL

Svetlana RABOVSKAYA,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Notarial
and Executive Process and Advocacy
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The article analyzes the innovations of the Code of Administrative Procedure of Ukraine concerning the representation of persons in the judicial process.

On December 15, 2017, the Administrative Procedure Code of Ukraine entered into force as amended by the Law of Ukraine “On Amendments to the Economic Procedural Code of Ukraine, the Civil Procedure Code of Ukraine, the Administrative Procedure Code of Ukraine and other legislative acts” No. 2147-VIII dated 03.10.2017.

In the new Procedural Code, the state policy is implemented to establish the monopoly of the legal profession on representation in courts. However, not exclusively.

The purpose of this article is to analyze self-representation in the administrative process and identify certain issues in the practical implementation of innovations.

For example, the CAS of Ukraine permits the self-representation of a legal entity through members of the executive body, thanks to which it enables legal entities to manipulate such an opportunity to circumvent the monopoly of the legal profession.

Since the current innovations are based in Ukraine for the first time, scientists and judges are just beginning to work on analyzing problems in this area. However, in the light of the principle of access to justice, this topic is extremely relevant and requires a speedy resolution.

Key words: lawyer, representation, self-representation, assessor, legal assistance.

Постановка проблемы. Действующим законодательством введено понятие профессиональной юридической помощи, которую будет реализовывать негосударственный институт адвокатуры, что и вызвало ряд изменений в процессуальном законодательстве.

Несмотря на ряд противоречий в таком нововведении и различные взгляды учёных, профессиональная юридическая помощь в судебном процессе является константой, закреплённой на уровне Конституции Украины, а поэтому этот вопрос уже не актуален.

Основная же проблема заключается в адаптации этой новеллы в судебном процессе как среды, созданной государством для возможности каждого защитить свои права.

Взамен понятию «специалист» (в области права, *авт.*) пришло понятие «профессиональная» (юридическая помощь, *авт.*).

Поэтому участие в судебном процессе стало профессией, а представитель – профессионалом своего дела.

По крайней мере такую утопическую перспективу заложил законодатель в ряд законов, а остальное – дело тех самых профессионалов.

В то же время по делам незначительной сложности и в других случаях, а также в порядке самопредставительства и законного представительства, профессионализм является лишней составляющей при отправлении правосудия, по мнению того же законодательного органа.

Вызван такой диссонанс низким уровнем материального обеспечения украинцев или высоким доверием к профессионализму обновлённого судейского корпуса нам не известно.

Однако чрезмерное желание юридических и физических лиц экономя на услугах адвокатов уже вызывает проблемы в процессе представительства.

Проанализировав прежде всего судебную практику, этой статьёй хотим привлечь внимание как законодателя, так и потенциальных истцов в административных спорах к первым достижениям судебной системы в определении вышеуказанных проблем, попробовать предостеречь физических и юридических лиц от процессуальных ошибок при осуществлении представительства.

Актуальность темы исследования определяется вовлечением госу-

дарства в новый виток развития судебной системы в Украине. В частности, это касается монополизации адвокатуры в судебном процессе и внесения в связи с этим целого ряда новшеств в процессуальное законодательство, применение которых требует длительных практических наработок и нуждается в неотложном научном анализе.

Состояние исследования. Указанная проблема украинскими учёными не исследовалась.

Целью и задачей статьи является раскрытие проблемы злоупотребления юридическими лицами правом самопредставительства.

Изложение основного материала. Конституционными нормами, в частности статьями 59, 1312 Конституции Украины, в государстве фактически введена монополия адвокатуры путём указания, что каждый имеет право на профессиональную юридическую помощь. В случаях, предусмотренных законом, эта помощь предоставляется бесплатно. Каждый свободен в выборе защитника своих прав. Для оказания профессиональной юридической помощи в Украине действует адвокатура. Только адвокат осуществляет представительство другого лица в суде, а также защиту от уголовного обвинения [1].

Естественно, эта норма не отменяет возможности любому лицу защищать себя самостоятельно в административном процессе.

В соответствии с ч. 1 ст. 92 ГК Украины юридическое лицо приобретает гражданские права и обязанности и осуществляет их через свои органы, действующие в соответствии с учредительными документами и законом.

Согласно ч. 2 указанной нормы в случаях, установленных законом, юридическое лицо может приобретать гражданские права и обязанности и осуществлять их через своих участников [3].

Указанные нормы определяют институт самопредставительства юридического лица и корреспондируются со ст. 55 КАС Украины, частью третьей которой определено, что юридическое лицо, субъект властных полномочий, который не является юридическим лицом, участвует в деле через своего руководителя или члена исполнительного органа, уполномоченного действовать от её (его) имени в соответ-

ствии с законом, уставом, положением (самопредставительство юридического лица) либо через представителя [2].

Если положение в отношении представительства юридического лица его руководителем не подлежит произвольному толкованию, то статус члена исполнительного органа и его полномочия требуют исследования.

Рассмотрим данный вопрос на примере исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью.

В соответствии с частями 1, 2 ст. 39 Закона Украины «Об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» от 06.02.2018 г. № 2275-VIII, который вступил в силу с 17.06.2018 г., исполнительный орган общества осуществляет управление текущей деятельностью общества [6].

К компетенции исполнительного органа общества относится решение всех вопросов, связанных с управлением текущей деятельностью общества, за исключением вопросов, относящихся к исключительной компетенции общего собрания участников и наблюдательного совета общества (в случае образования) [6].

Согласно ч. 8 ст. 39 Закона решение коллегиального исполнительного органа принимаются большинством голосов всех его членов [6].

В соответствии с частями 5, 6 этой же статьи уставом может быть установлено, что исполнительный орган общества является коллегиальным, и определён его количественный состав. Называется коллегиальный исполнительный орган «дирекцией», а его председатель – «генеральным директором», если уставом не предусмотрены другие названия.

Избрание членов коллегиального исполнительного органа и его председателя осуществляется голосованием по каждому кандидату отдельно, если уставом не предусмотрено избрание членов исполнительного органа и его председателя по списку, кумулятивным голосованием или в ином порядке [6].

Казалось бы, на первый взгляд, что в этом вопросе проблематика отсутствует.

Но участие юридических лиц в административном процессе с применением положений относительно представительства члена исполнительного органа в разрезе монополии адвока-

туры кое-где начало приобретать признаки злоупотребления.

Так, Верховный Суд в постановлении от 13.03.2018 г. выразил позицию, что юридическое лицо не может быть лишено права на непосредственное представительство своих интересов и права свободного выбора защитника, что соответствует решению Конституционного Суда Украины от 16 ноября 2000 года № 13-рп/2000 по делу № 1-17/2000 и положениям действующих процессуальных кодексов (дело № 910/23346/16).

Вместе с тем в пункте 6 Решения Конституционного Суда Украины от 8 апреля 1999 года № 3-рп/99 по делу о конституционном представлении Высшего арбитражного суда Украины и Генеральной прокуратуры Украины относительно официального толкования положений статьи 2 Арбитражного процессуального кодекса Украины отмечается, что по правовой природе представительство в суде является правоотношениями, в которых одно лицо (представитель) на основании определённых полномочий выступает от имени другого лица (доверителя) и выполняет процессуальные действия в суде в его интересах, приобретая (изменяя, прекращая) для него права и обязанности.

Соответственно, лица, представляющие юридическое лицо по доверенности и выполняющие процессуальные действия на основании предоставленных им по доверенности полномочий, выступают от имени этого лица как доверителя, а не в порядке самопредставительства [9].

По такой позиции представлять интересы по доверенности работник юридического лица не может.

Таким образом, можем сделать вывод, что согласно действующему законодательству члены исполнительной дирекции (независимо от того являются ли они работниками общества) могут осуществлять представительство юридического лица только в случае, если уставом предусмотрено создание коллегиального исполнительного органа, который уполномочивает его членов действовать от имени юридического лица без доверенности, и соответствующее членство подтверждено решением общего собрания общества.

На практике стали встречаться случаи, когда в уставе общества указано, что членами исполнительного органа общества является генеральный директор и, например, ассессоры [9].

Деятельность на посту ассессора не связана с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций.

Решение дирекцией принимаются простым большинством голосов, при голосовании голоса ассессоров не учитываются.

Процессуальные права ассессора как лица, через которое общество принимало, принимает или будет принимать участие в судебных делах, исчерпывающе определены положениями статей 42, 46 Хозяйственного процессуального кодекса Украины, статей 43, 49 Гражданского процессуального кодекса Украины и статей 44, 47 Кодекса административного судопроизводства Украины, и могут быть реализованы при наличии и в пределах полномочий, указанных в действующей подписанной генеральным директором общества доверенности на право представления интересов общества на совершение процессуальных действий от имени общества в судебных органах, в соответствии с предоставленными инструкциями (директивами, доверенностями). Доверенность от имени общества выдаётся за подписью генерального директора и удостоверяется печатью (при наличии).

Таким образом, отсутствие в уставе определения полномочий ассессоров (лат. Assessor – заседатель) действовать в интересах юридического лица без доверенности не даёт права таким членам исполнительного органа осуществлять процессуальное представительство в судах.

Зато можно спрогнозировать ответную реакцию юридических лиц и на такую судебную практику в поисках бюджетного варианта обеспечения участия юридического лица в судебном процессе.

Например, юридическое лицо может определить в учредительном документе право членов исполнительного органа осуществлять представительство без доверенности.

Но тогда возникает вопрос о статусе ассессоров.

Конституционный Суд Украины в Решении от 12 января 2010 № 1-рп/2010

по делу о конституционном обращении общества с ограниченной ответственностью «Международный финансово-правовой консалтинг» об официальном толковании ч. 3 ст. 99 ГК Украины разъяснил, что реализация участниками общества корпоративных прав на участие в его управлении путём принятия компетентным органом решений об избрании (назначении), устранении, отстранении, отзыве членов исполнительного органа этого объединения касается также наделения или лишения их полномочий на управление обществом.

В связи с этим «устранения» в соответствии с ч. 3 ст. 99 ГК является действием уполномоченного органа общества, направленным на предупреждение осуществления членом его исполнительного органа в пределах корпоративных отношений с обществом полномочий в сфере управленческой деятельности [7].

Подытоживая сказанное, приходим к выводу, что участие юридического лица в деле через лицо, которое является членом исполнительного органа, однако без права голоса и выполнения организационно-распорядительных функций, то есть без права на участие в управлении текущей деятельностью общества, невозможно, поскольку такое определение полномочий ассессора в уставе соответствует критерию «устранения».

Другим вариантом реальной экономики средств юридического лица и темой для размышлений является трудоустройство юристов со свидетельствами о праве на занятие адвокатской деятельностью.

Но в данном случае Совет адвокатов Украины решением № 54 от 07.04.2017 г. утвердил разъяснения по некоторым вопросам представительства адвокатом юридического лица.

В этих разъяснениях со ссылкой на положения Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» от 05.07.2012 г. № 5076-VI (далее – Закон № 5076) указано, что адвокат вправе совмещать адвокатскую деятельность с трудовыми отношениями, кроме определённых исключений.

Однако представительство интересов юридического лица осуществляется на основании договора о правовой помощи и не считается выполнением работником обязанностей, предусмотренных трудовым договором [8].

Мы полностью согласны с таким выводом, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 13 Закона № 5076 адвокат, осуществляющий адвокатскую деятельность индивидуально, является samozанятым лицом [4].

В противном случае статьями 14 и 15 Закона № 5076 предусмотрено право адвокатов создавать адвокатские бюро и объединения [4].

Субъектом правовой помощи согласно указанному Закону в договоре о её предоставлении будет выступать адвокат, адвокатское бюро, адвокатское объединение [4].

Этот перечень является исчерпывающим.

В то же время другого основания для осуществления адвокатской деятельности, кроме договора о предоставлении правовой помощи, Закон № 5076 не определяет.

При таких обстоятельствах, даже если в штате юридического лица будет находиться работник, имеющий свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью, оплата его услуг как адвоката будет осуществляться дополнительно.

Выводы. Проблемы самопредставительства в судах административной юрисдикции заключаются в некачественности закона касательно требований к членам исполнительного органа юридического лица.

Но первоочередной проблемой является материальное благосостояние как украинского населения, так и юридических лиц, не желающих оплачивать юридические услуги дважды: юристу по штатной должности и адвокату.

В части добросовестности юридических лиц по осуществлению самопредставительства судам административной юрисдикции следует с осторожностью толковать положения действующего законодательства, чтобы не допустить наработки практики, когда член исполнительного органа юридического лица занимает должность формально или интересы юридического лица представляет адвокат, который является штатным работником такого юридического лица и осуществляет представительство в пределах должностных обязанностей.

Также судьям административной юрисдикции придётся выработать согласованные критерии допуска к судебному процессу лиц, не имеющих статуса адвоката.

Список использованной литературы:

1. Конституция Украины от 28 июня 1996 года. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>
2. Кодекс административного судопроизводства Украины от 6 июля 2005 года. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2747-15>
3. Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 года. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/435-15>
4. Об адвокатуре и адвокатской деятельности: Закон Украины от 5 июля 2012 года № 5076-VI. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5076-17>
5. О внесении изменений в Хозяйственный процессуальный кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, Кодекс административного судопроизводства Украины и других законодательных актов: Закон Украины от 03 октября 2017 года № 2147-VIII. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2147-19>
6. Об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью: Закон Украины от 6 февраля 2018 года № 2275-VIII. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2275-19>
7. Решение Конституционного Суда Украины от 12 января 2010 года № 1-рп/2010. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v001p710-10>
8. Решение Совета адвокатов Украины № 54 от 7 апреля 2017 года. URL: http://unba.org.ua/assets/uploads/legislation/rishennya/2017-04-07-rishennya-rau-54_591c02d1d1ab4.pdf
9. Единый государственный реестр судебных решений. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Page/1>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рабовская Светлана Яновна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры нотариального и исполнительного процесса и адвокатуры Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Rabovskaya Svetlana Yanovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Notarial and Executive Process and Advocacy of Taras Shevchenko National University of Kyiv

bespo70@gmail.com

УДК 340.113:334.752

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТИ ДОГОВОРА

Ксения РАГУЛИНА,
младший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
государственного строительства и местного самоуправления
Национальной академии правовых наук Украины

АННОТАЦИЯ

Данная статья имеет целью исследовать договор как категорию науки теории государства и права. В частности, анализируется понятие и юридическая природа договора как источника права и как формы реализации норм права. Рассматриваются научные подходы относительно определения договора, общетеоретической характеристики и сущности договора как правового феномена. Особое внимание уделяется исследованию договора нормативного содержания и отнесения его к источникам права.

Ключевые слова: теоретико-правовая категория, договор, соглашение, волеизъявление, правовой акт, правовая норма, источник (форма) права, индивидуально-правовой договор, нормативно-правовой договор.

THEORETICAL BACKGROUND FOR DEFINING THE CONCEPT AND ESSENCE OF A TREATY

Kseniya RAGULINA,
Junior Researcher of Scientific Research Institute of State Building
and Local Government of National Academy of Law Sciences of Ukraine

SUMMARY

Actual article sets as an aim to investigate a treaty as a category of science of theory of state and law. In particular, concept and legal nature of a treaty as a source of law and as a form of implementation of law is analyzed. Scientific approaches regarding the definition of a treaty, general theoretical characteristics and the essence of a treaty as a legal phenomenon are considered. Special attention is paid to the study of a treaty of normative content and relating it to the sources of law.

Key words: theoretical legal category, treaty, agreement, expression of will, legal act, legal norm, source (form) of law, individual legal treaty, regulatory legal treaty.

Введение. Договор является регулятором общественных отношений, который используется в самых различных сферах общественной жизни и позволяет согласовывать интересы, позиции, действия государств, властных структур, юридических лиц и отдельных граждан. Ввиду своей гибкости и широты применения он наиболее полно и оперативно удовлетворяет потребности сложных и постоянно развивающихся правоотношений. В самом широком смысле институт договора представляет собой согласованное поведение, то есть организационные формы деятельности, внешние проявления которых имеют многозначный характер и обширный круг применения в социальной, экономической, политической, правовой и других сферах. Н.Н. Пархоменко справедливо отмечает, что только взаимное удовлетворение интересов субъектов договора может обеспечить эффективное регулирование общественных отношений [1, с. 4]. Учёные также признают,

что как регулятор договор действует наряду с законом и используется для правового упорядочения договорных обязательств [2, с. 3]. Учитывая то, что на современном этапе развития общества в сфере правового регулирования наблюдается тенденция к децентрализации, расширению и усложнению, то важное значение приобретает исследование договора как «источника и инструмента согласования и саморегулирования» [3, с. 5].

Постановка научной проблемы. К проблеме исследования договора как уникального правового регулятора общественных отношений обращалось много учёных, начиная с древних времён до современности. И все же, как и в любой области знаний, по мере углубления и расширения научных достижений возникает необходимость уточнения терминологии и пересмотр основных вопросов касательно явлений, которые исследуются. Подобно общей теории договора актуальным также является уточнение термино-

логии и раскрытие ключевых вопросов касательно нормативно-правового договора. Следует отметить, что как нормативные договоры, так и иные виды договоров в юридической литературе рассматриваются в основном в пределах отдельных отраслевых наук права и редко в рамках общей теории права.

Значение и актуальность темы исследования. Понятия и теории юридической науки всегда формируются в исторически складывающихся контекстах социальных ценностей, целей и задач. Изменение таких контекстов с неизбежностью влечёт необходимость пересмотра основных правовых понятий, тем более, если такие понятия выступают в качестве фундаментальных начал юридического знания и принципов построения юридической практики. Что касается актуальности исследования договора, то она обусловлена внешними обстоятельствами и связана, главным образом, с процессами правовой и экономической

интеграции, протекающими в Украине. В частности, формирование единого европейского экономического пространства невозможно без разработки правовых форм и институтов, соответствующих характеру и природе складывающихся отношений, среди которых, учитывая господство в европейском сознании либеральных ценностей, ключевую роль должен сыграть именно договор.

Анализ исследований и публикаций по данной проблематике. Со второй половины XX века начинается осмысление договора как комплексного института, появляются исследования, определяющие его как теоретико-правовую категорию, в частности работы В.В. Иванова, Ш.В. Калабекова, М.Ф. Казанцева, А.Д. Корецкого, Л.А. Морозовой, Т.К. Примака, С.П. Погребняка, З.М. Юдина и других. В работах таких учёных, как: Ю.А. Тихомиров, С.Ф. Кечекьян, О.С. Кизлова, Ю.Ю. Кулакова, Н.Н. Пархоменко, М.Н. Марченко, А.А. Мясин, М.Е. Некрасова, Р.З. Ярмухаметов, Ю.В. Сайфулина, Ю.А. Горшенева и других, исследуется особый нормативный характер договора, который включает в себя правовые нормы. Вместе с тем, несмотря на существенные наработки учёных, ряд вопросов, связанных с договором как теоретико-правовой категорией, в настоящее время все ещё остаётся недостаточно изученным или носит дискуссионный характер, что объясняется определённой сложностью данной проблематики, а также доказывает актуальность темы исследования.

Целью и задачей данной статьи является общетеоретическое исследование договора как универсальной правовой конструкции.

Изложение основного материала исследования. В социальном значении договор присутствует с момента становления человеческого общежития, выступая в качестве необходимого элемента интеграции людей в группы, другие коллективные образования. Он является формой согласованного взаимодействия, которое следует рассматривать как жизненно необходимую потребность, способность к объединению, процесс, направленный на совместную деятельность, установление и поддержание отношений, что

определяет свойство индивидов сосуществовать на основе всех видов договорённостей. Объективный процесс расширения границ использования договора позволяет на основе согласованной структурировать различные виды деятельности в различные формы, сочетать индивидуальные и общественно значимые интересы, решать социальные, экономические, политические задачи, включаться в процессы глобализации [4, с. 10, 11]. В связи с этим можно считать общепризнанным утверждение относительно универсальности категории договора, реальности её использования практически во всех или по крайней мере во многих сферах жизнедеятельности общества и государства [5, с. 510].

Понимание договора как универсального правового источника зародилось в античности. Римские юристы были склонны считать соглашение (*consensus*) народа о чём-либо универсальным правообразующим фактором, сводя к договору и закон, и обычное право. В дальнейшем данное понимание договора было использовано западноевропейской юриспруденцией. Речь идёт о доктрине естественного права, взятой на вооружение в Средние века молодой европейской буржуазией и признающей договор в качестве единственно правомерного источника всякого позитивного права и состояния государства [6, с. 58].

Однако, несмотря на то, что представление о договоре имеет многовековые корни в истории человечества, на сегодняшний день в науке не сложилось единого представления о договоре. Проблема выбора единого подхода к пониманию сущности договора и определению его понятия продолжает оставаться нерешённой. Между тем, как отмечает З.М. Юдин, для современной общетеоретической юриспруденции характерна тенденция переосмысления универсальных юридических констант, особенностей их интерпретации и применения в период постмодерна [7, с. 305].

Теоретико-правовые вопросы договорной проблематики обсуждаются представителями различных научных направлений, при этом договор рассматривается в качестве юридического факта, правоотношения, соглашения, правового акта, документа и в связи

с этим определяется по-разному. Однако различия в понимании договора зависят не только от направления научных изысканий, их целей и задач, они наблюдаются и тогда, когда договор исследуется учёными в одном и том же качестве.

В юридической литературе договор рассматривается в следующих значениях: 1) в функциональном – как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей (характеризует договор как нормативное соглашение сторон и отражает его содержание); 2) в формальном – как документ, в котором выражается содержание договора (отражает форму фиксации соглашения); 3) в онтологическом – договор как один из важнейших юридических фактов (определяет динамику правоотношений). В то же время договор можно рассматривать в разных аспектах: в частноправовом – как двусторонняя юридическая сделка, в публично-правовом – как источник права и в философско-правовом – как универсальный, природный саморегулятор общества [8, с. 42].

Традиционно договор рассматривается в рамках теории правоотношений и юридических фактов. Согласно позитивистской концепции общим стало определение договоров как вида юридических фактов – правомерных действий субъектов права, совершаемых с намерением установить конкретные правоотношения. Однако значение договора не ограничивается рамками правомерного деяния, которое оформляет правоотношения. Общеизвестно, что юридические факты не осуществляют правового регулирования, а лишь дают основания применять правовые нормы, относящиеся к соответствующим обстоятельствам. Так, Р.О. Халфина писала, что, будучи основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений, договор определяет и содержание этих правоотношений [9, с. 106]. Как утверждает Н.С. Кузнецова, договор отличается от других юридических фактов тем, что он непосредственно регулирует поведение сторон, определяет права и обязанности участников правоотношений, а не только даёт основания для применения той или иной нормы права к конкретному

правоотношению [10, с. 14]. Таким образом, исходя из того, что договор в традиционно понимаемом механизме права выполняет регулирующую роль и в этом видится его главное назначение, то раскрыть сущность договора через категории «правоотношение» или «юридический факт» представляется недостаточным.

В современной правовой доктрине доминирующей является «консенсусная» теория («теория согласия»), согласно которой понятие договора раскрывается через категорию соглашение (consensus). Определение через соглашение характерно практически для любого договора, независимо от отраслевой принадлежности порождаемых им последствий. Согласно этой теории договор – это соглашение сторон, которое выражает их волю к установлению, изменению и прекращению их прав и обязанностей, к совершению или воздержанию от совершения юридических действий. Однако такое определение договора построено по модели определения юридического факта, в нем не учитывается важнейшее качество данной конструкции – качество регулятора общественных отношений. Договор здесь рассматривается как результат реализации субъективного права, а не элемент правотворчества.

При подходе к договору как к соглашению возникают следующие проблемы. Так, слово «соглашение» в широком смысле означает то обстоятельство, что его достижению должен предшествовать определённый процесс согласования воли его участников. В то же время большое количество заключаемых договоров не является результатом индивидуальных переговоров (много трудовых договоров, договоры присоединения и др.). Соглашение в них выражается в согласии сторон подчиниться заранее установленным за них договорным условиям [11, с. 12]. Нельзя также не согласиться с М.Ф. Казанцевым, что определение договора через соглашение логически некорректно, поскольку понятие «договор» и «соглашение» и в общелитературном, и в общеправовом смысле равнозначны [12, с. 180]. Таким образом, определение договора через «соглашение» не является достаточным в общеправовом плане.

Альтернативным подходом к определению договора является так называемая «актовая теория». Сторонники данной теории определяют договор как правовой акт. Так, например, В.В. Иванов определяет договор, договорный акт в самом широком смысле как совместный правовой акт, представляющий собой оформление выражения обособленных согласованных автономных волеизъявлений двух или нескольких формально равных субъектов права, устанавливающих условия, выполнение которых является обязательным. Он отмечает, что правовой акт – это не просто волеизъявление субъекта права, это волеизъявление, совершенное в определённой форме. Волеизъявление составляет основу правового акта, но сам акт является все же оформленным выражением волеизъявления [13, с. 78, 73]. Давая общетеоретическую характеристику договора как разновидности правового акта, С.П. Погребняк подчёркивает, что важной особенностью договора как правового акта является его двусторонний или многосторонний характер. В частности, в отличие от других правовых актов, которые могут быть единоличным продуктом, воплощая волю лишь одного субъекта, договор является актом, для создания которого необходимо участие как минимум двух субъектов права [14, с. 21].

Профессоры И.А. Покровский и А.Д. Корецкий также попытались отойти от традиционной трактовки понимания договора. В их понимании главным смысловым стержнем, вокруг которого необходимо «строить» дефиницию договора, является взаимное намерение сторон совершать в отношении друг друга юридические или фактические действия в целях реализации собственных интересов. По их словам, именно намерение наиболее точно отражает сущность явления, именуемого «договор», поскольку, как отмечает И.А. Покровский, только намерение исполнить (причём добровольно) условия соглашения обеспечивает последнему реальную «жизнь» [15, с. 245; 16, с. 34].

Таким образом, договор можно определить как совместный акт, выражающий добровольное соглашение участников действовать в интересах взаимной выгоды на основании прин-

ципа взаимной ответственности. Его природа как соглашения сторон проявляется в том, что договор – это единство двух (или больше) волеизъявлений. Сущность договора заключается в том, что субъектам предоставлена свобода воли и волеизъявления в заключении договора, в результате чего появляется соглашение сторон.

Рассмотрев доктринальные подходы к пониманию договора, можно сделать вывод, что для построения содержательной дефиниции юридической категории договора учёные пытаются выделить его смысловой «стержень», который, не являясь синонимом исследуемого явления, в то же время отражал бы его сущность. Раскрыть сущность договора как правового явления значит понять его как реальное бытие права, что заключается в установлении качественной специфики договора как самостоятельной правовой субстанции и в определении его природы. Однако нельзя отрицать, что договор представляет собой сложную правовую конструкцию, которую всегда сопровождают такие разнородные понятия, как «свобода», «волеизъявление», «намерение», «согласие», «документ», «правовой акт», «правовая форма», «правовое средство» и другие, а потому и сам термин «договор» является многозначным. В этом и состоит сложность дать единое универсальное определение и на это направлены исследования данной проблематики.

Изучая понятие договора, необходимо отличать договор как способ выражения норм права в понимании правовой категории и договор как реализацию норм права в значении правового института некоторых отраслей права или отраслевой категории [17, с. 14, 13]. В первом случае он устанавливает нормы права – правила поведения общего характера, характеризующиеся неперсонифицированностью (отсутствием указания на конкретного адресата, что позволяет нормам адресовываться не одному какому-либо лицу, а сразу многим, поимённо не названным) и неисчерпаемостью (возможностью их многократной реализации). Во втором случае это индивидуальные правила, которые обычно являются персонифицированными и исчерпывающими. В этом случае договор является как бы законом

в миниатюре [14, с. 17]. Таким образом, договор может приобретать нормативные черты общего характера в одном случае, может быть одной из форм реализации норм права в другом. Разделение договоров на индивидуальные (юридические факты) и нормативные (источники права) соответствует их функционально-содержательной природе и сводится к количеству установленных правоотношений.

В современной правовой науке вопрос о договоре как форме существования правовых норм (источник права), то есть юридической конструкции, имеющей общеправовое значение и называемойся нормативно-правовой договор, является дискуссионным. Учёные выделяют три подхода к характеристике договора и отнесения его к источникам права. Сторонники первого подхода считают, что договор – это всегда индивидуально-правовой акт, который источником права быть не может, поскольку не содержит в себе правовых норм; представители второго подхода считают, что только некоторые договоры из общей массы договоров и соглашений имеют нормативный характер, а потому являются источниками права; представители третьего подхода считают, что любой договор содержит нормы права особого вида – локальные или «микронормы», а отсюда все договоры являются источниками права. Стоит отметить, что точка зрения сторонников третьего подхода даёт основание отнести к источникам права в том числе и обычные (ординарные) гражданско-правовые договоры как мононормы права.

На наш взгляд, говоря о договорах (соглашениях) в качестве источника права, важно выделять их нормативно-правовой характер и отличать от гражданско-правовых договоров, которые являются традиционным средством регулирования отношений в сфере частного права. Так, договоры, которые составляют категорию индивидуальных предписаний, не могут сами по себе квалифицироваться как правовые источники, поскольку они не образуют норм, рассчитанных на многократное применение и адресованных широкому кругу лиц. В отличие от индивидуальных договоров, которые представляют собой соглашения, устанавливающие правила, обязательные для субъектов, чья воля непосредственно выражена

в правовом тексте, нормативные – это соглашения, устанавливающие нормы, обязательные не только для сторон договора, но и для субъектов, чья воля непосредственно в данном договоре не выражена. Н.Н. Вопленко подчёркивает, что именно нормосодержательная структура, которая даёт основание видеть в юридически закреплённых правах и обязанностях особую форму выражения правовых норм, позволяет рассматривать их в качестве источников права [18, с. 52]. Итак, можно сделать вывод, что договор является источником права только в том случае, если он содержит в себе договорные (конвенционные) юридические нормы. Спецификой договорного нормоустановления является взаимное согласование самостоятельных волеизъявлений правотворческих субъектов.

Нормативно-правовой договор имеет двоякую юридическую природу, сочетая в себе общие черты как договора, так и нормативного акта. С одной стороны, он представляет собой обязательство, а с другой – это источник права. В связи с этим в юридической литературе даются различные дефиниции нормативного договора как общетеоретической конструкции. Распространённым является подход к определению нормативного договора как соглашения, содержащего нормы права. Такой подход ориентирован на содержательную характеристику нормативно-правового договора и сосредоточивает внимание на его особой согласительной природе. Так, Ю.А. Горшенева рассматривает нормативный договор как самостоятельно существующее и юридически оформленное соглашение между двумя или несколькими субъектами правотворчества, которое включает в себя общеобязательные нормы и порождает права и обязанности для участников регулируемых договором отношений [6, с. 49]. Н.Н. Пархоменко считает, что нормативно-правовой договор – это соглашение, содержанием которого являются нормы права, между субъектами публично-правовых отношений, что может быть основанием для возникновения, изменения и прекращения этих отношений [1, с. 4]. Некоторые учёные раскрывают понятие нормативного договора через такие категории, как «правовой акт», «юридический акт», «акт-документ», ориентируясь

прежде всего на его формальные, а не существенные характеристики. Так, например, Л.В. Авраменко рассматривает нормативно-правовой договор как совместный акт-документ, который содержит новые нормы права, которые устанавливаются правотворческими органами с целью урегулирования конкретной жизненной ситуации и обеспечиваются государством [19, с. 139]. Другие авторы дают определение нормативного договора в аспекте понимания его как источника права. Так, в Словаре терминов по теории государства и права нормативные договоры определяются как одна из форм (источников права), выражающаяся в таком способе правотворчества, как заключение соглашения на паритетных началах как двумя, так и более уполномоченными на то субъектами [20, с. 87]. П.М. Рабинович понимает нормативно-правовой договор как объективированное формально обязательное правило поведения общего характера, которое установлено по взаимной договорённости нескольких субъектов и обеспечивается государством [21, с. 99].

Таким образом, общетеоретическое понятие нормативного договора формируется на основе характеризующих его признаков с учётом понимания специфики его природы и характера как договорного акта и источника права. Обобщив приведённые дефиниции и опираясь на сказанное, предлагаем следующее определение: нормативно-правовой договор – это формально-определённое соглашение, основанное на согласовании обособленных волеизъявлений субъектов права, обладающих правотворческими полномочиями, которое приводит к конкретному формальному результату – установлению, изменению или отмене правовых норм.

Выводы. На сегодняшний день проблема выбора единого подхода к пониманию договора как уникального правового явления и определения его понятия продолжает оставаться нерешённой, что объясняется сложностью данной теоретико-правовой категории. В научной доктрине договор рассматривается в различных аспектах, которые, на наш взгляд, диалектически взаимосвязаны между собой и позволяют раскрыть его сущность и специфику как цельной многогранной правовой конструкции.

Список использованной литературы:

1. Пархоменко Н.М. Договір у системі права України: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. НАН України. Ін-т держави і права ім. В.М. Корещького. К., 1998. 16 с.
2. Демин А.А. Договор и договорное регулирование в гражданском праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Нижний Новгород, 2014. 211 с.
3. Мясин А.А. Нормативный договор как источник права: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2003. 219 с.
4. Примак Т.К. Институт договора: теоретико-правовые вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2009. 50 с.
5. Морозова Л.А. Договор как универсальная юридическая конструкция. Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 510–512.
6. Горшенева Ю.А. Нормативный договор как источник права: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М.: РГБ, 2005. 170 с.
7. Юдин З.М. Понятие и основания правового контрактивизма. Наукові праці НУ ОЮА, 2011. С. 305–312.
8. Рагуліна К.А. Поняття сутність договору як правового явища загалом і джерела права зокрема. Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право. Ужгород, 2017. Вип. 47. Том. 1. С. 41–47.
9. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском гражданском праве. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 238 с.
10. Кузнєцова Н.С. Договору механізмі регулювання цивільно-правових відносин. Право України. 2012. № 9. С. 12–18.
11. Калабеков Ш.В. Договор как универсальная правовая конструкция: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 М., 2004. 33 с.
12. Казанцев М.Ф. К вопросу об общей теории правового договора. Научный ежегодник ИФП УрО РАН. 1999. № 1. С. 179–196.
13. Иванов В.В. К вопросу об общей теории договора. Государство и право. 2000. № 12. С. 73–79.
14. Договір як універсальна правова конструкція: монографія / А.П. Гетьман, В.І. Борисова, О.П. Євсєєв та ін.; за ред. А.П. Гетьмана, В.І. Борисової. Х.: Право, 2012. 432 с.
15. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Статут, 1998. 353 с.
16. Корещький А.Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре / отв. ред.: Баранов П.П. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 211 с.
17. Пархоменко Н.М. Договір у системі права України: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. НАН України; Інститут держави і права ім. В.М. Корещького. К., 1998. 202 арк.
18. Вопленко Н.Н. Источники и формы права: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 102 с.
19. Авраменко Л.В. Теорія держави і права: навчальний посібник. Х.: Видавець СПД ФО Вапнярчук Н.М., 2004. 288 с.
20. Словарь терминов по теории государства и права: Учебное пособие. / Рук. авт. кол. Н.И. Панов. Х.: Основа, 1997. 180 с.
21. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права і держави: навч. посібник. Вид. 3-є, зі змін. й доповн. К.: ІСДО, 1995. 172 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рагуліна Ксенія Анатольевна – младший научный сотрудник Научно-исследовательского института государственного строительства и местного самоуправления Национальной академии правовых наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ragulina Kseniya Anatolievna – Junior Researcher of Scientific Research Institute of State Building and Local Government of National Academy of Law Sciences of Ukraine

kseniyaragulina@gmail.com

UDC 351.86:659.4

PUBLIC RELATIONS IN THE SYSTEM OF GOVERNMENT AUTHORITIES

Elena RACHINSKAYA,
Postgraduate Student
of Ukrainian State Employment Service Training Institute

SUMMARY

The analysis of public relations as a communicative component of state management in the context of modern processes of systemic transformation of Ukrainian society was carried out. The expediency of introducing into practice of government authorities forms and methods of public relations as an integral element of the political process in modern Ukraine, which makes it possible to realize the principle of openness of public administration and to increase the level of support of actions of state power on behalf of the population was proved. It was determined that the development of the PR system in government authorities will provide an opportunity to create an effective mechanism for solving many problems arising in the process of public administration, mainly to overcome the estrangement between the public and the state. Only in the presence of advanced and effective feedback mechanisms between the subjects and objects of management, one can talk about the formation of a civil society in Ukraine.

Key words: public relations, government authorities, public administration, communication, PR-technologies.

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Елена РАЧИНСКАЯ,
аспирант
Института подготовки кадров
Государственной службы занятости Украины

АННОТАЦИЯ

Осуществлен анализ публичных отношений как коммуникативной составляющей государственно-управленческой деятельности в контексте современных процессов системной трансформации украинского общества. Доказана целесообразность внедрения в практику органов государственного управления форм и методов публичных отношений как неотъемлемого элемента политического процесса в современной Украине, который позволяет реализовать принцип открытости государственного управления, увеличить уровень поддержки действий государственной власти со стороны населения. Определено, что развитие системы PR в органах государственной власти даст возможность создать действенный механизм решения многих проблем, возникающих в процессе государственного управления, главным образом преодолеть отчуждение между общественностью и государством. Только при наличии развитых и эффективных механизмов обратной связи между субъектами и объектами управления можно говорить о становлении гражданского общества в Украине.

Ключевые слова: публичные отношения, органы государственной власти, государственно-управленческий процесс, коммуникация, PR-технологии.

Statement of the problem. World experience testifies that the stability and development of a state based on principles of democracy is impossible without the organization of an effective dialogue between government authorities, civil society organizations and individual citizens. Namely the participation of citizens in management projects at all levels (from local to national) and at all stages (from preparation of decisions to their implementation) allows to increase the efficiency of implementation of power functions in general. European integration, as a democratic response to the challenge of a globalized era, intensifies the dialogue between society and government, parliaments and civil society structures. The platform for such a dialogue in Europe is the organizational and legal capacity of civil society

institutions to articulate social interests, promote and protect them.

The relevance of the research topic. At the same time, the success of the dialogue in some countries depends directly on the joint actions of government authorities and associations of citizens and their readiness for cooperation. Moreover, public associations have a real impact on state policy as well as bring pluralistic and democratic ideas, embodying the whole spectrum of ideas generated in civil society. Thus, in conditions of modern democracy, constructive cooperation between society and government allows mobilizing social resources to solve socially significant problems at a national scale.

Status of research. Nowadays PR is defined as an important tool for the formation of civil society, which is intended to ensure the establishment of various

forms of interaction between the state and the public, based on the harmonization of common needs, interests, positions and cooperation. Accordingly, the scientific substantiation of organizational-and-functional, social, economic and other measures aimed at creating the credibility of government authorities through public relations forms and methods should be based on the achievements of domestic and world science.

Scientific works of such researchers in the sphere of public relations, as V. Bebyk, G. Pocheptsov, S. Kunitsyn, who consider public relations as an auxiliary function in the public administration sphere as well as identify issues that are related to the formation of political image and technologies of political campaigns by methods and means of PR-activity, analyzed in the process of research [1; 4; 5].

The main methods used by the author during the research are dialectical method, method of system analysis, method of historical and logical unity, method of ascending from abstract to concrete, comparative method, hermeneutic method, etc.

The object and purpose of the article is a theoretical and scientific analysis of PR as a management function designed to facilitate the establishment, maintenance of mutually beneficial relations between a separate public-management structure and the public.

Presentation of the main material. The scientific term “public relations” appeared in the practice of Ukrainian social science and public opinion during the years of independence.

Public relations is a special management function that promotes the establishment and maintenance of communication, mutual understanding, mutual commitment and cooperation between government authorities and citizens. According to well-known American researcher *R. Harlow*, this function involves solving various problems: providing guidance of the organization of the government authority with information concerning public opinion and providing it with assistance in developing response measures; provision of management activities in the public interest; maintaining leadership in a state of readiness for various changes by anticipating trends; use of research and open communication as the main means of action, based on ethical norms of communication [7].

American scientist *R. Harlow*, summarizing various definitions, proposed a synthesized approach, understanding PR as a special management function called:

- to establish and maintain interrelations, mutual understanding and cooperation between the organization and the public;
- to resolve controversial issues between the power and individual groups of the public;
- to study public opinion and elaborate appropriate forms of reaction to it;
- to define and emphasize the responsibility of the management before the public;
- to assist the management is effectively changed according to the needs of the time;
- to anticipate tendencies of social development in order to prevent those that are negative [7, p. 345].

“Public relations” is a constantly evolving multidimensional phenomenon. In our common English translation, it means “communication with the public” but to be more precise, the “public”, literally, is still approaching the term “public”, which should be discussed in more detail. “Public” means that this is a special form of relations between citizens, government authorities and local self-government authorities, political parties and self-organization structures of the population that take place at the institutional and corporate levels.

In 1975, the US “Foundation for Public Relations Research and Education” attempted to synthesize and analyze all approaches to the definition of “public relations”. There were about five hundred definitions. If we consider the intensity of development of this scientific direction in recent decades, it will be easy to imagine how much the number of these interpretations expanded and increased.

One of the founders of this science, *Edward Bernays*, defined the PR as follows: “These are efforts to persuade society to change its approaches or actions as well as to ensure the harmonization of the organization’s activities in accordance with the interests of society and vice versa” [8].

Famous British “public relations” specialist *Sam Black* believes that PR is “art and science of achieving harmony by means of mutual understanding, based on the truth and complete information awareness” [2, p. 20].

In our opinion, the main objectives of PR-activities are:

- analysis of the state of public opinion and its tendencies, analysis of the primary image of the government authority and ways of its improvement/affirmation;
- solving operative tasks of authorities, dissemination of information concerning the activity of the subject of PR, establishing contacts with target audiences as well as establishing and maintaining contacts with mass media and other communication channels;
- improvement of human and social publicity of the government authority, establishing and maintaining contacts with the mass media and other communication channels through interpersonal relations;
- development of social participation and formation of a culture of engage-

ment, communication support, introduction of innovations, prevention of crises of relations between government authorities and stakeholders;

- confidence building, build-up of reputational capital of government authorities as well as establishment and maintenance of links with all groups of stakeholders.

At the same time, the formation of effective PR-technologies is connected with the search for optimal models of communication between the government and society. One such model might be the model proposed by the American researcher and theorist of the PR sphere *James E. Grunig*, who substantiated the peculiarities of the models of public relations and considered the practical use of bilateral communication between the subject and the object of PR [10].

Summarizing the above, one can conclude that “public relations” is first of all, informing the public about the activities of a government authority or organization/ institution. This involves providing the information that a government authority or institution/organization wants to provide about themselves and their activities for more favorable conditions of cooperation and interaction, but this is not yet an interaction as a result.

Interaction of interest groups and political elites in modern Ukraine is one of the key elements of the political development of our country. The communicative unity of these segments of political interactions is ensured, in particular, by the technologies of public relations, the development of which in recent years is one of the important characteristics of the Ukrainian society. It is primarily the establishing a positive dialogue between the institutions of power, the political elite and the population. This is even more important considering the transitional nature of Ukrainian society, the instability as well as the rapid dynamics of value orientations of major social groups. The problem of using of public relations technologies in the political process of modern Ukraine is one of the priority topics of applied political science. Its development in relation to the needs of domestic political practice has both its own methodological value and applied value, since it makes it possible to adjust the approaches to

te use of methods of conducting political PR campaigns, to make them more organic for political processes of different types and levels as well as to ensure the legitimate use of political technologies in modern Ukrainian society.

As G. *Pocheptsov* notes in his research, in the period of the formation of Ukraine as a democratic state, the formation of a positive image of government authorities is very important. Public service personnel can help here because “a PR specialist acts as an advisor to a manager and as an intermediary, who help to transfer personal goals and objectives into a reasonable, community-friendly policy” [4, p. 215].

A key element of the whole system of political communication is communicative technology. The leading place in the system of modern political communications is occupied by public relations (PR). The main elements of establishing a communication link in public administration are the government (government authorities), the public and the PR as an instrument for ensuring interaction between them. The government always seeks to influence the public, which always has the ability to “reverse effect”. The purpose of the government is to form the most loyal attitude of the public that is possible only on the basis of trust, which can be achieved through the establishment of effective communicative relations. So, PR is a communicative way of establishing relations between the government and the public.

Political PR-communication is an important element of the modern political process and the main tool of competition for power resources. Political PR-communication is a way of power legitimation and political decision-making. As scientists have repeatedly emphasized, communication can be interpreted as an epicenter of politics as well as one of the leading elements of the political system. Introducing into the political sphere, new information and social-and-communicative technologies lead to a mutation of many forms of political behavior, modifying the patterns of relations between political actors, as well as fundamentally altering the whole sphere of the symbolic representation of the political space.

The problem of the content, place and role of the political PR in the social

communications system, despite the large number of scientific researches, remains very relevant for each of the “historical epochs” associated with a particular stage in the society’s life. The point is not only that a specifically personalized expression of power imposes its imprint on some typological features, methods and content of political PR in the implementation of social communications. It cannot be forgotten that the presence of numerous subjects in the political process with inconsistent political and social demands and interests, as well as a very mobile social landscape, whose “communication” characteristics should be considered by the subjects of the political PR, provide its unique color and innovative features to the above-mentioned typological properties. As a constitutive element and tool of social communications in a relatively developed social community, the political PR is intended to provide informational saturation and full legitimacy of power, as well as reflect the content and logic of political processes in terms of emerging social expectations and interests of various social groups of society. However, the realization of this objective context and the purpose of political PR depends on many factors, such as the economic nature and nature of mass media, monopolization or democratic access to the media of various political forces, reflecting the diversity of social demands that emerged in society as well as the ways and forms of articulation of positions subjects of social communications, etc.

Existing government authorities often use “public relations” to strengthen their political influence on the masses in order to hold power and carry out planned activities. However, the functioning of the mentioned socio-political phenomenon can simultaneously fulfill the role and certain social control. After all, no political-power structure in modern society cannot function successfully if it does not receive in the public the necessary level of legitimacy and positive image.

In general, PR is a management function designed to facilitate the establishment, maintenance of mutually beneficial relations between a separate public-management structure and the public. Accordingly, the PR is intended to assess

the public attitudes to certain structures of the government authorities in order to achieve mutual understanding between them. Thus, “public relations” is an important instrument for the formation of a civil society, which is intended to ensure the establishment of various forms of interaction between the government and the public, based on the harmonization of common needs, interests, positions and cooperation.

In government authorities, public relations perform a twofold task: on the one hand, they promote the expression of the interests of society, stimulate the involvement of citizens in the process of governance, prevent and resolve social conflicts, coordinate and harmonize the relations of power and society, on the other – contribute to the change of political power itself, making its more open.

PR is an important communicative function of the public administration process, implementation of which includes:

- dissemination of information concerning the activities of government authorities through the media;
- organization and holding of seminars, press conferences, presentations and other actions of government authorities concerning socially significant issues and their wide coverage in national and regional mass media;
- development and implementation of advertising and information campaigns (smoking cessation, treatment for cancer patients, protecting the poor, paying taxes, etc.);
- information support for the formation of a positive image of the government.

Implementation of the communicative function of public administration depends on the peculiarities of its implementation as a whole. PR is one of the important functions of public administration, which ensures informing the public on the content of the creation and implementation of government policy, through the application of appropriate communication strategies. These include the formation of a sense of pride and patriotism for their state among citizens, the formation of respect for law enforcement authorities, and so on.

Public-management activities in the PR sphere include the following main areas:

- monitoring the needs and interests of the public as a condition for the suc-

successful implementation of the government policy;

- work with non-governmental organizations and political parties;
- creation of a positive image of an official or a separate state-management structure;
- construction of an effective system of relations between government authorities and the media;
- establishment of a friendly relationship between the senior management with the personnel;
- conducting a public examination of certain normative legal documents, decisions, etc.;
- organization and holding of appropriate public events;
- development of an appropriate model of positioning and repositioning (if necessary) of government;
- management of crisis situations;
- forming a positive image of government authorities.

PR technology has an appropriate structure, which is depicted in the Pic. 1.

Any PR technology is aimed at creating an effective system of communicative interaction between the government and the public.

Today the organization of realization of socio-political tasks of PR in the aspect can be represented in such a sequence: stage of gathering information and problems setting – scientific and methodological stage – organizational and managerial stage – stage of practical implementation – stage of evaluation of the effectiveness. At the first stage, the main task of politi-

cal PR is to collect information and monitor socially significant problems. This stage involves the use of research methods for managing social processes. The second stage is a scientific and methodological one. At this stage, a general strategy of socio-political activity is being developed, based on a certain conceptual model of social policy, adequate methods and means of implementing practical marketing actions and measures, and justifies a system of criteria for social effectiveness of public relations. The organizational and managerial stage is connected with the definition of subjects of political marketing, the coordination of their activities, the formation of a management system for the implementation of social and political tasks at the state and non-state level as well as the coordination of material-and-technical and financial provision of practical actions for their implementation. At the stage of practical implementation, the main goal is to coordinate and adjust the actions of the subjects of political PR, communication support of marketing measures using PR-technologies.

PR-technologies in public administration do not have the proper practical as well as theoretical elaboration in Ukraine. Paradoxical is the situation when the political forces participate in the electoral process, involve the best both domestic and foreign PR professionals, but when they win and come to power, immediately begin to “scrimp” on the elaboration and implementation of effective PR-technologies. This tendency is characteristic not only for

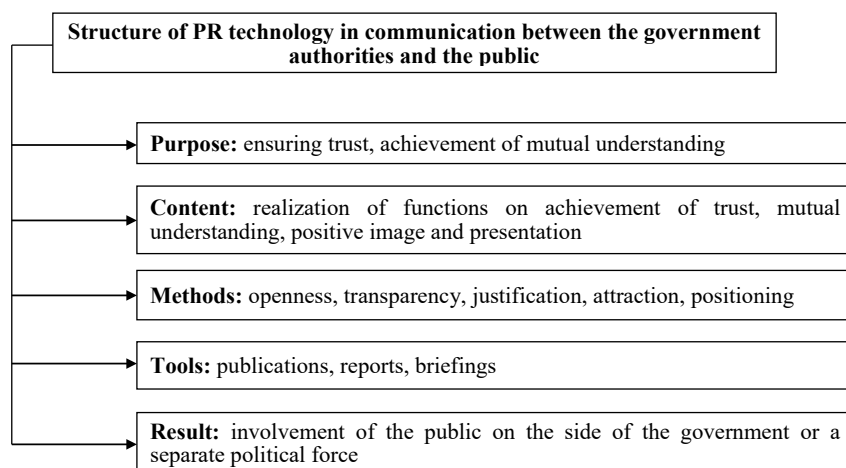
Ukraine but also for developed countries, except for those where the elite realizes that in order for the government to be perceived by citizens as “effective, open and transparent”, it must constantly work with the help of appropriate PR-activities, actualization of individual events, etc. The basic guarantee of effective permanent interaction with the public should be the continuous monitoring of needs and interests, so that the government will know what the public wants from them and how best to “serve” people’s interests.

At the same time, one should consider the opinion of *O. Mytiai* that ideally the communicative activity of public administration authorities should promote the development of democratic social governance. But, in practice, depending on the phase of the political process, communication between legislative and executive authorities and society tends to focus on specific events and programmes in the context of which information technologies, public opinion and involvement in advisory and expert activities are used. In such conditions, the openness of authorities of state power and accessibility to various information becomes the main prerequisite for the successful development of the democratization of society [3].

PR in public administration is intended to provide assistance to the state in resolving objective contradictions in the functioning of the political and state-management system. Proceeding from this, state-management structures are called upon to ensure the establishment of direct and public feedback. Based on that, one can determine the main functions of PR in the public administration, which are reduced to the democratization of public administration and the promotion of the formation of civil society.

The activity of government authorities and local self-government authorities in the PR sphere is reduced to interaction with the press, the implementation of analytical and forecasting functions, ensuring coordination of corporate and social interests. This should ensure the openness and transparency of public administration as well as bring it closer to the needs and interests of the public.

Summarizing the above mentioned, one should agree with *S. Pushniak's*

Pic. 1. Structure of PR technology in communication between the government authorities and the public

opinion that “public relations” is, first of all, informing the public about the activities of a government authority or organization/institution. This involves providing exactly the information that a government authority or institution/organization wants to provide about themselves and their activities for more favorable conditions for cooperation and interaction, but this is not yet an interaction as a result [6].

Insufficient development of PR in public administration, which characterizes the secrecy of power from a citizen, gives rise to distrust of power. One of the main reasons for such a situation is the absence of special structures or at least a specialist in the PR sphere to the relevant authorities and local self-governance. It is on the activity of such structures that the explanation of the citizens of the goals and strategies of the government, the formation of an adequate understanding of the nature of activities. Based on that one can define the main functions of PR implementation in the public administration, which are reduced to:

- establishing, maintaining and expanding contacts with citizens and organizations;
- informing the public about decisions taken by the government;
- considering public opinion;
- analysis of the public reaction to the actions of officials and government authorities;
- forecasting social and political processes;
- provision of analytical developments for the organization regarding the current state of society’s life;
- formation of a favorable image of the government authority.

Conclusions. Thus, political PR acts as a management technology in the political sphere. PR in public administration is an important factor in the formation and development of civil society institutions. PR allows the government to achieve the appropriate level of public support as well as the success in implementing appropriate state-management decisions. Due to this, PR is an important means of democratizing the public administration system by developing effective communicative forms of har-

monization of the state’s functions with interests, rights and responsibilities of the public. In modern conditions, the emergence of Ukraine as a social state, the choice of an effective model of political development and social policy becomes of special significance and acts as a priority for the formation of an optimal system of interaction between the state, political institutions, market economy and civil society.

References:

1. PR в органах державної влади та місцевого самоврядування: монографія / за ред. В.М. Бебика, С.В. Куніцина. К.; Сімферополь: МАУП, 2003. 238 с.
2. Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое? М.: Моудино Пресс, 1999. 239 с.
3. Митяй О.В. Проблеми комунікативного забезпечення ефективності взаємодії органів державного управління і суспільства в Україні. Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. 2017. № 1. С. 160–165.
4. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением. М.: Центр, 1998. 352 с.
5. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века: монография. М.: Рефл-бук; К. Ваклер, 1999. 349 с.
6. Пушняк С.А. Основні підходи до визначення поняття паблік рилейшнз в системі державного управління. Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили комплексу «Києво-Могилянська академія». Серія: Державне управління. 2015. Т. 254, Вип. 242. С. 104–109.
7. Харлоу Р. Паблик Рилейшнз. М.: Эксмо, 2005. 367 с.
8. Bernays E.L. The later years. Public relations insights, 1956–1986. Rhinebeck, N.Y., 1986.
9. Culbertson H. Applied public relations research. In G. H. Stempel, D. H. Weaver, & G. Cleveland Wilhoit, Mass communication research and theory. 2003. P. 53–75.
10. Granig J. What Kind of Public Relations do You Practice? New Theory of Public Relations Present Four Models. Pr. Reporter: Purview. 1984. Vol. 27. P. 1–23.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rachinskaya Elena Anatolyevna – postgraduate student, Ukrainian State Employment Service Training Institute

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рачинская Елена Анатольевна – аспирант Института подготовки кадров Государственной службы занятости Украины

orachun@ukr.net

UDC 340.15«1921-1931»

NEP AND ORGANIZATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE SUPERVISION OVER INVESTIGATIVE AGENCIES IN UKRAINE

Dmitriy TIKHONENKOV,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of History
of State and Law of Ukraine and Foreign Countries
of Yaroslav Mudryi National Law University of Ukraine

SUMMARY

The article deals with the process of evolution and organization of the Prosecutor's Office supervision over the bodies of inquiry and preliminary investigation in the center and at a local level in Ukraine at the time of the New Economic Policy. The author demonstrates relationship of the mentioned process with the political regime, which functioned in the country. The forms and methods of supervision exercised by the Prosecutor's Office are considered.

Key words: New Economic Policy, Prosecutor's Office supervision, investigative agencies, bodies of inquiry, preliminary investigation, political regime.

НЭП И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СЛЕДСТВИЕМ В УКРАИНЕ

Дмитрий ТИХОНЕНКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры истории государства и права Украины и зарубежных стран
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется процесс становления и организации прокурорского надзора в центре и на местах за органами расследования и предварительного следствия в Украине в условиях новой экономической политики. Показывается связь этого процесса с действующим в стране политическим режимом. Рассматриваются формы и методы прокурорского надзора.

Ключевые слова: новая экономическая политика, прокурорский надзор, органы расследования, органы дознания, предварительное следствие, политический режим.

Problem setting. Since 2012, the new Criminal Procedure Code has been operating in Ukraine, and so a certain experience of application of the rules, embodied in the Code, including those related to the Prosecutor's Office supervision over the agencies investigating crimes has been gained by now. The practice of administering the Criminal Procedure Code of Ukraine has revealed its strengths and weaknesses, while researching into the issue supports the necessity of further reforms in the sphere of the Prosecutor's Office supervision. At the same time, it is important to take into consideration foreign historical experience of exercising control and supervision over the bodies conducting pre-trial investigation, including the time of the Soviet Union.

State of research. Of particular interest is the period of the New Economic Policy implementation, when the institution of the Prosecutor's Office was renewed and the foundation for the Prosecutor's Office supervision was laid. In Soviet historical and legal literature, this subject is raised in the works by Yu.A. Kalenov, V.G. Lebedinskij, V.S. Tadevosyan, V.M. Savitskij, V.N. Zhogina, and others. The researchers

mainly focused on analysis of the existing legislation while in their works very little attention was paid to the history of the Prosecutor's Office supervision over the bodies conducted pre-trial investigation in the period under examination.

In the post-soviet scientific literature a negative approach to the assessment of the legal status and activity of the Soviet investigative agencies was formed. There was a particular tendency to consider those bodies as repressive ones, which operated only for the sake of the ruling Communist Party and used as a tool to suppress any opposition. As a rule, the investigative activity of the preliminary investigation bodies, its legal basis, as well as the Prosecutor's Office supervision over their activity is not considered. Some attempts to approach the issue rationally were made only in the works by V. Sukhonos, V.G. Klochkov, V.V. Murza and a number of other Ukrainian researchers. They, however, do not view this problem as a separate scientific research. Therefore, there exists a necessity to survey the problem of the legal status and activity of those bodies by examining historical records

and normative legal acts, which were in force at that time, which is **the purpose** of this article.

Basic material. Bodies conducted pre-trial investigations were referred to as bodies of preliminary investigation in the first Soviet Criminal Code of Ukraine of 1922 and in its further versions. This term included both inquiry and preliminary investigation.

The Criminal Procedure Code of Ukrainian SSR of 1922 defined militia and crime detection as the bodies of inquiry and, in particular cases, various inspections, governmental institutions, and officials as well [1]. In accordance with the Provision on Judicial System of the Ukrainian SSR of 1922, people's investigators in investigation areas, senior investigators in provincial courts, and Superior Case Investigators in the Supreme Court and the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR were the main agencies conducting preliminary investigation [2]. Since the Prosecutor's Office of the Ukrainian SSR was established, it was charged with a responsibility to exercise supervision over the bodies of inquiry and preliminary investigation that was embodied in the provision on the

Prosecutor's Office supervision adopted on June 28, 1922 [3].

According to the Provision on the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR of August 1, 1923, supervision over investigation and inquiry was imposed on the 3d subdivision of the Prosecutor's Office of the Ukrainian SSR. This subdivision was responsible for exercising direct supervision over crime detection activities of investigators, over militia and Criminal Investigation Department in the field of crime detection and inquiry. The subdivision took steps to raise the level of its officers' skills, set up unified reporting forms, and dealt with complaints about illegal acts of investigation or inquiry bodies, slow pace of proceedings, and violation of time constrains [4].

Under the Decree of the Central Executive Committee of the Ukrainian SSR of November 21, 1923, the 4th independent subdivision exercising supervision over the General Prosecutor's Office bodies was detached from the 3d one [5]. The subdivision was responsible for supervision over activities of the General Prosecutor's Office in the sphere of crime detection, established unified forms for reports by the bodies of the General Prosecutor's Office and considered complaints about illegal acts of this department officers, slow proceeding, violation of time constrains for bringing charges, etc. The 4th subdivision had to carry out this work both directly and through the province Prosecutor's Offices (later on – districts) [4].

By the beginning of the year 1924, the main organizational issues had been solved, the functions of the bodies of the General Prosecutor's Office had been defined, and the Prosecutor's Office supervising responsibilities had been specified. The legislative embodiment of this period is reflected in the secret decree of VUTSIK "On relationship of the GPU and the bodies of the Prosecutor's Office exercising supervision" of September 20, 1923 [6]. Since then inquiry conducted by the bodies of the GPU in counter-revolution crimes and military espionage was equated with preliminary investigation. Supervision by the Prosecutor's Office regarding those cases could be carried out only from the point when a retrieval operation was finished and a formal investigation started. Officers conducted cases were obliged to follow a prosecutor's directions to fulfill requirements of the criminal procedure legislation when instituting criminal proceeding, bringing charges, making arrests, searches and seizures, as well as

to observe time limits within which investigation had to be conducted.

According to the decree of VUTSIK of December 6, 1922, those officers had the right to conduct preliminary investigation into the cases of banditry, robbery and plundering committed by a repeated criminal or a gang. It was set by the decree of September 20, 1923, that supervision over such cases must be exercised by the Prosecutor's Office on the same grounds and in the same order as in case of supervision over the inquiry bodies [6].

Prosecutors' instructions were recorded in supervisory proceedings, which were instituted in the cases investigated by the preliminary investigation bodies [7]. Copies of investigators' orders as to the beginning of the criminal prosecution proceeding against an accused person, choosing a measure of restriction, terminating of the preliminary investigation and other sufficient case materials were also entered upon the record. By the end of the year 1923, some district prosecutor's offices began to initiate supervisory proceedings too [8].

Since December 1923, the 4th subdivision started to exercise supervision over the movement of arrested persons who were under authority of the State Political Department [4, p. 17]. In the same month, instructing the provincial prosecutor's offices as to the supervision over the local bodies of the GPU begins [4, p. 17]. Five of the sixty-three circulars issued in 1923 by the Prosecution Department were devoted to the supervision over the GPU (concerning the issues of sending cases of counterrevolutionary crimes, appealing to the Prosecutor's Office of the Republic in all cases of disagreement between a province prosecutor and the GPU, etc.) [4, p. 6]. The General Prosecutor's Office of the Ukrainian SSR, in its turn, had to submit all its orders concerning the investigative procedure improvement to the 4th subdivision for approval [4, p. 16].

In 1923, it was set that province prosecutors were required to submit periodic (every three months) and annual reports of supervision over the GPU with an attached statistical statement to the Prosecutor's Office Department of the People's Commissariat of Justice. In the first reports province prosecutors provided a variety of information, at the same time, though often keeping silent about the main and essential one [9]. This circumstance induced the Prosecutor of the Ukrainian SSR to entrust the general subdivision with the task of working out the schemes of prosecutors' reports and think

over the introduction of monthly reports instead of reporting once every three months. The subdivision developed the scheme of such reporting in the form of "coupon A", and by the end of February 1924, having summarized the work on supervision over the preliminary investigation bodies, set the main forms of supervision [4, p. 6].

When the organizational work was completed, the Prosecutor's Office focused its attention on the essence of conducting criminal cases, and primarily on differentiation of investigation and inquiry. During 1924, prosecutors of the subdivision had to get rid of the following shortcomings: a) conduct of investigation in a variety of cases without a sufficient ground; b) focusing of investigators on obtaining confession instead of collecting objective evidence; c) long investigation; d) unjustified application of custody as a restriction measure [10].

It was rather difficult to deal with those shortcomings. The Prosecutor's Office often faced with low level of proficiency of its workers at the local level, and sometimes even with their absolute professional impropriety. It was far more difficult to overcome conservative thinking and the desire of individual investigators to act according to the rules of wartime, getting rid of "red terror" inertia and observing that the activities of the investigative bodies complied with the requirements of the new legislation. During 1924, the Prosecutor's Office Department issued sixty circulars on the activities of the GPU bodies and their supervision [10, p. 227, 129]. This work gave positive results. Instead of great number of conflicts between the Prosecutor's Office and the GPU, which took place in 1923 at the periphery and required intervention by the centre, in 1924 there were only five of them. Yet they were a matter of principle [10, p. 228].

Supervision over the activities of provincial court investigators, people's investigators and local bodies of inquiry was exercised by province Prosecutor's Offices, which were obliged to submit quarterly and annual reports to the Prosecutor's Office of the Ukrainian SSR [4, p. 3, 9]. The rights of the prosecutor, supervising over investigation and inquiry, were the following: at any time, he could get acquainted with all the materials of the inquiry and preliminary investigation acts, give instructions for specific cases, propose to carry out certain procedural actions. For each newly initiated case, the prosecutor was given copies of the decision provided for by Articles 112,

131, 163, 207 of the Criminal Procedure Code of the Ukrainian SSR, which were entered upon the supervisory proceedings. The prosecutor approved institution of the prosecution and a restriction measure. At the end of the investigation the prosecutor made decision as to dismissal of the case, its referral to court or return for further investigation. Furthermore, complaints were lodged with a prosecutor against acts of the bodies of inquiry and preliminary investigation, which had been authorized by a prosecutor himself [11].

Establishing of the Prosecutor's Office supervision over the investigation and inquiry went faster in the centre. At the local level, as one can see from the governors' reports [4, p. 195–200], prosecutor's supervision in this realm had become noticeable only by the end of the year 1923. In their reports province prosecutors pointed out such difficulties as staff deficiency, low level of proficiency of the workers of the Prosecutor's Office, and absence of the established system of supervision.

Gradually, in the process of practical activity related to supervision over the bodies of preliminary investigation and inquiry, experience accumulated and sustainable forms of supervision developed. Those forms were: 1) periodic reports by investigators and workers of the inquiry bodies; 2) periodic prosecutor's visits to the bodies of inquiry and investigation with the purpose of hearing reports on the cases they investigate, as well as on particular questions; 3) request by a prosecutor to survey particular cases and documents personally; 4) prosecutor's visits to remand homes and questioning of prisoners; 5) consideration of complaints and applications lodged by prisoners and their relatives [12, p. 17].

As the Communist Party was pursuing the New Economic Policy, the role of the Prosecutor's Office was constantly growing. By the year of 1925, its influence had greatly increased. By that time, relying on the Party bodies' support, it has already exercised quite effective supervision over the bodies of preliminary investigation and inquiry. But when there could be observed a departure from the principles of NEP, the tasks of the Prosecutor's Office began to change. And, as it was correctly noted by a researcher I.B. Usenko, now the Party bodies directed it to give support to the agencies of the GPU rather than to exercise control over their activities [13, p. 48]. At the same time, the Communist Party did not entirely rely on the Prosecutor's Office

and duplicated its functions. Twice a month the GPU of the Ukrainian SSR had to send special reports with respect to combating crime activities and state of public opinion to the Central Committee of the Communist Party of the Bolsheviks of Ukraine [14]. Bringing New Economic Policy to the end was also indicated in the resolutions of VUTSIK and the Council of People's Commissars of the Ukrainian SSR of June 9, 1926 and of October 10, 1928, which sufficiently extended competence of the State Political Directorate's agencies. According to these normative acts, the GPU, as it was already mentioned, was empowered to hold investigation in cases of malfeasance, economic, property, and other crimes. Inquiry and preliminary investigation in given cases had to be carried out under the direct supervision by the Prosecutor's Office. Being guided by the resolution of 1926, persons exercising prosecutor's supervision could acknowledge that inquiries were quite complete and send cases back to the bodies of the GPU, which carried out those inquiries, to perform only the most necessary investigative activities. An investigator from the GPU could limit himself to bringing accusation, questioning a suspect and drawing an indictment (Art. 3). In the resolution of 1928, the legislature went even farther allowing the prosecutors to send any case to the bodies of the State Political Directorate (Art. 2). Those measures should be considered as an attempt to simplify and accelerate procedure rather than as an extension of powers of the Prosecutor's Office [15].

Under the resolution of 1926 persons exercising supervision, having received a case from the GPU, could dismiss it, send to a judicial body (Art. 4), or send back for additional investigation (Art. 6). The prosecutor had to act in exactly the same way in conformity with the regulation of 1928 (Art. 4, 5). Moreover, custody period for the persons, who were under investigation in the State Political Directorate could be extended by a prosecutor for one month. In case of a district prosecutor's refuse to approve custody period extension, the submission of the body of the GPU for extension of this restraint was sent to the Prosecutor's Office Department in the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR for final decision. It was considered, that custody period was extended until receiving of the decision. Further extension of custody period was allowed only with permission by the Prosecutor General of the Ukrainian SSR or his deputy (Art. 6). The measure of restric-

tion, applied to the persons who were under investigation of Special meeting at the Board of the GPU of the Ukrainian SSR, could be changed or remitted only by the meeting itself or by the Prosecutor's Office Department in the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR (Art. 7) [15].

Simultaneously with the resolution of October 10, 1928, which made the responsibilities of the GPU and the Prosecutor's Office more accurate, VUTSIK and SNK of the Ukrainian SSR adopted secret resolution "On interrelation between the bodies of the GPU of the Ukrainian SSR, the Prosecutor's Office supervision, and judiciary". It repealed the secret resolution of September 20, 1923, but completely reserved its principles [6].

Therefore, in **conclusion** it should be mentioned that in 1928 the central and local bodies of the Prosecutor's Office supervision possessed almost the same rights as in previous years. However, understanding of those rights was limited by narrow bounds of the Bolshevik doctrine. The Prosecutor's Office, being an integral part of the soviet party-state system, based its activity, as it was required by changes, which took place in the party line.

References:

1. Уголовно-процессуальный кодекс УССР от 13.09.1922 г. СУ УССР, 1922, № 41, приложение к ст. 598.
2. Положение о судостроительстве УССР от 16.12.1922 г. СУ УССР, 1922, № 54, ст. 779.
3. Положение о прокурорском надзоре от 28.06.1922 г. СУ УССР, 1922, № 28, ст. 440.
4. Доклад о результатах инспекционного обследования Отдела Прокуратуры НКЮ УССР, произведенного согласно мандату НКРКИ от 1/12 – 23 г. за № 157/7635 юрисконсультком юрчести НКРКИ тов. Заикиным Б.И. и старшим инспектором Админ. НКРКИ тов. Росток В.Я. за период времени с 10/12-23 г. по 25/1-24 г. ЦГАВО Украины, ф. 539, оп. 2, д. 241, л. 3, 9.
5. Постановление ЦИК УССР «О дополнении «Положения о НКЮ» от 21.11.1923 г. СУ УССР. 1923. № 38. Ст. 523.
6. Секретное постановление ЦИК УССР «О взаимоотношениях ГПУ и органов прокурорского надзора» от 20.09.1923 г. ЦГАВО Украины, ф. 2, оп. 2, д. 942, л. 79-82об.

7. Наблюдательные производства прокуратуры НКЮ УССР за расследованием дел ГПУ УССР. ЦГАВО Украины ф. 8, оп. 1, д. 1356-1470.

8. См.: отчеты губернских прокуратур за 1923 г. ЦГАВО Украины ф. 8, оп. 1, д. 1513, л. 4; д. 1521, л. 8; д. 1524, л. 5 и др.

9. См.: отчеты губернских прокуратур за 1923 г. ЦГАВО Украины, ф. 8, оп. 1, д. 936, л. 1-153.

10. См.: циркуляры отдела прокуратуры НКЮ УССР за 1924 г. ЦГАВО Украины, ф. 8, оп. 1, д. 1427, л. 226, 227.

11. Циркуляр НКЮ УССР №32 «О взаимоотношениях между прокуратурой, судом, следователями и органами НКВД по делам дознания и следствия» от 19.03.1923 г. Бюллетень НКЮ УССР, 1923 г., № 8.

12. Резолюция II Всеукраинского съезда работников советской юстиции. 26 февраля–3 марта 1924 г. Харьков, 1925.

13. Усенко І.Б. Україна в роки непу: доля курсу на революційну законність. Харків, 1995. 74 с.

14. См.: сводки ГПУ УССР в ЦК КП(б)У. ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 1908, л. 2-23.

15. Постановление ВУЦИК и СНК УССР «Об уточнении функции органов Государственного политического управления УССР» от 09.06.1926 г. СУ УССР. 1926. № 31. Ст. 244, См. так же аналогичное постановление от 10.10.1928 г. СУ УССР. 1928. № 28. Ст. 245.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихоненков Дмитрий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Украины и зарубежных стран Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tikhonenkov Dmitriy Anatolyevich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History of State and Law of Ukraine and Foreign Countries of Yaroslav Mudryi National Law University of Ukraine

rada001@ukr.net

УДК 34(09):001.102-057.72(477)«19»

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭМИГРАЦИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА В РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Ольга ТОКАРЧУК,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию государственно-правовой мысли в среде украинской эмиграции межвоенного периода. Проанализированы взгляды украинских юристов, научные достижения которых посвящены правовому положению украинского государства в разные исторические периоды. Определена центральная идея в творческих поисках украинской эмиграции 20–30-х гг. XX в., а именно существование полноценного, отдельного народа, который должен иметь собственное государство и стать субъектом международного права.

Ключевые слова: нация, государство, государственность, суверенитет, правовой обычай, международное право.

THE CONCEPT OF STATEHOOD IN SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS OF THE UKRAINIAN EMIGRATION IN THE 20-30TH YEARS OF THE XX CENTURY

Olga TOKARCHUK,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law
National Pedagogical Dragomanov University

SUMMARY

Article is devoted to a research of a state and legal thought in the environment of the Ukrainian emigration of the interwar period. Views of the Ukrainian lawyers, which scientific achievements devoted to a legal status of the Ukrainian state during the different historical periods are analyzed. The central idea in creative search of the Ukrainian emigration of the 20–30th of the XX century defined, namely existence of the full-fledged, separate people who must have own state and become the subject of international law.

Key words: nation, state, statehood, sovereignty, customary law, international law.

Постановка проблемы. Государственно-правовые идеи украинской эмиграции 20–30-х гг. XX в. продолжают быть актуальными в наше время. Творческие достижения известных ученых, таких как: А. Бочковский, С. Днистрянский, А. Эйхельман, Р. Лашенко, В. Старосольский, С. Шелухин, способны служить ориентирами для общества в преодолении проблем, которые уже имели место в истории и были осмыслены юристами. Многие их выводы относительно утверждения Украины как независимого государства сохранили свое значение, вызывая интерес у современных ученых.

Состояние исследования. Научным достижениям представителей эмиграции межвоенного периода посвятили свои труды такие ученые, как: Б. Андрусин, М. Кармазина, В. Ковальчук, А. Мироненко, А. Мошак, Т. Осташко, В. Потульницкий, Ю. Терещенко, А. Токарчук, Я. Турчин и др.

Цель статьи. Целью статьи является исследование вклада представителей украинской эмиграции межвоенного периода в развитие историко-правовой науки, анализ идей украинских юристов и общественно-политических деятелей относительно правового состояния украинской государственности и политических отношений.

Изложение основного материала.

В государственных взглядах представителей украинской эмиграции одной из основных являлась идея о международной справедливости, когда все государства будут иметь одинаковые права на самостоятельную жизнь и свое развитие, каждый народ будет иметь право на независимое от других народов существование и на свободное развитие своих национальных сил и способностей, не нарушая таких же прав других народов [24, с. 4].

Для лучшего осознания изучаемого вопроса следует выяснить, какой смысл современные ученые вкладывают в понятие «государство», «государственность», «суверенитет» и как соотносятся эти категории [8, с. 5].

Историко-правовая наука под понятием «государство» рассматривает организацию политической власти, главный институт политической системы общества, а под термином «государственность» – специфический признак государственно-политической организации общества, которым определяется историческое развитие страны (нации, союза племен и других образований), сумевшей создать собственное государство или возродить утраченное по разным причинам (потеря независимости, объединение с другой страной) [8, с. 5, 27, 162]. Суверенитет имеет внутреннее и внешнее измерения. Это означает, что государство обладает высшей и неограниченной властью над внутренними субъектами в пределах границ той или иной страны (внутреннее измерение), а другие государства должны признавать этот принцип (внешнее измерение). Суверенитет, отмечает В. Белевцев, – это один из существенных признаков государства, его возможность полноправно осуществлять внутри- и внешнеполитические дела, не допускать вмешательства в свою деятельность иностранных государств и других внутригосударственных сил (организаций). Неотъемлемыми юридическими признаками суверенитета являются единство, верховенство, независимость государственной власти [1, с. 7]. Л. Мельник и В. Капелюшний утверждают, что государственность – это комплекс институтов политики, культуры, которые функционируют на территории населенной национальным сообществом,

связывают ее в целостность и обеспечивают ей развитие [8, с. 5–6; 14, с. 97].

С точки зрения юриста Р. Лашенко, украинская государственность зарождается еще до прибытия варягов и постепенно развивается на украинских землях на основе действующего народовластия, отсутствия замкнутых состояний, выборности и свободы. Он в своих работах уделяет внимание исследованиям государственного строя и правового творчества украинского народа [19, с. 64–65].

Украинский исторический опыт и традиция – это закон украинского общества. Для украинского гражданина всегда важным было, чтобы все происходило по закону. Законность любой деятельности – это основа украинского гражданского мышления [12, с. 217].

Я. Турчин объяснила толкование А. Эйхельманом понятия «государство», который видел в ней «постоянный, длительный общественный строй свободных граждан с их активным участием в соответствующих формах управления на определенной, постоянной территории под верховенством наивысшей суверенной власти», целью которой ученый-юрист определял «реализацию внутренней и внешней безопасности, а также духовных и экономических потребностей населения, а ее институциональной основой – правовые, конституционные и корпоративные нормы, обычаи и традиции» [25, с. 25].

Концепцию относительно существенных изменений в международном праве, которые произошли после Первой мировой войны и создания Лиги Наций, О. Эйхельман представил в своей работе «Побутові підстави, правничий уклад і сучасний культурний поступ міжнародного права», написанной им на украинском языке и опубликованной в 1931 г. во время пребывания в эмиграции в Чехословакии. В 2004 г. она была полностью переиздана Институтом государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины в рамках «Антології української юридическої мислі» [7, с. 332–382] и, таким образом, как указывает К. Савчук, фактически заново введена в научный оборот [20, с. 246–247].

О. Эйхельман в данном труде подчеркивал, что отсутствие законодателя, законодательной власти в составе международного правового бытия не исключает реальной возможности возникновения и фактического применения в практике норм правового обычая. Ученый подчеркивал, что правовой обычай исключительно в юридическом понимании, «которое общепризнано, не имеет этого значения в международном праве, через фактические, принципиально ему свойственные, жизненные обстоятельства, а потому не может быть и его фактического использования в международных отношениях» [6, с. 12].

Для юриста вполне понятно то, что международное право в своих основах могло бы основываться на правовом обычае, вместе с тем он высказывался, что в специфическом характере условий международно-правовой практики, правовому обычаю не хватало нужной юридической определенности и точности в содержании тех норм права, которыми должны были бы быть нормы правового обычая в международном праве. «... Эту большую и неисправимую ошибку с сожалением признают именно те авторитеты в науке международного права, которые упорно твердят о преимущественном значении правового обычая для позитивного международного права, – утверждал О. Эйхельман, – считая его даже главным источником для последнего, поскольку признают, что именно все основные его нормы имеют положительной правовой основой этот источник – правовой обычай» [6, с. 13].

Историк права С. Шелухин придерживался противоположного мнения, утверждая, что «правовой обычай может быть только национальным, его может создать и удерживать, как свой, только определенная живая народность, а не какая-то фикция, потому что «писаное право» (законодательство), когда оно оторвано от правового обычая, зависит исключительно от государства, которое, как известно из истории, не является чем-то постоянным в постоянстве, часто меняется в своих границах и правительствах и далеко не всегда покрывает собой антропологическую целостность народа» [26, арк.115].

В. Старосольский видел одной из основных задач международного

права – «устроить отношения между государствами». Он считал, что государства – это субъекты, интересы которых нужно признавать и охранять [23].

Украинским ученым-демократам, которые осуществляли обоснование концепций государственности, было присуще нехарактерное для их западноевропейских единомышленников сочетание борьбы за утверждение гражданских свобод, наднациональных принципов демократии с национальным вопросом, стремление к построению национального государства. Наряду с этим с западной демократией их объединяла идея демократической государственности, где государство должно реализовать доминирование права народа (нации) над правом государства [17, с. 9].

По утверждению О. Мошак, стремление к социальной справедливости, которое всегда было приоритетным для большей части украинских демократов, уступило место стремлению к гражданской и национальной свободе. Так, значительная часть представителей украинской межвоенной эмиграции считала, что признание принципа самоопределения наций было событием переломного значения.

Значительное внимание интеллектуалы уделяли и рассмотрению вопросов, связанных с утверждением в сознании чувства правовой и политической общности украинцев. Из-за этого, исследуя украинскую историю, они наиболее тщательно изучали те периоды, в которые на украинских землях существовала государственность. Это позволяло анализировать правовое положение украинского государства в исторической ретроспективе. Обосновав существование полноценного, отдельного народа, ученые-эмигранты подчеркнули, что ему нужно все то, чем пользуются другие нации, прежде всего – государство [9, с. 21].

О. Эйхельман отмечал, что «в будущем нации станут субъектами международного права лишь в том случае, если они приобретут такое политическое положение на отдельной, подчиненной их публично-правовой власти, территории, что предоставит политической организации положение субъекта в международном праве. Последний обязательно должен быть полноценным территориальным субъектом» [6, с. 27].

Решение указанного правового вопроса о получении государством такого положения, что давало бы возможность ему стать субъектом международного права, О. Эйхельман видит не в гуманных, идейных симпатиях или какой-то определенной сентиментальности, а только в реальных юридических средствах и способах, что в принципе, с его точки зрения, не будет препятствовать естественному росту и укреплению сильной самой по себе национальной идеи, согласно способностям каждой соответствующей нации [6, с. 27].

В. Старосольский указывал, что нация является естественным центром интересов. Признать правовую охрану интересов нации означало бы признать их носителем правовым субъектом международного права, а это означало бы наметить путь для развития материального международного права и связанных с этим последствий. Право на самоопределение наций ученый осмысливает как «первое общее учреждение сего международного права в материальном понимании» [21, с. 142–143].

Немало украинских интеллектуалов обращались к вопросу истоков украинской государственности. М. Грушевский видел ее во времена Украины-Руси, В. Липинский и Ю. Липа в казачьем государстве Б. Хмельницкого, С. Томашевский – в Галицко-Волынском княжестве XIII – XIV вв. (обращал внимание на то, что уния – украинское католичество, как синтез восточных и западных религиозно-культурных традиций, на самом деле является единственной настоящей национальной украинской церковью)

[13, с. 222; 18, с. 282], В. Кучабский – в украинской государственности 1917–1921 гг. [18, с. 281]. На этот вопрос до сих пор нет ответа в современной историко-правовой науке.

Дискуссии вокруг самой проблемы провозглашения или восстановления украинской государственности в 1991 году возобновляются каждый раз к очередной годовщине независимости Украины, но полноценного глубокого анализа ее истоков до сих пор нет.

Характерной чертой теоретических достижений отечественных ученых-юристов было стремление обосновать государственность Украины на основе

права наций на самоопределение. Новые принципы построения послевоенного мира, выдвинутые В. Вильсоном и Лигой Наций, стали для них и принципами реальной политической практики и политической философии. Обозначив украинцев как отдельную нацию, которая имела свою собственную, хоть и кратковременную, государственную историю, они доказывали, что украинцы не являются исключением из всех народов мира, на которых это новообозначенное право распространяется [16, с. 337].

Собственную концепцию нации обосновал О. Бочковский. Согласно его взглядам в основе нации должна лежать широкая сеть общественных организаций, поддержка среднего класса и собственное государство [18, с. 288]. Ученый убежден, что опыт истории и практика национально-освободительных движений других народов дают возможность осознать: «...лучшие культурные и хозяйственные достижения поработанные народы получили путем собственной национальной помощи, в своеобразной национальной финансовой кооперации. Начало таких акций и их наибольший денежный успех, считает ученый, приходилось не на времена материального благосостояния или общественного спокойствия в жизни этих народов, а в основном на времена критических потрясений, стихийных катастроф, тяжелого политического притеснения, хозяйственной нищеты, которые стимулировали усыпленную национальную энергию поработанных народов, разжигали их стремление к самостоятельности, побуждали их к героической жертвенности» [2, с. 4].

Союз между нацией и государством В. Старосольский видел не просто возможным, но и обязательным. Государство, основанное на рациональной воле, должно сдерживать, ограничивать необузданность сообществ-наций, служить противовесом их устремлениям [5, с. 143].

В. Ковальчук справедливо отмечает, что проблемы, исследуемые В. Старосольским, актуальны и сегодня; вызывают интерес в науке и государственно-юридической практике: исследование закономерностей эволюции государства и права на различных этапах исторического развития, характеристика

политико-правовой природы современного «конституционного (правового) государства» как высшей формы развития института государства; определение критериев разграничения монархии и республики как основных форм государства; обоснование собственной методологической концепции в вопросах государствоведения, которая предусматривает сочетание социологического и нормативно-юридического исследований в вопросах государства и права и т.д. [10, с. 244].

В. Старосольский отстаивал позицию, что государство должно быть связано со своим собственным правом; такая идея правового государства возникает из логической необходимости и практических потребностей, а не просто из теоретических соображений [22, с. 11–12].

Проблему государственного суверенитета В. Старосольский связывал с вопросами, на которых, собственно, основываются правовые основы как самого государства, так и его власти. Интересными представляются его соображения по этому поводу. Поступки будут правовыми, когда они основываются на «компетентном судебном приговоре», который, в свою очередь, будет правовым тогда, когда его вынес назначенный судьей в соответствии с законом, имеет правовое значение, поскольку образовался в соответствии с законами, которые содержит в себе государственная конституция. То есть правовой основой любого акта является существующее, действующее право. Конституция же принимается, возможно, в соответствии с постановлениями предыдущей конституции, которая существовала ранее, размышлял юрист. Что касается истоков правовых основ начальной конституции, то её «правовая основа» может и не основываться на постановлениях действующего права, так как конституция могла создаться и неправовым путем, например, в результате революции, восстания, государственного переворота, или «отрыв насильно от государства какой-то её части» [22, с. 53, 54].

Украинские интеллектуалы в эмиграции настойчиво формировали знания о правовом положении украинской государственности и политических отношениях, они значительно расширили взгляды на народ, нацию, государство, власть и др.

Известный юрист С. Днистрянский изучал идеи Ф. Тенниса, Г. Еллинека, Б. Штайнбаха, В. Вундта, Г. Штамлера, Е. Эрлиха. Круг его научных исследований был очень широким. Это, как утверждают О. Мироненко и В. Горбатенко, и: методологические проблемы теории государства и права; вопрос тогдашней практики гражданского права; законодательства, теории и практики конституционализма; идеи, связанные с украинским национальным созданием государства; развитие истории украинской правовой культуры, правовой обычай и др. [15].

Государство С. Днистрянский считал не родовой связью, а территориальной, когда «оборона общей территории и сохранение общих интересов всех родов и племен становится его целью». Первоочередной целью государства, согласно С. Днистряному, является защита внешнего и внутреннего общественного строя, подчинение целей низших связей (семей, родов, племен) высшей цели. Ученый подчеркивал, что государство не вмешивается во внутреннюю сферу семьи, рода, племени [3, с. 22]. Территориальный принцип положен в основу всего общественного строя, «и родовые связи содержали как таковую свою самостоятельность, но влияние в государстве проявлялось только в той мере, в какой им удалось завоевать то влияние в новых территориальных единицах, которые государство создало» [3, с. 22].

В. Потульницкий, анализируя взгляды С. Днистрянского, указывает, что последний использовал базовые взгляды М. Грушевского относительно этапов правового состояния украинской государственности. Для ученого-юриста основой общественных связей была историческая справедливость, те обычаи и традиции отдельного народа, которые создала история государства и права, находящиеся в постоянном развитии. Самоопределение народов было не просто фразой для юриста, а практическим принципом, на который никто не смеет посягать. Право на самоопределение в его понимании – это важнейшее право каждого народа [4, с. 13].

Территориальный фактор С. Днистрянский рассматривал дифференцированно, указывая, что он с точки зрения развития нации имеет есте-

ственно-этническое происхождение, а с точки зрения развития государства – политическое [15]. Он был сторонником самоопределения украинской нации на своей национальной территории, предполагая, что правом на самоопределение «служит всем народам право на национальные территории, право выбирать себе государственное превосходство, которому они должны подчиняться, право внутреннего самоуправления и свободного культурного, экономического и политического развития. Все экономические договоры и политические отношения должен непосредственно решать народ, которого они касаются, – убежден С. Днистрянский, – и ни в коем случае не смеют это решать какие-либо интересы других народов» [4, с. 14]. Если таким образом обеспечится народам право на самоопределение, они смогут объединяться с другими народами, если такое объединение сможет обеспечить мир в мире.

Выводы. Таким образом, выяснение исторических основ государственности любой страны относится к вопросу национальной безопасности, о чем мы постоянно убеждаемся на примере существования современного независимого украинского государства. Государственно-правовые взгляды выдающихся украинских ученых-юристов, которые в результате оккупации территории Украинской Народной Республики войсками большевистской России оказались в эмиграции – это не отжившие мысли, а источники, из которых современная историко-правовая наука и повседневная практика может черпать жизнеутверждающие государственные идеи, закрепив в Конституции Украины исторические основы своей государственности.

Список использованной литературы:

1. Белєвцева В. Державний суверенітет, його ознаки та властивості. Підприємництво, господарство і право. 2009. № 10. С. 7–10.
2. Бочковський О. Нарід – собі. Подебради, 1932 р. 44 с.
3. Дністрянський С. Загальна наука права і політики. Наклад українського університету в Празі. Друк державної друкарні в Празі, 1923 р. Т. 1. 400 с.

4. Дністрянський С. Нова держава. Видавництво «Українського скитальця». Відень–Прага–Львів, 1923 р. 29 с.
5. Древницький Ю. Володимир Старосольський: громадсько-політична та наукова діяльність (1878–1942). Тернопіль: Вид-во ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2012. 304 с.
6. Ейхельман О. Побутові підстави, правничий уклад і сучасний культурний поступ міжнародного права. Подєбриди. 1931. 46 с.
7. Ейхельман О. Побутові підстави, правничий уклад і сучасний культурний поступ міжнародного права / Антологія української юридичної думки: в 10 т. К., 2004. Т. 8: Міжнародне право / упоряд.: В.Н. Денисов, К.О. Савчук; відп. ред. В.Н. Денисов. С. 332–382.
8. Капелюшний В. Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917–1921 рр.). К.: Олан, 2003. 607 с.
9. Кармазіна М. Ідея державності в українській політичній думці (кінець XIX – початок XX століття): автореф. дис... д-ра політ. наук: 23.00.01; Нац. акад. наук України, Ін-т політ. і етнонац. дослідж. К., 1999. 36 с.
10. Ковальчук В. Володимир Старосольський як вчений юрист і один із основоположників науки державного права в Україні / В.Б. Ковальчук, А.В. Бучин. Вісник Національного університету «Львівська політехніка». 2014. № 810: Юридичні науки. С. 240–245.
11. Лашенко Р.М. Лекції по історії українського права: ч. 1. Княжа доба. 1923. 146 с.
12. Липа Ю. Призначення України. Нью-Йорк: Українська книгарня «Говерля», 1953. 308 с.
13. Лисяк-Рудницький І. Назарук і Липинський: історія їхньої дружби та конфлікту. К.: Основи, 1994. Т. 2. С. 167–236.
14. Мельник Л. Державність. Історична наука: термінологічний і понятійний довідник: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / ред. кол.: В.М. Литвин (голова), В.І. Гусєв (заст. голови), А.Г. Слюсаренко (заст. голови), І.В. Бойченко, С.Ф. Пивовар, А.О. Ручка, Т.І. Яшук. Київ: Вища школа, 2002. С. 97.
15. Мироненко О. Історія вчень про державу і право: навч. посіб. / О.М. Мироненко, В.П. Горбатенко. К.: Академія, 2010. 454 с. URL: http://pidruchniki.com/1071042251923/pravo/istoriya_vchen_pro_derzhavu_i_pravo
16. Мошак О. Історико-правове обґрунтування української державності в працях учених Українського вільного університету в Празі. Людиноцентристський вимір в історії права, держави і юридичної думки: до 150-річчя початку наукової діяльності М.П. Драгоманова: Матеріали ХХVIII Міжнародної історико-правової конференції (Рівне, 2013 р.). К.: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2013. С. 335–339.
17. Мошак О. Альтернативні концепції державності в політичній думці української міжвоєнної еміграції в Європі: автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.01; Одеська національна юридична академія. О., 2002. 16 с.
18. Політична наука в Україні. 1991–2016: у 2 т. К.: Парлам. вид-во, 2016. Т. 1. Політична наука: західні тренди розвитку й українська специфіка / НАН України, Ін-т політ. і етнонац. досліджень ім. І.Ф. Кураса; редкол.: чл.-кор. НАН України О. Рафальський (голова), д-р політ. наук М. Кармазіна, д-р іст. наук О. Майборода; автор предм. О. Рафальський; відп. ред. і упоряд. М. Кармазіна. 656 с.
19. Потульницький В. Історія української політології (Концепції державності в українській зарубіжній історико-політичній науці). К.: Либідь, 1992. 232 с.
20. Савчук К. Отон Отонович Ейхельман – біографічний нарис і міжнародно-правові погляди. Міжнародне право. 2012. № 2. С. 237–249.
21. Старосольський В. Теорія нації. Відень, 1922. 144 с.
22. Старосольський В. Держава і політичне право. Подєбриди, 1924. Ч. II. 464 с.
23. Старосольський В. Теорія нації. Нью-Йорк; Київ: Наук. т-во ім. Т. Шевченка: Вища шк., 1998. 157 с.
24. Токарчук О. Державно-правові погляди С.П. Шелухіна: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01; Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова. К., 2011. 20 с.
25. Турчин Я. Державотворчі ідеї О. Ейхельмана: еволюція інституційних вимірів політики: автореф. дис. ... д-ра політ. наук: 23.00.01; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. Л., 2011. 35 с.
26. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України, Ф. 3695. Особистий фонд члена Центральної ради, сенатора і професора Сергія Павловича Шелухіна, Оп.1., Спр. 49. Нариси до історії українського права, ч. I–III (в 2-х примірниках), 316 арк.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Токарчук Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tokarchuk Olga Vladimirovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law National Pedagogical Dragomanov University

9-3@ukr.net

UDK 343.7

THE DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF THE INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN UKRAINE

Vitaliy TOPCHIIY,
Candidate of Law Sciences,
Prosecutor of the Prosecutor's Office of the Kyiv region

SUMMARY

In the article the author explores the development and genesis of criminal law protection of intellectual property rights in Ukraine. The author also pointed out the directions for solving a number of theoretical and practical problems related to finding out the place of norms aimed at preventing crimes against intellectual property in domestic legislation. The cases of the unequal approach of judges, prosecutors, investigators and other lawyers to the problem of qualification of crimes against intellectual property rights and ways of overcoming the problems of prosecution for crimes against intellectual property rights in Ukraine are analyzed.

Key words: crime, copyrights, intellectual property, copyright objects, related rights, criminal liability.

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УКРАИНЕ

Виталий ТОПЧИЙ,
кандидат юридических наук,
прокурор прокуратуры Киевской области

АННОТАЦИЯ

В статье автором исследовано развитие и генезис уголовно-правовой защиты права интеллектуальной собственности в Украине. Также автором указаны направления решения ряда теоретических и практических проблем, связанных с выяснением места норм, направленных на предотвращение преступлений против интеллектуальной собственности в отечественном законодательстве. Проанализированы также случаи неодинакового подхода судей, прокуроров, следователей и других юристов к проблеме квалификации преступлений против интеллектуальной собственности и путей преодоления проблем привлечения к уголовной ответственности за преступления против интеллектуальной собственности в Украине.

Ключевые слова: преступность, авторские права, интеллектуальная собственность, объекты авторского права, смежные прав, уголовная ответственность.

Introductory part (introduction). There is an urgent need to address a number of theoretical and practical problems related to the clarification of the place of norms aimed at preventing crimes against intellectual property in domestic legislation for today. Perhaps, this should be done by separating a new section in the Criminal Code of Ukraine (a special part of the Criminal Code of Ukraine) or by adopting a separate normative and legal framework for the criminal law protection of this category, since these crimes form their own independent separate group of criminal offenses other than crimes against property and other crimes constituting the structure. In addition, due to the current situation, cases of unequal treatment of judges, prosecutors, investigators and other lawyers on the problem of qualification of crimes against intellectual property rights often occur in legal practice.

The presentation of the main material. According to leading lawyers, using the notion of "property" with respect to intellectual property, the legislator implies

possession of exclusive rights to the owner of protected objects. In addition, the law allows the use of these objects solely with the permission of the owner. It should be emphasized that the basis of the proposed opinion is that the intellectual property relations are part of a broader content of the generic object (property relations), is not based on the Civil Code of Ukraine, in which the third book and the fourth book are dedicated to the property right, other substantive rights and the intellectual property right. Also, the Civil Code of Ukraine (Article 419) defines the relation between the right of intellectual property and property rights, namely: the right of intellectual property and ownership of a thing do not depend on each other. Transferring the right to an intellectual property object does not mean the transfer of ownership of a thing. Transferring ownership of a thing does not mean transferring the right to an intellectual property object. The object of intellectual property is the right to the results of intellectual activity of a person. This right has a dual nature. On the one hand,

the author of the immaterial and the author of the material property object have similar property rights, since the right to the result of creative activity provides its owner with an exceptional opportunity to dispose of this result at his own discretion, as well as to transfer it to other persons, that is, it is similar to the right of ownership to tangible objects. From the other, along with the property right there is a non-proprietary right of the author to the results of intellectual activity. Thus, the intellectual property right is the sum of the triad of property rights (the right to own, use rights, the right to dispose of) and non-proprietary rights (the right to authorship, the right to inviolability of a work, etc.) [8, p. 10]. Having analyzed the existing civilist approaches, it can be argued that between these two types of property rights there are many significant differences, among which: 1) the difference between objects. Objects of property are property (physical and inborn thing), which is limited in space, that is, the right of ownership determines the state of property belonging to material wealth to individuals,

its use and disposal. The object of intellectual property is the results of creative activity, which are intangible (have an ideal nature) and can not be limited in space. The economic value of objects of intellectual property right does not depend on the material carrier on which they are located, since the medium is considered only as a way of transferring ideas, opinions and conclusions of the author to other persons. The designated status of intellectual property objects makes them very vulnerable to unfair use without the consent of the owner and is often the subject of offenses against intellectual property rights; 2) distinction in the direction of ownership and intellectual property rights. Ownership – the approval of the owner's domination over the things that belong to him and the authority to own, use and dispose of these things. The prohibition on the interference of third parties in this right is additional, of a protective nature. Exclusive intellectual property rights are directed at the prohibition of non-permissive use of intellectual property by third parties; 3) the difference in the methods of acquiring and termination of rights to the results of intellectual activity. The acquisition of prescription, find, alienation (the author does not completely lose contact with the object of creative activity, the latter continues to exist in the form of non-proprietary rights of the author), privatization cannot be applied to the intellectual property rights. The termination of the right is in accordance with the destruction, requisition, confiscation; 4) difference in duration of rights. Thus, according to the law, property rights have no time limits, while the duration of exclusive rights is clearly regulated; 5) distinction in action in a certain territory. Ownership recognizes the right of purchase of things in all countries of the world, that is, it does not affect the residence of the owner and the location of the property. At the same time, intellectual property rights are territorial in nature. This means that the rights acquired on the territory of one country are not recognized on the territory of another. To acquire exclusive rights in the territory of another state, you must first conclude relevant international agreements, and then properly register; 6) the difference in the application of legal instruments for protection. Ownership is based on property rights, and intellectual property rights on property and personal non-proprietary rights. For example, the owner of intelle-

ctual property rights can not demand his rejection because such thing does not exist. Consequently, on the basis of the foregoing, it can be concluded that the right of ownership and intellectual property law, in terms of civil law, belong to different legal categories, but in both cases the only system-forming term – property is used.

As it is known, scientifically substantiated systematization of the norms of the Special Part of the Criminal Code is essential, in particular, for the search of the norm to be applied, the clarification of the content of certain features of the syllables described by the prohibitive norms, the delimitation of related crimes, and also for the elucidation of the opinion of the legislator about the value of certain objects of criminal law protection [9, p. 3]. As V. Tatsiy correctly notes, "scientifically substantiated systematization in the Criminal Code of criminal and legal norms on the responsibility for individual crimes is essential for the application of this law, the clarification of its actual content, delimitation of related offenses, as well as orientation in the Criminal Code itself" [10, p. 14].

Traditionally, there are three main concepts of the notion "property". The first is social perception at the level of common sense, in which property is something belonging to anyone. The second is a legal one, in which property is treated as property relations (right of use, possession, disposal). The third is economic, that is understood as a system category, where the property is not the relation of a person to any object, but the relationship between people regarding the appropriation (alienation) of this object. It should be noted that in all three approaches to the concept there are criminal law features. In the first case, the property acts as a subject of a criminal offense. By the way, this subject has a criminal-law significance in the first place. The second and third of the selected concepts consider this category as the object on which the crime is directed. Violation of the existing procedure for alienation of property is always an offence. If, however, such alienation is carried out by means of the most dangerous means, there is a crime envisaged by the relevant articles of the Criminal Code of Ukraine [1, p. 47–49]. Modern intellectual property research also covers it in economic, legal, sociological and other fields. This again proves the lack of a unified approach in the theory of intellectual

property at the stage of its formation. Using the work of Marxism, European thought has developed a number of theories of intellectual property. Comparing the views of scientific schools of different times on the essence of intellectual property, it should be noted that it was the quintessence of the neoclassical, Marxist, neo-institutional approaches and laid the basis for the modern theory of intellectual property in the new economic conditions [2, p. 20]. Lawyers in defining the concept of "intellectual property" use such categories and concepts as "reason", "invention", "creativity" and others like that [3], which gives grounds to assert that the concept of "intellectual property" is much more complicated than "property" at least because it has structurally a non-material category such as "intelligence (reason)".

At the same time, the key to understanding the intellectual property institute is the fact of creating new knowledge. We emphasize that from the point of view of law, intellectual property is not the result of human intellectual activity as such, and the right to this result. According to the Civil Code of Ukraine, the right of intellectual property is a person's right to the result of intellectual, creative activity or other object of intellectual property rights. The results of intellectual activity of a person and commercial designations, unlike material objects, can not be protected from the use by third parties only on the basis of the fact that someone owns the right to them. Legislation in the field of intellectual property tries to protect the interests of right holders by providing them with appropriate time-limited rights that allow them to control the use of their objects of intellectual property rights. At the same time, these rights are acquired not in relation to material objects, which can be embodied in the results of creative work, but in relation to the generation of the human mind as such. Thus, it can be said with certainty that intellectual property rights is general term for certain results of intellectual activity of a person and commercial notations, which are intellectual values of non-material nature, and which may acquire rights similar to property rights that promote market activity [4, p. 6–7]. Consequently, intellectual property constitutes the law enshrined the right to the results of intellectual activity in the production, scientific, literary and artistic spheres. Intellectual property rights are exclusive (absolute) rights. This is due to the fact that the state

gives the owner of the intellectual property rights the full range of rights regarding the use and disposal. In this case, other entities (including the state) are not entitled to such use and should refrain from actions that may violate the absolute rights of the owner. Of course, ownership also refers to absolute rights, however, in our opinion, these terms differ a little. Although some scholars disagree with this approach, they recognize the property as a generic concept, which, in turn, is divided into two types: ownership of things (property) and intellectual property [5, p. 14–16; 6, p. 204]. Others hold a compromise position on this issue and point out that intellectual property in its material terms can in certain cases act as an object of ownership in its traditional (civil) sense. [7] Thus, a comparative analysis (from the point view of civil law), first of all, provided an opportunity to show and justify the differences between the object of ownership and intellectual property. This is done in order to understand the position of the legislator, who during the construction of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine placed criminal and legal prohibitions, designed to protect intellectual property, outside of Section VI of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine “Crimes against Property”. It is the features of the generic facility that allows for a scientifically based classification of crimes against property and crimes against intellectual property, and therefore, it is logical to place the relevant criminal law in the Criminal Code. Taking into account the said proposal on the transfer of criminal offenses against intellectual property to Section VI of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine [11], it means that its direct object is part of a more general concept – a generic object (property relations). We are going to analyze these categories. The conducted research [12, p. 165–169] gives grounds to assert that the generic object of crimes against property is a set of social relations in the sphere of property, where property is a “primary property”, that is, the relation of a concrete person to one’s and another’s as a key value of law. The legal expression of these relationships is the right of ownership, which gives all owners equal conditions for the acquisition and protection of these rights, that is, ownership in the objective sense as a set of legal rules that regulate and protect property relations. Direct object is property – “secondary property”, that is, the materialized attitude of man to the world. The legal expression

of these relationships is the subjective right to own, use and dispose of property belonging to specific subjects of property rights. In the course of the study, the point of view was grounded, which formed the basis of the estimated opinion that the intellectual property relations are part of a broader content of the generic object (property relations), not primarily based on the Civil Code of Ukraine, in which the third and fourth books are devoted respectively to the right of ownership and other material rights and intellectual property rights.

This shows that scientists distinguish intellectual property relations in a separate independent group of social relations. The scientists have developed specific features of these relationships: a special, clearly defined object – the result of intellectual creativity; special reason for occurrence; a combination of imperative and dispositive elements in determining the scope of rights and obligations of intellectual property subjects; their target character; a combination of material and obligatory elements in the process of the realising of rights and responsibilities, etc. [13, p. 332]. The object of intellectual property relations is the results of intellectual, creative activity, means of individualization and unfair competition and other objects that meet the requirements of the law established for them, and which, as a result, ensures criminal law protection. Thus, on the basis of the above it can be argued that the generic object of crimes against intellectual property is the social relations that constitute personal non-property and (or) proprietary intellectual property rights for objects of intellectual property rights protected under the criminal law (however not all of them, but only that which is protected by the norms of the Criminal Code of Ukraine (Articles 176, 177, 203, 229, 231, 232). In the plane of the generic object there are direct objects of crimes against intellectual property that are correlated with generic as a part and whole, they have social relations: 1) on the results of intellectual, creative activity; 2) in the sphere of established procedure of circulation of means of individualization of participants in the economic process; 3) regarding the protection of exclusive rights of individuals and legal entities from unfair competition. The subject of a crime against property is a particular thing (in the aspect of the obligation-real concept [14, p. 78–79]), and the subject of crimes against intellectual property – the results

of conscious intellectual creative activity of a human. Consequently, unlike things as an object of crime against property, the subject of a crime against intellectual property is always of non-material form.

Conclusions. Having explored the development of criminal legal protection of intellectual property rights in Ukraine, it should be concluded that, despite the changes made to the Criminal Code after Ukraine gained independence, the problem of criminal legal protection of intellectual property rights remained quite relevant. And the most important step in solving problems in this area was the adoption on April 5, 2001 by the Verkhovna Rada of Ukraine of the new Criminal Code of Ukraine. Criminal legal protection of intellectual property rights in the current Criminal Code of Ukraine is carried out by Art. 176, 177, 229 and others. However, according to the findings of international experts, the issue of criminal legal protection of intellectual property rights remains complex and relevant to the science of criminal law of Ukraine.

References:

1. Zhapinsky A. On the Relationship of Criminal and Civil Law in the Sphere of Economics. State and Law. 1999. No. 12. P. 47–52.
2. Khodakivsky Ye. Intellectual property: economic and legal aspects: textbook / Ye. Khodakivsky, V. Yakobchuk, I. Litvinchuk. K.: “Center for Educational Literature”, 2014. 276 p.
3. Gordienko S. Information Law and Intellectual Property Law: Relationship Issues. URL: file:///C:/Users/SZ740/Downloads/Chkup_2014_1_53%20(2).pdf
4. Zharov V. Protection of intellectual property rights. Protection of copyright and related rights. Industrial property rights protection: tutorial. CJSC “Institute of Intellectual Property”, 2003. 64 p.
5. Likhova S. Crimes against civil, political and social rights and freedoms of man and citizen under the Criminal Code of Ukraine (theoretical and legal research): author’s abstract. dis ... PhD: 12.00.08. K., 2006. 39 p.
6. Likhova S. Crimes in the realization of civil, political and social rights and freedoms of man and citizen (section V of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine): monograph. K.: Publishing and printing center “Kyiv University”, 2006. 573 p.

7. Naumov A. Russian Criminal Law. Course of lectures: in 2 t. T. 2. A special part. M.: Legal Literature, 2004. 832 p.

8. Fundamentals of Intellectual Property: monograph / ed. P. Tsybulova. K.: "K.I.S.", 2005. 448 p.

9. Zelenetskii V. Quantitative Approach to the Characterization of Structural Elements of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine. Kh.: East-regional center of humanitarian initiatives, 2001. 24 p.

10. Criminal Law of Ukraine: Special Part: textbook / Y. Baulin, V. Borisov, V. Ttiutygin and others; for ed. V. Stachis, V. Tatsiy. 4th species., Processed. and complemented. H.: Law, 2010. 608 p.

11. Demidova L. On the problem of systematization of objects of causing property damage under the current Criminal Code of Ukraine URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-problemesistemizatsii-obektov-prichineniya-imuschestvennogo-uscherba-podeystviyu-schemu-uk-ukrainy>

12. Dorokhina Y. New approaches to the definition of the concept of property in the theory of criminal law: a doctrinal analysis of the achievements of foreign scholars. Tavriysky National University named after Vernadsky. Series: Law Sciences. 2014. Volume 27 (66). No. 1. P. 163–174.

13. Kharitonova O. The problem of multilevel classification of civil legal relations of intellectual property. Law and management. 2011. No. 3. P. 332–339.

14. Dorokhina Y. Non-cash money as a subject of crime against property. Y. Dorokhina, O. Dudorov. Entrepreneurship, economy and law. 2014. № 5. P. 78–82.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Топчий Виталий Васильевич – Candidate of Law Sciences, Prosecutor of the Prosecutor's Office of the Kyiv region

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Топчий Виталий Васильевич – кандидат юридических наук, прокурор прокуратуры Киевской области

tv1959@ukr.net

УДК 349.6(477):504.3:632.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВАЗИВНЫХ ЧУЖЕРОДНЫХ ВИДОВ РАСТЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ МОЛДОВЫ, БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Эльбис ТУЛИНА,

кандидат юридических наук,

ассистент кафедры экологического права

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье проводится сравнительный анализ правового регулирования распространения и численности инвазивных чужеродных видов растений в Украине, Беларуси и Молдове. Раскрывается соотношение терминов «инвазивные чужеродные виды растений» и «вредные организмы» в законодательстве этих стран. Исходя из того, что распространение таких объектов и вредное воздействие, которое они наносят биоразнообразию и окружающей природной среде в целом, тяжело контролировать, обосновывается необходимость принятия мер, в том числе и правового характера, для регулирования их численности в Украине, учитывая нормотворческую практику других государств в этой сфере.

Ключевые слова: объекты растительного мира, инвазивные чужеродные виды растений, вредные организмы, карантин растений.

PLANTS INVASIVE ALIEN SPECIES LEGAL REGULATION BY LEGISLATION OF MOLDOVA, BELARUS AND UKRAINE (COMPARATIVE ANALYSIS)

Elbis TULINA,

PhD in Law, Assistant Professor at the Department of Environmental Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article gives a comparative analysis account of the plants invasive alien species expansion and multitude legal regulation in Ukraine, Belarus and Moldova. The correlation of terms “the invasive alien species of plants” and “noxious organisms” in the corresponding countries’ legislation is also shown. Proceeding from the fact that the expansion of such organisms, and their noxious impact on the biodiversity and on the environment, as a whole is difficult to be controlled, the necessity of taking appropriate measures, including the legal ones, is substantiated for regulating their multitude in Ukraine, taking into account the other countries’ standardization practice in this field.

Key words: flora world objects, invasive alien species of plants, noxious organisms, quarantine of plants.

Постановка проблемы. В начале XXI века мировое сообщество столкнулось с глобальными проблемами, а именно: постоянно возникающие угрозы как планетарного, так и регионального масштабов, катаклизмы, вспышки эпидемий, что, естественно, является своеобразным вызовом человечеству. Исходя из этого, в последнее время и ученые-экологи, и представители власти и общественности активно обсуждают распространение инвазивных чужеродных видов растений,

что, по их мнению, может привести к экологической катастрофе, масштабы которой нарастают. Учитывая это, в настоящее время, как никогда, возникает необходимость в проведении анализа правового обеспечения и регулирования как распространения, так и численности инвазивных чужеродных видов растений в Украине и других государствах, среди которых Беларусь и Молдова.

Актуальность темы исследования подтверждается тем фактом,

что на сегодняшний день отсутствует достаточное правовое обеспечение регулирования национальным украинским законодательством в сфере охраны окружающей среды распространения и вредного воздействия инвазивных чужеродных видов растений. Естественно, такое положение вызывает озабоченность и настороженность, поскольку биологические инвазии ныне рассматриваются как один из видов биологического загрязнения, а их распространение приводит к необратимым последствиям. Учитывая все сказанное, добавим, что международное сообщество уже неоднократно подчеркивало неотложность и необходимость решения этой проблемы. Так, Конвенцией о биологическом разнообразии (г. Рио-де-Жанейро, 1992 г.), а именно в ст. 8 (h), закреплена обязанность государств-участников предотвращать и предупреждать внедрение чужеродных видов, которые угрожают экосистемам, местам обитания или видам, а также контролировать или уничтожать их (в том числе, растения) [1]. В последнее время, как и во всем мире, научное сообщество и власть Украины, Молдовы и Беларуси особое внимание уделяют распространению таких инвазивных объектов растительного мира, как борщевик Сосновского (*Heracleum sosnowskyi* Manden), амброзия полыннолистная (*Ambrosia artemisiifolia* L.) и водный салат (*Pistia stratiotes*) и т.д., которые могут быть опасными не только для жизни и здоровья граждан, а и для окружающей природной среды в целом.

Состояние исследования. В связи со стремительным распространением и увеличением видового разнообразия инвазивных чужеродных видов растений на всей территории Украины, Молдовы и Беларуси вопрос правового регулирования этих процессов очень актуален. К сожалению, несмотря на значительный объем работ специалистов естественных наук относительно этой проблемы, научных исследований в сфере экологического права до этого времени не проводилось, что только повышает актуальность данной научной работы.

Целью и задачей статьи является изучение и сравнение законодательства Украины, Молдовы и Беларуси в сфере правового регулирования распро-

странения и численности инвазивных чужеродных видов растений. Новизна заключается в том, что автором впервые рассматриваются и сопоставляются положения нормативных актов Украины и других государств, касающиеся регулирования инвазивных чужеродных видов растений.

Изложение основного материала. Прежде всего необходимо отметить, что объектам растительного мира в Республиках Молдова, Беларусь, а также в Украине посвящены специальные поресурсные законы, а именно «О растительном мире» [13; 8; 9]. Познакомившись с этими актами, укажем, что они имеют похожую структуру и содержание. С учетом этого предлагаем изучить нормы этих законов и других правовых актов, которыми регламентируются правоотношения в сфере регулирования распространения и численности инвазивных чужеродных видов растений.

Так, Закон Республики Беларусь «О растительном мире» №205-3 от 14.06.2003 г. в ст. 1 определяет «*инвазивные растения*» как объекты растительного мира, находящиеся за пределами их естественного ареала, распространение и численность которых создают угрозу жизни или здоровью граждан, сохранению биологического разнообразия, причиняет вред отдельным отраслям экономики [8]. Следует обратить внимание на то, что одним из способов обеспечения охраны объектов растительного мира законодатель Беларуси видит именно регулирование распространения и численности инвазивных растений.

Кроме того, инвазивные виды растения вышеупомянутый Закон относит к отдельной категории растений (наряду с ядовитыми, содержащими наркотические вещества), в отношении которых, что вполне логично, предусматриваются отдельные мероприятия по регулированию их распространения и численности в целях охраны и защиты жизни и здоровья граждан, объектов животного мира и среды их обитания, объектов растительного мира и среды их произрастания, водных объектов, окружающей среды в целом, а также предотвращения причинения вреда отдельным отраслям экономики.

Составляющей правовой базы в этой сфере также является постанов-

ление Минприроды Республики Беларусь от 10.01.2009 г. № 2 «О некоторых вопросах регулирования распространения и численности видов дикорастущих растений» [7], в котором, в частности, говорится, что подлежат регулированию распространение и численность видов дикорастущих растений:

1) которые оказывают вредное воздействие;

2) представляют угрозу биологическому разнообразию, жизни и здоровью граждан в соответствии с перечнем видов дикорастущих растений;

3) тех, которые запрещены к интродукции и (или) акклиматизации. К слову, их перечень установлен постановлением Минприроды Республики Беларусь от 28.11.2008 г. № 106 «О некоторых вопросах регулирования интродукции и (или) акклиматизации дикорастущих растений». К этому постановлению прилагается также Инструкция «О порядке проведения мероприятий по регулированию распространения и численности видов дикорастущих растений, которые оказывают вредное воздействие и (или) представляют угрозу биологическому разнообразию, жизни и здоровью граждан» [7]. Отметим, что Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь разработаны ещё и критерии отнесения чужеродных видов диких животных и растений к инвазивным, они утверждены приказом Минприроды от 03.10.2016 г. № 264-ОД.

Позитивным моментом, заслуживающим детального изучения, является создание при Национальной академии наук Беларуси Центра по инвазивным видам животных и растений, к функциям которого отнесены регистрация, инвентаризация, ведение банка данных по чужеродным видам, разработка прогнозов и оценка последствий инвазий для состояния биоразнообразия и т. п.

По последней имеющейся официальной информации, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17.10.2018 г. № 744 одобрено 10 проектов международной технической помощи. Данное решение принято на основании предложений Комиссии по вопросам международного технического сотрудничества при Совете Министров. На ряду с другими проектами в этот список входит проект

«Снижение негативного воздействия чужеродных инвазивных видов растений на экосистемы и благосостояние людей в приграничном литовско-белорусском регионе» [10]. Исходя из сказанного, можем с уверенностью говорить о том, что в Республике Беларусь предпринимаются дальнейшие успешные попытки правового регулирования этих вопросов.

Параллельно с законодательством Республики Беларусь в вопросах регулирования инвазивных чужеродных видов растений развивается и нормативная база ещё одного государства, а именно Республики Молдова. В последнее время в связи с евроинтеграционными процессами во многих странах Содружества Независимых Государств происходят качественные изменения, в частности, это относится и к актам в сфере экологии. Закон Республики Молдовы «О растительном мире» не является исключением. Речь идёт о том, что Парламентом Республики Молдова с целью реализации норм Директивы 92/43/ЕЭС Совета от 21.05.1992 г. об охране естественных мест обитания, а также дикой флоры и фауны, и Регламента (ЕС) № 338/97 Совета от 9.12.1996 г. о сохранении видов дикой фауны и флоры путём контроля над торговлей был принят Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» № 162 от 20.07.2017 г.

В частности, этим Законом вводятся совершенно новые для законодательства Республики нормы, которые включают в себя механизмы регулирования, опираясь на положения которых регулируется вопрос инвазивных чужеродных видов растений. Так, ст. 4 Закона Республики Молдова «О растительном мире» была дополнена понятиями «чужеродные виды» и «инвазивные виды» следующего содержания: «чужеродные виды» – виды растений, случайно или преднамеренно введённые/распространённые из другой географической области как прямое или косвенное следствие человеческой деятельности, отсутствовавшие естественным образом в определённой области, в отношении которых известна история их эволюции в ареале естественного распространения, отличном от соответствующей зоны, способные конкурировать с местными видами, доминировать

над ними или оказывать на них отрицательное воздействие и даже замещать их; «инвазивные виды» – местные или чужеродные виды, расширившие ареал своего распространения или введённые случайно либо преднамеренно на данную территорию и/или воспроизводившиеся настолько интенсивно и агрессивно, что отрицательно воздействуют на некоторые из местных видов, определяя количественные и/или качественные изменения в структуре естественного биоценоза, типичного для определённого типа биотопа» [9].

Особое внимание, по нашему мнению, следует обратить на то, что законодатель закрепил определённые ограничения относительно использования некоторых объектов растительного мира. Так, с целью охраны естественной среды обитания и местных видов введены чужеродные виды, операции с инвазивными видами, а также возврат местных видов регулируются решением центрального органа публичной власти в области охраны окружающей среды Республики Молдова. Отмечается, что для введённых чужеродных видов обязательно предусматривается проведение научного исследования по их воздействию на местные виды растений.

В отличие от законодательства Республики Молдовы и Беларуси украинское законодательство не оперирует таким понятием, как «инвазивные чужеродные виды растений», что не соответствует установившейся международной практике в этой сфере.

Существующий массив законодательных актов, среди которых Закон Украины «О карантине растений», а также приказ Министерства аграрной политики Украины № 716 от 29.11.2006 г., которым утверждён Перечень регулируемых вредных организмов, оперирует другими терминами, а именно «вредный организм», под которым понимается любой вид, штамм или биотип растений, животных, патогенный агент, вредный для растений или продуктов растительного происхождения. Добавим, что к ним можно также отнести насекомых, клещей, грибки, бактерии, вирусы, нематоды и сорняки [11]. Учитывая сказанное, стоит отметить, что не все инвазивные виды растений соответствуют требованиям отечественного фитосанитарного законодательства и критериям, по кото-

рым их можно отнести к списку регулируемых вредных организмов, то есть используемый в нормах права термин «вредный организм» включает и некоторые инвазивные виды чужеродных растений, но регулированию подлежат только те виды, которые входят в Перечень, тем самым исключая виды растений, которые не подпадают под критерии «вредного организма».

Однако в таких условиях остаются без внимания другие виды инвазивных растений. Начиная с 2013 года важной проблемой стало появление и распространение такого инвазивного чужеродного вида высшей водной растительности, как водный салат, что может привести к резкому ухудшению экологического состояния бассейна р. Северский Донец [14, с. 83, 84]. Сегодня наблюдается значительное увеличение количества инвазивных видов растений, поэтому о необходимости обновления и пересмотра этого Перечня уже неоднократно говорили специалисты других научных сфер, в частности, учёные в области биологии, экологии и сельского хозяйства. Как видим, в настоящее время можно вести речь о ненадлежащем правовом обеспечении обращения не только с чужеродными инвазивными видами растений из Перечня, но и с теми, которые не занесены в него, среди них, например, водный салат (*Pistia stratiotes*) и другие виды фитопланктона. Именно поэтому следует предусмотреть новые эффективные меры борьбы с этими «растительными агрессорами».

Учитывая сказанное, возникает вопрос о соотношении терминов «инвазивные чужеродные виды растений» и «вредный организм». Например, фитосанитарное законодательство Республики Беларусь, в частности Закон «О карантине и защите растений», и Молдовы, а именно Закон Республики Молдова «О защите растений и фитосанитарном карантине», также оперируют понятием «вредные организмы». Так, по законодательству Республики Молдовы «вредный организм» – любой вид, разновидность или биотип растений, животных или патогенных агентов, включая вирусы, микоплазмы или иные патогены, вредные для растений или растительных продуктов и наносящие экономический ущерб. Похожий термин «вредные организмы» содер-

жится и в белорусском законодательстве, который трактуется как вредители растений и (или) растительной продукции, возбудители болезней растений и сорняки. Кроме того, упомянутые нормативно-правовые акты преследуют одну цель, а предметом их регулирования являются: предупреждение массового распространения вредных организмов, предотвращение потерь урожайности и получение качественной сельскохозяйственной продукции, в частности экологической; защита территории страны от проникновения, распространения и/или заноса из других стран карантинных организмов [5]; определение правовых, организационных и экономических основ защиты растений от вредителей, болезней и сорняков, карантина растений, способы обращения со средствами защиты растений, что, естественно, направлено на предотвращение потерь растительной продукции [6].

Как видим, отдельные проанализированные выше нормы, которые касаются регулирования инвазивных чужеродных видов растений, в законах «О растительном мире» Республики Беларусь и Молдовы, а также правовая регламентация вопросов распространения вредных организмов является частью фитосанитарного законодательства этих государств. Кроме того, термины «инвазивные чужеродные виды растений» и «вредный организм» соотносятся как часть и целое. Однако главным является то, что первый применяется при регулировании распространения и численности именно инвазивных чужеродных видов растений, к которым отнесены объекты растительного мира, а именно дикорастущие и другие несельскохозяйственного назначения сосудистые растения, мохообразные, водоросли, лишайники, грибы на всех стадиях развития и образующие ими природные сообщества, распространение и увеличение численности которых может негативно влиять на биологическое разнообразие и окружающую природную среду в целом, в то время как «вредные организмы» – фитосанитарных правоотношений в сфере защиты жизни и здоровья растений.

Между тем, несмотря на отсутствие правовых норм, посвящённых регулированию инвазивных чужерод-

ных видов растений, в украинском законодательстве о растительном мире отдельные вопросы относительно этих объектов частично регламентированы национальными украинскими актами. Так, Законом Украины «Об основных принципах (стратегии) государственной экологической политики Украины на период до 2020 года» от 21.10.2010 г. № 2818-VI с целью прекращения потерь биологического разнообразия поставлена задача создания системы мер по видам-вселенцам и обеспечения контроля за внесением видов в экосистемы [12].

Кроме того, ст. 22 Закона Украины «О растительном мире» от 09.04.1999 г. № 591-XIV закреплено, что для охраны здоровья населения, предупреждения заболевания животных и причинения ущерба растительному миру, хозяйствующими субъектами могут приниматься меры, направленные на регулирование распространения и численности отдельных видов дикорастущих растений (ядовитых, наркосодержащих, карантинных и т.п.), которая, к сожалению, на данный момент является единственной, именно она обеспечивает правовое регулирование растений, не занесённых в перечень вредных организмов. Хотя в этой норме прямо не упоминается такая категория, как инвазивные чужеродные виды, она непосредственно должна включать и эту категорию объектов растительного мира. Итак, на сегодня поднятый вопрос требует немедленного решения.

В то же время в Законе Украины «О растительном мире» от 09.04.1999 г. № 591-XIV предусмотрена необходимость разработки и утверждения перечня дикорастущих видов растений, распространение и увеличение численности которых подлежат регулированию, а также порядок осуществления соответствующих мероприятий. В настоящее время, к сожалению, эти документы не приняты, что не позволяет говорить о наличии надлежащего правового обеспечения в этой сфере.

Справедливости ради следует отметить, что в Национальном докладе о состоянии окружающей природной среды в Украине в 2014 году указаны следующие меры, направленные на обеспечение контроля и уменьшение угроз со стороны инвазивных растений: разработка Национальной стра-

тегии контроля неаборигенных организмов; создание информационного центра при центральном органе исполнительной власти, отвечающего за экологическую политику; разработка государственных программ по мониторингу неаборигенных видов и выполнению государственных заказов на научные исследования адвентивных растений, в первую очередь инвазивных, для обеспечения их инвентаризации; изучение состояния и динамики популяций в конкретных экосистемах в зависимости от действия отдельных факторов и т.д.; проведение экономической оценки вредности адвентивных, в т. ч. инвазивных видов растений; оценка природных территорий на предмет засорённости видами с высокой инвазивной способностью [4, с. 112]. К сожалению, эти меры были лишь частично предприняты, что негативно сказалось на состоянии окружающей природной среды, а также не позволило реализовать экологическую политику нашего государства в целом.

К сказанному добавим, что учёные не стоят в стороне, в частности, ими предложены пути решения проблемы правового обеспечения чужеродных инвазивных видов растений в Украине на законодательном уровне, а также в соответствии с мировой и европейской стратегиями разработан проект Национальной стратегии по инвазивным видам [2, с. 46].

Положительным моментом в этом году стало создание рабочей группы по вопросам чужеродных инвазивных видов Министерством экологии и природных ресурсов Украины, цель которой – наработка организационно-правовых путей усиления борьбы с неконтролируемым проникновением и распространением видов-вселенцев. Кроме того, членами группы начата работа по написанию Национальной стратегии Украины по борьбе с распространением инвазивных чужеродных видов [3]. В частности, подготовлены соответствующие изменения в акты законодательства по проблеме инвазивных чужеродных видов. Надеемся на быстрое реагирование со стороны органов государственной власти и решение поставленных задач.

Выводы. Анализ положений законодательства позволяет констатиро-

вать, что на сегодняшний день в Украине отсутствует нормативная база в сфере регулирования распространения и численности инвазивных чужеродных видов растений, в отличие от законодательств Республик Молдова и Беларуси, которые являются более полными. Исходя из этого, ныне существует необходимость внедрения в украинское законодательство новых правовых норм с учётом практики правового обеспечения этих проблем в рассмотренных государствах. Правда, законодательствам Украины, Молдовы и Беларуси в этой сфере присущи общие черты, поскольку основы были заложены ещё учёными советского экологического права, но с учётом развития общественных правоотношений и возникновения новых угроз для биологического разнообразия и окружающей природной среды появляются новые проблемы, решение которых возможно с учётом международных норм, а также благодаря стремлению государств к сближению национального законодательства с базой Европейского Союза.

Таким образом, для того чтобы украинское законодательство соответствовало международному, по нашему мнению, научному сообществу и законодателям следует разработать и принять соответствующие акты и внести изменения в действующее законодательство в этой сфере. Так, следует закрепить понятие «инвазивные чужеродные виды растений» в Законе Украины «О растительном мире», а также разработать и определить меры относительно регулирования распространения и численности этих видов растений. Согласимся с мнением других учёных касательно необходимости разработки и принятия в перспективе Национальной стратегии Украины по борьбе с распространением инвазивных чужеродных видов, что будет являться наиболее эффективным способом регулирования возникающих проблем в этой сфере.

Дальнейшее исследование и решение правовых проблем в этой сфере может быть предметом будущих научных изысканий в рамках предложенной темы, а именно изучение проблем правового регулирования инвазивных чужеродных видов животного мира, а также правовое регулирование других

видов биологических угроз для окружающей природной среды.

Список использованной литературы:

1. Конвенція про охорону біологічного різноманіття: від 5 черв. 1992 р. / Верховна Рада України: офіц. веб-портал. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_030.31 (дата звернення: 01.10.2018)

2. Міністерство екології та природних ресурсів України. Конвенція про біологічне різноманіття. П'ятий національний звіт України. Київ, 2015. URL: http://old.menr.gov.ua/docs/activitydopovidi/UKRAINE_5th_Nat_Rep_CBD_ua.pdf

3. Мінприроди напрацьовує план боротьби з неконтрольованим проникненням та розповсюдженням інвазивних чужорідних видів: Офіційний сайт Міністерства екології та природних ресурсів України. URL: <https://menr.gov.ua/news/32627.html> (дата звернення: 01.10.2018).

4. Національна доповідь про стан навколишнього природного середовища в Україні у 2014 році. Київ: М-во екології та природних ресурсів України, ФОП Грінь Д.С. 2016. 350 с.

5. О защите растений и фитосанитарном карантине: Закон Республики Молдова от 23.09.2010 г. № 228. Государственный реестр юридических актов Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/ru/336925/> (дата обращения: 01.10.2018).

6. О карантине и защите растений: Закон Республики Беларусь от 25.12.2005 г. № 77-3. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11600398&p1=1> (дата обращения: 01.10.2018).

7. О некоторых вопросах регулирования распространения численности видов дикорастущих растений: Постановление М-ва природ. ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 10 янв. 2009 г. № 2. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2009. № 69. С. 94–98.

8. О растительном мире: Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10300205&p2={NRPA}> (дата обращения: 01.10.2018).

9. О растительном мире: Закон Республики Молдова от 08.11.2007 г. № 239. Государственный реестр юридических актов Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=327015&lang=2> (дата обращения: 01.10.2018).

10. Одобрено 10 проектов международной технической помощи. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2018/october/30893/> (дата обращения: 01.10.2018).

11. Про карантин рослин: Закон України від 19.01.2006 р. № 3369-IV (зі змін.). Відомості Верховної Ради України. № 19–20. 167 с.

12. Про Основні засади (стратегію) державної екологічної політики України на період до 2020 року: Закон України від 21 груд. 2010 р. № 2818-VI. Відомості Верховної Ради України. 2011. № 26. Ст. 218.

13. Про рослинний світ: Закон України від 9 квіт. 1999 р. № 591-XIV. Відомості Верховної Ради України. 1999. № 22/23. Ст. 198.

14. Регіональна доповідь про стан навколишнього природного середовища у Харківській області у 2013. Харків: Департамент екології та охорони навколишнього природного середовища ХОДА, 2014. 225 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Туллина Эльбис Евгеньевна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры экологического права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tulina Elbis Yevhenivna – PhD in Law, Assistant Professor at the Department of Environmental Law of Yaroslav Mudryi National Law University

elbis.tulina@gmail.com

UDC 340.12:37.035

THE PECULIARITIES OF RELATIONSHIP BETWEEN MORAL AND LAW IN MILITARY ACTIVITY IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY OF UKRAINE

Vladimir FEDORENKO,

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Social Sciences
of Zhytomyr Military Institute of S. P. Korolev

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of features of relationship between law and morality in military activity, which essentially influences on worldview formation, moral and legal consciousness (self-consciousness) of the servicemen, their moral and legal socialization. The author's methodological approach to consideration of dialectics of general and special in relationship between law and morality in military activity, according to its specificity and forms is offered even in the conditions of conducting hybrid war. Investigating features of interrelation of law and moral in the military sphere, the author emphasizes that significantly effect on condition of law and moral regulation of behavior of the military personnel according to system of moral standards and of law and moral regulation of behavior of the military personnel according to system of moral standards and general documents in the areas of defense and national security of Ukraine.

Key words: morality, law, interrelation, general, special, military activity, law and moral regulation.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ МОРАЛИ И ПРАВА В ВОИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ

Владимир ФЕДОРЕНКО,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры общественных наук
Житомирского военного института имени С. П. Королева

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу особенностей взаимосвязи морали и права в воинской деятельности, которая существенно влияет на формирование мировоззрения, морального и правового сознания (самосознания) военнослужащих, их морально-правовую социализацию. Предложен авторский методологический подход к рассмотрению диалектики общего и особенного во взаимосвязи морали и права в воинской деятельности с учетом особенностей и видов, в том числе и в условиях ведения гибридной войны. Исследуя особенности взаимосвязи морали и права в воинской сфере, автор подчеркивает, что она существенно влияет на состояние морально-правового регулирования деятельности и поведения военнослужащих в соответствии с системой моральных норм и нормативно-правовых актов в сфере обороны и национальной безопасности Украины.

Ключевые слова: мораль, право, взаимосвязь, общее, особенное, воинская деятельность, морально-правовое регулирование.

Introduction. An important area of reforming of Armed Forces of Ukraine in modern conditions of European integration and cooperation with NATO is effective law and moral regulation of activity and behavior of the military personnel. Theoretical and methodological foundation of the regulating influence is represented relationship law and morality in military sphere, which appears as many-sized process, and determined by multifaceted military activity and needs of Ukrainian society in the personality of the motherland defender.

Relevance of research. Further ensure of national security of the state isn't possible without reforming of Armed Forces of Ukraine (AFU), which are characterized by a certain number of staff, the quantitative and qualitative characteristic of weapon

and military equipment, the level of strategic, task force, moral and legal and psychological preparation of officers and degree of learning, politeness and moral and psychological persistence of military personnel. High alert and the fighting ability find the definition in the unity of physical and spiritual elements of army. The latter's role considerably rises in the conditions of hybrid war.

Previously unsettled problem constituent. The problem of relationship between moral and legal in military activity in a domestic and western scientific discourse are considered in interdisciplinary and philosophical, legal, psycho-pedagogical, sociological, political studios. This problem has long been a major focus of attention of many scien-

tists: V. Abramova, E. Afonina, M. Variya, A. Zachepy, S. Skurikhina, B. Kaverina, M. Mayevskogo, V. Mandrageli, M. Trebina, H. Appel, A. Lasas, J.H. Payton and many others. Almost all researchers pay attention to lack of works, which open process of interrelation of morality and law in military activity, its complexity, inconsistency and peculiarity. Paying tribute to the theoretical and practical importance of the previous scientific knowledge it is necessary to recognize that problems of interrelation of morality and law in the military sphere hasn't become a subject of philosophical and legal analysis yet and it is considered fragmentary without taking into account today's reality which are determinants as in military activity and interrelation's process.

Main purpose of the article. The purpose and task of the article is the determination of features of relationship between moral and legal, which is largely influenced by specific kind of activity, namely military activity, which inherent essential features in the conditions of contemporary Ukraine and its Armed Forces.

Results. In analyzing the relationship between moral and legal in military activity eurointegration questions of Ukraine needed special attention, which have begun to take international and legal definiteness since EU has headed for “expansion on East”. The new course provided, that the countries, which apply for membership in the united Europe have to pass a number of transformations, which did possible adaptations to the norms and standards of the EU. Only successful implementation by candidates’ countries of all conditions granted the right for membership in the EU. Such practice received the name “Europeanization” in scientific literature. The most laconic and at the same time comprehensive definition of this phenomenon is given F. Schimelpfenning and U. Sedelmayer. [1, p. 12].

Relationship between the EU as the political and economic commonwealth and NATO as the military block is covered in H. Appel’s [2] and A. Lasas’s [3] researches. A place of Ukraine in new system of the European safety is a subject of analysis of T. Bukkvol [4]. The particular interest is scientific works where the authors open essence and the content of negative external influences. V. Vakulych proves that the process of globalization causes a number of negative influences for purely political and cultural character [5]. The tendencies of de-sovereignization of modern states are noticed in the researches by V. Smolyanuk, especially need to strengthen of military power of Ukraine and improvement of strategy of patriotic behavior [6; 7]. The problem of summarize the main methodological principles of improvement of moral and legal regulation activity and behavior of military personnel at the present stage of reforming of Armed Forces of Ukraine is being inadequately addressed.

Difficulty of feature of the relationship of law and morality in military activity is in many respects caused by its particularity, which are defined by army organization, special character of each type in the performance condition of educational and military mission. The objective character of the relationship morality and law

is the basis of legal education in Armed Forces of Ukraine. This is illustrated by experience of military management at all levels. The results of sociological studies show that 87.9% indicated a need for moral and legal behavior regulation of servicemen. Moreover, 78.5 of respondents consider that in practice requires appropriate methods and practical recommendations regarding use of moral standards at application of legal educational tools of servicemen. At the same time the question: “Do you have knowledge of the specifics of the relationship of morality and law in military activity?” 62.4% answered that they do not have such knowledge (most of them are management entities of company link). It generates insufficient effectiveness of moral and legal behavior regulation of the serviceman and their moral and legal education.

State program of reforming and development of Armed Forces of Ukraine (AFU) as a guarantor of its defense, sovereignty and territorial integrity, along with the military organizational aspects update a wide range of military and humanitarian problems whose solution should provide humanitarian and political security. The perception of fundamental changes in Armed Forces is largely due to the level of moral and legal consciousness and culture, spiritual formation, patriotic, moral and legal values. Expediency of essence research and substance in law and morality in military activity is shaped by system transformation of Ukrainian totalitarian social in civil society which is followed not only social and economic and political, but also a crisis of outlook and values; the available social reality which often negatively effect on behavior of servicemen; insolvency of present moral and legal educational system to respond to the changes adequately in style and form of soldier’s behavior; statements of new European norms concerning their rights, duties and restrictions; change the minds not only of regular and contract service, but who brings them up; increasing the number of believers among personnel and approval of institute chaplains in Armed Forces of Ukraine. The important of further improvement of moral and legal education of servicemen, effective work forms and work methods search which are provided high quality performance of educational and combat mission by them. Relationship between moral and law in military activity also military globalization actualize the problem, geopolitical challenge,

and the international terrorism, hybrid and information warfare which require the timely decision some of problems both in theoretical and in practical aspects, creation of effective system of moral and legal education in Armed Forces of Ukraine. This makes it possible to realize the instrumental function and power of the army more effectively. This conception was developed by the Anglo-American school of “political realism” D. Kethleen, H. Morgenthau etc. The famous American political scientist S. Huntington emphasized that the main purpose of officers in armed forces: 1) formation, equipment and combat training of the military personnel; 2) planning of operations; 3) realization of operation. It means control of operation and servicemen at the time of taking up the main function – use of force” [8, p. 13]. The same idea is clearly expressed and Z. Bzhezynskyi in his book “Grand Chessboard” [9, p. 40].

Reforming of Armed Force of Ukraine in the context of Euro-Atlantic integration, cooperation with NATO, military cooperation with other countries of the world, cancelling Ukrainian non-block status increases standards of moral and legal socialization of servicemen according to the criteria of Western Europe and the USA.

The latest events connected with annexation by Russia of the Crimea, carrying out Operation of united force (OUF) in the East of Ukraine revealed soft spots in the Ukrainian army activity, including moral and legal regulation activity and behavior of the servicemen. Considering the dialectic of general and special in the relationship between morality and law in military activities, it is important to understand that it has a significant impact on a specific type of activity, namely, military activity, which has significant features [11].

The first feature is that the basis of military activity is more spiritual, than the material incentives and motives. Military activity is not of a substantive and productive nature. Despite the fact that servicemen do not produce material values, their activities are socially significant. This follows from the Constitution of Ukraine, the Laws of Ukraine: “On the Armed Forces of Ukraine”, “On General Military Duty and Military Service”, “On Social and Legal Protection of Servicemen and their Family Members”, etc. In modern conditions, the serviceman of the Armed Forces of Ukraine is required not only to have legal knowledge, but also a high level of patriot-

ism and civic maturity, moral reliability, initiative and creativity.

The second feature is that military activity in modern conditions is characterized by an increase in the role of mental labor.

This feature is associated with an objective trend in the development of military affairs. And this, in turn, requires highly developed in the general cultural and technical respect of a person. The process of improvement and further development of the system "man is military equipment" leads to the introduction of complex computer technology and automated control systems.

The third feature describes the target social orientation of military activity. Analyzing social orientation, we must take into account that the objectives of military activities are specified through the connection of the soldier and the subject of his activity – military equipment and weapons. The attitude of a warrior to military equipment and weapons does not have a significant social meaning while the limits of technological, procedural aspects of activity are analyzed. Not only the old Cossack saber, but also the modern tank, aircraft, rocket are not in themselves moral or immoral objects. But, when analyzing the objects of military activity in their actual ties and functions performed – serving the cause of peace, protecting the state or invading war – the substantive activity becomes a bearer of social meaning. Military activities cannot be considered outside the state. The need for society to have and use of the army in specific circumstances became the basis for the emergence of military activity as an independent form of human activity. The purpose of military activity is that it is associated with the provision of socio-political services, ensuring the political interests and goals of the state. But for this purpose it is necessary to isolate the structural elements of the army, which is determined by its ability to fulfill its historical purpose and internal organization. In this context, the army is a set of groups interconnected by homogeneous, necessary and sufficient elements. The reason for the selection of classes of homogeneous, uniform elements in the army as subjects of military activity are: a) specific servicemen as individuals when they are included in military activities; b) functioning groups of servicemen: units, units of troops and types of armed forces; c) the army as a whole. In the study of the first class of elements, it should be remembered that the primary car-

rier of the quality of the army is a serviceman, included in a particular social group and in which he carries out certain military activities. For the primary element of the army, it is impossible to take a separate military servant outside his ties with society, the army, and other military personnel. Subjects of the second class of elements are characterized by the fact that they act as a coherent active subsystem of the army, which performs a certain group of functions and therefore features a specific behavior.

Both types of subjects of military activity and relations are products of the development of the army. They arise and develop within it, and outside of the connections with it, they cannot be understood and investigated. As a result of their interaction, the army, its subsystems receive a concrete reality. It functions and develops as a holistic organism. Separation of types of subjects of military activity allows determining their place and role in the army, to reveal the nature of social relations between them, and as a consequence makes it possible to take into account these features in the analysis of the relationship of morality and law in military activities.

Each type of activity is aimed at meeting the existing and emerging needs of servicemen, the army and society as a whole. These include different needs (material, spiritual, technical, etc.). Their satisfaction is needed to ensure armed struggle, coordinated work of personnel, support for constant readiness and high combat readiness of the armed forces, receiving and sending information, etc. Classification of relations between subjects and objects of military activity by its species is still insufficient to reveal their content. The very activities of subjects must also have a basis for division. These are the objects of military activity, which generate interconnection between actors. Therefore, the object of their relationship is the intermediary between the subjects of military activity (destruction of the enemy, delivery of means of combat damage, management of personnel and military equipment, transportation of facilities, etc.). Such military objects become carriers of the content of a particular type of relationship on which they are established. In this aspect, relations between actors act as the relationship of subjects about specific objects, their content. This gives an opportunity to study the various needs and interests of servicemen that arise in the process of functioning and development of the army

and the impact on the nature of the relationship of morality and law that ensures their satisfaction in the process of military activity. Separating from the whole set of needs, needs that are most significant at a certain stage of the army's existence, it is important to have an idea of the content of the relationship of morality and law. Moreover, the understanding of these processes suggests that each new stage in the development of the army can generate new specific, specific historical needs, and as a consequence, new features of the relationship of morality and law in military activities. The separation of activities characteristic of a specific sphere of activity of servicemen, classification of specialties of servicemen, performance of specific functions in the course of armed struggle (basic, auxiliary, maintenance functions, etc.) allows to determine the purpose, place and role of each type of military activity for the functioning and development of the army. The structure of activity of the subjects of military activity, which in turn contributes to the definition of a general and special relationship of morality and law.

A ground for the identification of classes of homogeneous elements is a specific way of carrying out military activities. It includes means to meet the needs of the army, the tools of military activity, their ability to operate and the means of realizing their capabilities within society.

Since the specific kind of needs corresponds to a particular means of satisfying them, the means themselves become a necessity for the army and society. Particular attention deserves the analysis of military activities in the performance of combat missions while operation of united forces.

Russian aggression against Ukraine, the fighting in the East of the country is actualized the attention of researchers to the relationship of morality and law in military activities in the context of the Anti-terrorist operation (ATO). This interconnection is determined by a number of factors, in particular, terrorism and the antiterrorist activity of the Armed Forces of Ukraine, the active use of counter-subversive social technologies by the enemy, which had a significant impact on the morale and psychological state of servicemen, a complex heterogeneous social structure of personnel (reservists, volunteers, Military personnel, contractors, mobilized, etc., in most of them from 27 to 60 years old), often hostile, of the local population to the Ukrainian warriors. Certain

tensions in social relations, both in society as a whole, and in the army in particular, relate to the liberation from mobilization of certain categories of citizens, the ability of wealthy, empowered citizens to avoid mobilization (virtually among the mobilized, there are no children of ministers, deputies and themselves).

Significant influence on the nature of the relationship of morality and law in military activity was institutionalized military-service relations in the ATO. Depending on the institutionalization of military-service relations among participants, formal and informal groups of military personnel are distinguished. If in the formal group the situation and behavior of the military are clearly regulated by military charters, and interpersonal relations are formed within the limits established officially, then the informal group has no clear organization, official elected positions, statuses, is not officially defined and the limit of the association. The order and it is based on traditions, relations of respect and authority. It has a peculiar moral code. It should be borne in mind that if in a peaceful time an informal group, as a rule, arises within a formal organization, then a new tendency appears in the OUF – a formal organization is formed on the basis of informal. It is especially characteristic of volunteer battalions (Aidar, Donbass, Azov, DUK, etc.). Often the basis of their emergence was, on the one hand, participation in the Eurovision 2013–2014, and, on the other hand, a criminal past. The experience of driving OUF has shown that some of the troops after the shots or direct vision of the wounds and deaths of their fellow countrymen was demoralized.

According to the research, in the daily activities of the troops mental disturbance is observed in 4–6% of the personnel, with the training of combat activities – from 15–20%, and during the battle, from 30 to 86% (depending on the intensity, the number of wounded and killed) [12, p. 62]. And here is the task before the commander to be able to quickly “assemble” the soldier and orient the battle.

Special influence on the nature of the relationship of morality and law in military activities in the ATO has the state of the relationship between the local population and the military in the places of their temporary deployment. The state of military discipline and offenses in the troops depend to a large extent on him. Previously, it was

thought that suicide, crime, drunkenness, drug addiction, harsh treatment with local residents, captives, robbery, desertion, and other deviations from social norms – these are the remnants of the past, and that there will be a moment in the development of society when they disappear altogether. But at the beginning of the twentieth century, French sociologist E. Dürkheim came to the conclusion that social deviations, including criminality, are phenomena that cannot be completely eliminated. That is, in any society there were, are and will be people, who through internal, external causes, or their interconnection, violate the social norms that are common in society. For society, it is important that social deviations do not take such a critical mass that would jeopardize its existence [13, p. 35–43].

Without a doubt, the phenomenon of social deviation is closely linked to the interconnection of morality and law, inherent in the Armed Forces of Ukraine, because the army is an integral part of the state and society and servicemen – the Ukrainian people. Therefore, all positive and negative tendencies of behavior and patterns, which inherent in society are fully manifested in the behavior of servicemen. In addition, the armed forces with a clear regulation of military service is a social institution with their specific social norms. In the army, the behavior of servicemen is regulated more rigorously, unlike other institutions of society. The degree of this regulation dramatically increases in the times of war. In this regard, servicemen are more likely to deviate from the norms, as the value-normative system of the armed forces leaves them lesser degree of freedom in choosing behavior. Therefore, the problem of law and order and military discipline remains relevant for the Armed Forces of Ukraine. Even more actual, as the real military practice shows becomes in the conditions of the OUF, in the conditions of the hybrid war. As can be seen from the analysis, military activity is multifaceted. It definitely effects the peculiarities of the relationship of morality and law in military activities, which also appears as a multi-faceted process.

Conclusions. Reforming the Armed Forces of Ukraine in modern conditions requires the availability of the appropriate legal and regulatory framework. The study of the real process of the relationship of morality and law in military activity shows that its specific features are determined: firstly, a concrete expression

of the objective conditionality of this process; and secondly, the specifics of the process of interconnection; and thirdly, the specific meaning of general, typical objectives of military activity.

The relationship between morality and law in military activities is objective and is the basis for organizing the process of moral and legal education of servicemen of the AFU.

References:

1. Шіммельфеннінг Ф. Європеїзація Центральної та Східної Європи / Ф. Шіммельфеннінг, У. Зедельмаєр. / пер. з англ. К.: Юніверс, 2010. 288с.
2. Apple H. Expansion of NATO and the European Union. N.Y.: Keck Strategic Studies, 2007. 129 p.
3. Lasas Ainius. European Union and NATO Expansion: Central and Eastern Europe. London: Palgrave Macmillan, 2010. 226 p.
4. Bukkvoll T. Ukraine and European Security. London: Royal Institute of International Affairs, 1997. 129 p.
5. Вакулич В.М. Компаративно-політичні виміри та глобалізаційні імперативні протидії міжнародному тероризмові: дис. д-ра політ. наук за спеціальністю: 23.00.04 «Політичні проблеми міжнародних систем та глобального розвитку». Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України. К., 2007. 400 с.
6. Смолянук В.Ф. Десуверенізація сучасних держав: необхідність теоретичного осмислення. Вісник Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого. Сер.: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2014. № 1. С. 170–187.
7. Смолянук В.Ф. Духовна різниця України та Росії (на прикладі патріотичних стратегій). Науково-інформаційний вісник Академії національної безпеки. 2016. № 1–2. С. 116–130.
8. Хантингтон С. Солдат и государство: теория и политика гражданско-военных отношений. Социально-политические науки. 1991. № 9. С. 17–24.
9. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / пер. с англ. О.Ю. Уральская. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.
10. Рафальський І. О. Національно-державне самовизначення України: внутрішні чинники та зовнішні впливи.

К.: ПiЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України; Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М., 2016. 480 с.

11. Загорка О.М. Элементы дослідження складних систем військового призначення / О.М. Загорка, С.П. Мосов, А.І. Сбитнев, П.І. Стужук. К.: НАОУ, 2005. – 100с.

12. Зеленков М.Ю. Морально-психологический фактор и обороноспособность страны. Военная мысль. 2000. № 2. С. 61–64.

13. Батмазов В.А. Основное направление укрепления воинской дисциплины и формирования здоровой атмосферы в воинских коллективах. Военная мысль. 2003. № 10. С. 35–43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedorenko Vladimir Valeryevich – PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Sciences of Zhytomyr Military Institute of S. P. Korolev

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федоренко Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Житомирского военного института имени С. П. Королева

Kopytovaira@i.ua

УДК 349.3

МЕСТО ЖИЛИЩНЫХ СУБСИДИЙ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Татьяна ХРЕНОВА,

соискатель кафедры гражданского и хозяйственного права
Донецкого юридического института
Министерства внутренних дел Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование социальных льгот, в частности, жилищных субсидий как организационно-правовой формы социального обеспечения населения. Сделан вывод, что жилищные субсидии в системе организационно-правовых форм социального обеспечения населения занимают одно из весомых мест, так как их главное назначение – социальная поддержка определенных категорий граждан, временно оказавшихся в тяжелом экономическом положении. Отмечено, что сегодня государство уже делает определенные шаги в повышении адресности жилищных субсидий, хотя еще существуют определенные проблемы, в частности: а) нормативно-правовые акты содержат ряд проблемных моментов; б) главная цель правительства – поддержка малоимущего населения, выполняется не в полной мере; в) в результате повышения тарифов на оплату жилищно-коммунальных услуг население, даже используя субсидии, вынуждено платить огромные счета.

Ключевые слова: население, социальное обеспечение, льготы, жилищная субсидия, адресность.

PLACE OF HOUSING SUBSIDIES IN THE SYSTEM OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF SOCIAL SECURITY OF THE POPULATION

Tatyana KHRENOVA,

Applicant at the Department of Civil and Business Law
of Donetsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

SUMMARY

The article conducts a study of social benefits, in particular, housing subsidies as an organizational and legal form of social security for the population. It is concluded that housing subsidies in the system of organizational and legal forms of social welfare of the population occupy one of the most significant places, since their main purpose is social support for certain categories of citizens in difficult economic conditions. It is noted that today the state is already taking certain steps to improve the targeting of housing subsidies, although there are still certain problems, in particular: a) the regulatory and legal acts contain a number of issues; b) the main goal of the government is to support the poor, is not fully implemented; c) as a result of an increase in tariffs for housing and communal services, the population even using subsidies, has to pay huge bills.

Key words: population, social security, benefits, housing subsidy, targeting.

Постановка проблемы. Переход Украины к рыночным отношениям, обострив социальные проблемы, поставил в центр общественного мнения и государственной политики вопросы дальнейшего развития социальной защиты населения, основная цель которой заключается в обеспечении надлежащего уровня жизни членов общества, повышении их благосостояния, поддержке отдельных

категорий граждан в случае наступления социальных рисков (малообеспеченность, инвалидность, сиротство, бедность и т.д.), а также обеспечении социальной справедливости и социально-политической стабильности в стране.

Опыт развитых стран показывает, что нормальное параллельное функционирование рынка и надежной системы социальной защиты

населения – это необходимая и своеобразная плата общества, бизнеса и работодателя за социальный мир, стабильность существующей системы и возможность ведения надлежащей хозяйственной деятельности [1, с. 4]. Это нашло подтверждение и на конституционном уровне. В частности, в соответствии со ст. 46 Основного Закона страны граждане имеют право на социальную защиту, включающую право на обеспечение их в случае полной, частичной или временной потери трудоспособности, кормильца, безработицы по независящим от них обстоятельствам, а также в старости и в иных предусмотренных законом случаях [2].

И.М. Сирота отмечает особое значение права социального обеспечения в современных условиях. Возрастающее значение социального обеспечения, влияние его на все стороны жизни человека качественно изменили и саму отрасль права социального обеспечения, и характер ее взаимодействия с другими отраслями права. В любой индустриально развитой цивилизованной стране, где существуют рыночные отношения, социальное обеспечение выступает в качестве гарантий реализации прав и свобод граждан. Ученый подчеркивает, что в современных условиях право социального обеспечения развивается на основе новых принципов, концепций, охватывает новые группы отношений, которые находились ранее за пределами данной отрасли права [3, с. 142]. Б.И. Сташків, в свою очередь, считает, что социальное обеспечение – это виды и формы обеспечения материального, которое предоставляется на предусмотренных законом или договором условиях из специально созданных для этого фондов лицам, которые по независящим от них жизненным обстоятельствам не имеют достаточных средств к существованию [4, с. 25].

Состояние исследования. Научный анализ проблем организационно-правовых форм социального обеспечения осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать В.В. Андреева, Н.Б. Болотину, Е.В. Москаленко, С.Н. Прилипко, С.Н. Синчук, И.М. Сироту, Б.И. Сташківа, Л.П. Шумну, О.М. Ярошенко и др.

Целью и задачей статьи является исследование социальных льгот, в частности жилищных субсидий, и их место в системе организационно-правовых форм социального обеспечения населения.

Изложение основного материала. По мнению Н.И. Полупанова, форма социального обеспечения – это совокупность государственных и общественных мероприятий по обеспечению граждан на основании закона материальными благами, льготами и услугами алиментарного характера из общественных фондов потребления, характеризующихся единством круга лиц, тождеством системы формирования фонда обеспечения и самостоятельностью организационной структуры [5, с. 17]. Трансформирует этот подход к современным реалиям Л.П. Шумная, утверждая, что организационно-правовая форма социального обеспечения представляет собой законодательно предусмотренный способ организации осуществления права граждан на такое обеспечение, имеющий специальные задания, обусловленный социальными рисками, видами обеспечения, кругом субъектов, которые их получают и которые их предоставляют, а также источниками и порядком формирования соответствующих средств. Значение исследуемых форм заключается в том, что они создают основу для более рационального распределения финансово-материальных ресурсов на социальное обеспечение и их использование на основании принципа социальной справедливости [6, с. 236].

В свою очередь С.Н. Синчук и В.Я. Бурак организационно-правовые формы социального обеспечения различают по следующим признакам: а) способ аккумуляции денежных средств, за счет которых осуществляется такое обеспечение; б) круг субъектов, получающих социальное обеспечение за счет указанного финансового источника; в) виды обеспечения за счет определенной организационно-правовой формы; г) система органов, предоставляющих социальное обеспечение [7, с. 100].

При этом следует помнить, что организационно-правовые формы социальной защиты постоянно транс-

формируются и наполняются новым содержанием. Однако четкое и понятное их определение является основой и гарантией своевременной и в полном объеме реализацией человеком конституционного права на такую защиту.

С.Н. Прилипко как самостоятельные выделяет такие организационно-правовые формы социального обеспечения: а) социальное страхование за счет обязательных страховых взносов в соответствующий Фонд общеобязательного социального страхования и добровольных взносов в него или в негосударственные страховые фонды; б) государственное обеспечение и предоставление социальных услуг отдельным категориям граждан за счет Государственного бюджета; в) социальная помощь и социальная поддержка нетрудоспособных граждан за счет Государственного и местных бюджетов [8, с. 284, 285]. По мнению Е.В. Москаленко: «Такое понимание организационно-правовых форм позволяет государству и обществу рационально осуществлять через систему социального обеспечения перераспределение совокупного валового внутреннего продукта на основании принципа социальной справедливости» [9, с. 22].

По мнению Л.П. Шумной, к организационно-правовым формам социального обеспечения следует отнести:

1) государственное социальное обеспечение: а) социальное обеспечение за счет средств Государственного бюджета – виды, условия, нормы и порядок социального обеспечения, а также круг лиц, которые на него имеют право, устанавливаются исключительно законами Украины, а объемы финансирования ежегодно определяются в Государственном бюджете Украины; б) социальная поддержка – система социального обеспечения лиц, которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах и не могут самостоятельно их преодолеть, за счет средств Государственного и местных бюджетов; в) социальные льготы и субсидии;

2) негосударственное социальное обеспечение – добровольное социальное страхование, негосударственное пенсионное обеспечение, обеспе-

чение за счет средств юридических и физических лиц;

3) смешанное (партнерское) социальное обеспечение – общеобязательное социальное страхование [10, с. 207–208].

Одной из организационно-правовых форм социального обеспечения населения выступает жилищная субсидия – адресная, безналичная, безвозвратная помощь государства малообеспеченным семьям на оплату жилищно-коммунальных услуг, получение которой не связано и не влечет за собой изменения формы собственности жилья. Главное ее назначение – социальная поддержка определенных категорий граждан, временно оказавшихся в тяжелом экономическом положении. Ее предоставление осуществляется на основе адресности, доступности, необратимости, гуманности, целевого использования средств, а также на основании установленных законом социальных стандартов. Каждая субсидия должна быть обоснованной, правомерной и справедливой. При ее установке законодатель ставит цель – социально защитить, улучшить положение отдельных лиц, перевести процесс удовлетворения их интересов в более благоприятный режим. Предоставление жилищной субсидии направлено на помощь населению по оплате жилищно-коммунальных услуг и топлива в условиях значительного роста тарифов. Ее основным результатом было оставление по оплате жилищно-коммунальных услуг.

Следует отметить, что программа жилищных субсидий стала первой социальной программой, разработанной на основе адресности, то есть с использованием механизма проверки доходов (материального положения) домохозяйства-претендента.

Сегодня на государственном уровне уделяется значительное внимание повышению адресности социального обеспечения. Хотя еще существуют определенные проблемы при назначении жилищных субсидий. Как отмечает И.И. Колосовская, существующая отечественная система социальной защиты характеризуется рядом существенных недостатков, среди которых: а) несовершенство

системы государственной социальной помощи; б) несправедливость распределения государственных социальных трансфертов; в) низкая адресность при предоставлении социальной поддержки и ориентация на экстенсивный охват ею населения [11, с. 153].

Соблюдение адресности жилищных субсидий как одной из форм социального обеспечения свидетельствует о достижении таких целей, как поддержка нуждающихся лиц, оказание помощи, услуг, выплат именно тем лицам, которые действительно в ней нуждаются. Поскольку в обеспечении адресности реализуется само назначение социального обеспечения. В то же время неэффективная модель адресности, в частности субсидий, влечет: а) неэффективное и нецелевое использование средств Государственного бюджета на помощь тем категориям лиц, которые в этом объективно не нуждаются; б) функционирование ненадлежащей системы перераспределения доходов среди населения; в) недоверие к публичной администрации в сочетании со значительными административными расходами на обеспечение администрирования предоставления жилищных субсидий; г) усиление иждивенческих настроений в обществе.

Для преодоления многочисленных негативных явлений, обусловленных низким уровнем адресности социального обеспечения, целесообразно в правовом регулировании каждого вида и формы социального обеспечения определять методы обеспечения адресности. Например, И.А. Синицына выделяет такие методы обеспечения адресности социальной помощи:

1) прямое оценивание степени нуждаемости (право на социальную помощь имеют те лица/домохозяйства, чей результат оценивания не превышает определенную пороговую величину. Как правило, полученная информация о доходах и активах сверяется с информацией из иных источников, особенно, если органы социальной помощи в своей работе тесно взаимодействуют с другими ведомствами);

2) балльный метод оценки степени нуждаемости (предусматривает рас-

чет дохода на основании очевидных характеристик (состав домохозяйства, местонахождение и качество жилья, владение предметами длительного пользования и т.п.);

3) предоставление социальной помощи или социальных услуг гражданам/домохозяйствам определенных целевых категорий. Кроме простоты администрирования, этот метод имеет черты универсальности и поэтому часто используется как политический инструмент. Ограничивает его применение то, что принадлежность граждан к той или иной возрастной группе или полу и даже к категории безработных очень слабо коррелирует с бедностью;

4) географический метод (помощь предоставляется лицам, проживающим в определенном регионе);

5) метод обеспечения адресности социальной помощи на основе территориальных общин (категории получателей социального обеспечения определяются самой территориальной общиной. Результаты его применения во многом зависят от того, как отдельные члены территориальной общины оценивают собственное материальное положение и упорядочивают себя и других по степени нуждаемости);

6) метод самоотбора (адресную социальную помощь может получить любой, но предполагается, что будут отбирать тех как получателя помощи только малообеспеченные граждане. В его основе лежит идея свободного выбора; ни один внешний механизм целевого направления помощи не применяется. Одним из самых распространенных практических применений метода самоотбора получателей социальной помощи является предложение общественных работ с низкой заработной платой, которой вряд ли воспользуется кто-то, кроме бедных граждан) [12].

Выводы. На основании изложенного следует отметить, что жилищные субсидии в системе организационно-правовых форм социального обеспечения населения занимают одно из весомых мест, так как их главное назначение – социальная поддержка определенных категорий граждан, временно оказавшихся в тяжелом экономическом положении. Жилищ-

ные субсидии как особый вид льгот фактически уравнивают финансовые возможности граждан в потреблении ими услуг. На первый взгляд, существование такой разновидности социальных льгот может показаться нарушением принципа равенства и справедливости. Однако если обратить внимание на их назначение, то становится понятным, что наоборот, они направлены именно на установление социальной справедливости, поскольку предоставляются малообеспеченным семьям. Справедливость в данном случае означает гарантирование государством социального обеспечения в случае наступления сложных жизненных обстоятельств, а также соответствие такого обеспечения существующим потребностям человека. В данном случае это уравнительный тип справедливости, ведь здесь имеем дело с людьми, которые не могут самостоятельно преодолеть жизненные невзгоды.

Сегодня государство делает определенные шаги в повышении адресности жилищных субсидий, но, несмотря на это, существуют определенные проблемы, в частности: а) нормативно-правовые акты содержат ряд проблемных моментов; б) главная цель правительства – поддержка малоимущего населения, выполняется не в полной мере; в) в результате повышения тарифов на оплату жилищно-коммунальных услуг население, даже используя субсидии, вынуждено платить огромные счета. Поэтому главная цель государства – улучшение экономического положения населения пока еще не в полной мере достигнута.

Список использованной литературы:

1. Гончаров В.О. Соціальне обслуговування як організаційно-правова форма соціального забезпечення: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.05. Київ, 2011. 199 с.
2. Конституція України від 28.06.1996 р. № 254к/96-ВР. Відомості Верховної Ради України. 1996. №30. Ст. 141.
3. Сирота И.М. Развитие национальной научной школы права социального обеспечения в Украине. Наукові праці Одеської національної

юридичної академії. 2003. Т. 2. С. 142–145.

4. Білас Ю.Ю. Європейські стандарти прав людини в контексті правозастосування сучасної України: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.12. Київ, 2011. 228 с.

5. Полупанов М.И. Формы социального обеспечения в СССР и их развитие. Труды ВЮЗИ. Социальное обеспечение в СССР за 60 лет (правовые аспекты). Москва: РИО ВЮЗИ, 1979. С. 16–27.

6. Шумна Л.П. Соціальна підтримка як організаційно-правова форма соціального забезпечення: дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.05. Чернігів, 2014. 455 с.

7. Синчук С.М., Бурак В.Я. Право соціального забезпечення України: навч. посіб. Київ: Т-во «Знання», 2003. 306 с.

8. Прилипко С.М. Предмет права соціального забезпечення: дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.05. Харків, 2007. 382 с.

9. Москаленко О.В. Принципи соціального страхування в сучасних умовах господарювання: дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.05. Харків, 2013. 427 с.

10. Шумна Л.П. Організаційно-правові форми соціального забезпечення. Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право. 2014. Вип. 24. Т. 2. С. 205–208.

11. Колосовська І.І. Сучасні підходи у реформуванні соціальної політики держави як регулятора розвитку соціальної сфери. Ефективність державного управління. 2015. Вип. 43. С. 152–158.

12. Сініцина І. Забезпечення адресності соціальної допомоги за допомогою бального методу з'ясування ступеня нужденності заявників: огляд літератури. CASE Україна. URL: <http://www.case-ukraine.com.ua/archive/publications/bbce5795d84cb6f68cf6470b395b8eb8.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хренова Татьяна Юрьевна – соискатель кафедры гражданского и хозяйственного права Донецкого юридического института Министерства внутренних дел Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khrenova Tatyana Yurievna – Applicant at the Department of Civil and Business Law of Donetsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

130398@i.ua

УДК 347.7/.78(470+571)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПУБЛИЧНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УКРАИНЕ

Андрей ХРИДОЧКИН,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры общеправовых дисциплин
Днепропетровского гуманитарного университета

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы организационно-правовые основы публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности в Украине, охарактеризован административно-правовой статус субъектов публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности и определены пути их усовершенствования. Осуществлен анализ способов публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности, который свидетельствует о наличии их значительного количества, использование которых позволяет субъектам публичного администрирования достичь целей управленческой деятельности. Акцентируется внимание на необходимости использования в управленческой деятельности наиболее перспективных форм и методов публичного администрирования. Предлагаются пути усовершенствования административно-правового статуса субъектов публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности, реализация которых позволит значительно повысить эффективность их деятельности.

Ключевые слова: публичное администрирование, организационно-правовые основы, субъект публичного администрирования, объект публичного администрирования, интеллектуальная собственность, сфера интеллектуальной собственности.

ORGANIZATIONAL-LEGAL PRINCIPLES OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY IN UKRAINE

Andrey KHRIDUCHKIN,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of General Law Disciplines
of Dniprovskii University of the Humanities

SUMMARY

It is performed the characterization of administrative and legal status of central executive power bodies of Ukraine in the sphere of protection the rights of intellectual property and the ways to improve their functioning. The article analyzes jurisdictional forms of administration of legal relations in the field of intellectual property, proves the presence of their significant number, the use of which allows administrators to achieve the objectives of management activities. Today, there are also no specific types of legal acts of governance that may be issued by the subjects of administration in this area, as well as the extent of their legal influence on the participants in security public relations. The existence of a large number of current legal acts of management issued by the abovementioned subjects justifies the need for the development of scientifically substantiated criteria for their classification and further systematization, which can positively influence the improvement of the availability of information contained in management acts, for physical and legal persons. The establishment of rules of sub-legal nature in the process of management activity in this area is practically embodied in administrative law making.

Key words: public administration, organizational-legal principles, subject of public administration, intellectual property, sphere of intellectual property.

Постановка проблемы. Публичное администрирование сферы интеллектуальной собственности в Украине осуществляется субъектами публичного администрирования. Группу этих субъектов составляет определённая законодательством система органов исполнительной власти, их должностными лицами и другими субъектами, наделёнными государственно-властными полномочиями, позволяющими им оказывать регулирующее влияние на данную группу общественных отношений и их участников с целью обеспечения правомерности владе-

ния, пользования и распоряжения правами на объекты интеллектуальной собственности. Прежде чем давать характеристику наиболее оптимальным способам администрирования сферы интеллектуальной собственности, необходимо определиться с уже имеющимся перечнем форм такого воздействия. В процессе осуществления администрирования сферы интеллектуальной собственности его субъекты и сейчас используют значительный арсенал способов воздействия на участников данной группы общественных отношений. Совокупность

же используемых способов администрирования нуждается в соответствующем анализе, к тому же в надлежащей классификации. Выполнение задачи классификации способов администрирования будет иметь как практическое, так и теоретическое значение.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что практическое значение выполнения данной задачи связано с необходимостью применения всей совокупности способов администрирования, это откроет достаточно широкие возможности для более чёткого и эффективного использования

каждого из способов в практической деятельности соответствующих субъектов администрирования. Теоретическая же ценность состоит в том, что её решение будет способствовать более глубоко и всестороннему анализу самой сущности администрирования сферы интеллектуальной собственности.

Состояние исследования. Детальный анализ публикаций, посвящённых исследованию проблем публичного администрирования сферы интеллектуальной собственности, свидетельствует о недостаточном внимании современных авторов к характеристике особенностей различных форм администрирования с учётом конкретной сферы применения. Поэтому в имеющихся в незначительном количестве работах по данной проблематике (Ю.Л. Бошицкого, Т.А. Коломоец, В.К. Колпакова, В.М. Марчука, Н.П. Матюхина, Г.Н. Шаульской и некоторых других), как правило, освещаются общие проблемы использования традиционных способов администрирования для выполнения управленческих задач. Применение же различных форм администрирования в сфере интеллектуальной собственности требует учёта особенностей объекта администрирования – правоотношений интеллектуальной собственности.

Целью и задачей данной статьи является анализ организационно-правовых основ публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности в Украине и определение перспективных направлений их усовершенствования.

Изложение основного материала. Анализ организационно-правовых основ публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности целесообразно начать с наиболее распространённой формы – издание правовых актов администрирования. Примечательным при этом является тот факт, что достаточно часто в научной литературе отмечается, что применение данного способа администрирования возможно в двух формах – издание нормативных и издание индивидуальных (ненормативных) актов [1, с. 76; 2, с. 121–122; 3, с. 145]. Считаем, что подобная классификация не выглядит достаточно аргументированной, ведь в обоих случаях речь идет об одном и том же явлении – одностороннем

властном волеизъявлении. Кроме того, большое количество актов администрирования содержат в себе одновременно как нормы права, так и ненормативные положения. Существуют и акты администрирования, содержащие директивные указания, для реализации которых издаются как нормативные, так и ненормативные акты – им в данной классификации вообще не находится места [4, с. 49]. Наверное, следует сначала говорить об одной из форм издания актов администрирования, а уже потом проводить дальнейшую классификацию актов уже внутри этой группы.

Следовательно, в процессе администрирования правоотношений в сфере интеллектуальной собственности уполномоченные субъекты могут издавать два основных вида актов администрирования: нормативные и индивидуальные. Основное предназначение нормативных актов – исполнение и детализация законов, обеспечивающих правовой режим охраны прав на объекты интеллектуальной собственности, а также более детальная регламентация отношений между участниками. Они рассчитаны на долгосрочное и многоразовое использование. Установление норм права подзаконного характера в процессе администрирования сферы интеллектуальной собственности воплощается в административном правотворчестве. Благодаря наличию таких полномочий у субъектов администрирования есть возможность оперативно реагировать на подведомственную им сферу общественной жизни. Практика публичного администрирования подтверждает, что с помощью нормативных актов определяются конкретные задачи, права и обязанности, полномочия и ответственность участников управленческих отношений. Так, например, Кабинет Министров Украины издал постановление от 23 августа 2016 г. № 585, которым была ликвидирована Государственная служба интеллектуальной собственности Украины, а задачи и функции реализации государственной политики в сфере интеллектуальной собственности были возложены на Министерство экономического развития и торговли. Этим актом было установлено, что данное Министерство является правопреемником Государственной службы интел-

лектуальной собственности в части реализации государственной политики в сфере интеллектуальной собственности. Государственная же служба интеллектуальной собственности должна была продолжать осуществлять полномочия и выполнять функции, ранее на неё возложенные, до вступления в силу акта Кабинета Министров Украины о возможности осуществления этих полномочий Министерством экономического развития и торговли [5]. Но при этом, к сожалению, как и в случае с ликвидированной этим постановлением Государственной службой интеллектуальной собственности, не определена ответственность нового субъекта администрирования за ненадлежащее исполнение возложенных на него задач, в том числе и тех, которые связаны с охраной прав на объекты интеллектуальной собственности. Как и не были сформированы основные линии взаимодействия между различными элементами системы публичного администрирования сферы интеллектуальной собственности. Эта проблема становится особенно актуальной, поскольку потеряла силу и часть других постановлений Кабинета Министров Украины (например, Постановление от 21 июля 2005 г. № 621 «О создании Межведомственного координационного совета интеллектуальной собственности на сорта растений»), которые регулировали именно эти вопросы.

В свою очередь нормативно-правовые акты администрирования, продолжающие регулирование правоотношений в сфере интеллектуальной собственности и сегодня, требуют своего дальнейшего усовершенствования. Так, например, Постановлением Кабинета Министров Украины от 10 августа 1994 г. № 545 «Об утверждении Положения о представителях в делах интеллектуальной собственности (патентных поверенных)» [6] установлен ряд ограничений, при наличии которых лицо не может претендовать на получение им статуса патентного поверенного. Кроме того, определён и круг лиц, которые вообще не могут стать патентными поверенными. А в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины от 17 мая 2002 г. № 674 «Об утверждении Положения о государственном инспекторе в вопросах интеллектуальной собственности Государственного департамента

интеллектуальной собственности» [7] на государственного инспектора возлагается ряд специальных обязанностей. Так, в случае обнаружения нарушений законодательства в сфере интеллектуальной собственности, а также нарушений при производстве, экспорте и импорте дисков для лазерных систем считывания, содержащих признаки преступления, немедленно сообщать об этом в соответствующие правоохранительные органы; в случае обнаружения признаков административного правонарушения по статьям 51-2, 164-9 и 164-13 Кодекса Украины об административных правонарушениях составлять протокол об административном правонарушении и передавать его на рассмотрение в суд. А в случае проведения осмотра и изъятия продукции, содержащей объекты интеллектуальной собственности (экземпляры аудиовизуальных произведений, фонограмм, видеogramм, компьютерных программ и баз данных, которые производятся, распространяются, предоставляются в прокат, сберегаются, используются или перемешаются с нарушением требований законодательства) – составлять протокол или делать соответствующую запись в протоколе об административном правонарушении. С целью выполнения возложенных на него задач государственный инспектор имеет право: проверять у субъектов хозяйствования с целью изучения на необходимый срок (но не более чем на 30 дней) объекты права интеллектуальной собственности в случае, если существует обоснованное подозрение совершения нарушений законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Государственным инспектором осуществляются правоохранительные функции и предусматриваются юридические гарантии охраны установленного порядка отношений.

Таким образом, под нормативным актом администрирования как способом управления в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности необходимо понимать акт компетентного органа управления, наделённого государственно-властными полномочиями, изданный в установленном законом порядке и форме и содержащий в себе нормы права. Будучи актом правотворчества, он направлен на создание, замену или прекращение правовых норм, рассчитан на неограниченный срок действия и на

неограниченный круг лиц, на многократное использование с сохранением действия норм независимо от степени их исполнения [8, с. 121].

Одновременно с правотворческой деятельностью субъекты администрирования правоотношений в сфере интеллектуальной собственности издают также и индивидуальные (ненормативные) акты, которые являются доминирующими среди всех остальных актов. Индивидуальные акты, распространяя своё действие на отдельные субъекты – физические и юридические лица, имеют ярко выраженный правоприменительный характер, будучи по своей юридической природе распорядительными актами. Их существование обуславливается властно-организационным характером публичного администрирования, и как следствие, администрирование сферы интеллектуальной собственности, необходимостью каждодневного и непрерывного осуществления разнообразных управленческих функций, оперативной защиты и восстановления в случае необходимости нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности. Они являются юридическими фактами, обуславливающими возникновение, смену или прекращение конкретных административно-правовых отношений в данной сфере администрирования. В таком понимании индивидуальный правовой акт выступает в качестве управленческого решения [9, с. 87; 10, с. 7], призванного обеспечить юридическую форму содержанию деятельности субъектов администрирования сферы интеллектуальной собственности.

Непосредственные цели и характер индивидуальных актов администрирования, а также объёмы их использования в практике управленческой деятельности очень разнятся. В наиболее общем виде можно говорить о наличии как минимум двух крупных групп таких актов: оперативно-исполнительные и правоохранительные. В обоих этих случаях присутствует основная цель администрирования – обеспечение надлежащего поведения участников правоотношений в сфере интеллектуальной собственности. Однако достижение цели возможно различными способами. Главное, что характеризует исполнительскую деятельность

субъектов администрирования, состоит в том, что они в своих индивидуальных актах, как правило, используют или реализуют диспозицию соответствующей правовой нормы (если речь идёт об оперативно-исполнительном акте). Это деятельность так называемого позитивного характера. В процессе её осуществления, во-первых, конкретизируются права, обязанности и полномочия участников управленческих отношений в связи с оперативным регулированием этих отношений (например, создание государственного предприятия «Украинский институт интеллектуальной собственности»); назначение на должности руководителей и сотрудников. Во-вторых, происходит утверждение должностных инструкций или положений о структурных подразделениях органов администрирования, а также создание комиссии для проверки соблюдения лицензионных условий осуществления хозяйственной деятельности по экспорту и импорту дисков для лазерных систем считывания и т. д.

Индивидуальные акты субъектов публичного администрирования сферы интеллектуальной собственности реализуют санкцию правовой нормы, воплощая в себе юрисдикционную деятельность этих органов (например, решение о привлечении лица к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ст. 51-2 Кодекса Украины об административных правонарушениях; применение финансовых санкций к лицам, виновным в нарушении требований Закона Украины «Об особенностях государственного регулирования деятельности субъектов хозяйствования, связанной с производством, экспортом, импортом дисков для лазерных систем считывания [11] и т. д.).

Следующим способом публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности является административный договор, исследованию сущности которого в последнее время уделяется всё больше внимания [12, с. 82]. Наличие указанного способа администрирования в практике субъектов администрирования рассматриваемой сферы объясняется общей тенденцией развития форм и методов административно-правового регулирования общественных отношений, где

существенная роль отводится построению диспозитивных начал публичного администрирования. Именно этот факт позволяет использовать административные договоры в рассматриваемой сфере управленческой деятельности. Целесообразно перечислить основные черты, присущие административным договорам, которые заключаются с участием субъектов администрирования сферы интеллектуальной собственности. Так, административный договор является правовой формой деятельности этих субъектов, поскольку он непосредственно порождает правовые последствия, то есть является или актом правотворчества, или актом правоприменения, или же объединяет черты обоих этих актов. Нормы административного права, как правило, являются основой административного договора, а сам договор позволяет субъектам охранительной деятельности выполнять их публично-правовые задачи. Кроме того, предметом административного договора являются вопросы управления, а обязательным участником административного договора является субъект администрирования (государственный орган или его должностное лицо), имеющий соответствующие властные полномочия. Право на заключение административного договора предусматривается в соответствующих нормативных актах, а выполнение условий административного договора его участниками обеспечивается специфическими способами. То есть административный договор как форма администрирования сферы интеллектуальной собственности – это соглашение, которое заключается на основе норм административного права субъектом администрирования сферы интеллектуальной собственности с другими участниками охранительных правоотношений и которое содержит общеобязательные правила поведения (имеет нормативный характер) или устанавливает (изменяет, прекращает) конкретные правоотношения между его участниками (имеет индивидуальный характер).

Выводы. Таким образом, изучение организационно-правовых основ публичного администрирования в сфере интеллектуальной собственности свидетельствует о наличии большого количества способов этой деятельно-

сти. Использование же данных способов позволяет субъектам публичного администрирования достигать целей управленческой деятельности. При этом на сегодняшний день многие из этих способов требуют дальнейшего усовершенствования и прежде всего процедурного. Обязательного решения требуют вопросы разработки единых, научно обоснованных процедур выработки и принятия актов администрирования, в первую очередь нормативных. Остаются нерешенными проблемы в определении конкретных видов правовых актов управления, которые могут быть изданными субъектами администрирования сферы интеллектуальной собственности, а также объем их правового влияния на участников соответствующих общественных отношений. Наличие значительного количества действующих правовых актов управления, изданных этими субъектами, требует разработки научно обоснованных критериев их систематизации и дальнейшей классификации.

Список использованной литературы:

1. Коломоец Т.О. Вступ до навчального курсу «Адміністративне право України» / Т.О. Коломоец, В.К. Колпаков. К.: Ін Юре, 2014. 240 с.
2. Колпаков В.К. Курс адміністративного права України: підручник / В.К. Колпаков, О.В. Кузьменко, І.Д. Пастух, В.Д. Сущенко та ін. 2-ге вид., перероб. і допов. К.: Юрінком Інтер, 2013. 872 с.
3. Мельник Р.С., Бевзенко В.М. Загальне адміністративне право: навчальний посібник / За заг. ред. Р.С. Мельника. К.: Ваіте, 2014. 376 с.
4. Сердюк І.А. Поняття та особливості нормативно-правового акта. Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка. 2017. Вип. 2. С. 44–51.
5. Деякі питання оптимізації діяльності центральних органів виконавчої влади державної системи правової охорони інтелектуальної власності: Постанова Кабінету Міністрів України від 23 серпня 2016 р. № 585. URL: <http://www.zakon.rada.gov.ua/laws/show/585-2016-p>
6. Про затвердження Положення про представників у справах інтелектуальної власності (патентних повіре-

них): Постанова Кабінету Міністрів України від 10 серпня 1994 р. № 545. URL: <http://www.zakon.rada.gov.ua/laws/show/938-97-p>

7. Про затвердження Положення про державного інспектора з питань інтелектуальної власності Державного департаменту інтелектуальної власності: Постанова Кабінету Міністрів України від 17 травня 2002 р. № 674. URL: <http://www.zakon.rada.gov.ua/laws/show/674-2002-p>

8. Чабан В.П. Підготовка та прийняття нормативно-правових актів органами публічної адміністрації. Наука і правоохорона. 2014. № 2. С. 119–125.

9. Макаренко М.В. Особливості обґрунтування управлінського рішення на основі критерію ефективності / М.В. Макаренко, Н.Л. Сапельнікова, В.В. Оніщенко. Менеджер. 2017. № 4. С. 86–95.

10. Петруня Ю.Є. Управлінські рішення та «суспільна думка»: макrorівневий аналіз. Науковий погляд: економіка та управління. 2017. № 1. С. 5–11.

11. Про особливості державного регулювання діяльності суб'єктів господарювання, пов'язаної з виробництвом, експортом, імпортом дисків для лазерних систем зчитування: Закон України від 17 січня 2002 року № 2953-III. URL: <http://www.zakon.rada.gov.ua/laws/show/2953-14>

12. Дмитрук І.М. Співні питання, пов'язані з укладанням адміністративного договору. Вісник Запорізького національного університету. Юридичні науки. 2017. № 2. С. 79–84.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хридошкин Андрей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общеправовых дисциплин Днепровского гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khridochkin Andrey Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of General Law Disciplines of Dniprovskii University of the Humanities

Khridochkina@ukr.net

УДК 342.9

ФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ПО ОБЖАЛОВАНИЮ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ КОЛЛЕГИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Юрий ЦВИРКУН,
кандидат юридических наук,
соискатель кафедры административного и хозяйственного права
Запорожского национального университета

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена формам административного судопроизводства при рассмотрении дел, ответчиком в которых являются коллегиальные субъекты публичной администрации. Автором проведено исследование правовой категории «форма административного судопроизводства» и осуществлен анализ видов форм административного судопроизводства, предусмотренных новой редакцией КАС Украины. Обращено внимание на коллизии норм процессуального права, регулирующие соответствующие правоотношения. Предложено рассмотреть вопрос о внесении изменений в отечественное законодательство с целью устранения коллизий норм права и их усовершенствования.

Ключевые слова: формы административного судопроизводства, коллегиальные субъекты публичной администрации, общее исковое производство, упрощенное исковое производство.

FORMS OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS WHEN CONSIDERING APPEALS AGAINST DECISIONS, ACTIONS OR OMISSIONS OF COLLEGIAL SUBJECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Yuriy TSVIRKUN,
PhD in Law,
Applicant at the Department of Administrative and Business Law
of Zaporizhzhya National University

SUMMARY

The article is devoted to the forms of administrative legal proceeding in cases with collegial subjects of public administration as respondents. The author studied the legal category “the form of administrative proceeding” and analyzed the types of the forms of administrative proceedings that are listed in the new edition of the Administrative Court of Ukraine. The attention is drawn to the conflicts of the procedural law that regulates the relevant legal relationships. It is proposed to consider introducing changes to the legislation in order to eliminate conflicts of legal norms and their improvement.

Key words: forms of administrative legal proceeding, collegial subjects of public administration, general proceeding, simplified lawsuit.

Постановка проблемы. Кодекс административного судопроизводства Украины (далее – КАС Украины) в редакции, действующей с 15 декабря 2017 года, предусматривает ряд новелл. Обновленные процессуальные нормы вводят правовые категории, которых не было в предыдущей редакции Кодекса. Все они заслуживают апробации на практике и научного изучения. Одним из нововведений КАС Украины, которому стоит уделить внимание, является правовая категория «форма административного судопроизводства». Также актуальным является исследование видов форм судопроизводства, установленных КАС Украины, и особенностей производства по отдельным категориям дел, в частности ответчиками в которых выступают коллегиальные субъекты публичной

администрации. Кроме того, следует обратить внимание на недостатки внедренных норм процессуального права в этой части и рассмотреть пути их совершенствования.

Состояние исследования. Исследованию понятия «процессуальная форма» посвящены работы, в частности таких ученых: В. Горшенева, П. Недбайло [1], А. Лукьяновой [2], А. Скакун [3]. М. Цвика, А. Петришина [4]. Вопрос «процессуальной формы» в административном судопроизводстве исследовался такими отечественными учеными, как: В. Базов [5], А. Битов [6], С. Кивалов [7], Л. Коваль [8], А. Миколенко [9], В. Перепелюк [10], И. Розум [11], А. Черникова [12] и другими. Однако эти научные исследования были или еще до вступления в силу новой редакции КАС Укра-

ины, или подробно не касались соответствующих изменений.

Целью статьи является исследование правовой категории «форма административного судопроизводства» и видов форм административного судопроизводства с проведением практического и теоретического анализа особенностей производства по административным делам, ответчиками в которых выступают коллегиальные субъекты публичной администрации.

Изложение основного материала. Новая редакция Кодекса административного судопроизводства Украины (далее – КАС Украины, Кодекс) содержит статью 12, положения которой определяют формы административного судопроизводства. Предыдущая редакция этого Кодекса не предусматривала такого

понятия, как «форма административного судопроизводства», и не устанавливала, в порядке каких форм оно осуществляется. Вместе с тем новая редакция КАС Украины не содержит определения понятия «форма административного судопроизводства», но предусматривает и устанавливает назначение таких форм.

Со вступлением в силу новой редакции КАС Украины, в том числе и норм, предусматривающих формы административного судопроизводства, произошли изменения в порядке рассмотрения и разрешения административных дел. Поэтому сегодня такие понятия, как «процессуальная форма», «форма судопроизводства», «форма производства», «форма производства», не могут не привлекать научный интерес.

В. Горшенев и П. Недбайло под процессуальной формой понимали совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса, направленного на достижение определенного материально-правового результата [1, с. 13]. А. Лукьянова определяет процессуальную форму как установленные процессуальным законодательством (правом), основанные на принципах процессуального права, правила процедуры, выполнение которых позволяет наиболее точно и рационально достичь цели процессуальной деятельности [2, с. 102]. По мнению А. Скакун, процессуальная форма – это система однородных юридических средств, действий и операций, определенных в процессуальном законодательстве и предлагаемых участниками юридической деятельности для решения всех вопросов, возникающих в юридическом процессе [3]. В учебнике «Общая теория государства и права», подготовленного под редакцией М. Цвика, А. Петришина, отмечается, что процессуальная форма как научная конструкция раскрывает структурно-технологическую характеристику правовой формы деятельности. Это система предусмотренных процессуальным правом юридических средств, действий и операций, с помощью которых урегулируются вопросы, возникающие в юридическом процессе [4].

Итак, суммируя мнения названных ученых, можно обобщить, что процессуальной формой является система юридических средств, действий и операций, определенных нормами процессуального права, направленных на достиже-

ние определенного материально-правового результата.

А. Миколенко отмечает, что единый подход в рамках теории административного процесса так и не был сформирован относительно понятия «процессуальная форма в административном судопроизводстве» [9, с. 52]. Полностью согласны с позицией данного ученого о том, что это понятие не имеет в юридической науке четкого содержательного определения, а предложенные в специальной литературе формулировки подменяют собой содержание других правовых явлений (например, правовых процедур, процессуальных норм и т.д. [9, с. 55].

В свою очередь новая редакция КАС Украины предусматривает понятие «форма административного судопроизводства», устанавливает назначение таких форм, однако не содержит определения этого понятия, не раскрывает его содержания в положениях, которые определяют сроки.

С. Кивалов указывает, что процессуальная форма деятельности административных судов представляет собой внешнее проявление урегулированных административной процессуальной нормой юридических средств, действий и операций по применению права административными судами в порядке осуществления административного судопроизводства как универсального способа защиты прав, свобод, законных интересов в публично-правовых отношениях путем осуществления производства, в результате которого судом (судьей) выносится (принимается) законное решение, которым закрепляется решение по сути спора о праве [7, с. 12]. Процессуальная форма деятельности административных судов, как указывает А. Битов, представляет собой установленный нормами законодательства об административном судопроизводстве порядок: рассмотрения административным судом соответствующих административных исков (исковых заявлений), возбуждения производства по делу, подготовки дела к судебному разбирательству, рассмотрения и разрешения дел с вынесением соответствующих процессуальных актов, обжалования и пересмотра административно-судебных актов [6, с. 332]. И. Розум отмечает, что административно-процессуальная форма представляет собой единый, унифицированный и четко определенный

нормами административно-процессуального права порядок деятельности административных судов и взаимосвязанной с ней деятельности лиц, участвующих в деле, и других участников административного процесса по рассмотрению и решению публично-правовых споров, который образует урегулированный особый правовой режим производства по административным делам и охватывает гарантии обеспечения первой (административно-процессуальной деятельности), а также процессуальный статус субъектов административного процесса [11].

То есть, учитывая позицию ряда ученых, можем говорить о том, что процессуальная форма деятельности административных судов – это установленный нормами КАС Украины порядок рассмотрения и разрешения административных дел в суде первой инстанции и пересмотра судебных решений, который осуществляется путем определенных производств, с обязательным принятием актов процессуального характера и (или) по существу спора.

В. Перепелюк еще до внедрения в Украине административного судопроизводства детально проанализировал содержание и элементы процессуальной формы административного разбирательства. Так, ученый, со ссылкой на труд Л. Ковалю «Административное право Украины» [8, с. 14], по результатам анализа процессуальных норм к содержанию административного процесса относит следующие элементы: 1) методы административного разбирательства; 2) порядок его ведения; 3) формы (акты) проявления [10, с. 14].

Рассматривая предложенные В. Перепелюком элементы процессуальной формы, А. Миколенко считает, что первый элемент процессуальной формы следует назвать «порядок деятельности субъектов процесса» или «порядок ведения процесса». Ученый удачно подмечает, что данный элемент административной процессуальной формы позволяет проводить различие, во-первых, между процессуальной деятельностью в судах и другой похожей деятельностью в органах публичной администрации (судебный порядок и административный порядок рассмотрения жалоб), во-вторых, между различными видами юридического процесса (порядок рассмотрения публичных споров в рамках администра-

тивного судопроизводства и в рамках конституционного судопроизводства), в-третьих, между различными производствами в пределах одного юридического процесса (например, пересмотр дел в порядке апелляции и пересмотр дел в порядке кассации), в-четвертых, между разными видами одного и того же производства, которые отличаются между собой последовательностью (порядком) процессуальной деятельности (обычное и упрощенное производство в административном судопроизводстве) [9, с. 54].

Из этого делаем вывод, что разница между видами одного и того же производства имеет определенные различия, в частности, она состоит в последовательности (порядка) процессуальной деятельности. Поэтому процессуальная форма в административном судопроизводстве позволяет проводить различие между разными производствами в пределах судебного административного процесса, а также между различными видами одного и того же производства, которые отличаются между собой процессуальным порядком.

Действующие нормы КАС Украины, которые определяют формы административного судопроизводства, устанавливают, что административное судопроизводство осуществляется в порядке искового производства в двух формах: общей или упрощенной. Упрощенная форма административного судопроизводства – это упрощенное искомое производство, предусмотренное для рассмотрения дел незначительной сложности и других дел, для которых приоритетным является быстрое решение дела.

Пункт 20 части первой статьи 4 КАС Украины, которая определяет термины, устанавливает, что административное дело незначительной сложности (незначительное дело) – административное дело, в котором характер спорных правоотношений, предмет доказывания и состав участников и т.д. не требуют проведения подготовительного производства и (или) судебного заседания для полного и всестороннего установления его обстоятельств [13].

Общая форма административного судопроизводства – это общее искомое производство. Оно предназначено для рассмотрения дел, которые из-за сложности или других обстоятельств нецелесообразно рассматривать в упрощенном порядке.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что в соответствии с КАС Украины формами административного судопроизводства в суде первой инстанции являются: 1) общая, которая предусматривает рассмотрение дела по общим правилам искового производства (ч. 3 ст. 12 КАС Украины); 2) упрощенная, которая предусматривает рассмотрение дела по упрощенным правилам искового производства (ч. 2 ст. 12 КАС Украины).

Исследуем, как определяется форма производства в частности по делам, ответчиками в которых являются коллегиальные субъекты публичной администрации.

Условия, при которых суд вправе рассматривать дела в общем или упрощенном искомом производстве, установлены КАС Украины.

Так, форму производства выбирает суд по собственной инициативе или по ходатайству истца. В постановлении об открытии производства по делу суд должен указать выбранную форму производства. При этом в дальнейшем суд может вынести определение о рассмотрении дела по правилам общего искового производства в случае, если после увеличения размера исковых требований или изменения предмета иска дело подлежит рассмотрению по правилам соответствующего производства.

Вместе с тем часть четвертая статьи 12 КАС Украины устанавливает, что исключительно по правилам общего искового производства рассматриваются дела по спорам: 1) по обжалованию нормативно-правовых актов, за исключением случаев, определенных настоящим Кодексом; 2) по обжалованию решений, действий и бездействия субъекта властных полномочий, если истцом также заявлены требования о возмещении вреда, причиненного такими решениями, действиями или бездействием, в сумме, превышающей пятьсот размеров прожиточного минимума для трудоспособных лиц; 3) о принудительном отчуждении земельного участка, других объектов недвижимого имущества, размещенных на нем, по мотивам общественной необходимости; 4) об обжаловании решения субъекта властных полномочий, на основании которого им может быть заявлено требование о взыскании денежных средств в сумме, превышающей пятьсот размеров прожиточного минимума для

трудоспособных лиц; 5) по обжалованию решений Национальной комиссии по реабилитации в правоотношениях, возникших на основании Закона Украины «О реабилитации жертв репрессий коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» [13].

Таким образом, указанные выше категории дел должны рассматриваться исключительно по правилам общего искового производства. Соответствующая норма части четвертой статьи 12 КАС Украины является императивной для суда. Это распространяется и на случаи, когда в таких делах ответчиками являются коллегиальные субъекты публичной администрации.

Раздел II КАС Украины содержит главу 10, в статьях 257-263 которой определяется рассмотрение дел по правилам упрощенного производства.

Так, статья 262 КАС Украины устанавливает особенности рассмотрения дела по правилам упрощенного искового производства. В ней, в частности, предполагается, что рассмотрение дела по правилам упрощенного искового производства осуществляется судом по правилам, установленным настоящим Кодексом для рассмотрения дела по правилам общего искового производства, с особенностями, определенными в этой главе. Рассмотрение дела по существу по правилам упрощенного искового производства начинается с открытия первого судебного заседания. Подготовительное заседание при рассмотрении дела по правилам упрощенного искового производства не проводится. Первое судебное заседание по делу проводится не позднее тридцати дней со дня открытия производства по делу. При рассмотрении дела по правилам упрощенного искового производства суд исследует доказательства и письменные объяснения, изложенные в заявлениях по сути дела, а в случае рассмотрения дела с сообщением (вызовом) участников дела – также заслушивает их устные объяснения. Судебные дебаты не проводятся [13].

Итак, отличие упрощенной формы административного судопроизводства от общего заключается в том, что при первой форме рассмотрение и разрешение судебного дела происходит без предварительного производства, в том числе и без предварительного заседания и не требуется проведения судебного заседания при решении дела по существу.

Отсутствует стадия «судебные дебаты». Рассмотрение и разрешение таких дел может происходить в порядке письменного производства.

Можем отметить, что при упрощенной форме судопроизводства произошли определенные преобразования в порядке рассмотрения дел. В частности, в связи с отсутствием стадии «подготовительного производства дела» и одной из составляющих стадий «судебного рассмотрения дела» – подстадии «судебные дебаты», рассмотрение дела претерпело изменения в сторону сокращения.

В. Базов отмечал, что каждая из форм осуществления административного судопроизводства, которая, в частности, предусматривалась в предыдущей редакции КАС Украины, является определенным институтом искового производства [5, с. 353]. К институту искового производства он относил и письменное производство.

Письменное производство не является формой административного судопроизводства, учитывая действующие нормы процессуального права, однако такая форма производства предусмотрена КАС Украины. Сейчас КАС Украины предусматривает две формы производства, а именно: судебное разбирательство, которое происходит в судебном заседании с участием участников дела устно; письменное производство, когда решение дела (отдельного процессуального вопроса) происходит без участия участников дела на основании имеющихся материалов.

При этом КАС Украины предусматривает вышеперечисленные формы административного судопроизводства, которые, по нашему мнению, являются более широким понятием, чем форма производства. Обе формы производства – судебное разбирательство и письменное производство могут быть применены в обеих формах административного судопроизводства – общем и упрощенном исковом производстве.

Части пятая и шестая статьи 262 КАС Украины устанавливают, что суд рассматривает дело в порядке упрощенного искового производства без уведомления сторон по имеющимся в деле материалам, при отсутствии ходатайства любой из сторон о другом. По ходатайству одной из сторон или по собственной инициативе суда рассмотрение дела проводится в судебном засе-

дании с сообщением (вызовом) сторон. Суд может отказать в удовлетворении ходатайства стороны о рассмотрении дела в судебном заседании с извещением сторон: 1) в случаях, определенных статьей 263 настоящего Кодекса; 2) если характер спорных правоотношений и предмет доказывания по делу незначительной сложности не требуют проведения судебного заседания сообщению сторон для полного и всестороннего установления обстоятельств дела [13].

Статья 263 КАС Украины, которая определяет особенности рассмотрения отдельных категорий дел незначительной сложности, предусматривает перечень дел, которые суд рассматривает по правилам упрощенного искового производства без уведомления участников дела (в письменном производстве).

Следует обратить внимание, что правила рассмотрения дела в порядке письменного производства на практике, учитывая вышеуказанные положения Кодекса, в основном применяются судами при упрощенной форме судопроизводства.

Однако при общей форме судопроизводства решение дела на основании материалов (без участия участников дела) также может происходить, в частности, это закреплено в части девятой статьи 205 КАС Украины. Вместе с тем при упрощенной форме судопроизводства судебное разбирательство с участием участников процесса по отдельным категориям дел, учитывая положения статьи 262 КАС Украины, также может происходить.

При рассмотрении дела по правилам общего производства обязательно проводится подготовительное производство, в рамках которого в каждом случае проводится подготовительное заседание. Подготовительное производство начинается открытием производства по делу и заканчивается его закрытием в случае назначения дела к судебному разбирательству. То есть подготовительное заседание также предусматривает присутствие участников дела.

Кроме того, различие форм производства заключается в сроках рассмотрения дела.

Подготовительное производство должно быть проведено в течение 60 (шестидесяти) дней со дня открытия производства по делу. В исключительных случаях этот срок может быть

продлен не более чем на тридцать дней. В свою очередь суд рассматривает дело по существу в течение 30 (тридцати) дней со дня начала рассмотрения дела по существу. То есть срок рассмотрения административного дела по правилам общего искового производства должен составлять не более 120 (ста двадцати) дней. Дела по правилам упрощенного искового производства суд рассматривает не более 60 (шестидесяти) дней, а дела, определенные частью первой статьи 263 КАС Украины, в срок не более 30 (тридцати) дней со дня открытия производства по делу.

Итак, срок рассмотрения дела по правилам упрощенного искового производства в одном случае должен длиться не более 30 (тридцати) дней, а в другом – не более 60 (шестидесяти) дней, что существенно отличается от сроков в общем исковом производстве.

Согласно части шестой статьи 12 КАС Украины для целей настоящего Кодекса делами незначительной сложности являются дела относительно: 1) принятия граждан на публичную службу, ее прохождения, увольнения с публичной службы, кроме дел, в которых истцами являются должностные лица, которые в значении Закона Украины «О предотвращении коррупции» занимают ответственное и особо ответственное положение; 2) обжалования бездействия субъекта властных полномочий или распорядителя информации о рассмотрении обращения или запроса на информацию; 3) обжалование физических лицами решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий по поводу исчисления, назначения, перерасчета, осуществления, предоставления, получения пенсионных выплат, социальных выплат нетрудоспособным гражданам, выплат по общеобязательному государственному социальному страхованию, выплат и льгот детям войны, других социальных выплат, доплат, социальных услуг, помощи, защиты, льгот; 4) прекращения по обращению субъекта властных полномочий юридических лиц или предпринимательской деятельности физических лиц-предпринимателей в случаях, определенных законом, или отмены государственной регистрации прекращения юридических лиц или предпринимательской деятельности физических лиц-предпринимателей; 5) обжалования

физическими лицами решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий по поводу въезда (выезда) на временно оккупированную территорию; 6) обжалования решения субъекта властных полномочий, на основании которого им может быть заявлено требование о взыскании денежных средств в сумме, не превышающей ста размеров прожиточного минимума для трудоспособных лиц; 7) взыскание денежных сумм, которые основываются на решениях субъекта властных полномочий, в отношении которых завершился установленный этим Кодексом срок обжалования; 8) типичные дела; 9) обжалования нормативно-правовых актов, которые воспроизводят содержание или принятые к исполнению нормативно-правовые акты, признанные судом противоправными и недействительными полностью или в отдельной их части; 10) иные дела, в которых суд приходит к выводу об их незначительной сложности, за исключением дел, которые не могут быть рассмотрены по правилам упрощенного искового производства; 11) пребывания иностранцев или лиц без гражданства на территории Украины [13].

Учитывая пункт 10 части 6 статьи 12 КАС Украины, суд самостоятельно может решить, что дело является незначительной сложности, за исключением дел, перечисленных в части четвертой настоящей статьи, которые рассматриваются исключительно по правилам общего производства.

Принимая во внимание вышеуказанные нормы КАС Украины, трудно не согласиться с выводом С. Кивалова о том, что правовые формы деятельности административных судов целесообразно разделить на процессуальные и организационно-правовые. Ученым процессуальные формы, в свою очередь, разделены на две подгруппы: собственно процессуальные (производство) и процедурные формы. Подгруппу собственно процессуальных форм составляют такие производства: в административном суде первой инстанции и по пересмотру судебных решений. Процедурными формами названы акты, которыми закрепляются действия суда, участников судебного административного процесса, в том числе, и при пересмотре судебных решений. К организационно-правовым формам отнесены, в частности, кадровое обеспечение деятельности судов,

функционирование автоматизированной системы документооборота суда. Организационная деятельность в области административного судопроизводства не всегда реализуется в правовой форме, в отличие от процессуальной и процедурной форм, которые всегда являются правовыми [7, с. 18].

Обращаем внимание на то, что согласно новой редакции КАС Украины правила упрощенного производства в суде первой инстанции применяются при рассмотрении дел о законности (кроме конституционности) постановлений Верховной Рады Украины, указов и распоряжений Президента Украины, законности действий или бездействия Верховной Рады Украины и Президента Украины, а также законности действий или бездействия таких коллегиальных субъектов публичной администрации, как Высший совет правосудия, Высшая квалификационная комиссия судей Украины, квалификационно-дисциплинарная комиссия прокуроров, законности актов этих субъектов. Кроме этого, соответствующая форма административного судопроизводства применяется при рассмотрении образцовых дел. Также она применяется при пересмотре дел в апелляционном и кассационном порядке, при рассмотрении дел по вновь открывшимся или исключительным обстоятельствам.

Таким образом, форма административного судопроизводства, по правилам которого будет рассматриваться и решаться дело, в частности, ответчиками в которых являются коллегиальные субъекты публичной администрации, зависит от предмета и основания иска. То есть следует установить, относится ли она к сложным делам или к делам незначительной сложности, а после этого определиться, по правилам какого судопроизводства она решается.

Однако в некоторых случаях почему-то форма административного судопроизводства зависит от ответчика по делу независимо от предмета и основания иска. Так, в качестве примера возьмем дела об обжаловании нормативно-правовых актов таких коллегиальных субъектов публичной администрации, как орган местного самоуправления – местный совет и орган судебного управления – Высшая квалификационная комиссия судей Украины. Статьи, определяющие особенности производства по таким делам, размещены

в § 1 главы 11 раздела II КАС Украины. Хотя дела об обжаловании нормативно-правовых актов органа местного самоуправления решаются по правилам общего искового производства, а дела об обжаловании нормативно-правовых актов органа судебного управления – по правилам упрощенного искового производства. Подробнее с этой неясностью со ссылкой на соответствующие нормы КАС Украины мы попробуем разобраться ниже.

В апелляционном и кассационном порядке по вновь открывшимся или исключительным обстоятельствам дела, в которых ответчиками являются коллегиальные субъекты публичной администрации пересматриваются только по правилам упрощенного производства. То есть при пересмотре судебных решений административные дела рассматриваются только в порядке упрощенного производства независимо от предмета обжалования и субъектного состава участников.

Более подробно подвергнем анализу отдельные дела об обжаловании актов, действий или бездействия коллегиальных субъектов публичной администрации, в отношении которых возникают дискуссии о ложности законодательного определения формы административного судопроизводства, по правилам которых они должны решаться.

Так, КАС Украины в новой редакции, как и в предыдущей, содержит отдельную статью, которая определяет особенности производства по делам об обжаловании актов, действий или бездействия Верховной Рады Украины (далее – ВР Украины), Президента Украины, Высшего совета правосудия (далее – ВСП), Высшей квалификационной комиссии судей Украины (далее – ВККС Украины), квалификационно-дисциплинарной комиссии прокуроров (далее – КДКП). В частности, такой статьей является статья 266 КАС Украины. В предыдущей редакции это была статья 171-1 настоящего Кодекса. Новая редакция норм, регулирующих особенности производства по этим делам, содержит ряд новелл.

Часть вторая статьи 266 КАС Украины устанавливает, что административные дела, указанные в пунктах 1-3 части первой настоящей статьи, рассматриваются в порядке упрощенного искового производства Верховным Судом в составе коллегии Кассационного административного суда не менее

чем из пяти судей [13]. К ним относятся дела относительно: 1) законности (кроме конституционности) постановлений ВР Украины, указов и распоряжений Президента Украины; 2) законности действий или бездействия ВР Украины, Президента Украины, ВСП, ВККС Украины, КДКП; 3) законности актов ВРУ, ВККС Украины, КДКП.

Кроме Президента Украины, ответчиками по делам данной категории являются коллегиальные субъекты властных полномочий, что само по себе вызывает сложности при рассмотрении дела и исполнении судебных решений. Однако по непонятным причинам соответствующие дела законодателем отнесены к тем, которые рассматриваются по правилам упрощенного производства.

Проблемные вопросы процессуального характера по обжалованию решений коллегиальных субъектов властных полномочий по поводу принятия на публичную службу судей и прокуроров, прохождения и увольнения с нее, имевшие место при предыдущей редакции КАС Украины, по нашему мнению, не решены в новой редакции Кодекса.

Е. Овчаренко отметила, что статистические данные позволяют констатировать неэффективность судебного обжалования актов Высшего совета юстиции (далее – ВСЮ) и ВККС Украины. Такая ситуация вызвана рядом факторов субъективного и объективного характера. К субъективным факторам ученый относит то, что судьи, уполномоченные рассматривать и решать жалобы на действия и бездействие ВСЮ и ВККС Украины, сами могут стать субъектами юридической ответственности [14].

В этом направлении законодательство не претерпело никаких изменений. Судьи Верховного Суда теперь рассматривают и решают дела, ответчиками в которых ВСП и ВККС Украины процессуально остаются не защищенными, лишены процедурных гарантий независимости и неприкосновенности, поскольку сами могут быть проверены этими коллегиальными органами.

ВРП и ВККС Украины являются не только государственными коллегиальными органами, действующими в системе правосудия Украины, но и имеют непосредственное отношение к публичному администрированию в этой сфере. Они являются органами судейского управления, имеют огромное

влияние на каждого судью в стране, а ВСП – и на каждого прокурора.

К объективным факторам Е. Овчаренко относила ограниченность полномочий Высшего административного суда Украины (далее – ВАС Украины) при решении исков относительно ВСЮ и ВККС Украины. Она обращала внимание на то, что ВАС Украины вправе отменить определенный оспариваемый акт ВСЮ или ВККС Украины и обязать восстановить нарушенное право, однако он не в состоянии изменить ситуацию, поскольку не вправе постановить новое решение [14].

Действующие нормы процессуального права также не позволяют суду принять новое решение по результатам рассмотрения дел этой категории, являющиеся ограничением его компетенции. Также суд не обладает полномочиями восстановить нарушенное право путем обязывания соответствующего коллегиального субъекта принять конкретное решение, поскольку это будет считаться вмешательством в его публично-властную управленческую деятельность.

Полномочия суда при решении дел, которые определены в статье 245 новой редакции КАС Украины, расширяют полномочия административных судов по сравнению со статьей 162 КАС Украины, которая определяла полномочия суда в предыдущей редакции настоящего Кодекса. Однако, по нашему мнению, ни положения статьи 245, ни положения статьи 266 действующего КАС Украины не предоставляют суду достаточной компетенции для полной защиты прав и интересов лица по делам этой категории, поскольку восстановление нарушенного права или (и) интереса, учитывая в комплексе названные нормы процессуального права и нормы материального права, закрепленные в законах Украины «О судостроительстве и статусе судей» и «О Высшем совете правосудия» [15; 16], полностью зависит от ответчиков.

Также действующие нормы КАС Украины по рассмотрению дел этой категории имеют ряд несоответствий.

Так, статья 266 КАС Украины входит в § 1 главы 11 раздела II КАС Украины. В этом параграфе содержится статья, определяющие рассмотрение отдельных категорий сложных дел. То есть дела по обжалованию актов, действий или бездействия таких коллегиальных субъектов, как ВР Украины, ВСП, ВККС

Украины, КДКП, являются сложными делами. Однако большинство из них, кроме дел о законности решений Высшего совета правосудия, принятых по результатам рассмотрения жалоб на решения его Дисциплинарных палат, рассматриваются в порядке упрощенного производства, предназначенного для рассмотрения дел незначительной сложности, что, по нашему мнению, является нелогичным.

Как отмечалось выше, часть четвертая статьи 12 КАС Украины устанавливает, что дела по спорам об обжаловании нормативно-правовых актов, за исключением случаев, определенных этим Кодексом, рассматриваются исключительно по правилам общего искового производства.

В свою очередь часть третья статьи 266 КАС Украины предусматривает, что в случае открытия производства по административным делам, определенных частью второй настоящей статьи, по обжалованию нормативно-правовых актов ВСП, ВККС Украины, КДКП, применяются правила, определенные статьями 264 и 265 настоящего Кодекса, с особенностями, определенными этой статьей [13].

Статьи 264, 265 КАС Украины определяют особенности производства по делам об обжаловании нормативно-правовых актов органов исполнительной власти, Верховной Рады Автономной Республики Крым, органов местного самоуправления и других субъектов властных полномочий. Эти административные дела решаются по правилам общего искового производства.

Следовательно, по общему правилу административные дела, в которых предметом обжалования является нормативно-правовой акт, рассматриваются в порядке общего искового производства. Однако дела об обжаловании нормативно-правовых актов таких коллегиальных субъектов публичной администрации, как ВСП, ВККС Украины, КДКП, рассматриваются по правилам упрощенного производства. Это также с нашей точки зрения является нелогичным, поскольку указанные субъекты играют большую роль в системе органов публичной власти Украины.

Другая категория дел, особенности производства которых регулируются статьей 267, также содержится в § 1 главы 11 раздела II КАС Украины,

в частности, по административным искам о принудительном отчуждении земельного участка, других объектов недвижимого имущества, размещенных на нем, по мотивам общественной необходимости, участниками которых тоже могут быть коллегиальные субъекты публичной администрации – органы исполнительной власти и органы местного самоуправления, решаются по правилам общего искового производства.

Таким образом, законодательный орган предусмотрел в порядке упрощенного искового производства рассмотрение административных дел, которые по характеру спорных правоотношений, предмету доказывания и субъектному составу участников всегда относились к категории сложных и вызывали значительный интерес со стороны общества. На наш взгляд, они и сейчас остаются таковыми. При этом законодатель сам их отнес к отдельным категориям сложных дел, включив в § 1 главы 11 раздела II КАС Украины. Следовательно, наличие этих юридических коллизий очевидно, а потребность в их устранении является насущной.

Поэтому предлагается внести изменения в КАС Украины об исключении дел, ответчиками в которых являются органы, установленные статьей 266 КАС Украины, среди которых такие коллегиальные субъекты публичной администрации, как ВСП, ВККС Украины и КДКП, из перечня тех, которые рассматриваются в порядке упрощенного производства.

Кроме этого, следует обратить внимание на то, что рассмотрение дел, которое осуществляется по правилам статей 268-289 (§ 2, глава 11, раздел II) КАС Украины существенно отличается от предусмотренных законом форм административного судопроизводства. Это дела, которые рассматриваются в срочном порядке. Данные административные дела не являются стандартными. Производство у них специфическое. Оно (в классическом понимании) «не вписывается» как в общее исковое производство, так и в упрощенное производство.

Участниками процесса по таким делам могут быть, в том числе, такие коллегиальные субъекты публичной администрации: Центральная избирательная комиссия, а также избирательные комиссии низшего уровня и комиссии по референдуму; органы местного самоуправле-

ния – сельские, поселковые, городские советы, районные и областные советы, районные в городах советы; административные комиссии при исполнительных органах местных советов и прочие.

Нормы статей, содержащихся в § 2 главы 11, предусматривают особенности порядка рассмотрения и разрешения этих дел, а именно особенности уведомления участников дела о времени и месте рассмотрения, особенности подачи заявлений по сути дела, особенности исчисления процессуальных сроков, особенности провозглашения и вручения судебных решений, особенности апелляционного и кассационного обжалования судебных решений и другие особенности.

Это особое рассмотрение административных дел. Поэтому считаем, что статью 12 КАС Украины (и другие связанные статьи) необходимо дополнить положениями, которые бы предусматривали еще одну форму производства – особую. Следовательно, нормы КАС Украины, регулирующие вопросы форм административного судопроизводства, требуют изменений, целью которых должно быть введение «особой формы административного судопроизводства».

Как метко отмечает А. Лукьянова, процессуальная форма – это совокупность правил. Но не каких-либо правил, а правил процедуры. Процедура представляет собой последовательность определенных действий, в данном аспекте она имеет нормативную модель своего развития и направлена на достижение определенных целей (целей процессуального права). Процессуальная форма призвана гарантировать точное достижение цели процессуальной деятельности – выяснение объективной истины по делу [2, с. 100–101].

Выводы. Учитывая изложенное, можем говорить, что удачное определение формы судопроизводства в каждой категории судебных дел является важным условием, что гарантирует достижение цели правосудия. В случае административного судопроизводства, то это справедливое, беспристрастное и своевременное решение судом споров в сфере публично-правовых отношений с целью эффективной защиты прав, свобод и интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц от нарушений со стороны субъектов властных полномочий, в том числе и коллегиальных субъектов публичной админи-

страции. Системный анализ норм КАС Украины, которые определяют формы административного судопроизводства, указывает на то, что они требуют обязательного совершенствования. Поэтому предлагается рассмотреть вопрос о внесении изменений в отечественное законодательство, которые бы устранили коллизии о том, чтобы дела, рассмотрение которых предусмотрено статьями § 1 главы 11 раздела II «Рассмотрение отдельных категорий сложных дел» КАС Украины, осуществлялось по правилам упрощенного производства. Также считаем необходимым дополнить КАС Украины положениями, которые бы предусматривали еще одну форму административного судопроизводства – особую – по делам, рассмотрение которых в настоящее время осуществляется по правилам статей § 2 главы 11 раздела II «Рассмотрение отдельных категорий срочных административных дел» КАС Украины.

Список использованной литературы:

1. Юридическая процессуальная форма (теория и практика) / Под ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М., 1976.
2. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003.
3. Скаун О.Ф. Теорія держави і права: підручник. К.: Алерта; ЦУЛ, 2011. 524 с. С. 489.
4. Загальна теорія держави і права: підручник / М.В. Цвік, О.В. Петришин, Л.В. Авраменко та ін.; за ред. М.В. Цвіка, О.В. Петришина. Х.: Право, 2009. 584 с. С. 402–403.
5. Базов В. Форми провадження в адміністративному судочинстві: питання визначення та класифікації. Право України. 2012. № 1/2. С. 353–361.
6. Бітов А.І. Характеристика процесуальної форми адміністративного судочинства. URL: <https://www.archive.nbuv.gov.ua>
7. Ківалов С.В. Процесуальні форми у діяльності адміністративних судів: правова природа і правове регулювання. Актуальні проблеми держави і права: збірник наук. праць. Вип. 65. НУ «ОЮА», / редкол. С.В. Ківалов (голов. ред.) та ін., відп. за вип. В.М. Дрьомін. Одеса: Юрид. л-ра, 2012. С. 7–20.
8. Коваль Л. Адміністративне право України. К., 1994. 208 с.

9. Миколенко О.І. Процесуальна форма в адміністративному судочинстві та проблеми законотворчості в Україні. Правова держава. 2018. № 29. С. 50–57.

10. Перепелюк В.Г. Адміністративний процес. Загальна частина: навчальний посібник. Чернівці: Рута, 2003. 367 с.

11. Розум І.О. Теоретичні проблеми площини визначення поняття адміністративно-процесуальної форми. URL: <http://law.nau.edu.ua>

12. Черникова А. Проблемні питання диференціації процесуальної форми адміністративного судочинства України та шляхи їх вирішення. Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. 2016. № 3. С. 57–64.

13. Кодекс адміністративного судочинства України від 6 лип. 2005 р. № 2747-IV. URL: <http://www.ligazakon.ua>

14. Овчаренко О.М. Проблеми оскарження рішень Вищої кваліфікаційної комісії суддів України та Вищої ради юстиції щодо притягнення суддів до юридичної відповідальності. Проблеми законності. 2013. № 122. С. 196–206.

15. Закон України «Про судоустрій і статус суддів» від 02 черв. 2016 року № 1402-VIII. URL: <http://www.ligazakon.ua>

16. Закон України «Про Вищу раду правосуддя» від 21 груд. 2016 року № 1798-VIII. URL: <http://www.ligazakon.ua>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цвиркун Юрий Иванович – кандидат юридических наук, соискатель кафедры административного и хозяйственного права Запорожского национального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsvirkun Yuriy Ivanovich – PhD in Law, Applicant at the Department of Administrative and Business Law of Zaporizhzhya National University

УДК 349.4

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ПОД ВОДНЫМИ ОБЪЕКТАМИ ДЛЯ РЫБОРАЗВЕДЕНИЯ

Антон ЧЕПАК,

соискатель кафедры земельного и аграрного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется сущность и осуществляется классификация видов использования земельных участков под водными объектами для нужд рыборазведения. Анализируется правовая регламентация деятельности субъектов выпасной, прудовой и индустриальной аквакультуры. Обосновывается, что основой классификации видов использования земельных участков под водными объектами для рыборазведения могут выступать такие критерии, как цель, направления и виды деятельности субъектов аквакультуры, социальное значение проводимой деятельности, виды водных объектов, распространение субъективного права на природные ресурсы и тому подобное.

Ключевые слова: земельный участок, аквакультура, выпасная аквакультура, прудовая аквакультура, индустриальная аквакультура, земельные правоотношения, водный объект, рыборазведение.

PECULIARITIES OF CLASSIFICATION OF TYPES OF USE OF LAND PLOTS UNDER WATER OBJECTS FOR FISHERING

Anton CHEPAK,

Applicant at the Department of Land and Agrarian Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article explores the essence and classifies the use of land under water objects for the needs of fish farming. The legal regulation of the activity of the subjects of grazing, pond and industrial aquaculture is analyzed. It is substantiated that such criteria as the purpose, directions and types of activity of aquaculture entities, the social significance of the activities carried out, the types of water bodies, the dissemination of the subjective right to natural resources and the like can serve as the basis for classifying the uses of land plots under water objects for fish farming.

Key words: land, aquaculture, grazing aquaculture, pond aquaculture, industrial aquaculture, land legal relations, water body, fish farming.

Постановка проблемы. С принятием Закона Украины «Об аквакультуре» в сентябре 2012 года в науке земельного и аграрного права начали появляться научные разработки, посвященные определению правового положения субъектов аквакультуры, правовым основаниям использования ими природных ресурсов при осуществлении хозяйственной деятельности, установлению правового режима искусственных и естественных водоемов, используемых для осуществления аквакультуры и некоторые другие. Однако до сих пор в юридической литературе отсутствуют специальные

комплексные научные исследования правового регулирования использования земельных участков под водными объектами для рыборазведения.

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития земельных общественных отношений прослеживается четкая направленность на образование новых форм взаимодействия субъектов хозяйствования, поиск новых моделей ведения предпринимательства и новых форм хозяйствования в сельском хозяйстве, все большую значимость в условиях рыночной экономики приобретают отношения частной сферы. При таких

обстоятельствах необходима разработка новых средств правового воздействия на поведение субъектов данных отношений и поиск новых механизмов их регулирования.

Состояние исследования. Стоит заметить, что законодательство в сфере использования земельных участков под водными объектами для рыборазведения находится на этапе своего становления. Дальнейшее совершенствование правовой регламентации общественных отношений в указанной сфере, а также выявление пробелов действующего законодательства возможно при осуществлении классификации различных правовых форм использования земельных участков под водными объектами для рыборазведения.

Общие правовые основы использования указанных природных объектов в разное время становились объектом исследований таких учёных в области экологического и земельного права, как: А.Г. Бобкова, О.А. Овчаренко, А.П. Гетьман, В.И. Гордеев, И.И. Каракаш, Т.А. Коваленко, М.В. Краснова, П.Ф. Кулинич, А.Н. Мирошниченко, В.В. Носик, М.К. Черкашина, Ю.С. Шемшученко, М.В. Шульга и др. Впрочем до сих пор в юридической науке не проводилось специального исследования классификации видов использования земельных участков под водными объектами для целей рыборазведения.

Цель статьи – установить критерии и на их основании осуществить классификацию видов использования земельных участков под водными объектами, а также выяснить значение соответствующей классификации для дальнейшего развития общественных отношений в сфере осуществления аквакультуры.

Изложение основного материала. В классической теории права под классификацией обычно понимают распределение исследуемых объектов или явлений по видам на основе определённых критериев (общих признаков). Классификация позволяет, во-первых, определить место каждого вида объектов в правовой системе; во-вторых, установить границы исследуемого объекта или явления в системе общественных отношений; в-третьих, выяснить роль каждого вида объектов (явлений) в правовом регулировании обществен-

ных отношений; в-четвёртых, усовершенствовать правотворческую и правоприменительную деятельность соответствующих государственных органов [1, с. 166]. Кроме того, классификация даёт возможность при определении её критериев выявить новые черты, качественные свойства предмета или явления [1, с. 166].

Избрание критерия является ключевым для построения любой системы классификации. Правильный выбор критериев классификации имеет большое значение для осуществления разделения правовых явлений, их научного определения, внесения рекомендательных предложений по совершенствованию существующих механизмов правового регулирования, а также разработки принципиально новых положений, которые пока не нашли своего отражения в законодательстве [2, с. 36].

На основе общетеоретической трактовки и исследования значения классификации правовых объектов и явлений базируется классификация видов использования земельных участков под водными объектами для рыборазведения. В зависимости от выбранного критерия классификации можно выявить характерные черты, присущие каждому из видов такой деятельности. Её сущностью выступает деятельность специальных субъектов – сельскохозяйственных товаропроизводителей, направленная на целевое использование комплексного природного объекта с целью производства сельскохозяйственной продукции рыбоводства. Поэтому основным объектом классификации должна выступать именно деятельность хозяйствующих субъектов в этой сфере.

Так, в зависимости от цели, согласно которой субъекты хозяйствования внедряют свою деятельность, целесообразно выделить следующие виды использования земельных участков и расположенных на них рыбохозяйственных водных объектов с целью: а) производства товарной продукции аквакультуры и её дальнейшей реализации; б) искусственного разведения (воспроизведения), выращивания водных биоресурсов; в) предоставления рекреационных услуг для оздоровления, отдыха, экологического воспитания населения.

При этом производство товарной продукции аквакультуры имеет все признаки предпринимательской деятельности, а искусственное разведение и выращивание, а также предоставление рекреационных услуг при использовании таких объектов может осуществляться без цели получения прибыли.

Общие принципы правового регулирования отношений в сфере использования земельных участков под водными объектами для нужд аквакультуры определяются Земельным кодексом Украины [3], Водным кодексом Украины [4], Законами Украины «Про аквакультуру» [5], «О рыбном хозяйстве, промышленном рыболовстве и охране водных биоресурсов» [6] и т. д. Разнообразие направлений и видов деятельности субъектов аквакультуры, как следует из содержания норм указанных правовых актов, предусматривает выделение следующих её видов: 1) выпасная, 2) прудовая, 3) индустриальная.

Для осуществления прудовой аквакультуры используются рыбохозяйственные технологические водоёмы, русловые, балочные и одамбованные рыбоводческие ставки, искусственно отделённые от материнских водных объектов (их частей), обводненные торфяные карьеры в условиях рыбоводческих хозяйств (рыбопитомники, нерестово-выростные, товарные, полносистемные хозяйства). Прудовая и индустриальная аквакультура предусматривает выращивание объектов аквакультуры в искусственно созданных, полностью или частично контролируемых условиях с использованием полуинтенсивной и интенсивной форм аквакультуры. Для осуществления выпасной аквакультуры используются рыбохозяйственные водные объекты (их части), рыбохозяйственные технологические водоёмы при этом не используются. Выпасная аквакультура осуществляется по экстенсивной форме при отсутствии негативного воздействия на окружающую среду. Для осуществления индустриальной аквакультуры, в том числе марикультуры, используются рыбоводческие бассейны, рыбоводческие сады, аквариумы, а также части водных объектов с применением специальных технологических устройств – плавучих садов,

коллекторов для моллюсков, установок замкнутого водоснабжения и тому подобное. Таким образом, осуществление прудовой и выпасной аквакультуры невозможно без использования земельного участка под рыбохозяйственным водным объектом. В свою очередь осуществление индустриальной аквакультуры не предусматривает оформления права на использование земельного участка. Такой вид деятельности внедряется только с использованием акватории водного объекта.

Другим критерием классификации является социальное значение проводимой деятельности. Так, деятельность физических и частных юридических лиц по рыборазведению осуществляется с целью удовлетворения интересов этих субъектов. А государственные и коммунальные рыбохозяйственные предприятия, учреждения и организации осуществляют аквакультуру с целью удовлетворения общественных потребностей.

По этому поводу в юридической литературе отмечается, что деятельность юридических лиц публичного права имеет общее, общественное значение, и именно они нуждаются в установке специального правового режима и поддержки со стороны государства. Существование таких субъектов обусловлено и вызвано потребностями общества [7].

Поскольку деятельность по рыборазведению осуществляется при условии использования рыбохозяйственного водного объекта, это вызывает необходимость проведения классификации в зависимости от вида водного объекта. Указанный критерий классификации предусматривает выделение следующих её видов: а) использование земельных участков под водными объектами общегосударственного значения; б) использование земельных участков под рыбохозяйственными водными объектами местного значения.

В качестве отдельного критерия классификации деятельности по рыборазведению целесообразно привести распространение субъективного права на природные ресурсы (земельные участки под водным пространством и водные объекты). Так, в Законе Украины «Об аквакультуре» предусмотрено, что субъекты аквакультуры могут

использовать для внедрения своей деятельности земельные участки водного фонда, рыбохозяйственные водные объекты или их части. Однако возможность оформления права на земельный участок под водным объектом для рыборазведения законодательно ограничивается случаями, когда в собственности или на условиях аренды субъекту предоставляется целостный запертый рыбохозяйственный водоём (естественный или искусственно созданный). Что касается водотоков, водоёмов общегосударственного значения, акваторий внутренних морских вод, территориального моря, исключительной (морской) экономической зоны Украины, то их использование для целей аквакультуры возможно лишь при условии оформления права пользования их части.

В случае же оформления права на часть рыбохозяйственного водного объекта его границы определяются координатами отведённой акватории, а отвод земельного участка под водным пространством и установление его границ в натуре (на местности) не осуществляются. При этом субъектам аквакультуры для обеспечения хозяйственной деятельности по рыборазведению ст. 14 Закона «Об аквакультуре» гарантирует право пользования земельными участками суши, прилегающими к таким водным объектам.

Использование комплексных природных объектов для рыборазведения можно классифицировать также в зависимости от правового титула, на основании которого используется земельный участок, ведь права и обязанности собственников земельных участков существенно отличаются от прав и обязанностей постоянных землепользователей и арендаторов земли. По названным критериям следует выделять такие виды использования рыбохозяйственных водных объектов и земельных участков под ними: а) использование, осуществляемое на титуле права собственности; б) использование, которое осуществляется на праве постоянного землепользования; в) использование на условиях аренды.

Согласно ст. 59 Земельного кодекса Украины возможность возникновения права собственности на указанные природные объекты предусмотрена только для граждан и частных юридических

лиц Украины. Объектами такого права могут выступать замкнутые естественные водоёмы общей площадью до 3 гектаров и земельные участки под ними, а также искусственно созданные рыбохозяйственные водные объекты в пределах земельных участков, принадлежащих этим субъектам на праве собственности.

На праве постоянного землепользования земельные участки с расположенными на них рыбохозяйственными водными объектами могут предоставляться государственным и коммунальным рыбохозяйственным предприятиям, учреждениям и организациям. Право использования земельных участков под рыбохозяйственными водными объектами на условиях аренды предусмотрено для всех категорий субъектов, внедряющих деятельность по рыборазведению.

С учётом оснований возникновения права собственности на земельный участок под рыбохозяйственным водным объектом стоит выделять следующие его виды: а) право собственности, возникающее при передаче водоёма и земельного участка под ним из государственной или коммунальной собственности в частную; б) право собственности, возникающее в случае создания нового водного объекта на собственном земельном участке; в) в случае приобретения водного объекта, который уже находится в частной собственности; г) право собственности, возникающее при получении наследства.

Стоит заметить, что юридический факт, на основании которого указанные природные объекты приобретаются в собственность, никоим образом не влияет на режим их дальнейшей эксплуатации. Требования по рациональному использованию и охране этих природных объектов определены законодательством независимо от основания возникновения права собственности или правового статуса субъекта, который приобрёл такое право. Кроме того, важным законодательным условием оформления права собственности на земельный участок из рыбохозяйственных водоёмов является расположение таких водоёмов на территории одного земельного участка.

Выводы. На основании проведённого исследования можно утверждать,

что основой классификации видов использования земельных участков под водными объектами для рыбопроизводства могут выступать следующие критерии: 1) цель, согласно которой субъекты хозяйствования внедряют свою деятельность; 2) направления и виды деятельности субъектов аквакультуры; 3) социальное значение проводимой деятельности; 4) вид водного объекта, используемого при осуществлении хозяйственной деятельности по рыбопроизводению; 5) распространение субъективного права на природные ресурсы (земельные участки под водным пространством и водные объекты) 6) правовой титул, на основании которого используется земельный участок под рыбохозяйственным водным объектом; 7) основания возникновения права собственности на земельный участок под рыбохозяйственным водным объектом.

Стоит отметить, что предложенная классификация не исчерпывает всех возможных видов использования земельных участков под водными объектами для рыбопроизводства. Существуют и другие критерии классификации: а) в зависимости от организационно-правовой формы предприятия; б) в зависимости от вида права

пользования земельным участком; в) по методам правового регулирования общественных отношений в данной сфере и др. Изложенное дает основание для вывода, что осуществление классификации видов использования земельных участков под водными объектами для рыбопроизводства позволяет систематизировать всю совокупность существующей информации в этой сфере, а также создает основу для дальнейших научных исследований.

Список использованной литературы:

1. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб-метод. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юристъ, 1997. 197 с.

2. Черкашина М.К. Юридичні гарантії права природокористування: монограф. / за ред. проф. А.П. Гетьмана. Харків: Видавництво «ФІНН», 2010. 176 с.

3. Земельний кодекс України від 25.10.2001 р. № 2768-III. Відомості Верховної Ради України. 2002. № 3–4. Ст. 27.

4. Водний кодекс України від 06.06.1995 р. № 213/95-ВР. Відомості

Верховної Ради України. 1995. № 24. Ст. 189.

5. Про аквакультуру: Закон України від 18.09.2012 р. № 5293-VI. Відомості Верховної Ради України. 2013. № 43. Ст. 616.

6. Про рибне господарство, промислову рибальство та охорону водних біоресурсів: Закон України від 08.07.2011 р. № 3677-VI. Відомості Верховної Ради України. 2012. № 17. Ст. 155.

7. Воронюк О.О. Критерії класифікації юридичних осіб. Університетські наукові записки. 2008. № 3. С. 129–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чепак Антон Александрович – соискатель кафедры земельного и аграрного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chepak Anton Aleksandrovich – Applicant at the Department of Land and Agrarian Law of Yaroslav Mudryi National Law University

notmakapehc@gmail.com

NOTIȚE